

A decorative border in a dark, stylized, calligraphic font frames the entire page. It features intricate swirls and loops at the corners and along the sides.

ЕГОР
ИВАНОВ

НЕГРОМКИЙ
ВЫСТРЕЛ

**ЕГОР
ИВАНОВ**

НЕГРОМКИЙ ВЫСТРЕЛ

РОМАН-ХРОНИКА

**МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1977**

**Р2
И20**

Художник Геннадий Метченко

И $\frac{70302-327}{078(02) - 77}$ Без объявл.

© Издательство «Молодая гвардия», 1977 г.

ПРОЛОГ

Веселое, но еще не горячее весеннее солнце поднималось над Санкт-Петербургом, заглянув предварительно во все уголки обширных пределов Российской империи. Одинаково безразлично оно дарило лучами на своем долгом пути хибарки крестьян, бараки рабочих, усадьбы помещиков, дворцы знати, посылало свет и тепло деревенькам и заштатным городишкам, аулам и хуторам, фабричным центрам и двум столицам — полудеревянной, полуспящей Москве и каменному, хладнокровному Петербургу.

Ночь отходила, под беспощадным солнечным весенним светом снова и снова обнажались нищета и крикливое богатство, лохмотья крестьянина, бредущего в город на заработки, и сияние эполет гвардейского офицера, летящего на лихаче в модный ресторан, сонная одурь купеческих лабазов и прокопченная убогость казарм, где ютился рабочий люд.

Вместе с восходом солнца вся Россия поднималась ото сна, истово крестилась или возносила иную, иноверческую молитву и принималась варить металл и ткать льны и ситцы, строить и торговать, валить лес и печь хлеб, заниматься тысячью других дел, имя которым — труд. Лишь малая толика подданных необъятной империи не видела, как поднимается солнце. Это были те, кто жил чужим трудом, проводил свои дни в единствен-

ной заботе — как бы украсить и скоротать свое время, порезвиться с подобными себе бездельниками или сделать вид занятости на государственной службе. Они отдыхали до полудня для того, чтобы за полночь устать от развлечений.

Всю многомиллионную массу трудовых людей и миллион их захребетников охраняла от «врагов внешних» российская императорская армия, которую господа предназначили еще и для защиты самих себя от «врагов внутренних», то есть от лучших среди тех, кто трудился от зари до зари.

Приспешники царя, свора великих князей и прибалтийских баронов, занявшие в армии почти все важнейшие посты, пытались взрастить в российском воинстве повиновение без рассуждений, слепое исполнение команд «патронов не жалеть!».

Но и в армии солнце свободы проникало все дальше и дальше во все темные уголки, беспощадно высвечивало пороки и безобразия, обнажало трухлявые сваи и подпорки самодержавного строя.

В начале века далеко не все подданные Российской империи могли видеть путеводную звезду революции. Но таких людей день ото дня становилось все меньше и меньше.

...Веселое, но еще не горячее весеннее солнце поднималось над Санкт-Петербургом.

Грива, мягкая и волнистая от природы, была уже расчесана. Большие глаза на чистой, изящной и прямых линий голове смотрели ласково на солдата. Искра и сама знала, что красива, а теперь по обхождению начинала понимать, что сегодня ее ждет что-то необычное...

Соколов кликнул подле своего дома извозчика. Ему казалось, что все людские потоки, стремившиеся в этот час по улицам, тянутся только в одну сторону — туда же, куда спешит и он, — к Михайловскому манежу.

На солнце уже пахло весной, радостно искрились сосульки. Толпы гуляющих по Невскому обтекали черных бронзовых коней и античных возничих на Аничковом мосту. Шум города складывался на проспекте из гомона толпы, цоканья лошадиных копыт по торцам мостовых, шелеста шин-«дутиков» и полозьев саней, фыркания моторов редких авто, треньканья трамваев. Внезапно симфония города дополнилась звуками труб — это на катке возле Симеоновского моста трубачи заиграли матчиш.

Алексей Алексеевич и раньше живал подолгу в Петербурге, в том числе и во времена учебы в Академии Генерального штаба, куда он вышел из Митавского гусарского полка. Теперь же, когда он вновь сделался столичным жителем, виды прекрасного города будили в его душе отголоски сладкой тоски, несбыточных мечтаний о душевной гармонии.

Гусарская служба оставила на Соколове неизгладимый след. Хотя он и был по природе веселым и живым человеком, серьезным, когда того требовала служба и обстоятельства, лихим наездником и неутомимым спортсменом, красивый гусарский доломан накладывал на него отпечаток какого-то внешнего легкомыслия, которого на самом деле в нем и не было. Зная это, Соколов все-таки часто надевал именно полковую форму, особенно когда хотел по какой-либо причине произвести на собеседника впечатление рубахи-гусара.

Теперь Соколов с любопытством разглядывал и нарядную толпу, и витрины магазинов, и дома, и дворцы. Он с удивлением отметил для себя, что почти ничего не изменилось здесь, в столице, за те годы, что он служил в Киеве. Так же розовел на набережной Фонтанки дом министерства Двора, а над ним рисовался в синем небе четкий силуэт Аничкова дворца. Направо, вдали, за жел-

тым цирком Чинизелли, местом любимых субботних развлечений петербургской знати, чернели деревья Летнего сада. На афишных зеленых будках повсюду на Невском были наклеены листы, уведомляющие публику, что «в Михайловском манеже сегодня состоится выдающийся конкур-иппик», венцом коего будет приз высочайшего покровителя Общества любителей конного спорта.

В зеркальных окнах часового магазина Винтера сверкали на солнце золотые и серебряные диски карманных луковиц, солидно поблескивала латунь салонных, библиотечных и иных механизмов.

На углу движение остановила белая палочка городского, пропускавшего поток саней и трамваев на Владимирский и Литейный. Пока стояли в толпе повозок, Соколов разглядывал пестрые вывески и витрины. Он задержал взгляд на низком входе в магазин Черепенникова, где за стеклами красовались горы апельсинов, яблок, винограда, полуящики с пастилами, финиками, изюмом, мармеладом и прочими сладостями.

«Ну и духовито там внутри, у Черепенникова!» — подумалось Соколову и захотелось зайти, но городской взмахнул палочкой, лошадь дернула сани, повинувшись кучеру. Соколов откинулся на кожаную подушку. Мысли его снова устремились к ристалищу. Ему очень не хотелось отстать в состязании с петербургскими франтами. Он задумал свое участие в скачках как противоборство. От имени всех скромных провинциальных кавалерийских офицеров, тянущих суровую и нудную лямку гарнизонной службы, единственной достойной утехой на которой он считал конный спорт, Соколов мысленно бросал вызов чопорной и изнеженной столичной аристократии, тем, для кого манеж был всего лишь способом убить время между балом и караулом во дворце.

В боевом настроении Соколов подъехал к высоким задним воротам Михайловского манежа. Он легко выпрыгнул из саней, щедро дал на чай извозчику и, стараясь не запачкать блестящих сапог, перешел через натоптанный и грязный снег у входа.

Внутри после яркого дня было сумрачно и пахло сыростью. В предманежном дворике громоздились станки для лошадей. Высокая дощатая стена, отгораживая тесное пространство, служила одновременно задней стенкой трибун. Сверху с нее свешивались гирлянды елок.

Здесь уже создалась толчея из солдат, вахмистров кавалерийских полков, офицеров, штатских наездников в жакетах и цилиндрах, лошадей.

Сразу от входа Соколов скорее угадал, чем увидел золотистую гриву своей Искры. Он подошел к ней, ласково погладил по выгнутой шее. В ответ Искра потянулась к нему серыми концами губ. Соколов достал кусок сахара и почувствовал, как шершавая нежная губа осторожно смахнула угощение.

— Кобылка тоже волнуется, ваше благородие, — обратился к нему востовой Иван, такой же страстный лошадиник, как и барин. — Во, смотрите, ваше благородие, Алексей Алексеевич! Сначала кровь у нее к сердцу прилила и стала шерсть мутной, а сама Искорка побледнела вся, а теперь, смотрите, все жилки налились на ногах и боках! У-ух, попрыгунья!

Соколов огляделся. Вокруг так же, как и его Иван, хлопотали солдаты, вахмистры. Блестели погоны офицеров. Красных, голубых и белых военных фуражек было заметно больше, чем штатских цилиндров.

Кое-где возвышались над толпой кавалергардские каски с привинченными по-парадному серебряными двуглавыми орлами на макушке, которых вся кавалерия называла почему-то «голубками».

Изредка змеились над головами кирасирские гарды из черного конского волоса, ниспадавшие с касок.

Весь цвет спортсменов 1-й и 2-й гвардейских кавалерийских дивизий собрался сегодня в предманежнике. Кавалергарды, конногвардейцы, кирасиры, лейб-казаки и атаманцы, конногренадеры, уланы, драгуны и царско-сельские гусары — все они знали друг друга, были на «ты» и высокомерно оглядывали штатских наездников, решивших помериться силами с ними — элитой русской кавалерии. На Соколова они смотрели удивленно, отчужденно поднимая бровь в немом вопросе: «А это что еще за явление?!»

В груди Соколова закипал глухой протест против всех этих выхоленных и отутюженных барчуков, их холодных глаз, обращенных на его скромный мундир провинциального гусарского полка, на серебряный значок Академии Генерального штаба. Среди чужих лиц мелькало несколько знакомых, но не менее чуждых от того,

что Соколов встречал этих людей в бытность свою в академии и по неписаному закону мог бы обратиться к ним на «ты».

Он взглянул на свои часы-луковицу: до старта оставалось еще порядочно времени. Чтобы не поддаться чувству злости, Соколов решил посмотреть на ристалище сверху, от трибун, и поднялся по ступенькам на деревянный помост узкого коридорчика, огибавшего овальную арку манежа. Стена направо была разбита на маленькие квадратики лож, стена слева разлинована боковыми трибунами. Косые лучи низкого весеннего солнца пробились через переплеты окон и золотили верхние места лож справа. Столбы радужной пыли от лучей стояли в туманном воздухе манежа. Перед царской ложей, на крытом зеленым сукном столе, полковник в серебряных адъютантских эполетах и аксельбантах представлял призы — серебряные кубки вычурной работы. Штатский в каракулевой шляпе раскладывал для судей беленькие афишки с именами участников. Здесь же, на тонких полосатых, как шлагбаум, столбах, блестел сигнальный колокол.

У большого перепончатого, словно крыло стрекозы, окна в углу залы трубачи офицерской кавалерийской школы, в черных доломанах, сшитых по гусарскому образцу, но с желтым широким басоном, укрепляли пюпитры и пробовали свои инструменты.

Парадные ворота для публики, с колоннами и тамбуром, не закрывались, впуская вместе с толпой морозный воздух. Напротив входа чернели ущельем другие ворота и проход в манеж, где человек двадцать рабочих в красных рубахах и казаки лейб-гвардии полка в красных чекменях стояли у тяжелых барьеров и легких белых реек, дожидаясь команды ставить их на поле. Там же, чуть отступя от них, лицом к полю сгрудилась солдатская аристократия гвардейских полков — подпрапорщики, усатые и раскормленные вахмистры. Соколов оглядел залу манежа, толпу зрителей у вешалок. Яркими пятнами праздничных весенних туалетов выделялось много дам и девиц. Ложи начинали заполняться. Алексей оборотился назад.

В предманежнике было уже яблоку негде упасть. Солдаты-вестовые еще быстрее двигались возле лошадей, замывая и зачищая ноги, перебинтовывая их, осматривая и поправляя седловку.

Искра издалека увидела Соколова и тихо заржала. Он протолкался к лошади.

— Вот ведь, обрадовалась увидеть своего человека! — сказал Иван. — Я, ваше благородие, с кавалергардским вахмистром за вас и за нее парей держал! Он — за своего ротмистра, а я за вас!

— Спасибо, Иван! — ответил на доверительность признания Соколов и стал проверять подпругу и седло.

Загремели трубачи. Эхо басов и геликонов возвращалось от стен, путая и делая неузнаваемой мелодию. Все свободные места на трибунах и многие кресла лож были уже заполнены. Последние парижские туалеты и только что привезенные из Ниццы корзины цветов радугой переливались в ложах. Резко и звонко, покрывая гомон зрителей, зазвонил колокол. Улан с перевязью распорядителя вошел в предманежник, басовито крикнул:

— Господа, начинаем премировку, прошу садиться...

Соколов перекрестился и по-жокейски, не касаясь стремян, прыгнул в седло. Серые дощатые ворота в стене распахнулись, трубачи кавалерийской школы грянули «рысь», всадники чинно, по номерам, заранее розданным, стали выезжать в манеж.

Посреди него уже стояли члены жюри — сухой и желчный барон Неттельгорст, командир лейб-гвардии казачьего полка; отставной кавалергард, граф Шереметев; стройный, как юный прапорщик, с тонкими и длинными «кавалерийскими» усами генерал-адъютант и георгиевский кавалер Струков; давешний улан-распорядитель и неизвестный Соколову штатский в цилиндре и длинном черном сюртуке.

Первым на вывозном из Англии гунтере — крупной охотничьей лошади выехал конногренадер с погонами ротмистра. Он едва справлялся со своим гнедым. Хвост у жеребца был коротко обрублен и все время подергивался, а гривы не было вообще. Гнедой шел тяжело, болтая плоскими копытами. Массивный всадник возвышался над крупной лошадей, и его локти были по-спортсменски манерно расставлены в стороны. Соколов подумал, что именно против этого гунтера поставил свой рубль Иван.

Вторым шел вороной белоногий жеребец, хозяина которого шапочно знал Соколов. Коня, хотя он и был отпрыском арабского Искандера, звали, нарушая традицию, по-европейски Лорд-Иксом. На нем выступал ка-

валергард граф Кляйнмихель, поступавший в академию в одной группе с Соколовым, но провалившийся на экзаменах. Граф был хотя и кавалергард, но шуплого телосложения. Отпечаток всех мыслимых пороков покоился на его бледном лице. Но в седле он держался хорошо.

Идти третьим жребий выпал Алексею Алексеевичу. Искра волновалась. Она прижимала тонкие, красиво обрезанные уши, обнажала белизну зубов, морща губу под храпками. Волнение словно подстегивало ее, и она едва касалась ногами пола манежа, отделяя левую переднюю от земли раньше, чем правая задняя опиралась о пол. Все лошади шли строевой рысью. Соколов мерно поднимался и опускался в такт музыке, его мягкие удары о седло усиливали ритмичность движения лошади. Казалось, Искра танцует по воздуху. Ее хвост шлейфом был откинут назад, мягкая челка разделилась на две прядки. Даже рядом с изящным вороным жеребцом она казалась утонченной красавицей. Впереди тяжело скакал гунтер.

Взоры всех зрителей были прикованы к Искре, и Соколов слышал, как на обеих сторонах манежа — на трибунах, где собралась простая публика, и в ложах по левую руку, — раздавались возгласы:

— Браво, красавица! Какая славная лошадь!

Иван, протиснувшийся в проходе почти до самого манежа, с восторгом смотрел на свою любимицу.

— Шагом! — скомандовал генерал Струков, и всадники прошли еще полный круг шагом.

Когда они покинули арену, среди судей разгорелся спор.

— Ваше превосходительство, — сказал улан-распорядитель, — можно кончать и раздать призы за экстерьер так, как они шли...

— Что вы! — возмутился Струков. — Этого тяжеловесного гунтера вы хотите поставить выше русских лошадей!

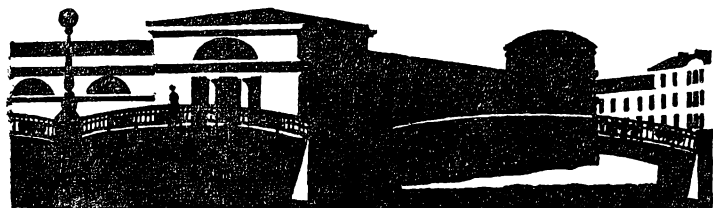
— Но ведь и у графа не военная лошадь. У нее трудный рот и ноги не совсем сухие... — вмешался в разговор граф Шереметев.

— Я би аух не доваль первый и фторой мест этим лошадь! — решительно заявил барон Неттельгорст, понимавший толк в хороших лошадях. Его слово решило

спор в пользу Искры. Генерал сделал знак на вышку — ударили в колокол.

Всадники покинули манеж, а затем трех премированных лошадей вызвали на арену. Теперь у них под ушами уже были привязаны к оголовьям банты из розовых у Искры, голубых у вороного и гунтера лент.

Трубачи заиграли туш, и три всадника провели лошадей галопом. Снова ударил колокол. Радостный, но настроенный на более серьезную борьбу, Соколов вместе с возбужденной Искрой покинули манеж.

2. Петербург, март 1912 года

Артель рабочих в красных рубахах дружно выбежала на арену устанавливать препятствия. Зрители зашевелились, многие покинули свои места и пестрой толпой двинулись вдоль лож, разглядывая светских красавиц и их парижские модные новинки, переговариваясь со знакомыми, раскланиваясь и улыбаясь. Трубачи гремели модные мотивы, праздник был в самом разгаре.

Между тем все четырнадцать повышенной трудности препятствий заняли свои места. Из них самое высокое на вид и неприступное — кирпичная стенка высотой в два аршина и шесть вершков — называлось в кавалерийском просторечии «гроб» и иногда вполне оправдывало свое название. Остальные были из бревен, но поверх каждого из них, в том числе и стенки, укладывались на легких шестах белые рейки, которые сваливались от малейшего прикосновения копыт.

На скачку записалось шестнадцать лучших наездников Петербурга. Все знали, как трудны препятствия конкур-иппика: неизбежны были падения, переломы рук, ног, а то и более страшные увечья. Доктор и фельдшера 2-й гвардейской дивизии были наготове.

Музыка затихла, зрители постепенно заняли свои места, в воздухе установилось то самое напряжение, которое бывает в цирке во время особенно опасного номера.

Призом победителю был не только огромный серебряный кубок, учрежденный высочайшим покровителем Общества любителей конного спорта, но и изрядная сумма денег от клуба.

Жребий бросал тот самый офицер-улан, что выступал распорядителем. Соколов никого из соперников не знал, и они смотрели на него как на чужака. Алексею показалось, что все обрадовались, когда ему выпал тринадцатый номер. Он не был суеверным и не боялся «несчастливой» цифры, однако опасался, что Искра переволнуется и «перегорит» в своем станке, покуда дойдет очередь. Он то подходил к своей лошадке, нежно поглаживая ее шею, то возвращался к манежу и следил за наездниками. Подле каждого препятствия стояли по два лейб-казака в малиновых чикчирах и размеренно, как заводные куклы, поворачивались лицом к очередному сореvнователю. Первые шесть соперников шли с большим количеством ошибок и без всяких шансов на успех. То и дело раздавался легкий шелест соскользнувших реек или тяжелый грохот падающих бревен.

Соколов отвернулся от манежа, но тут же сначала громкое «Ах», а затем дружный смех заставили его оборотиться к полю. Одна из лошадей — тяжеловесный гунтер под ротмистром в конногренадерском мундире — подхватила и, не слушаясь наездника, понесла, не разбирая препятствий, по манежу. Но офицер сумел овладеть положением — когда гунтер встал подле ворот, чтобы начать прохождение препятствий снова, шпоры наездника были все в крови, а бока серого коня-великана порозовели от острых колесиков.

Седьмым вышел на своем вороном Лорд-Иксе граф Кляйнмихель. Его крупный жеребец с места пошел уверенным галопом. Кавалергард сидел плотно, по новой моде наклонясь вперед и слегка отставив локти. Под блестящими подковами Лорд-Икса не шевельнулась ни одна рейка. Конь шел на каждый прыжок чисто и красиво. Перед препятствием всадник как бы выдыхал призывное «э-эп!» и легко переносился через бревенчатые и хворостяные заборы. В манеже стояла напряженная тишина. Ее нарушал только мерный звук ко-

пыт лошади и негромкое поощрительное «э-эп!» наездника. Соколов не мог оторвать глаз от красивого зрелища и понимал, что каждый прыжок приближает графа к победе.

Предпоследним препятствием, тринадцатым по счету, был двойной бревенчатый забор, над которым легко возносились рейки. Лорд-Икс неотвратно приближался без штрафных очков к нему и мерно, словно маятник часов, вздымался над препятствиями, легко перелетая барьеры. И вдруг перед двойным забором Кляйнмихель как-то неловко качнулся в седле, его лошадь сбилась от этого с ноги и передними ногами громко, словно по пустому ящику, ударила по верхнему бревну. Она сбила его вместе с рейкой. Гул разочарования прокатился по трибунам, особенно в ложах, где многие, наверное, хорошо знали блестящего гвардейца.

Граф остановил коня и тут же наказал его за провинность, а затем пошел на последнее — самое сложное — препятствие. Вороной легко перепрыгнул каменный «гроб», но весь эффект выступления Кляйнмихеля был потерян, и он, понурясь, заехал в предманежник.

Следующие номера выступали тоже не особенно удачно — сбивали и бревна, и рейки, попусту носились между препятствиями, не сумев овладеть конями.

Десятым выступал известный Соколову белобрысый и маленький корнет Махов из офицерской кавалерийской школы. Он пошел не на казенной лошади, которые в школе все были отменно хороши, а на своей, слабоногой. До своего заезда он похвалялся кому-то из знакомых, стоя рядом с Соколовым, что купил этого английского на семь восьмых скакуна с завода великого князя Дмитрия Константиновича, нахального лошадиного великосветского барышника. Алексей и раньше слышал, что великий князь собственноручно торговал лошадьми и, случалось, ловко умел всучить негодного скакуна молодому и робкому офицеру, зачарованному принадлежностью заводчика к царской семье.

Махов пошел на сложную скачку из явного упрямства и гордости. Соколов видел, что он был весьма слабым наездником, и тут же узнал от всеведущего Ивана, что корнет, стремясь преодолеть свою робость перед лошадьми и ездой, специально записался в офицерскую кавалерийскую школу и упорно выходил на

манеж, доказывая себе и товарищам смелость, без которой, как учил еще Суворов, ни один офицер не смеет надевать мундир.

Перед выходом на арену Махов долго крестился, шептал слова молитвы, но в седле он держался как-то неуверенно, и его конь стал закидываться уже на первых препятствиях. Корнет дважды чуть не вылетал из седла, но, нахлестывая круп, все прыгал и прыгал, сбивая рейки. Почувствовав слабость наездника, лошадь встала наконец как вкопанная перед забором. Махов, истерзав свой стек, заставил ее буквально перелезть через препятствие.

Наконец он приблизился к «гробу». Слабоногий скакун и наездник, неспособный послать его вовремя на прыжок, слишком близко от стенки начали движение вверх, раздался грохот падающих кирпичей и единогогласное «А-ах!» зрителей. Проломив забор, живой клубок покатился по песку манежа. Первой встала лошадь. Всадник недвижимым остался лежать на земле. Тотчас из ворот выбежали лейб-казаки с носилками и врач, обступили согнутую фигуру, распростертую по ристалищу.

— Он умер! — истерично выкрикнула какая-то дама, по-видимому, знакомая Махова. От царской ложи отделился адъютант и быстрым шагом направился к лазарету, куда казаки утащили корнета и где теперь никак не могли привести его в чувство.

— Что с ним? Не убится ли на смерть? — заволновались уже отскакавшие свое офицеры, толпившиеся в предманежнике. Прибежал вестовой Махова и, крестясь поминутно, принялся всем рассказывать, что, слава богу, его высокородие только сильно ушиблись и сломали ключицу.

Толпа зрителей, многие из которых пришли на скачки, жаждая опасности и крови, была удовлетворена. Она с еще большим интересом принялась следить за ареной и обсуждать скачку. Грянул колокол, извещая, что предыдущий номер перед Соколовым начал свой путь. Улан-распорядитель выкрикнул:

— Ротмистр Соколов, садиться!

Механически, словно пружина, он вознесся в седло, взял правой ногой зазубренное никелированное стремя и вдруг почувствовал себя легко-легко.

Он погладил Искру по шее, привычно пропустил меж-

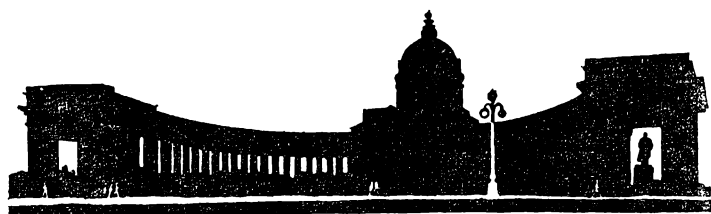
ду пальцев поводья и ощутил под собой горячее и мощное тело лошади, взволнованной от всей обстановки и ждущей, как и он, когда придет их время.

Перебирая точеными ножками, Искра приблизилась к воротам и стала горячиться. Заиграла сетка жил, натянутых на упругие мышцы и проступавших под атласной кожей с мягким коротким волосом золотистого цвета, стала подергиваться вверх сухая голова, блестящие глаза лошади закосили от волнения, стройные кости ног ниже колен беспрестанно двигались. Искра не поднималась на дыбы оттого только, что чувствовала на себе сильного и волевого всадника, которого любила и которому привыкла подчиняться.

Соколов с высоты седла видел через дощатые ворота, как заканчивал свою езду двенадцатый номер. Он спросил у казака, державшего щеколду ворот: «Сколько реек?»

Бородач, быстро прикинув на пальцах, ответил радостно: «Так что, одиннадцать, ваше благородие!»

Никто до Соколова не прошел чисто.

3. Петербург, март 1912 года

Ударил колокол, отбивая конец заезда, распахнулись ворота, впуская соперника после скачки и выпускающая на манеж Соколова. Он остановил Искру напротив царской ложи и отдал честь сидевшим в ней, а также судейскому столу, хотя ничего уже, кроме препятствий, перед собой не видел. Снова грянул колокол, и Соколов пустил лошадь шагом по арене, разогревая ее и давая оглядеть барьеры. Вокруг восторженно шептали зрители, узнав ту самую, занявшую первое место по своей стати, Искру. Оба слышали этот шум, но Соколов ничего не видел, кроме головы своей Искры с

напряденными вперед ушами, желтого песка манежа и казавшихся необыкновенно высокими барьеров.

Сделали круг, и Искра разогрелась, кровь еще сильнее наполнила сетку жил. Иногда лошадь слегка обмахивала себя хвостом, словно освежая веером. Соколов понял чувством, знакомым только хорошему наезднику, что пора пускать Искру в дело, и слегка сдвинул ей бока. Искра тут же прибавила шаг.

Они пошли на первый забор. То был хердль — высокая деревянная рама, заплетенная наглухо прутьями, поверх которой торчали щеткой веники, а на них, словно прямо на воздухе, лежали две тоненькие планки, колеблемые даже потоками воздуха. Рассчитать прыжок над таким отвесным, тонким и высоким препятствием было почти невозможно.

По еле заметному движению всадника Искра поняла, что он готов к прыжку. Она уверенно прыгнула. Как только ее задние ноги встали на землю, не сбив ни единой планки, Искра снова взяла в галоп, а над трибунами пронеслось дружное «Браво!». Потом возникла напряженная тишина, в которой мерно звучал стук копыт.

Следующим был жердевой барьер, поставленный наклонно. Барьер располагал к широкому настильному прыжку, и Искра с удовольствием перенеслась через него, рассчитав свой шаг с поворота.

Пока все шло хорошо. Искра очень старалась и с большим запасом одолела параллельные брусья, стоявшие на другом конце манежа, затем прошла наискось к барьеру из шести белых бревен и, словно играючи, перелетела над ними.

Соколов скакал, не думал ни о чем и ничего вокруг не видя. В едином инстинктивном порыве он переносился вместе с лошадью через препятствия. Он не мешал Искре идти туда, куда ей хотелось, после каждого взятого препятствия.

Они легко пронеслись над канавой, устроенной посредине манежа из брезента, налитого водой, где по бокам торчали редкие прутья с рейками на них, вторично через бревна и косые жерди, чтобы выйти на громадную кирпичную стенку с самой удобной для прыжка стороны.

В полной тишине Искра прибавила ходу, направляясь к «гробу», и тут, словно нарочно, когда лошадь

была в нескольких саженьях от него, через высокое окно ворвался луч солнца и ударил лошадь по глазам. Искра от неожиданности переменяла ногу, зрители, ожидая худшего, вздохнули в тысячу уст и затихли сразу. Кирпичная стена выросла перед Соколовым. Луч солнца не испугал Искру, он только отвлек ее и рассеял ее собранность и готовность к прыжку. Еще больше ее отвлек единый вздох тысячи людей. Но ноги наездника слегка сжали ей бока, он дал почувствовать лошади, что надеется на нее.

«Отчего это вдруг подняли шторы?» — подумалось Соколову, который доподлинно видел, что тяжелые белые полотнища висели на окнах, препятствуя ярким лучам весеннего солнца врываться в манеж, слепить лошадей и наездников. Но эта мысль сразу же отошла на второй план и угасла, когда Искра взвилась в таком громадном и могучем прыжке, что все четыре блестящие подковы блеснули над красным бархатным барьером лож. Она далеко пролетела за каменную стенку и, гордо встав на свои точеные ноги, радостно заржала.

Гром рукоплесканий был наградой Искре и всаднику. Соколов, для которого все зрители до этого сливались в единую серую и безликую массу, вдруг как бы прозрел и прямо перед собой, на трибуне для простой публики, неожиданно увидел красивую тонкую девушку, которая в возбуждении вскочила с места и хлопала в ладоши. Ее лицо было обрамлено прической из пышных волос пепельного цвета, выделялись огромные синие глаза. Образ ее словно молнией пронзил Соколова, но азарт скачки тут же вытеснил видение, и он чуть повел поводьями, призвав Искру собраться на остаток борьбы.

Счастливая от своих сил и прыти Искра словно подобралась и широким галопом пошла снова на канаву с плетнем, распласталась над тройной корзинкой и перелетела через хердль. Финал скачки прошел под сплошные рукоплескания. Даже в царской ложе их высочества лениво хлопали в ладоши, поддаваясь общему настроению.

Наконец, когда все препятствия были пройдены, а некоторые и по два раза, Соколов натянул поводья и остановил Искру против судейского стола. Звякнул колокол, и его удар потонул в буре аплодисментов, которыми публика наградила золотистую красавицу. Мел-

кой рысью, обмахиваясь по взмокшим бокам длинным хвостом, Искра подошла к воротам и скрылась за ними. Ложи и трибуны стали медленно затихать в рукопле-сканиях.

Сияющий от счастья Иван бежал к воротам на-встречу Соколову и Искре.

— Имею честь поздравить вас, Алексей Алексеевич. Усе бальеры чисто перескочили! — радостно говорил он Соколову, беря Искру за трензельное кольцо. — Ну и Искорка, ну и душечка!

— погоди, Иван, погоди, еще три номера выступать будут!

— Эх, ваше благородие, можно сказать, уже наша взяла! — убежденно заверил офицера Иван. — Какие это кавалеристы?! И лошади супротив нашей Искор-ки — чистые одры! Только покойников возить!

— Типун тебе на язык, Иван! Еще несчастье накли-чешь! — пожурил Соколов вестового.

Все удавалось Соколову в этот день. Единым махом он прыгнул с коня и поразился тому, как резко пере-менилось отношение к нему среди господ гвардейских офицеров, по-прежнему переполнявших предманежник. Многие заспешили к нему, чтобы позжать еще некоро-нованному победителю руку, иные почтительно шелка-ли каблуками, когда он проходил мимо них, а весто-вые — все как один — подобострастно вытягивались и «ели глазами начальство».

Иван с помощью проигравшего свой рубль вахмистра накрывал попоной Искру, предварительно насухо выте-рев ее огромным полотенцем, а Алексей Алексеевич на нетвердых еще от пережитого возбуждения ногах отправился к наблюдательному пункту у ворот, где стол-пилось несколько кавалерийских офицеров.

Гвардейцы почтительно расступились, пропуская его к самому удобному месту, и он услышал, как за его спиной граф Кляйнмихель полушепотом объяснял не-скольким желающим, что неизвестный победитель скач-ки не только гусар Литовского полка 14-й кавалерий-ской дивизии, но и подполковник Генерального штаба, полгода назад переведенный сюда, в Петербург, из Киева для прохождения службы в Главном управлении Генштаба.

Соколов, слушая слова графа, сразу вспомнил по-чему-то первую загадку дня — солнечные лучи, нежи-

данно ударившие по глазам Искру. Второй загадкой стала для него осведомленность Кляйнмихеля. «И когда он это успел разузнать насчет перевода в Генеральный штаб?» — размышлял Алексей.

Последние номера опять проходили по манежу с закидками и сбивая планки. Глядя на неловкость одного из всадников, который тщетно пытался заставить свою лошадь идти на «гроб», Соколов снова остро пережил неожиданность, с какой вдруг вырвался в затененный манеж солнечный поток.

Воспитанный на кодексе офицерской чести, предполагавшем порядочность и благородство, Соколов никак не хотел поверить в то, что кто-то нарочно, видя, как успешно он идет к первому месту, мог поднять именно ту штору, которая препятствовала потоку лучей литься на подступы к кирпичной стенке. Но факт оставался фактом и требовал размышлений.

«Хоть они и гвардейцы и вроде бы все приятели теперь, но ухо надо держать востро!» — сделал предварительный вывод Соколов.

Его отвлечение от тяжелых дум резкий удар колокола, вслед за которым сразу же стал шириться гомон на трибунах и в ложах. Скачка закончилась, но судьи еще не объявили места, хотя было уже ясно, что абсолютным фаворитом стал Соколов. Публика не стала расходиться сразу, а перемешалась толпой знакомых. Потихоньку она рассасывалась и с трибун. Алексей направился к тому месту, где, как он помнил, было ему чудное видение пепельной головки с синими глазами.

Высокий и стройный, с аккуратным пробором и пышными усами по моде, с широко расправленными плечами, затянутый в новый, с иголки мундир, позвякивая орденами на груди и шпорами на лакированных сапогах, героем дня шел он по манежу. Женщины шептались, глядя на него, восторженные взгляды мужчин светились симпатией в его адрес, несколько безусых корнетов следовали за ним, не решаясь заговорить.

Соколов искал глазами на трибунах для простой публики ту самую девушку, но не находил ее. Он повернулся спиной к царской ложе и к ложам, где блистали светские красавицы и элегантно затянутые в мундиры и фраки господа. Победителю прощалось все, даже невнимание к зрителям «из света».

Трубачи взялись играть вальс, и бравурные звуки

понесли под сводами манежа, умножаясь эхом и покрывая беззаботный говор толпы.

Незнакомки на трибунах не было. Алексей сначала огорчился, а потом подумал, что все равно он не смог бы вступить с ней в разговор, не будучи ей представленным. Раздосадованный неудачей, Соколов повернулся идти снова в предманежник, но к нему почтительно подошел адъютант, тот самый, что давеча выходил из царской ложи, чтобы узнать о состоянии упавшего Махова, и пригласил его к судейскому столу.

Казачи и рабочие, суетившиеся по манежу, убирали препятствия, казавшиеся в спешенном положении еще выше и внушительней, чем они выглядели из седла. Все расступались перед Соколовым, а бородатый казачий вахмистр, дирижировавший уборкой, вытянулся перед Соколовым, отдал ему честь и пробасил густым голосом: «Премного вам благодарны, вашескородие! Лётали вы, яко святой Егорий на небесном коне!»

Когда Соколов подошел к судейскому столу подле царской ложи, там уже выстроилась пестрая шеренга офицеров и штатских, принимавших участие в скачке и выезде. Соколова, как победителя и того и другого состязаний, поставили с правого фланга.

Из ложи вышел долговязый и усатый великий князь Николай Николаевич, дядя царя, генеральный инспектор кавалерии и высочайший покровитель Общества любителей конного спорта. Трубачи грянули туш, ложи и трибуны заплодировали. Великий князь погладил свои пышные усы рукой в белой лайковой перчатке и приготовился сказать поздравительную речь. Музыканты по знаку адъютанта замолкли, но великий князь вместо речи крикнул, подхватил огромный серебряный кубок, возвышавшийся над всеми остальными наградами, и, выйдя из-за стола, приблизился к Соколову.

— Молодец, гусар! От имени его императорского величества благодарю за лихость и умение! — рявкнул пропитым голосом Николай Николаевич и добавил: — Сам выезжал лошадь?

— Так точно, сам! — отвечал Соколов и получил в ответ: «Молодец!»

— Рад стараться, ваше высочество! — почему-то солдатски ответил Соколов и принял тяжелый кубок. Великий князь пожелал обнять и поцеловать победителя, но мешал громоздкий кубок. Соколов догадался су-

нуть кубок куда-то вбок, где как раз оказался Иван, и долговязый генеральный инспектор крепко обнял и поцеловал Алексея Алексеевича, дохнув на него перегаром шампанского и ароматом надушенных усов. Аплодисменты усилились, снова грянул туш трубачей, и великий князь оторвался от Соколова. Наступил черед кавалергарда графа Кляйнмихеля. Николай Николаевич несколько сократил церемонию, и на долю графа не досталось высочайшего поцелуя. Далее все шло еще быстрее, и вскорости все были свободны.

В манеже стало темнеть. Подняли полотняные шторы. Лучи заходящего солнца, хлынувшие через высокие полукруглые окна наискось через весь простор огромного помещения, багряными красками заиграли на противоположной стене, окрасили белые скамейки трибун в густо-розовый цвет.

Музыка по-прежнему гремела и дробилась под сводами манежа, публика в ложах все редела.

Кляйнмихель пригласил всех своих знакомых, принимавших участие в скачке или пришедших на нее, чтобы посочувствовать ему, выпить «шампитра», сиречь шампанского, неподалеку — в офицерском собрании армии и флота. Перед уходом все решили еще раз полюбоваться Искрой, и компания офицеров, весело переговариваясь, гурьбой ввалилась в предманежник.

— Ну, где твоя красавица? — перебивая друг друга, спрашивали новые знакомые Соколова. — Поди, теперь набегут барышники и будут торговать кобылку?! Неужто не продашь за хорошую цену? — уже донимал кто-то Соколова.

— Нет, не продам! — твердо отвечал Соколов.

Офицеры вдоволь налюбовались лошадью, погалдели, обсуждая ее экстерьер и прыгучесть, а затем вышли, минуя толпу у главного входа, через тяжелые ворота, приоткрытые для вывода лошадей.

День догорал. Солнце позолотило все вокруг. На фоне багровых красок заката четкими черными линиями простирались ветви деревьев. Розовый снег скрипел под железными полозьями саней, скользивших прочь от манежа, уносящих к вечерним развлечениям дам и господ. Вереницей тянулась цепочка зрителей, расходящихся пешком по домам.

Соколову было и радостно оттого, что он утвердил себя на столичном конкур-иппике, и грустно, что празд-

ник этот уже закончился, что снова ждет кропотливая, бесконечная работа в Генеральном штабе и пустая холодная казенная квартира в Семеновских казармах, которую никак не натопит денщик.

Его что-то спрашивали, он что-то отвечал. Компания обогнула манеж и на другой его стороне, вдоль стены от парадного подъезда, нашла извозчиков. Расселись по саням и ринулись на Литейный, где на углу Кирочной улицы, в громадном здании, выстроенном в русском стиле, размещалось петербургское офицерское собрание.

Стемнело. Во всех окнах огромного дома горело электричество. Швейцар из ветеранов русско-турецкой войны гостеприимно распахнул двери перед компанией гвардейских офицеров, повеяло теплом, французской кухней и одеколоном, где-то вдаль играли полковые трубачи. Заботы отошли на второй план. Соколов почувствовал, что устал и проголодался.

— Шампанское ставлю я! — заявил новым товарищам победитель скачки. Никто не стал перечить — традиция была соблюдена.

Старый артельщик* уютно разместил компанию офицеров в одном из укромных уголков просторного, но уже почти заполненного столового зала. Глядя на его пышную, русую с сединой бороду, Соколов вспомнил поздравление давешнего казака:

— Лётали вы, яко святой Егорий на небесном коне!

4. Петербург, конец февраля 1912 года

За неделю до конкур-иппика, как обычно в пятницу вечером, полицейское управление Санкт-Петербурга выслало наряд городских на Сергиевскую, к дому графи-

* Так в офицерских собраниях назывались официанты.

ни Кляйнмихель. Было известно, что в зимний сезон по пятницам в салоне графини собираются послы и министры, генералы и сенаторы, а также заезжие знаменитости. Бывало даже так, что чужеземные звезды в российской столице — вроде Сары Бернар или гостившего у турецкого посла Туркан-паши великого визиря — сначала наносили визит старой графине, а после этого двор «замечал» их, и они удостоивались быть принятыми в Царском Селе у государя.

По заведенному командующим отдельным корпусом жандармов обычаю старшим по наряду назначался только тот из старослужащих, кто знал в лицо весь петербургский чиновный мир и дипломатический корпус, был сообразительным и способным сочинить наутро толковый отчет о всех пребывавших во дворце графини. Само собой разумеется, кое-кто из графской прислуги — агентов охраны — негласно привлекался в помощь составителю доклада, дополняя живописными деталями описание того, что происходило внутри, за стенами, куда полицейское око не смело и заглядывать.

Городовым было видно только, как к парадному подъезду, из которого на очищенный от снега тротуар сбегала красная ковровая дорожка, подкатывали высокие и нескладные моторы, элегантные кареты и наемные экипажи. Пассажиры, одетые в вечерние наряды, важно ступали на ковер.

Старший наряда, закрывшись башлыком от пронизывающего ветра с Невы и пользуясь ярким светом электрического фонаря на столбе, заносил в свою книжечку имена датского посла Скавениуса, шведского морского атташе Клаасена, прибывших первыми в одном автомобиле; графа Григория Бобринского и целой компании гвардейской молодежи — братьев Витгенштейнов, их кузена Диму Волконского, племянника старой графини Петра Кляйнмихеля, его друга Андрея Крейца. После них прибыли граф Роман Потони и барон Эммануил Юльевич Нольде, управляющий делами совета министров. В большом авто, за рулем которого восседал негр — так что младший полицейский чин, увидев его, даже перекрестился, — прибыла дочь российского посла в Париже графа Бенкендорфа миссис Джаспер Ридли, в другом авто — принц Александр Баттенбергский.

Гости все прибывали и прибывали...

Анфилада зал на втором этаже особняка графини

наполнялась. Хозяйка дома сидела, окруженная старыми друзьями, и с милой улыбкой лорнировала входящих. Сухопарая и подтянутая, несмотря на свои шестьдесят шесть лет, графиня протягивала гостям для поцелуя надушенную морщинистую руку и нараспев по-французски ласково приветствовала знакомых. Иных она оставляла в первой зале, рекомендуя уже составившимся здесь двум кружкам, других мановением руки посылала в следующую залу, где у клавесина собралась гвардейская молодежь, третьим указывала на уютную библиотеку, где формировались столы для покера и бриджа.

Единственный, для кого графиня поднялась со своего кресла и кого она встретила на пороге зала, был министр двора барон Фредерикс, прибывший в сопровождении жены — испытанной и верной подруги графини и дочери Эммы. Предложив барону, который, несмотря на свой почтенный возраст, еще довольно бодро передвигался, руку, графиня повела его к самому покойному креслу подле своего любимого дивана и заботливо усадила его. Барон сделался как бы центром кружка говорящих, прервавших свою беседу в знак уважения к его сединам и встретивших его любезными улыбками.

В обществе, образовавшемся на диванах и креслах вокруг графини — хозяйки дома и почетного гостя — министра двора, говорили негромко, но весомо. Слово держал граф Пален, экс-министр юстиции и один из крупнейших российских помещиков.

— Господа, — продолжал он мысль, прерванную приходом Фредерикса, — разумеется, ни одно цивилизованное государство, державшееся в течение многих столетий известного направления в своей политике, — я имею в виду симпатии к германской цивилизации, — не может так легко заменить его на противоположное, как это делают господа Извольский и Сазонов.

— Вы имеете в виду, граф, профранцузскую ориентацию нашей нынешней дипломатии? — спросил Палена граф Александр Адлерберг. Этот тощий и остроносый завсегдатай салона графини, несмотря на свое европейское образование и знание шести языков, довольно медленно схватывал главные нити разговора и частенько переспрашивал о сути дела, дабы не потерять его смысл.

— Воистину так! — подтвердил Пален.

Графиня поддержала разговор и позволила себе перебить рассказчика, чтобы самой высказать давно наблевшие мысли.

— О да! Теперь всё у нас устремилось к Франции! Не правда ли, господа? — Слушатели размеренно закивали бородами и бородками. — Мятёжные либеральные партии считают Германию очагом консерватизма; офицерство — особенно происходящее из демоса — стремится к лаврам и считает, что они легко достижимы в войне с Германией и при условии союза с Францией... Интеллигенция, которая должна вечно благодарить за науку немецких профессоров, симпатизирует республике и счастлива возможностью петь «Марсельезу»... Подумать только, а за такое пение десять лет назад многие из них были сосланы и по сию пору не могут вернуться из сибирской ссылки...

Кружок государственных людей внимал графине с явным удовольствием. Она продолжала почти с воодушевлением:

— Русские купцы видят в своих немецких коллегах сильных конкурентов, рабочие на фабриках терпеть не могут аккуратного и требовательного мастера-немца. Даже неграмотные мужики считают себя вправе жаловаться на немца-управляющего, который вынужден наказывать пьяниц и лентяев! Наш состоятельный класс, бросающий большие деньги на Ривьере и в Париже, конечно же, выражает свои бурные симпатии французам и их ресторанам, бульварам, театрам, портным, кокоткам, полагая, что в этих симпатиях лучше всего выражается любовь к Франции!

От столь долгой и пылкой речи графиня утомилась. По ее знаку к кружку подошел с большим серебряным подносом, на котором стояли бокалы с французским шампанским, пузатый рыжий лакей в камзоле и белых нитяных чулках. Графиня, единственная женщина в самом серьезном кружке салона, взяла хрустальный бокал первой.

Пока государственные умы освежались шампанским, граф Пален стал продолжать свою мысль. Но прежде он решил расшаркаться перед хозяйкой дома:

— Как тонко графиня определила общественные корни антигерманского недовольства! У вас глубокий философский склад мысли, дражайшая Мария Эдуардовна! — закатив глаза, поднес он руку к тому месту,

где должно было биться сердце и на камергерском мундире находился знак германского ордена «Черного орла», пожалованного ему в прошлом году императором Вильгельмом. Отпив из бокала, Пален продолжал:

— Это противоестественный союз двуглавого самодержавного орла России и красного галльского петуха, горланящего республиканскую «Марсельезу»...

— Да, да! — поддержал его принц Александр Баттенбергский, — куда естественнее союз двух орлов — германского и российского!

— Тому мы видим в недавнем европейском прошлом яркий пример, — согласился граф Пален. — Четыре года назад, когда Вена присоединила себе Боснию и Герцеговину в обмен на заверения Эренталя предоставить России свободу рук в Проливах, а затем неблагородно не выполнила своего обещания, Извольский имел беседу с французским послом. И знаете, что этот милый союзник заявил нашему министру иностранных дел? Он сказал, что французское общественное мнение не допустит, чтобы Франция была вовлечена в войну из-за сербских вожделений. Почти в те же критические дни Франция сама заключила с Германией соглашение о марокканских делах...

— Конечно, французские интересы были в тот момент не обострять отношения с Австро-Венгрией и Германией из-за далекой Сербии... Равно как и английские — не допустить российского влияния на Порту и нашего упрочения на Дарданеллах и в Босфоре... Ведь тогда Россия была бы слишком близка со своей армией к жизненным центрам Британской империи, — высказался вдруг молчавший до сего момента барон Роман Розен, один из подписавших Портсмутский договор и потому смело толковавший теперь вопросы британских имперских интересов и всего, что было связано с морями и океанами.

Его поддержал генерал Гартунг.

— О да, — сказал он, — я слышал, что лорд Грей отказал тогда нашему министру в проходе нашей эскадры через Дарданеллы для демонстрации против Австро-Венгрии с тыла — в Адриатике.

— Я и хотел отметить, господа, — важно продолжал свою речь граф Пален, — что русским аграриям, равно как и многим представителям торгово-промыш-

ленных кругов, крайне невыгодна перемена политического курса и сближение с аграрной Францией...

— Я могу вам со скорбью сообщить, что на берлинской бирже цены на наш хлеб упали за прошлую неделю снова со 157 до 130 марок за центнер на пшеницу и со 131 до 110 марок за рожь! — переключился от политики к торговле граф-помещик.

— Неужели так низко?! — забеспокоился граф Бобринский. — Но тогда я почти разорен!

— Господа, еще рано горевать! — успокоил слушателей Пален. — К весне цена на наш хлеб, я полагаю, как обычно, повысится! Я только хотел обратить ваше внимание на то, что если его величество будет продолжать свое сближение с Францией, то Берлин может снова обрушиться на нас высокими пошлинами на хлеб, мясо, птицу, как это было совсем недавно... Я полагаю, что долгом всех разумно мыслящих деятелей нашей плеяды является выполнение святой задачи — как Россию оторвать от союза с Францией и направить политику нашей империи в правильное русло — на благо дружбы с Германией? Только союз наших императоров способен приостановить пагубное развитие революционных идей в Европе... Подумать только, всего несколько недель назад, в минувшем январе, германские социалисты получили на выборах в рейхстаге четыре с четвертью миллиона голосов и посадили на его скамьи 110 своих депутатов! Если бы Германия была в дружбе с Россией, то, я полагаю, наша династия не допустила бы такого печального поворота событий!

— Его величество кайзер и сам сумеет справиться со смутьянами! — благодушно вымолвил Адлерберг. — Кстати, мне рассказывали друзья в Потсдаме, что среди социалистических депутатов появился новый лидер, некто Бернштейн. Это вполне управляемая личность! Он нашел особый, безопасный путь реформ, а не бунтарских революций...

— Посмотрим, посмотрим... — скептически проскрипел министр двора, словно просыпаясь от дремы, хотя он не пропустил ни одного слова.

...Уже давно не появлялся никто из новых гостей, как вдруг мажордом вновь растворил двери в зал и, стукнув жезлом, провозгласил:

— Супруга военного министра Екатерина Викторовна Сухомлинова!

Общий говор в гостиной мгновенно стих. Хозяйка беспокойно поднялась с места и радушно пошла на встречу красивой молодой женщине, которая уже два с половиной года была притчей во языцех «всего Петербурга». Все началось с того, что злоязычный свет в лице его самых родовитых и аристократических представителей обоего пола упивался скандалом в Киеве, где вдовец — командующий округом и генерал-губернатор Сухомлинов отбил у адвоката Бутовича красавицу жену. После долгого и грязного процесса, который прекратил разводом сам государь, Сухомлинов женился на Екатерине Викторовне и, будучи назначен военным министром, привез красавицу в Петербург.

Петербургский свет не принял Екатерину Викторовну. Двери очень немногих родовитых домов были открыты перед ней, и она очень ценила, что сама графиня Кляйнмихель, законодатель политических мод и хозяйка популярного салона, всегда готова была ее видеть.

Дамы мило обнялись, и, чтобы гостя не прочитала презрения на чопорных лицах старцев, графиня повела ее скорее к молодежи.

— А что же его превосходительство военный министр не смог почтить нас своим присутствием? — с искренним радушием в голосе осведомилась графиня у Сухомлиновой.

— Владимир Александрович шлет глубокий поклон — он не вернулся еще из Царского, — с отменной любезностью сообщила Екатерина Викторовна.

Они вошли во вторую залу. Она была уютнее и отделана голубым с серебром штофом. Одиозная в глазах старой знати супруга военного министра оказалась здесь более ко двору — гвардейские офицеры и их дамы совершенно любезно приняли госпожу Сухомлинову.

Графиня на минуту присела на диван рядом с Екатериной Викторовной, как бы вводя ее в общество. Разговор вертелся вокруг предстоящего конкур-иппика, где одним из самых сильных конкурентов на главный приз обещал быть племянник графини Петр.

— О, берегитесь, граф, — вступила сразу в разговор Сухомлинова, обращаясь к Петру Кляйнмихелю. — Владимир Александрович (она имела в виду своего мужа) перевел в Генеральный штаб из Киева одного из лучших тамошних наездников — Алексиса Соколова. На самых трудных парфорсных охотах Алексис поби-

вал опытнейших спортсменов, приходил первым, и при том на любых лошадях.

— А где сейчас тренируется ваш чэмпиион? — с вызовом задал вопрос граф Петр Кляйнмихель. — Я охотно полюбовался бы на него!

— Еще нигде, — с милой улыбкой ответила ему Сухомлинова. — Он только месяц назад принял в Главном управлении Генерального штаба австрийское дело-производство и еще не огляделся в Петербурге...

Старая графиня поднялась со своего места.

— Молодежь, я вас покидаю ненадолго, чтобы распорядиться насчет ужина... Прошу любить и жаловать Екатерину Викторовну! Ее красота равна разве что ее уму, — сказала Мария Эдуардовна с загадочной улыбкой комплимент супруге министра и удалилась.

Боковым коридором графиня прошла к себе в кабинет, присела к раскрытому бюро, устало провела рукой по глазам, а затем решительно взяла лист бумаги с собственной монограммой, остро заточенное гусиное перо и написала размашистым почерком:

«Мон шер Филипп!

Всегда вспоминаю тот исключительно радушный прием, который мне оказывается в Потсдаме и Берлине, волнующие встречи с его величеством германским императором. Надеюсь, что вскоре, при моем проезде через столицу империи в Ниццу, куда я собираюсь на весенний сезон, снова смогу лично засвидетельствовать ему мое глубочайшее уважение и восторг перед его колоссальной миссией — простереть крылья германского орла над миром!

Пользуясь случаем передать маленькую информацию, полученную от противной и болтливой особы, госпожи Сухомлиновой, которую в высших кругах Петербурга с недавних пор и с легкой руки вдовствующей императрицы Марии Федоровны называют «великолепный демон». Мадам Сухомлинова проговорила сегодня у меня о том, что в Петербург, в Главное управление Генерального штаба, переведен на должность начальника австро-венгерского делопроизводства небезызвестный разведчик ротмистр Алексей Соколов. По данным, которыми вы и я располагаем, Соколов возглавлял в штабе Киевского военного округа разведку против Дунайской монархии и высоко ценится в кругах Генерального штаба как аналитик и трудолюбивый со-

биратель агентуры. Для Срединных империй Соколов представляет несомненную угрозу. Он ловок и хитер, владеет основными европейскими языками, а на немецком и итальянском говорит, как на родных. Более подробной характеристикой располагает банкир Альтшил-лер, присматривавшийся к Соколову во время службы ротмистра в Киеве.

Что касается моих взглядов на тот предмет, как нейтрализовать влияние при русском дворе господ Бьюкенена и Делькассэ*, столь настойчивых в укреплении антигерманских устремлений в России, то льщу себя надеждой изложить их его величеству при аудиенции у него.

Из интересных сплетен могу сообщить вам последнее *mot*** посла Делькассэ. Министр союзной Франции при дворе Николая II и кавалер Российского ордена Святого Андрея Первозванного, даруемого только царственным особам, публично заявил: «Россия для меня — только дипломатическая и военная величина, а участь 180 миллионов мужиков меня совершенно не интересует!»

Кое-кого в Петербурге эти слова весьма шокировали.

Примите уверения в искреннем и глубочайшем уважении

Ваша Мария Кляйнмихель».

Закончив письмо и обсыпав его из песочницы белым балтийским песком, дабы снять лишек чернил, графиня нажала на кнопку звонка, подвешенного к бронзовой лампе, и вынула из ящичка голубой листок с монограммой германского посла Пурталеса.

Вошел толстый рыжий лакей с крючковатым носом и в белых чулках. Он был явно одним из доверенных лиц графини и в германской армии носил высокий чин капитана. Его рекомендовал графине сам Филипп Эйленбург.

— Дипломатическая почта германского посольства уходит завтра после обеда, — сказала Мария Эдуардовна, вычитав цифры в листке. — Зашифруй письмо графу Филиппу Эйленбургу, оригинал сожги, как обычно, а криптограмму отдай в собственные руки посла Пурталеса. Иди!

* Послы Великобритании и Франции в России в 1912 году.

** *Mot* (франц.) — словечко, острота.

5. Пресбург, август 1912 года

На пристани Пресбурга* царило оживление, свойственное всем вокзалам мира. Зеваки любовались с набережной и из открытых кафе, как швартовался белоснежный пароход «Эрцгерцог Карл», пришедший из Будапешта и следующий вверх по Дунаю к Вене. Путешественники уже выстроили свои чемоданы и баулы подле сходней, сутились носильщики и слуги, изображая деятельность и готовность помочь.

Вежливый до приторности кондуктор выпустил с парохода пассажиров, желавших размяться по твердой земле во время часовой стоянки, и стал пропускать на борт тех, кто отбывал из Пресбурга. Это были люди, которые, очевидно, не очень торопились в столицу империи, поскольку паровичком можно было добраться из Пресбурга до Вены за час с небольшим, а путешествие на пароходе против течения быстрой реки занимало во много раз больше времени. К преимуществам поездки по Дунаю принадлежала прохлада, которую в жаркие летние месяцы великая река Европы дарила путешественнику, живописные берега открывали один за другим великолепные виды, на пароходах было просторнее, чем в вагонах, и работали неплохие буфеты.

Среди новых пассажиров на борт «Эрцгерцога Карла» взошел господин среднего роста в коричневом костюме, очень гармонизировавшем с его рыжеватой шевелюрой и откровенно рыжими усами, аккуратно подстриженными и нафабренными. Умные карие глаза твердо смотрели на толпу, и кондуктор невольно подтянулся, встретившись с ним взглядом. Господин обладал явно военной выправкой, и его властная манера держаться говорила о том, что он занимал в императорской и ко-

* Так называлась до 1918 года столица Словакии Братислава.

ролевской армии достаточно высокое положение. Носильщик пронес его чемоданы в одну из кают первого класса, и господин с военной выправкой отправился в буфет носового салона пропустить стаканчик моравского вина перед отплытием...

Когда колокол на пристани отбил все положенные удары и пароход, тяжело задышав машиной, ударил плечами по быстрой дунайской волне, пассажиры столпились у поручней правого борта, отмахиваясь платками и шляпами от толпы провожающих на пристани. Господин в коричневом штатском костюме по-прежнему занимал свое кресло у большого зеркального окна с видом на фок.

Он видел, как мимо его окна прошел по палубе коренастый полный человек с гривой седых волос, гладко выбритый и одетый в серый дорожный сюртук и темно-серые броджи. Седой джентльмен, явно путешествующий англичанин, заглянул с безразличным видом в окно и влился в толпу пассажиров у поручней.

«Эрцгерцог Карл» медленно, почти незаметно, вышел на середину Дуная, и его колеса еще проворнее побежали по воде, а машина заухала чаще. Постепенно отступал назад собор Святого Мартина, где короновались на царство австрийские императоры, отодвинулся вдаль четырехбашенный замок на высоком холме. По обоим берегам реки потянулись леса, ниспадавшие с отрогов гор к самой воде.

Мимо окна, у которого сидел в своем кресле господин в коричневом костюме, еще раз прошел коренастый седовласый путешественник. Теперь он решительно толкнул дверь с палубы и вошел внутрь салона...

— Разрешите устроиться за вашим столиком? — громко обратился он по-английски. Господин в штатском улыбнулся одними глазами и лишь сделал рукой жест, означавший приглашение.

Седовласый устроился поудобнее, отыскал взглядом официанта и поднял палец. Официант, видимо, уже изучив вкус пассажира, принес ему большой хрустальный стакан виски с содовой.

— Здравствуйте, полковник! — вполголоса почешски сказал джентльмен, отхлебнул свое виски и продолжал, как со старым знакомым: — Как добрались

от Брюнна* до Пресбурга? Вы ведь, кажется, были в отпуске у родных?

— Да, мои братья остались моравками** и делают наше знаменитое вино Совиньон — не то, что я, солдат его величества императора... — с сожалением вголосе отозвался рыжеволосый. — Кстати, а для чего вы, Филимон, затеяли это путешествие из Будапешта в Вену на пароходе и нашу столь оригинальную встречу на борту «Эрцгерцога Карла»? Неужели нельзя было увидеться в каком-нибудь венском парке вечером или посидеть в винном погребе?..

— Милый Гавличек! — вполне серьезно, без тени шутки, ответил ему Филимон. — Вы хотя и руководите оперативным отделом императорского и королевского Генерального штаба, но в элементарной конспирации ничего не смыслите. Вы же знаете, что по всей империи жандармы разыскивают вашего покорного слугу... и тех, кто с ним встречается. Я уже два года на нелегальном положении, а до сих пор не попался. Не попался потому, что всегда выбираю неожиданные места для встреч с друзьями. Подумайте, кто будет искать директора разведывательной организации на маленьком дунайском пароходе?

— В связи с риском в нашей работе, — сказал снова вполголоса полковник, — я хотел бы вас просить очень серьезно предостеречь моего коллегу Редля. В Генштабе говорят, что он в последнее время стал сорить деньгами и может привлечь внимание контрразведки...

— Хорошо, я переговорю с ним, — пообещал Филимон. — А как ваши дела? Не замечаете ли необычного внимания со стороны сослуживцев? Кстати, я следил, когда вы сажались на пароход, и никаких признаков наблюдения не обнаружил.

— Если не считать презрения, с которым австрийцы относятся к нам, чехам, даже занимающим высокое положение на службе его христианнейшего величества, то все идет нормально...

— Скажите, полковник, когда вы обеспечите дочь — как это собирались сделать, начиная наше знакомство, — вы прекратите сотрудничество с русской раз-

* Так в Австро-Венгрии называлась столица Моравии — Брно.

** Уроженцы одной из чешских областей — Моравии.

ведкой? Что мне передать в Петербург? Могут ли мои товарищи рассчитывать на вас, ваши связи и опыт при анализе австрийской армии и ее планов?

Полковник задумался, механически прихлебывая красное вино.

— Филимон, я многое понял за эти годы. Я видел, как вы ежедневно рисковали своей свободой и всегда думали прежде всего о безопасности того человека, с которым шли на встречу. Я соприкоснулся с миром вашей души и вот что вам скажу: борьба за освобождение славян, которой вы проявили необыкновенную преданность, зажгла во мне отзвук великой идеи. Мне хочется общаться с вами чаще и чаще. Я получаю от встреч с вами заряд душевной энергии, но эта проклятая конспирация мешает нам просто дружить, как мне хотелось бы... Если я неясно ответил на ваш главный вопрос, то вот вам еще ответ: во мне вы пробудили гордость славянина, самую народную сущность которого десятилетиями загоняли в потаенные уголки души немецкое воспитание, немецкая культура, приобщение к немецким материальным выгодам... Они сделали из меня полковника австрийской армии, без конца унижая меня, мой народ. Теперь я не с ними, а с теми, кто борется за освобождение славян от тевтонского господства, за независимые Богемию, Моравию и Словакию. Отец моей жены словак, вся моя родня — моравики... Мне трудно разорвать сразу все узы, которые связывают меня с офицерским корпусом двуединой монархии, но я буду по-прежнему помогать славянским братьям, которые одни могут только и помочь нашему освобождению, — русским! Извините, если слова мои звучат несколько высокопарно...

— Спасибо, брат! — негромко сказал Филимон. — Хочу вам поведать, что в моей группе большинство чехов и словаков одушевлены именно славянской идеей. Эта идея все глубже входит в сердца политиков, солдат и простых людей нашей любимой родины... — Он достал из внутреннего кармана книжку с бумажной закладкой, раскрыл ее и продолжал: — «Отвечайте же, положив руку на сердце, братья, не Россия ли, подобно маяку, светила нам в наше печальное прошлое, в глубокую ночь нашей жизни? Не Россия ли оживляла наши упования, ободряла наш упавший дух, подняла нашу почти угасшую жизненную энергию?.. Не Россия

ли своим могущественным повелительным положением заставляет еще наших врагов несколько щадить нашу жизнь?..» Согласитесь, Гавличек, поистине жемчужину славянской мысли напечатали недавно в России... Людевит Штур: «Славянство и мир будущего». Не опубликованная доселе рукопись великого словацкого просветителя пролежала в архивах свыше пятидесяти лет! А мы сами не можем напечатать эту реликвию здесь, в нашей стране! Поистине прав был Штур, когда говорил, что все наши национальные стремления не имеют никакого смысла, значения и будущего без России! К тому же при непомерной ненависти к нам чужеземцев, которым мы уже покорились...

Филимон протянул книгу собеседнику. Полковник с интересом принялся ее листать.

— Одолжите мне ее, — сказал он наконец. — Моя жена хорошо знает по-русски и переведет мне труд своего выдающегося земляка. Я ее верну вам с очередным пакетом информации.

— Вы можете оставить книгу насовсем, — предложил Филимон. — Я уже внимательно ее изучил и почти со всеми размышлениями Штура согласен... Кстати, мы сейчас будем проходить его любимое место на Дунае.

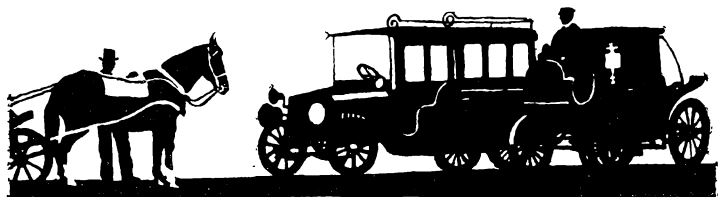
Пароход приближался к излучине реки, где у высокой скалы Девин с остатками древней славянской крепости на вершине в Дунай впадает Морава. Путешественники вышли из салона на палубу и стали любоваться прекрасным видом, открывавшимся все шире с каждым оборотом колес парохода.

Под ярко-голубым небом сияла светлым камнем обрывистая скала. Словно корона, на ее челе красовались зубчатые стены древней крепости западных славян. И скала, и корона отражались в почти черной воде тихой заводи, которую образовало устье Моравы. За скалой поднимались пологие склоны Карпат, покрытые садами и виноградниками. И скала и крепость на ней не оставляли впечатления суровости и угрозы. Наоборот, пейзаж дышал миром и спокойствием.

Уютно раскинулись домики небольшого городка в долине между скалой и отрогами Карпат, неслышно несла свои воды в бурный и светло-коричневый Дунай зеленоглазая красавица Морава. Слева, за высокими холмами, покрытыми лесом, из-за которых приходил к Девину Дунай, лежала Вена — столица «лоскутной

монархии», откуда управлялись и угнетались все эти мирные, добрые и трудолюбивые земли.

Глядя в сторону Вены, упрямо облокотившись о поручни, Филимон с вызовом произнес словацкую поговорку: «Мы были здесь до Австрии, будем и после Австрии!»

6. Вена, сентябрь 1912 года

Летний зной необыкновенно долго держался в тот год на берегах Дуная. Венцы, большие любители уличной жизни на променадах и в открытых кафе под пестрыми маркизами, с утра и до поздней ночи наполняли парки, скверы, набережные.... Фиакры и моторы неторопливо двигались по улицам и Рингу, перед ними так же лениво перебегали дорогу мальчишки-посыльные и разносчики товаров, отчаянно звеня, толпу рассекали красные трамваи...

У железных ворот старого здания императорского и королевского Генерального штаба на Штубенринге остановился черный лакированный автомобиль той дорогой модели, которая только недавно стала носить имя Мерседес. Простые смертные не подозревали, что авто нарекли в честь дочери австро-венгерского консула в Ницце Еллинека, обогатившего фирму «Даймлер» сбытом ее продукции среди богачей на Лазурном берегу. Автомобиль был роскошный седан, обитый изнутри малиновым шелком, с начищенными медными фарами, лампами и радиатором. На дверцах экипажа красовалась пятизубчатая корона. Опытный глаз сразу же мог сделать заключение, что корона не дворянская, а бюргерская и сам факт украшения автомобиля таким атрибутом свидетельствует о тщеславии владельца, тайном желании при первой возможности сменить рисунок ко-

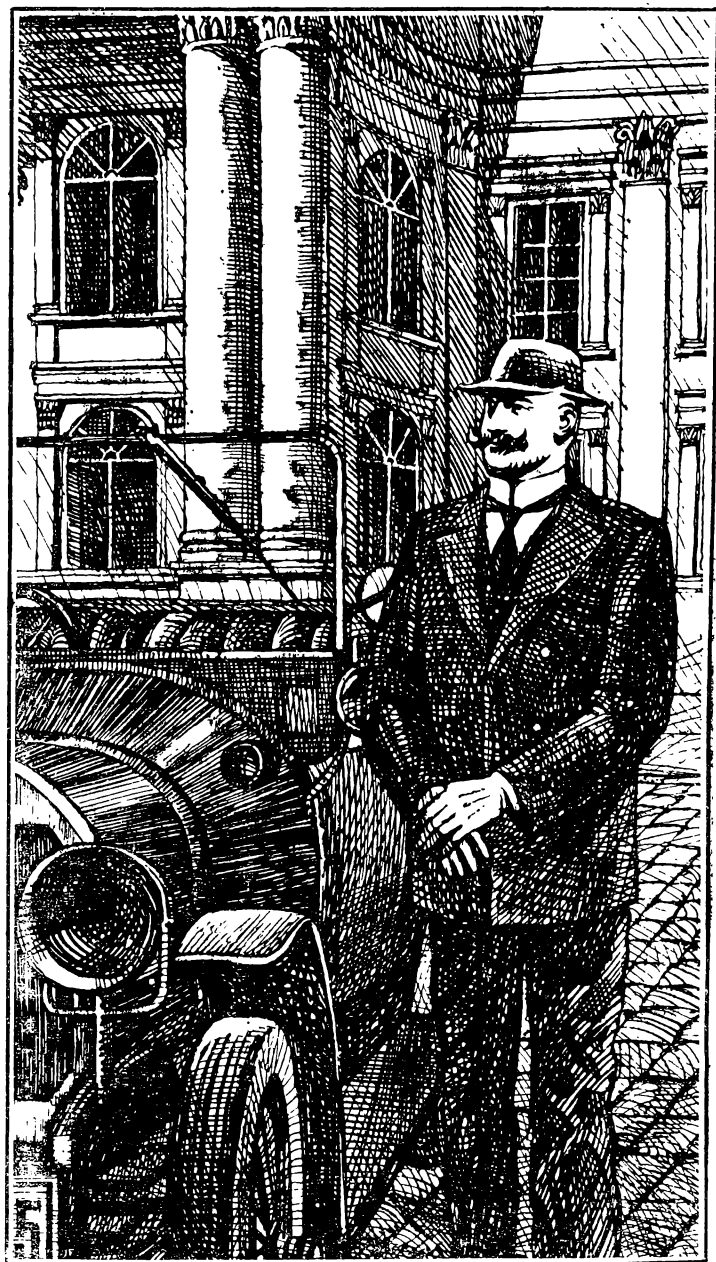
роны на дворянский. По поспешности, с каковой шофер соскочил со своего сиденья и бросился отворять дверцу, можно было судить о требовательности хозяина и щедрости его жалованья обслуживающим людям.

Из авто вышел высокий крупный мужчина лет сорока пяти. На нем хорошо сидел элегантный серый костюм от дорогого портного. Темная мягкая шляпа, надетая несмотря на жару, свидетельствовала о строгости привычек этого барина. С гордой уверенностью в себе, подняв подбородок, над которым торчали по моде закрученные кверху густые пшеничного цвета усы, господин проследовал к воротам. Часовые, изнывавшие от безделья и жары, бодро сделали ему винтовками на караул. Господин небрежно козырнул и проследовал в глубину двора, туда, где за высокими зданиями военного ведомства скромно притулился старый серый дом. В этом небольшом строении, снаружи почти казарме, помещалось так называемое Эвиденцбюро — служба разведки и контрразведки Генерального штаба.

Походкой человека, хорошо знающего дорогу, господин взбежал на крыльцо, нажал кнопку электрического звонка, и ему открылась тотчас же массивная дверь с глазком посередине. За дверью стоял солдат, который вытянулся перед посетителем и, отдав приветствие, бросился открывать вторую дверь, которая вела из небольшой прихожей во внутренние коридоры.

— Здравия желаю, господин полковник! — почтительно вскочил из-за конторки, стоявшей за второй дверью, унтер-офицер и доложил: — Господин полковник Урбанский фон Остромиец приказали сообщить, что придут, — унтер посмотрел на карманные часы-луковицу, — через двенадцать минут, и просили подождать в его кабинете. Вас проводить?

— Я еще не забыл дорогу в свой бывший кабинет, — высокомерно бросил господин и неторопливо направился к дверям, из-за которых раздавался звук пишущей машинки. Пройдя мимо адъютанта, уважительно поднявшегося при его появлении и приветствовавшего его белозубой улыбкой, господин бросил перчатки в шляпу, оставил все это на столе и скрылся за двойными, похожими на громоздкий шкаф, дверями кабинета начальника Эвиденцбюро. Тотчас же из коридора в адъютантскую заглянул молодой человек в форме лейте-

нанта и обратился к подпоручику, снова принявшемуся стучать на машинке.

— Карл, я слышал, что к нам приехал начальник штаба 8-го корпуса полковник Редль?

— Да, он сейчас как раз в кабинете Урбанского, — кивнул головой адъютант в сторону двойной, похожей на шкаф двери.

— Неужели это тот самый великий Редль, который создал наше бюро из ничего, буквально на пустом месте?!

— Ты действительно наивен, как все новички, — улыбнулся подпоручик, поманил приятеля пальцем и, понизив голос, сообщил: — Наверное, ты бы еще не так восхищался, если бы прочитал те труды по разведке, которые оставил здесь в сейфе Урбанского Редль, когда его перевели по ходатайству генерала Гисля фон Гислингена в Прагу. Одни названия чего стоят: «Инструкция о вербовке и проверке агентов», а в инструкции этой, между прочим, пятьдесят параграфов. «Как разоблачать шпионов внутри страны и за границей», «Мои экспертизы 1900—1905 года»... А, кстати, тебе показывали комнату для посетителей, которую оборудовали здесь по приказу Редля?.. Нет? — удивился подпоручик. — Тогда непременно надо посмотреть.

С иронической улыбкой подпоручик добавил:

— Ты можешь иногда приглашать туда гостей, в том числе и дам... но с разрешения Урбанского, разумеется.

Адъютант тут же вызвал унтер-офицера, присматривавшего за порядком у вторых дверей в бюро, и распорядился:

— Иосиф, ознакомить лейтенанта Фризе с нашей гостиной. Показать ему все ее чудеса и научить ими пользоваться! Приступайте!

В конце коридора, за поворотом, скрытым тяжелой портьерой, оказался вход в комнату, довольно просторную и ничем не отличающуюся по мебелировке и оформлению от обычной приемной.

Унтер-офицер, выполнявший в Эвиденцбюро обязанности коменданта, с видимым удовольствием, как в любимом охотничьем домике, начал экскурсию по здешним достопримечательностям.

— Господин лейтенант, мы в волшебном замке, полном чудес. Разумеется, каждое чудо значится под гри-

фом «совершенно секретно» и не запатентовано в Венском патентном бюро только по этой причине. Маг и волшебник, извиняюсь, господин полковник Редль самостоятельно придумал и опробовал на практике каждое из них, будучи начальником Эвиденцбюро. Извиняюсь, мы очень сожалеем, что его перевели начальником штаба Восьмого корпуса в Прагу, хотя, как говорят господа офицеры, он там скорее получит чин генерала и дворянство из рук его величества императора.

Лейтенант с любопытством озирался. На первый взгляд ничего необычного: несколько картин на стенах, письменный стол, два кресла перед ним, стулья вдоль стены, ковер посередине зала. Тяжелые драпировки на широких окнах способны создавать интимный полумрак в солнечный полдень. Люстра в дюжину электрических ламп и несколько бра на стенах.

«Пожалуй, здесь слишком много электричества», — подумал он и стал с вниманием выслушивать пояснения.

Рассказ унтера сразу же объяснил причину иллюминации.

— Мы видим, извиняюсь, две картины. Они вовсе не украшения, а скрывают в себе объективы самых лучших фотоаппаратов. Расположение картин, подсветка электричеством позволяют незаметно для посетителя делать снимок в профиль и анфас. И этажерка для книг — не что иное, как измерительная линейка: подвел к ней как бы ненароком гостя, неслышно щелкнул объектив — и на фото, до сантиметра, отсчитывай его рост...

Фризе с восторгом покачал головой и закатил глаза.

— В двух других картинах, — ткнул пальцем в сторону пейзажей Иосиф, — извиняюсь, микрофоны. Один задействован прямо на стенографистку в соседней комнате. Через другой микрофончик можно сделать запись на фонограф Эдисона. Достаточно нажать кнопку под крышкой стола...

Унтер попросил лейтенанта убедиться самому во всем. Тот обошел кресло и наклонился под крышку стола. Действительно, среди четырех других кнопок торчал прямой металлический клавиш.

— А остальные кнопки?

— Сейчас увидим, — гордо, словно это было его изобретение, продолжал демонстрацию унтер. Он нажал

на самую длинную из них — тотчас на столе зазвонил телефон. Лейтенант снял наушник, приложил к уху. Молчание. Он в недоумении повесил рожок на место и посмотрел на унтера. У того на лице было разлито удовольствие.

— Пока господин офицер, извиняюсь, разговаривают с посетителем, они могут заодно снять отпечатки пальцев. Для этого достаточно предложить гостю коробку с сигарами — если мужчина, или конфетами — если женщина. — Иосиф открыл тумбу стола и вынул две роскошные коробки.

— Разумеется, они обработаны «шелковым порошком», на нем следы особенно заметны.

— И все господа клюют на эту удочку? — усомнился лейтенант.

— Так что, не все, — согласился унтер. — Бывает, посетитель окажется слишком скромным, не хочет прерывать разговора курением. Тогда начинается игра в телефон. Следует нажать на кнопку звонка, снять трубку и разговаривать в аппарат почтительно, как бы с начальством. Внимание посетителя рассеивается, и тогда ему снова протягивают коробку. Если он курит только свои, — а такие чудачки, извиняюсь, еще попадаются, ха, ха, ха! — то ему дают зажигалку, также покрытую порошком.

— А вдруг посетитель некурящий?

— И на этот счет господин полковник все предусмотрели, — уважительно отозвался Иосиф. — Достаточно нажать на самую маленькую кнопку, и это будет значить, что вас под благовидным предлогом надо вызвать из комнаты.

— Ну и что? — Лейтенант поднял бровь, силясь не расхохотаться: столько серьезности вкладывал служивый в свои объяснения.

— А то, — поучительно изрек унтер, — что на столе всегда лежит при посетителях портфель, а под ним — папка с надписью «Секретно, оглашению не подлежит». Так что, извиняюсь, господин офицер схватывают портфель и делают вид, что забыли спрятать папочку со страшной надписью. А наши гости, они из той публики, что если где написано «секретно», то их туда так и тянет, как мух на мед. Не было еще ни одного хитреца, который, оставшись один в комнате, не заглянул бы в эту папку...

— А в папке, конечно, липа?..

— Когда липа, а когда и ди... дезинформация, — долго выговаривал ученое слово унтер, а потом пояснил: — Ясное дело, если надо что-нибудь специальное, то господа офицеры нарочно сфабрикуют и подложат. А вообще обложка папки также вся в «шелковом порошке» — р-раз! — и отпечатались пальчики. Так что большое искусство здесь содержится, — и он снова обвел рукой вокруг себя.

Лейтенант Фризе тут же стал прикидывать, кого из своих венских знакомых он хотел бы пригласить в эту комнату...

Унтер-офицер, войдя во вкус объяснений, продолжал свой рассказ о тайнах «гостиной» Эвиденцбюро. Оказалось, что за потайной дверью скрывался выход, который через систему коридоров выводил посетителя, которого не следовало подвергать воле случая «засветиться» у главного входа, на тихую и отдаленную Биберштрассе... За другой дверью начинались служебные помещения — лаборатория, в которой любую книгу или папку с документами можно в течение нескольких секунд разброшюровать, спроектировать на экран, сфотографировать каждую сторону листа и снова переплести так, что в самое короткое время и как бы совершенно не тронутую ее можно было положить на место.

В другом зале — спецархиве — хранились альбомы и картотеки фотографий, почерков, образцов машинописи всех сомнительных лиц в Европе, которых Эвиденцбюро подозревало в агентурных отношениях с разведками, в особенности тех, кто вращался в таких центрах мирового шпионажа, как Брюссель, Цюрих, Лозанна...

— И все это создал один господин Редль? — изумленный обилием новинок, обрушившихся на него, спросил лейтенант в конце осмотра.

— В основном придумали они, но и после них, извиняюсь, за последние пять лет господин фон Урбанский дополнил кое-чем... — отвечал унтер.

...Когда полковник Редль оказался один в своем бывшем кабинете, он на мгновение замер, словно прислушиваясь. Затем медленно обошел кабинет, внимательно изучая стены. Видимо, не найдя никаких опасных признаков, он небрежной походкой, как бы случайно, приблизился к массивному столу шефа. Здесь на лице

его отразилось разочарование, поскольку ни на столе, ни на этажерке подле него он не увидел никаких папок.

«Коллега, очевидно, весьма осторожен и не доверяет своему адъютанту, даже когда уходит в соседний дом к начальнику Генерального штаба», — подумал Редль.

Быстро достав из внутреннего кармана сюртука запасные перчатки и надев их, Редль приоткрыл верхний ящик стола и перелистал несколько бумажек. На одной из них он остановил свое внимание, а затем сунул на место. Столь же быстро проверил содержимое корзины для бумаг и на всякий случай собрал и положил в карман разорванные клочки какого-то черновика. Затем снял перчатки, аккуратно спрятал их в карман и уселся в глубокое кожаное кресло.

Минуты через три в кабинет пожаловал хозяин. Он широко улыбался, заранее предвкушая встречу с одним из светил австрийской разведки.

Редль поднялся с кресла и с такой же радостной улыбкой пошел навстречу коллеге. Они пожали друг другу руки, и после первых приветственных слов Редль сразу же приступил к делу.

— Август, ты знаешь, что когда меня направляли в Прагу, то одним из главных поручений было создание агентурной сети среди чешских национальных деятелей. Они все заражены панславизмом, и мне приходится в Богемии нелегко...

— Да, Альфред, я внимательно следил за твоими успехами на этом поприще и регулярно получал твои сообщения. Признаюсь, я сначала думал, что твои результаты будут слабенькими, поскольку ты ведь сам, кажется, славянин по крови...

— Как ты мог так подумать! — картинно вознегодовал Редль. — Традиции моей семьи, хотя и славянской, всегда были монархическими и прогабсбургскими. Как и мой отец, я уже тридцать лет верой и правдой служу нашему великому императору Францу-Иосифу и, надеюсь, кое в чем преуспел...

— Извини, коллега, но сейчас, как ты знаешь, в монархии растет недоверие к славянам. А ваша Прага стала просто рассадником крамолы. Иметь там такого человека, как ты, — большая удача для Эвиденцбюро и всего Генерального штаба...

— Спасибо за комплимент, коллега, но я трясся в автомобиле от Праги до Вены совсем не для того, что-

бы выслушивать эти лестные слова... У нас в Праге распространился слух, что через несколько дней славяне начнут войну против Турции. Какие у вас есть данные на сей счет и какова будет позиция его величества, двора и правительства в отношении этого конфликта?

Урбанский ненадолго задумался...

— Видишь ли, в Вене кое-кто тоже полагает, — начал он, потирая висок, — что после македонского конгресса в Софии, где кричали о предъявлении Турции ультиматума ради автономии Македонии и Фракии, на Балканах вспыхнет война. Но я лично совсем не уверен, что балканские славяне наконец-то решились до конца освободиться от Османской империи. Наши агенты пока не видят таких признаков...

— Хорошо. Но если на Балканах все-таки вспыхнет война? — настойчиво переспросил Редль. — Мне важно знать и с точки зрения боеготовности моего корпуса, втянемся ли мы в эту драку, или останемся в стороне от военных действий, ограничиваясь, так сказать, дипломатическими интригами?

— Дорогой Альфред, под большим секретом могу сообщить, что император Франц-Иосиф не хочет воевать сейчас. Мы будем делать вид, что верим в искренность России и Антанты, которые, как мы знаем, вынуждены также играть в миролюбие и нейтралитет. Во всяком случае, на данном этапе политической интриги Австрия не будет даже объявлять мобилизации — так решили только что, на большом военном совещании совместно с дипломатами, из-за которого я и опоздал на свидание с тобой...

Редль изобразил неожиданно полнейшее безразличие на лице и перевел разговор на обстановку в чешских землях.

— Прага кипит, — коротко сформулировал он свои наблюдения, — и ключевыми фигурами являются наши старые знакомые — Крамарж, Клофач, Коничек*... К сожалению, мы не можем бороться с ними никакими средствами, кроме политических, а эти господа пользуются ярыми симпатиями населения, устраивают собрания в поддержку братьев-славян, собирают деньги, разлагают солдат моего корпуса... Не секрет, что в Чехии

* Чешские национальные деятели славянофильского направления, выступавшие за различные степени федерации с Россией будущего государства чехов.

действует националистическая организация «Богемское государственное право». Так вот, к ее борьбе против венского централизма примкнули за последние месяцы тысячи новых adeptов. Процесс национальных социалистов в Праге, ведущих антимилитаристскую работу, показал недавно, в какой степени сильна в этой могущественной чешской партии оппозиция против австрийской армии. Главари чешских панславистов официально и открыто сносятся с русским, сербским и болгарским правительствами. Летом на слет «Соколов», представляющий собой не что иное, как открытый смотр будущей чешской армии, приезжали в качестве самых желанных гостей представители генеральных штабов славянских государств.

— Часть из того, что ты говоришь, мы уже знаем, но многое я слышу впервые, — признался Урбанский.

— Что ты! Накал страстей растет! Не проходит дня, чтобы провинциальные чешские газеты не подвергались штрафам за оскорбление австрийских величеств: они то и дело публикуют сообщения о якобы хищническом хозяйничестве и жестоком обращении с чехами в Конопште, имении эрцгерцога Франца-Фердинанда под Прагой, об издевательствах над несчастными чехами в других поместьях императорской семьи в Богемии и Моравии. «Долой Вену!» — это лозунг дня, под которым скрываются и антидинастические настроения, и государственная измена.

— У нас здесь не лучше, — пожаловался коллеге Урбанский. — Мы узнали, что в Сербии создана новая тайная организация под названием «Черная рука», или «Единение или смерть». Она ставит своей целью освобождение всех славян и раздел Австро-Венгрии. Мы, естественно, доложили это императору, но ты ведь знаешь нашу карусель. Тут же началась обычная неразбериха. Разумеется, граф Эренталь, как министр иностранных дел, настаивает на ограничении разведки против Сербии и на чрезвычайной осмотрительности. Последнее слово, как всегда, за ним, и Генштаб нашего высокоавторитетного у императора органа сдается не сразу: господин генерал смутно чувствует угрозу какого-то бедствия и вновь ставит вопрос о восстановлении «усиленной разведки» против Сербии, а заодно об активизации наших разведчиков и агентов в России. Больше месяца Эренталь молчит, а затем отвечает, что не может

дать такого поручения чинам посольства в Петербурге, поскольку именно в настоящий момент разведывательная деятельность в России будет навлекать на себя сильные подозрения и весьма рискованна. Вот и поди совладай с графом. — Фон Урбанский беспомощно развел руками и закончил с раздражением: — Наши германские коллеги вовсю ведут разведку и против России, и против Франции, и против кого угодно, а мы сидим со связанными руками по милости наших дипломатов... Даже у себя в империи мы не можем навести порядок и арестовать славянских агитаторов, которые разваливают монархию. Попробуй их тронь, сразу же поднимается жуткий крик со всех сторон, суды вынесут оправдательные приговоры, и опять кто во всем будет виноват? Генеральный штаб, дорогой коллега! Ну как тут не прийти в дурное расположение духа...

— Не расстраивайся, Август! Вот начнется война, и тогда ты отыграешься на всех изменниках, — поспешил успокоить полковник Урбанского. — Теперь предлагаю отобедать в «Ридгофе», а потом отправиться в оперетту — я уже заказал ложу на «Графа Люксембурга». Ты еще не был на этой новой прелестной штучке? От нее без ума не только вся ваша Вена, но и вся наша провинция!..

— Ты прав, разбитные мотивчики из «Графа» играют сейчас на всех венских углах, — мрачно улыбнулся Урбанский. — Благодарю за приглашение, дружище, но сегодняшний вечер у меня занят...

— Тогда честь имею кланяться! — поднялся полковник и шелкнул каблуками. Хозяин кабинета тоже поднялся, чтобы проводить гостя до дверей.

Так же уверенно, как и входил в Эвиденцбюро, Редль покинул свою бывшую контору; кивком головы отвечая на подобострастные приветствия офицеров, пересек двор и вышел к своему автомобилю.

Шофер бежал экипаж, чтобы открыть дверцу хозяину, а затем закрутил ручку магнето. Двигатель сначала чихнул, потом плавно и ровно заработал.

— К почтамту! — скомандовал седок в переговорную трубу.

Поездка к почтамту, расположенному в двух кварталах от военного министерства, не заняла много времени. Редль и здесь чувствовал себя уверенно. Он важно подошел к окошечку телеграфа и, не снимая перчаток,

быстро набросал несколько строк на бланке телеграммы: «ДОКТОР ПРОПИСАЛ БАВУШКЕ ЛЕЧЕНИЕ НА ВОДАХ. ЧЕРЕЗ НЕДЕЛЮ ЕЕ ПОВЕЗУТ В МАРИЕНБАД. ДЕДУШКА ОСТАЕТСЯ В ВЕНЕ. ФРЕД».

7. Прага, сентябрь 1912 года

В Праге его шифровка была получена в тот же день. Господин средних лет, которому посыльный вручил бланк, сразу куда-то заторопился.

Однако, прежде чем выйти из квартиры, господин вернулся в кабинет, снял рожок телефона и назвал станции номер.

— Это говорит вице-президент Живностенского банка Пíлат, — назвал себя господин. — Могу ли я еще сегодня встретиться с господином депутатом? Спасибо, я буду в девять вечера.

...После восьми часов Прага кажется вымершим городом. Только на площади святого Вацлава сияют газовые фонари, сверкают электричеством некоторые витрины, да приветливо светятся подъезды фешенебельных отелей. На всех остальных улицах жизнь теплится только в пивных и кафе. Завсегдатаи этих заведений, пользуясь теплой и сухой погодой, забредают сюда в шлепанцах на босу ногу. Разморенные жарой и пивом, они никак не могут оторваться от компании, хотя им, как и всем порядочным людям, пора уже отправляться ко сну.

Вице-директор Пíлат в наемном экипаже, чтобы не закладывать на ночь глядя свою собственную коляску, довольно быстро добрался до Томашовой улицы и нашел дом, где жил депутат австрийского рейхсрата и профессор Карлова университета в Праге, один из по-

пулярнейших лидеров чешских националистов. Философ и политический деятель, он хорошо понимал, что освобождение Чехии, Словакии и создание независимого чехословацкого государства невозможно без согласия и поддержки России, без поражения пангерманизма и развала Австро-Венгерской «лоскутной» монархии. Среди всех мировых сил именно Россия с ее традиционной политикой поддержки своих братьев — западных славян, участием в борьбе за освобождение от оттоманского ига балканских народов снискала себе уважение всего чешского и словацкого населения, которое стихийно выражало надежды на помощь русских в национально-освободительной борьбе против Габсбургов и Гогенцоллернов, против проклятой неметчины, усиленно насаждавшей австрияками. Профессор тонко учитывал симпатии чехов к России и русским, когда готовил и совершенствовал свою политическую программу. Но сам он был весьма критически настроен по отношению к великому восточному соседу. Прежде всего его беспокоил размах революционной борьбы в империи Романовых; он с ужасом думал о том, что этот свободолюбивый дух может перенестись на его народ и сделать его бунтующим и непокорным. Профессор знал, что в России все шире и шире распространяется марксизм, что в этой стране есть весьма активные революционные силы, которые стремятся переделать общество, и эта перспектива страшила его, ибо он категорически не принимал марксизм, хотя иногда и выдавал себя за знатока идей Маркса.

Совсем недавно профессор смог весьма близко познакомиться с российскими социал-демократами: несколько месяцев назад они проводили в Праге партийную конференцию. Знакомство его напугало, а идеи гостей немало возмутили. Оказывается, здесь были почти одни большевики во главе с Лениным. Они избрали большевистский Центральный Комитет и изгнали из партии меньшевиков, на которых профессор возлагал столь большие надежды в укреплении благопристойного и вполне парламентарного духа оппортунизма царской власти, весьма гармонизировавшего с его собственными настроениями в отношении Габсбургов.

Умом философа лидер чешских буржуа хорошо понял, что во время Пражской конференции российских социал-демократов в Европе возродилась небывало ре-

волюционная марксистская партия, способная свергнуть не только самодержавие, но и потрясти все основы мира. И хотя профессор—депутат рейхсрата презирал азиатский феодальный дух государства Романовых, еще больше он опасался могучих возможностей России, когда она освободится от своих оков.

Профессора весьма угнетала двойственность его собственной позиции: с одной стороны, он обожал парламентаризм Англии и Франции, был тонким знатоком и ценителем западноевропейской культуры. С другой — не мог не учитывать симпатий своего народа, столь бурно проявлявшихся в адрес России и братьев-славян.

Ориентируясь лично на Англию и Францию, лидер чешских националистов ясно видел вместе с тем, что ни общественное мнение, ни правительства этих стран не ударят палец о палец ради освобождения чехов от господства Габсбургов.

Испытывая антипатию к «русскому медведю», он был готов — и доказал это на деле — использовать в интересах установления идеального, по его мнению, умеренно-консервативного строя, финансовую и всякую другую помощь со стороны Российской империи. Без этого, как он реально понимал, было невозможно свалить еще более ненавистное ему австрийское иго и на его развалинах создать республику, где будет царствовать просвещенный и разумный капитал.

Вот почему он поддерживал совершенно тайные и законспирированные связи с резидентом российского Генерального штаба в Австро-Венгрии, направлял и корректировал в меру своего разума деятельность группы Стечишина и старался как можно шире пользоваться ее информацией.

«Градецкий», как его называли в целях конспирации единомышленники и соратники, принял очень любезно вице-директора, своего старого приятеля и партнера по игре в покер. Слуга проводил гостя в кабинет, где на маленьком столике у дивана уже был накрыт кофе на двоих.

— На ночь я пью только пльзенское, — заметил Пилат после того, как приятели обнялись и коснулись бородами, словно в поцелуе. «Градецкий» дернул за шнур звонка, и слуга, открыв дверь, вырос на пороге.

— Пивечко! — бросил хозяин. Моментально появились кружки с пенистым «Праздроем». «Градецкий»

встал, собственноручно закрыл на щеколду дверь кабинета и вернулся к столику.

— Я получил вот эту телеграмму, — протянул Пилат бланк сообщения из Вены.

— Посмотрим, посмотрим, — протянул профессор и полез доставать из-под дивана записную книжку, в которой у него условными знаками, известными одному лишь хозяину, был изложен ключ к шифру.

Директор Пилат не мог удержаться от улыбки, видя, как грузный пожилой мужчина проворно встал на колени, а затем принял вообще немыслимую позу, шаря далеко под диваном в поисках книжки, которую без труда мог обнаружить любой полицейский, приди он с гласным или негласным обыском к давно подозреваемому австрийскими властями в крамольной деятельности профессору. Однако банкир не стал делать замечание уважаемому политическому лидеру, хотя про себя немало подивился его наивности и неумению конспирировать.

«Пан Градецкий» извлек свой ключ к шифру, внимательно изучил текст телеграммы, затем, подойдя к письменному столу, принялся набрасывать расшифрованную криптограмму на листок бумаги. Закончив сей труд, он важно и раздумчиво произнес:

— «Пан Блондин» просит срочной встречи. Он вскоре намерен увидеться со связным и передать ему собранную информацию. Вы что-нибудь хотели получить от «Блондина»?

— Да. Я сам просил его, а затем подтвердил через «доктора Блоха», с которым он встречался по расписанию, узнать в Вене, насколько основательны слухи о войне славянских государств на Балканах против Турции и готов ли австро-венгерский Генеральный штаб к войне с Россией по этому поводу... — спокойно произнес Пилат.

Профессор заволновался.

— Господин директор, я вас уже просил однажды не подвергать себя такому риску встреч с этим ценным русским агентом. В конце концов, «доктор Блох» мог бы потом встретиться еще раз с ним экстраординарно...

«Ну и хитрый старик! — подумал директор Пилат. — Жаждет один получать всю важнейшую политическую информацию и пользоваться ею в своих интересах! А то, что подобные сведения — будет большая

война или не будет — представляют высокую экономическую ценность, особенно для моего банка, он и знать не хочет!..»

Недовольство, впрочем, никак не отразилось ни в лице, ни в поведении господина Пилата, и он заявил, что готов лишний раз презреть опасность, лишь бы не дать контрразведке случай заподозрить уважаемого профессора и политического деятеля в предосудительных связях.

«Пан Градецкий» раздумывал мгновение, а затем решил все же согласиться на дополнительную встречу директора Пилата с полковником Редлем. Он действительно стремился быть монополистом получаемых от Редля военно-политических секретов и хотел распоряжаться ими по своему усмотрению, но профессор догадывался, что его молодой последователь и ближайший сотрудник, скрытый в разведывательной организации под псевдонимом «доктор Блох», мог и по своему почину, из желания услужить влиятельному банкиру, каким был директор Пилат, поделиться с ним кое-какими сведениями или предположениями. Поэтому «Градецкий» решил извлечь пользу из сложившейся уже ситуации и не только уверить Пилата в своем расположении, но и нейтрализовать его возможные подозрения.

— Да, я давно просил «доктора Блоха» поделиться с вами сведениями, которые сообщил нам полковник... — Профессор дернулся, оговорившись, и сразу поправился: — «Блондин» и другие осведомленные господа... Надеюсь, это поможет и вашему банку устроить свои финансовые дела, связанные с возможным военным столкновением балканских держав. Ведь у вас в Сербии и Черногории большие интересы?!

— Что вы, профессор! Там у нас гроши! — заскромничал пан директор. — Вот в Румынии мы действительно будем открывать филиал, но если турки разобьют румын и снова оккупируют эту страну, то все наши проекты пойдут прахом... Поэтому лучше, если я сам встречусь с «Блондином» и узнаю из первых рук о всей этой балканской заварухе...

Профессор слушал, полузакрыв глаза, и размышлял, как казалось, о чем-то весьма далеком от предмета разговора. Это был его способ выражать недовольствие. Когда Пилат кончил свою мысль, «пан Градецкий» широким жестом пригласил его к столу.

— Закончим на этом дела и отведаем пивечка! — радушно предложил хозяин. — Только вчера мне доставили свежую бочку из Пльзеня, от «Праздроя»... — И с видимым удовольствием окунул свои седые усы в серую фаянсовую кружку, полную белоснежной пены.

— Как дела в вашем банке? — вежливо спросил профессор, утолив первую жажду.

— О, прекрасно! Мы открыли несколько новых наших контор в городах России и, представьте себе, даже на Волге!

— Неужели в России можно делать дела? — скептически поинтересовался депутат рейхсрата. Он был убежден, что только во Франции и Англии предприимчивые люди могут быстро наживать состояния и вести выгодную торговлю. Восточная Европа представлялась ему глухой полуколонией, где на огромных просторах разбросаны редкие полудеревушки-полугорода с урядниками во главе.

— Что вы, профессор! Наши финансисты совершенно справедливо видят в России необъятный рынок и возможности выгодного вложения капиталов! В нашем банковском отчете за прошлый год я видел любопытные цифры. Семь восьмых продукции автомобильной промышленности Чехии находит сбыт на русском рынке. Связанная с нашим банком автомобильная фирма Лаурин и Клемент имеет свои филиалы в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове и Ростове-на-Дону. Сельскохозяйственные машины, половина всего имперского производства которых падает на Чехию, вывозятся тоже главным образом в Россию. Фирма Бати в Злине считает в своем экспорте обуви на первом месте Россию! Воистину Российская империя — золотое дно для маленькой Чехии. Поэтому, профессор, мы ценим, что вы и ваши друзья оказываете посильную помощь Петербургу, хотя, как известно, ваши личные симпатии далеко не на их стороне!

— Ну, мои личные симпатии оставьте в покое, — проворчал профессор. — Я прежде всего политик, а в политике эмоции только вредят. Наш малый народ может занять равное место с великими державами лишь в том случае, если сохранит свою средневековую самобытность, искоренит революционный радикализм и соймкнется в своей духовной культуре с Западной Европой, — вот мое политическое кредо. Именно поэтому

я хочу использовать мощь России и славянства вообще лишь до того порога, от которого начнется наша собственная государственность. Пока нам хорошо в рамках Австро-Венгерской федерации, и надо ее улучшать, насколько это возможно. Но все имеет свои естественные пределы, и поэтому я сейчас начинаю с оптимизмом смотреть на Россию. Использовать Россию, Францию и Антанту вообще для национального освобождения и установления доброго мира всех сословий и сотрудничества в будущей республике — что может быть благодарнее для чехов! Давайте поднимем за это кружку доброго чешского пивечка! — предложил профессор своему гостю и собрату по партии.

— Прозит! — ответил банкир по-немецки и выпил свою кружку до дна.

8. Берлин, ноябрь 1912 года

Берлин, как обычно, жил уже несколько часов трудовой жизнью, когда в три четверти десятого на Потсдамерштрассе раздался автомобильный клаксон. Он был звучный и властный, не похожий ни на какой другой звук в германской столице. Большой лакированный экипаж, произведение фирмы Даймлера, с миниатюрными императорскими коронами, венчавшими медные прожекторы, катил на высоких колесах с тонкими белыми шинами во главе колонны из пяти авто.

— О, это наш кайзер следует во дворец из своей резиденции! — говорили друг другу, как и каждое утро, лавочники, приказчики, владельцы «гастштедтов» и других подобных заведений, расположенных от Потсдама до Унтер-ден-Линден. Обыватели выходили из дверей, раскланивались с соседями, а затем почтительно принимали стойку «смирно», пока «мерседес» и следую-

шая за ним кавалькада, оставляя в воздухе густой перегар газаolina, не промчатся мимо с бешеной скоростью в сорок километров в час.

— О, его величество большой спортсмен и обожает столь опасную езду! — делился сосед с соседом каждое утро, закатывая глаза и выражая тем самым крайний восторг, смешанный с разумными опасениями за жизнь великого монарха.

Все население на улицах Берлина впадало в столбняк верноподданности, когда по ним несея экипаж Вильгельма II. И только проезжие в Париж или на воды русские баре, которых всегда в Берлине было с избытком, непочтительно и дико галдели между собой, завидев автомобиль императора.

В этом закопченном городе, который, казалось, был не выстроен, а нарисован серым грифелем на черной доске, лишь извивы реки, лишь каналы и парки представлялись взору голубой или зеленой аномалией, вкрапленной в нереальный серый мир под серым небом. Здесь, в самом центре Берлина, на острове между Шпрее и ее протокой, в мрачном дворце прусских королей, вызрел и оперся на железные когти пангерманизм, требовавший установления мирового господства Германии, передела карты Европы и колоний европейских держав в пользу империи Гогенцоллернов, в пользу германских промышленников и банкиров.

Своим главным противником и злейшим конкурентом пангерманисты не без оснований считали Великобританию. Другой стратегической идеей, осенявшей все шовинистические построения и лозунги, был «Дранг нах Остен» *. Уже тогда демагогические призывы «оградить Европейский континент от русских стремлений к мировому господству», «обеспечить культуртрегерскую миссию немцев и австрийцев среди «варварских славянских народов» спланивали самые черные империалистические силы Центральной Европы.

...Без трех минут десять кайзер быстрым шагом прошел от авто в парадный подъезд замка, сбросил шинель на руки адъютанта и через две ступени взбежал по мраморной лестнице к своему кабинету. Следом за долговязой фигурой императора, позвякивая орденами, спешила небольшая свита.

* «Дранг нах Остен» (нем.) — «Марш на Восток».

Двери кабинета растворились бесшумно. Одновременно в глубине залы часы мелодично начали вызванивать десять.

Генерал-адъютант неподвижно замер у двери. С последним ударом часов Вильгельм, позвякивая шпорами, подошел к огромному дубовому письменному столу, посреди которого лежала закрытая сафьяновая папка с бумагами, и решительно опустил в кресло, словно пробуя его крепость.

Всем своим обликом, манерой говорить Вильгельм производил впечатление монарха самостоятельного и твердого. Царедворцы многих других властителей, знакомые с Гогенцоллерном, почтительно шептали своим друзьям: «Он может править и знает, чего хочет!» — по всей вероятности, не находя подобных качеств в своих собственных повелителях.

Вильгельм резко раскрыл папку, заранее приготовленным золотым пером быстро начертал подпись на нескольких листках, которые он почти мгновенно пробежал глазами.

Огромная карта Балканского полуострова занимала половину боковой стены зала, прикрывая собой даже дверцы книжных шкафов. На другой стене предусмотрительно была приготовлена карта восточных границ империи, от Балтики на севере до Анатолийского полуострова на юге.

— Графа Эйленбурга и майора Николаи! — отрывисто скомандовал император, подняв голову от последнего листа.

Рабочий день кайзера начинался по традиции с доклада начальника отдела разведки Большого Генерального штаба, возглавляемого майором Вальтером Николаи. В его подчинении находились военные атташе, легальные агенты и шпионские группы в европейских и восточных странах, разведывательные отделы армейских и пограничных корпусов — словом, все дело шпионажа против любых соперников Германской империи. Предприятие было весьма разветвленным и пользовалось особой монаршей милостью.

Вильгельм обожал разведку. В отличие от многих других тогдашних европейских монархов, и в первую очередь от Николая II, который приближал к себе собутыльников по гвардейским пирушкам, то бишь людей, как правило, никчемных, но родовитых, благоволил

прежде всего к разведчикам, ничуть не заботясь об их родовитости. Он почитал за необходимость ежедневно и ежечасно при решении государственных проблем прибегать к результатам разведывательной работы.

Более того, Вильгельм не избегал и сам принимать активное участие на ниве профессионального шпионажа. Кайзер нередко инструктировал, давал задания и от-правлял за границу агентов, а случись, что агент про-валивался, не жалел сил и средств на выручку. В то же время «милый Вилли» очень любил указывать своим братьям-монархам на их зарвавшихся агентов, собственноручно сочиняя ехидные письма «родственникам» с укорами в неблагородных манерах.

Его особенной страстью была дезинформация дру-гих правительств в Европе, ради чего Вильгельм прика-зывал печатать в газетах и журналах особые статьи, написанные по его идеям. Не брезговал он и торгов-лей фальшивыми «секретными» документами своего штаба.

Традиции Бисмарка и его «короля шпионов» — Штибера упали на хорошую почву в душе германско-го кайзера. Он не стеснял себя никакими нормами мо-рали, когда речь шла о тайной разведке.

Руководитель всех разведслужб Германской империи граф Филипп Эйленбург и майор Николаи бесшумно скользнули в кабинет и направились к своим обычным местам у длинного библиотечного стола, украшенного двумя старинными китайскими вазами. Вильгельм за-нял председательское место и кивнул офицерам. Оба сели.

— Что думает биржа об этой Балканской войне? — осведомился Вильгельм перед началом доклада.

— Акции заводов Круппа быстро растут. Так же быстро растут акции «Сименс-Шуккерт» и «Сименс и Гальске». В пакете «Фарбверке» повышается стоимость акций пороховых и динамитных заводов, — без запин-ки отвечал граф. — Особенно бурно растет стоимость бумаг гамбургской верфи «Блюм и Фосс»...

— Кстати, передали им заказ на новый броне-носец?

— Точно так, ваше величество!

— Не останавливать этого процесса! Германская промышленность должна готовиться к войне! Процве-тание ее возможно поощрять в первую очередь ради

снабжения армии и флота! — изрек Вильгельм и добавил: — Приступайте к докладу, майор!

Николай быстро зачитал две странички о ходе военных действий на Балканах, о попытках французского Генерального штаба спровоцировать вступление в Балканскую войну России, о частичных военных приготовлениях Австро-Венгрии, которая готова поддержать Турцию против балканских союзников.

Последний абзац был посвящен закладке на Путиловской судовой верфи двух новых миноносцев и подводной лодки.

— Это очень добротные сведения, господин майор! — одобрил кайзер доклад и особенно его военно-морскую часть. — А каким путем мы получили эти данные?

— Ваше величество! И директора Путиловской верфи — Орбановский, Бауэр, Поль, и начальник отдела военного судостроения Шилленг, и начальник отдела эллингов Летчер, и господа инженеры, и почти все чертежники, то есть свыше ста работников, — германские подданные. Они всегда готовы сообщить нам любые данные. Однако наш отдел старается без крайней нужды не прибегать к их услугам, которые могут быть квалифицированы русскими как шпионаж... У нас есть более надежный и безопасный путь. Мы привели дело к тому, что русские и германские страховые общества вступили в самые тесные деловые связи. Германские общества и банки — по нашему совету, разумеется, — берут на себя риск перестрахования военных кораблей в процессе их строительства. Русская перестраховочная контора «Шварц, Бранд и К^о», общество «Фейгин и Тотин» и другие компании по страховке судов, обязаны сообщать нашим обществам, имеющим с ними договорные отношения, все данные о классе судна, тоннаже, назначении, месте постройки, вооружении и машинах, управлении и тому подобном. И так — до самого спуска на воду, когда страховка прекращается...

— Продумайте, как сохранить эту систему через нейтральные страны на время войны, — посоветовал император.

— Всенепременно, ваше величество! — в один голос отозвались Эйленбург и Николай.

— А как идет сбор экономических данных, необходимых нашему Большому Генеральному штабу для под-

готовки наступления на Францию и Россию? — осведомился Вильгельм, поправляя стрелки усов.

— Месяц назад повторен циркуляр Генерального штаба № 2348 от 7 апреля 1898 года, по которому германским фирмам за границей предлагалось зачислить в штат своих служащих лиц, командируемых Большим Генеральным штабом. Правда, следующим циркуляром мы вынуждены были принять на себя большие расходы, указав, что командируемым лицам значительное содержание выплачивается за счет сумм нашего отдела. Таким образом...

— Не стойте за расходами, — прервал Николай кайзер, — каждая марка, выплаченная в разведке, стоицей возмещается на поле боя...

— Именно так, ваше величество, — подтвердил граф Эйленбург.

Николай продолжал свой ответ на вопрос императора, проявляя недюжинную память. Вильгельм покровительственно улыбался, слушая своего любимца.

— Наши офицеры работают приказчиками, конторщиками, коммерческими директорами и другими служащими германских фирм в России. Беспечность русских простирается так далеко, что мы посылаем туда офицеров, которые совсем не говорят по-русски, но заводят весьма бойкие связи в торгово-промышленных кругах. Свои донесения они направляют нам под видом коммерческой переписки...

— Назовите мне достойнейших из моих офицеров, героев, которые ежечасно рискуют жизнью в этой варварской стране... — патетически произнес кайзер, снова погладив загибающийся кверху ус.

— О, ваше величество, они будут польщены, если узнают, что сам великий император интересовался их деятельностью на благо вашего величества и фатерлянда... — отвесил поклон майор и вновь продемонстрировал свою память на имена секретных агентов: — Офицер императорской кавалерии Вейследе — глава «Русского общества аккумуляторов Тюдор». Директор акционерного общества варшавской фабрики ковров майор Корф. Офицеры Герварег — технический директор «Общества соединенных кабельных заводов», Дик — владелец русского книжного товарищества «Деятель», Бонмюллер и Тайринг заведуют торговыми агентствами товарищества «Культура», фон Шенк — лесопромыш-

ленник и землевладелец. Капитан Глевене — инспектор страхового общества «Россия». Лейтенант Тильманс — совладелец торгового дома «Е. И. Тильманс и К^о». Майор Эмиль Шпан — родной брат коммерсанта Шпана, владельца «Русского общества для изготовления снарядов и военных припасов». Капитан Клян — управляющий фабрикой «Беккер и К^о» в русской крепости Белосток...

— Довольно, майор, довольно! Я вижу, как много германских офицеров верно служит мне, не надевая военного мундира! Дайте указания этим господам, а также всем нашим агентам, в том числе и консульским, в России... — При упоминании о России великий кайзер задумался, вздохнул, а затем продолжил ровным и бесстрастным голосом: — Да, в России, а также аналогичным негласным сотрудникам разведки во Франции, чтобы они подготовили обстоятельную информацию о состоянии продовольственных запасов в крупных городах, о новых установках на заводах и фабриках, особенно военного назначения, а также о состоянии железных дорог. Сведения передать в военно-статистический отдел... Вам же, граф Эйленбург, надлежит представить пять-шесть офицеров, особо отличившихся в негласной разведке, к награждению Железным крестом. Они уже начали свою войну против славянских орд в России и заслужили боевой орден более, чем это можно сделать на поле сражения...

— Слушаюсь, ваше величество! — приподнялся граф в своем кресле, но кайзер тут же усадил его легким движением руки и сказал с неким подобием улыбки:

— Полагаю, наград достойны не только господа офицеры...

— Ваше величество, — безошибочно уловил мысль монарха Николай, — выполняя вашу волю, мы уже несколько лет принимаем меры для возможно большего привлечения симпатий и привязанностей заграничных германских граждан, в первую очередь наиболее достойнейших купцов и финансистов, на сторону политики вашего величества.

— По ходатайству нашего бюро имперское правительство и ваше величество, а также его высочество принц Генрих Прусский удостоили многих заграничных немцев почетных должностей, связанных с правом на

получение отличий и льгот. Ваше величество и принц Генрих Прусский, как вы помните, направили самым избранным из них милостивые письма. Так, например, в России владелец торгового дома «Кунст и Альберс», господин Адольф Даттан получил звание почетного германского консула, портрет вашего величества с собственноручной высочайшей подписью и право считать принца Генриха Гогенцоллерна восприемником при крещении его сына Адольфа.

— Очень хорошо! Это достойная личность! — вспомнил Вильгельм одного из тех, кто оказал немалые услуги его разведке в России.

— Аналогичные высокие отличия получили от имени вашего величества братья Шпан, господин советник Вильгельм фон Ратенау, директора русского отделения «Всеобщей компании электричества», представители заводов Круппа и «Фарбверке» в Петербурге. То же самое мы практикуем и в отношении германских подданных во Франции...

Голос Вальтера Николаи, дотоле ясный и звонкий, наполнился глухими нотками печали. Обер-агент решил перейти от успехов к провалам, дабы прикрыть неудачи хотя бы тем, что о них осведомлен лично кайзер.

— Ваше величество! Позвольте перейти к важнейшей проблеме, существо которой неописуемо нас волнует и заставляет печально биться наши германские сердца.

— Что же вас заботит, майор? — все так же благодушно поинтересовался Вильгельм.

— Мы обнаружили измену! — выпалил Николаи и замер, испугавшись собственного признания.

— Как? Где? — вырвалось у кайзера. Его настроение резко переменялось, черты лица заострились, грозно задергались приподнятые кончики усов, а на щеках заиграли желваки.

— Кто предатель?! — спросил император. — Что он выдал нашим врагам?! — Руки государя, лежавшие до того спокойно на полированной поверхности стола, сжались в кулаки. Вильгельм, казалось, собственноручно готов был задушить черную гидру измены в германских рядах.

— Мы ищем его или их... — опередил ответ Николаи граф Эйленбург и, дабы смягчить удар, поспешил уточнить: — К тому же измена обнаружена не у нас, а в Ве-

не. Наши друзья в России сообщают, что у русских слишком широкая осведомленность о том, что делается в Австро-Венгрии. В сейфах русского Генштаба закрыты копии многих документов, которые — притом только в единственном числе! — имются в Вене. Увы, ваше величество, подобных копий нет даже в Берлине, — съязвил граф в адрес австрийских союзников, которых презирал за беспечность, неорганизованность и беспорядок в делах.

— Но ведь недавно император Франц-Иосиф не подал руки на придворном балу русскому военному агенту* в Вене, полковнику Марченко, и этот москвит был вынужден с позором убраться из Австро-Венгрии! — гневно возразил Вильгельм. — Вы мне докладывали, что за его преемником полковником Занкевичем установлено такое плотное наблюдение, что он не может выскользнуть незамеченным из своего дома даже глубокой ночью. Ваши австрийские коллеги докладывали вам, а вы успокаивали меня, что после поимки группы славянских шпионов в артиллерийском депо австрийской армии Вена очищена и больше нет повода для беспокойства? А теперь — из-з-змена?! — негодовал кайзер, все более распаляясь и взвинчивая себя до приступа неудержимого бешенства.

Молчали посрамленные Эйленбург и Николай. Но тут вспышку монаршего гнева укротила простая мысль о том, что измена, хотя и вызрела среди германцев, но германцев австрийских, которых и он, Вильгельм, и все истинные пруссаки считали недотепами, ленивыми и распушенными, неспособными в одиночку, без старшего прусского брата, противостоять славянским скопищам. Он даже наслаждался этой мыслью, ибо теперь мог уколоть новой изменой своих южных союзников, а главное, этого зануду и самолюбивого упрямца, начальника австро-венгерского Генерального штаба Конрада фон Гетцендорфа. Нет, не зря он, Вильгельм, в своем кругу иногда даже называл спесивого австрийца «горным бараном» — за страсть к альпийским полкам и военным действиям в горах...

— А теперь измена? — тихо, с укоризной переспросил государь.

* Военными агентами в описываемые времена именовались военные атташе.

— К сожалению, ваше величество, наши люди не могут пока найти подходов к русским разведчикам, — отвечал Николай, не подымая глаз. — Вы знаете, у нас есть связи при дворе, в окружении военного министра Сухомлинова и его жены, но в отделении секретной агентуры генерал-квартирмейстера Генерального штаба России мы пока бессильны что-либо сделать. Эти русские и малороссы, которые там собрались, ненавидят Германию и даже тщательно скрывают все свои агентурные связи от тех своих начальников по Генштабу, которые носят немецкие фамилии...

— Ненавидят Германию? Ненавидят?! Тем более вырвать измену с корнем! — вновь неожиданно разъярился император. — А для этого найти его или их в кратчайший срок! Принять все меры! Добавить чиновников в «черный кабинет», и чтобы ни одно письмо из России не проскользнуло без перлюстрации. Создать отделения «черного кабинета» на всех пограничных направлениях, вменить им в обязанность просматривать всю корреспонденцию, исходящую из почтовых отделений на границе Германии с Россией, Францией и Голландией. Продумайте сами другие меры и доложите мне незамедлительно... Поймать изменников во что бы то ни стало! Дайте соответствующий приказ всей нашей агентуре в Петербурге, в штабах военных округов, в Варшаве, Вильно, Киеве и Одессе — особенно в Варшаве и Киеве. Обратитесь к прогерманским кругам в России, ко всем, кто симпатизирует рейху в российской столице. Полагаю, кое-что можно получить через Варшаву, от генерального консула барона Брюка. Надеюсь, там по-прежнему благоприятная ситуация для германских интересов? Или тоже запахло изменой?

— Все руководство военным округом и губернией, ваше величество, — немцы до мозга костей. Они искренне считают, что Россия, чьими подданными они являются, должна быть в неразрывной дружбе с Германией, коей принадлежит истинное руководство в мировых делах, — отчеканил майор.

— Все руководство — немцы... — в задумчивости произнес Вильгельм. Он отменно знал расстановку сил в русском Варшавском военном округе и Привислянской губернии*, но любил, когда ему лишний раз напоми-

* Так назывались тогда польские области, входящие в состав Российской империи.

нали, что немецкое засилье, бывшее подавляющим в Петербурге, Москве и других крупнейших промышленных центрах, в Варшаве было не просто подавляющим — абсолютным.

— Командует войсками округа и является генерал-губернатором Привислянского края генерал-адъютант Скалон, интимный друг нашего генерального консула Брюка, — начал майор, угадав настроение кайзера. — Начальником Варшавского жандармского управления служит генерал Утгоф. Губернатор — родственник Скалона, барон Корф. Помощник генерал-губернатора — господин Эссен. Помощник Скалона по военному округу — барон Рауш фон Траубенберг. Управляющий конторой Российского государственного банка в Варшаве — Тиздель. Обер-полицмейстер города — Майер. Президент магистрата — Миллер. Прокурор палаты — Гессе. Управляющий контрольной палатой — фон Минцлов. Вице-губернатор — Грессер. Прокурор суда — господин Лейвин. Начальник Привислянской железной дороги — Гескет. Единственный русский, занимающий важный пост в этом военном округе, — начальник Варшавского разведпункта полковник Батюшин, но его дом на Саксонской площади в Варшаве находится под периодическим контролем наших агентов...

— О, это очень хорошо! — порадовался кайзер. — Надо подготовить план, как вывести господина Батюшина из строя. Разумеется, на случай войны...

Настроение Вильгельма, несмотря на неприятное сообщение об измене в Австро-Венгрии, несколько улучшилось. Кайзер встал. Повинуясь невидимым флюидам, за мгновение до этого граф Эйленбург и майор Николаи были уже на ногах. Николаи счел доклад окончанным и, стараясь не очень громко маршировать по дворцовому паркету, зашагал к двери, а Эйленбург, повинуясь знаку императора, остался в кабинете.

Когда створки двери сошлись за майором, император принялся нервно ходить по комнате, выдавая свое крайнее возбуждение.

Наконец он заговорил. По его мнению, нужно ускорить подготовку к войне. Будет уже поздно начинать ее в шестнадцатом, тем паче — в семнадцатом году. Необходимо опередить Британию. Это главный — самый опасный — конкурент. К тому же Россия успеет перевооружиться согласно своему плану и войдет в более

тесные сношения с Францией. Готов ли Мольтке-младший представить окончательные планы ведения кампании против России и Франции? Следует обсудить их в неофициальной обстановке, пока что с глазу на глаз, чтобы поставить свою подпись под таким документом, которым поколения германцев будут гордиться... Кстати, возникла мысль, как нащупать изменников делу Германии, а главное, как подтолкнуть этих хвастливых галлов и слишком доверчивых русских к событиям, которые помогут рейху развязать победоносную войну...

— Вот что, — продолжал император после некоторого раздумья, — в Берлине нас будут бесконечно отвлекать от главной задачи разными мелочами... Завтра я выезжаю на охоту в Роминтен. Управляющий сообщает, что в Восточной Пруссии уже выпал снег, мы сможем всласть пострелять... Мы приедем с принцем Генрихом. От моего имени пригласите графа Мольтке-младшего и графа Бюлова... впрочем, последнего, пожалуй, не надо, а то он вечно призывает нас пойти на уступку Англии. Разумеется, я хотел бы видеть вас, господин советник императора, и вашего двоюродного брата, министра двора. Не забудьте майора Николаи — у него блестящая память, и ему не придется везти с собой много бумаг... Кстати, Николаи докладывал позавчера, что в Берлине находится этот русский масон Кедрин. Он проездом из Парижа и Лондона в Петербург. Держите его поближе к Роминтену, хотя бы в Кенигсберге, — масон может понадобиться...

9. Прага, октябрь 1912 года

Высоко над Прагой, в Градчанах, на Лоретанском намести*, по соседству со знаменитым монастырем Ло-

* Намести (чеш.) — площадь.

реты возвышается дворец, заложенный Гумпрехтом Чернином из Худениц, бывшим императорским послом в Венеции. Построенный итальянскими мастерами, он был основательно разрушен в середине XVIII века прусским артобстрелом, затем изрядно пострадал во время наполеоновских войн и восстановлен лишь в середине XIX века для нужд австрийской армии. Ныне здесь располагались части и штаб 8-го корпуса императорской и королевской армии.

В одном из крыльев дворца высшим чинам были отведены казенные квартиры. К ним вела мраморная лестница с фреской на потолке «Гибель титанов» кисти Райнера, 1718 года.

Полковник Редль, как холостяк, занимал всего-навсего двухкомнатные апартаменты, весьма скромные и непрезентабельные для начальника штаба корпуса и первого кандидата на чин генерала. Туповатый денщик Иосиф Сладек, рядовой 11-го пехотного полка, следил за порядком в квартире и старался никого не пускать в ее пределы. К тому имелись веские основания. В темной комнате, предназначенной быть кладовой или обиталищем прислуги, полковник оборудовал по последнему слову техники фотолабораторию, в которой частенько запирался. Денщика совершенно не интересовало, почему плоды фотографических занятий полковника не составляют обычные для «хорошего дома» альбомы, не развешиваются по стенам в красивых рамочках или не ставятся в доступных для обозрения уголках квартиры.

Иосиф Сладек не совал нос в дела своего хозяина, к которому относился как старый и верный служака. Он с удовольствием уходил на ночь из тесной квартиры в казарму к друзьям-солдатам, когда полковник отпускал его и разрешал не возвращаться раньше утра.

При этом в кармане Сладека появлялось несколько блестящих геллеров или целая крона, уготовляемые, как обычно, сообществом друзей исключительно на пиво.

— Опять засядет в духоте в своем чулане, — незлобно ворчал денщик, спускаясь по лестнице. Но, когда Иосиф вышел на казарменный двор и заметил здесь своих верных собутыльников, как бы случайно оказавшихся в укромном уголке плаца с трубками в зубах, он сразу же забыл за более приятными хлопотами о любительских трудах своего полковника.

Редль между тем и не думал сразу же отправляться

в фотолабораторию. Ему сначала нужно было подготовить свои донесения в Петербург, чтобы затем, написанные мельчайшим почерком, переснять их с уменьшением на фотопластинки. Как опытный разведчик, Редль хорошо владел фотографией. При печатании подобных репродукций с помощью специальных объективов техника позволяла уже в начале нашего века добиваться таких мельчайших размеров позитива, что пространные тексты сообщений разведчиков легко умещались под почтовой маркой обычного, не вызывающего подозрений коммерческого или личного письма, могли заделываться в пуговицу или иной тайник.

...Сумерки застали Редля сидящим за письменным столом. Аккуратнейшим каллиграфическим почерком, стараясь писать как можно мельче, он выводил строки очередного донесения:

«А-17» докладывает:

1. Из разговора с начальником Эвиденцбюро полковником Урбанским выяснилось, что австрийский Генеральный штаб ничего не знает о предстоящем начале военных действий между Болгарией, Сербией, Черногорией и Грецией, с одной стороны, и Оттоманской империей — с другой. Австрийский Генеральный штаб не намечает передислокации армейских корпусов, нет никаких свидетельств, что мобилизационный план начат исполнением.

2. На полигоне в Штайнфельде в присутствии комиссии для испытаний военного министерства проводились стрельбы новой мортиры. Калибр орудия 30,5 см. Мортира предназначена для осадной стрельбы по бетонированным или укрытым броней капонирам крепостей. Орудие испытывалось на различных дистанциях — 2, 4, 6 километров. Наиболее точная дистанция стрельбы — 4 километра. Для разрушения форта полного профиля из бетона потребовалось 300 снарядов. Заказ на мортиры передан артиллерийской фабрике Шкода в Пльзене. Первая партия для вооружения двух дивизионов поступит через год...»

Выводя мелкие ряды строчек, Редль то и дело сверялся со своими записями на небольшом клочке бумаги.

«...Данные получены от офицера, присутствовавшего на испытании. После стрельбы состоялся доклад председателя комиссии, сообщившего, что итоги испыта-

ния совершенно секретны и присутствующие не имеют права делать заметки в служебных блокнотах.

3. 4-й уланский полк передислоцирован в Восточную Галицию. Его эскадроны квартируют в Красноставе. Командир полка — граф фон Гемпель, начальник штаба — полковник Адлер. Данные получены от директора службы движения железной дороги Львов — Краков...»

Полковник собрался было промокнуть написанное, но затем, видимо что-то вспомнив, подошел к платяному шкафу и извлек из кармана серого костюма, в котором он навещал в Вене Эвиденцбюро, конверт с клочками разорванного черновика.

Привычными, отработанными движениями он разложил на листе кальки смятые обрывки бумажного листа, разгладил их пресс-папье, а затем принялся собирать текст, как игру. Наметанному глазу не потребовалось долго разгадывать ребус. Выяснилось, что Редль — воистину редкостная удача! — оказался обладателем черновика донесения, написанного рукой самого начальника Эвиденцбюро:

«Начальнику Императорского и Королевского Генерального штаба, его превосходительству фельдмаршалу-лейтенанту Конраду фон Гетцендорфу.

Докладаваю:

Наш военный агент в Петербурге подполковник Мюллер сопровождал Его высочество наследника престола эрцгерцога Франца Фердинанда, наносившего визит Его величеству Николаю Второму, из столицы Российской империи до ее границы в Варшаве.

В этом главном городе Привислянского края он предполагал потенциальным агентом, подготовленным на вербовку еще в Петербурге, — полковником Российского императорского Генерального штаба Кириллом Петровичем Лайковым. Упомянутый Лайков был переведен в Варшавский военный округ по причине обилия карточных долгов, сделанных им в офицерских собраниях Петербурга.

Подполковник Мюллер, имея в виду особую ценность подобного агента, испрашивает позволения исключить данный случай из общего указания Его высочества о приостановлении активного шпионажа в России, дабы не раздражать Его величество императора Российского во время и после нанесения высочайшего визита.

Полковник Лайков, по его словам, имеет доступ к мо-

билизационному плану русской армии, каковой он и предлагает за 200 000 рублей доставить на двое суток подполковнику Мюллеру. Перефотографирование возможно в помещении нашего Консульства в Варшаве. Поскольку все дело необходимо проводить особенно срочно, полагаю необходимым немедленно направить в Варшаву с испрашиваемой суммой одного из офицеров Генерального штаба.

Почтительнейше прошу Ваших указаний о выдаче испрашиваемой суммы и командировании капитана Краузе в Варшаву.

Военный атташе Мюллер остается в Варшаве на несколько дней под предлогом охоты в Беловежской Пуще по приглашению консула Германии в Варшаве барона Брюка.

Начальник Эвиденцбюро Императорского и Королевского Генерального штаба
полковник Урбанский фон Остромиец».

Редль с удовольствием потирал руки, читая и перечитывая документ. Затем он положил его между двумя стеклянными пластинами — для последующего фоторепродуцирования. Отложив на время пластины в сторону, он продолжал донесение:

«...4. При посещении Эвиденцбюро удалось добыть черновик документа, из коего явствует, что Генерального штаба полковник Кирилл Петрович Лайков имеет быть агентом австро-венгерской разведки и располагает мобилизационным планом русской армии для продажи Вене. Фотокопию черновика Урбанского прилагаю.

5. На Ваш запрос сообщаю, что пропаганда славянофильских идей Славянским обществом в Петербурге на территории Австро-Венгерской монархии имеет большой успех. На сторону славянской идеи склоняется все большее число влиятельных лиц. Так, обширную военную и политическую информацию продолжает давать «доктору Блоху» член провинциального правительства в Зальцбурге доктор Эдуард Рамбусек. На этой же основе укрепляются контакты резидента Стечишина с господами «Градецким» и «доктором Блохом».

По сведениям, полученным из сокольских кругов, председатель национально-социалистической партии и депутат рейхсрата г-н Венцель Клофач готовит для вручения консулу России в Праге докладную записку с предложением создать в тылу Австро-Венгрии в слу-

чае ее войны с Россией широкую разведывательную и диверсионную сеть, используя симпатии славян к русскому народу и русской армии. Депутат д-р Крамарж разрабатывает проект «Устава Славянской империи». Д-р Крамарж исходит из поражения Австро-Венгрии в предстоящей войне с Россией и предусматривает создание под эгидой русского императора обширной системы славянских королевств — Польши, Чехии, Болгарии, Черногории. При этом в состав Чешского королевства должны войти не только Словакия и лужицкие земли, но и весьма значительная часть австрийских земель на Дунае вплоть до Вены. Составные части Славянской империи должны быть соединены с Россией федеральными отношениями, таможенным союзом, но сохранять полную автономию во внутренних делах.

Все это свидетельствует о том, что влиятельная часть чешских деятелей начинает отдавать себе отчет в том, что их традиционная ориентация на превращение собственно Австро-Венгрии в бастион против германской конкуренции и наступления пангерманизма нереальна. В основном подобная оценка высказывается младочехами, наиболее влиятельной партией среди городского населения Чехии. Аграрии и клерикалы по-прежнему ориентируются на Германию и укрепление Австро-Венгерской монархии.

6. В Австро-Венгерском Генеральном штабе рассматривается вопрос о назначении подполковника Евгения Штрауба военным агентом в Стокгольм, Копенгаген и Осло. Его задача — не только наблюдать за Россией и заводить в ней агентурные связи с позиций третьих стран, но и организовать слежку за русскими разведцентрами в Стокгольме и Копенгагене. Эти центры оцениваются в Германском Большом и Австро-Венгерском генштабах как высокодейственные, а руководитель их — военный атташе России в Скандинавии полковник Ассанович — как исключительно активный и квалифицированный разведчик.

Подполковник Штрауб, избранный для противодействия Ассановичу, энергичный и знающий офицер. Не пьет и не завязывает беспорядочных связей с женщинами. Предан идее превосходства германской нации. Недостаток — не владеет русским языком. Самоуверен, не терпит возражений от агентуры.

7. Начальник разведывательного отдела (IIIВ) Гер-

манского Большого Генерального штаба майор Вальтер Николаи совершил недавно негласную поездку по России, используя фальшивые документы и свое хорошее знание русского языка. Его паспорт был выписан на имя Бернгарда Шульца, представителя германской фирмы «Кунст и Альберс» во Владивостоке.

8. Известную вам сумму в австрийских кронах прошу не передавать с «Мельником», а послать через Германию непосредственно в Вену, по адресу: Центральный почтамт, до востребования, девиз «Оперный бал», г-ну Никону Ницетас.

А-17».

Полковник вынул из книжного шкафа толстый том «Искусства войны» Клаузевица, достал из письменного стола записную книжку с ключом от шифра и пунктуально стал зашифровывать донесение.

Эта работа заняла довольно много времени. Затем он поднялся от стола и перешел в чулан, где в строгом порядке располагались мощные электрические лампы, репродукционный фотоаппарат самой последней конструкции, выстроились ванночки для проявления, промывки, закрепления пластинок и бумаг.

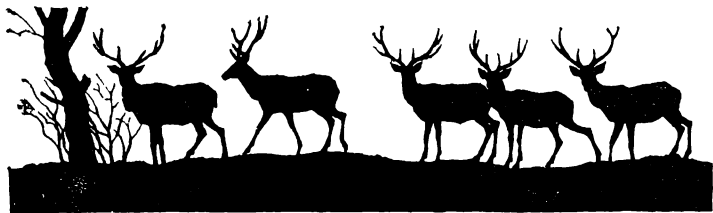
Началась ювелирной точности работа, которую Редль почитал священнодействием. Для начала он перефотографировал шифровку и черновик Урбанского и, пока стеклянные пластинки сохли после закрепителя, предусмотрительно сжег все оригиналы.

Теперь вступал в действие фотоаппарат, оснащенный особым, уменьшающим объективом, так что шифровка оказалась запечатленной на пленке размером с небольшую почтовую марку. На этом ответственном этапе изготовления миниатюрных позитивов Редль то и дело контролировал себя при помощи простенького микроскопа, тубус которого сиял латунью. Дальнейшие манипуляции привели к тому, что изображения на пленках были еще раз уменьшены, и теперь донесение не превышало площади торца обыкновенной спички, куда и было искусно приклеено...

Иосиф Сладек вернулся домой рано утром, чтобы привести в порядок мундир хозяина, приехавшего накануне из Вены, и накормить его завтраком. Когда он входил в парадный подъезд, ведущий в квартиры старших офицеров корпуса, привратник отдал ему пачку конвертов местной городской почты.

Редль сразу увидел под конвертами краешек открытки и нетерпеливо отбросил в сторону счета от портного, каретника, оружейника. Он быстро пробежал глазами текст сообщения и скомандовал:

— Поди закажи по телеграфу в Карлсбаде мой обычный номер в гранд-отеле «Пупп». Я выеду туда на автомобиле завтра утром. Предупреди шофера, чтобы он запасся шинами и газOLIном.

10. Роминтен, ноябрь 1912 года

Неподалеку от того места на границе между Российской и Германской империями, где ее пересекает железнодорожная магистраль Берлин — Петербург, в Восточной Пруссии находилось одно из любимых имений Вильгельма Гогенцоллерна. От пограничной станции Эйдкунен, лежащей против российского Вержболово, прямо на юг отходила железнодорожная ветка особого назначения и через несколько десятков километров оканчивалась на станции Роминтен. Здесь, среди лесных пущ и прозрачных озер, на небольшой возвышенности подле деревушки, красовался замок его величества — двухэтажный деревянный дворец под высокой крышей, нависавшей над террасами. Прямо напротив главного располагался второй деревянный дом, только чуть поменьше и более простой конструкции. Оба корпуса на уровне второго этажа соединялись крытой галереей. Большую часть обоих зданий занимали покои императорской семьи. В меньшем доме, на первом этаже, были комнаты для немногочисленной свиты и для гостей, приглашаемых императором на охоту.

Обильные снегопады необычно рано в тот год засыпали станцию, деревушку и замок сугробами снега.

замели дороги, преобразив ландшафт в подобие рождественской открытки.

Здесь леса и до метели являли собой образец порядка — ни сучка, ни сухого дерева, ни прогнившего пня по всей округе. А после снегопада здесь все вообще казалось взору геометрически правильным. Поблизости от просек, на особых полянках, где стрельбе не могут помешать ни кустарник, ни чаща, возвышались кормушки с навесами из камышовых снопиков. У кормушек толпились олени, буйволы, вепри, прилетали подкрепиться фазаны, оставляя следы рядом с пунктиром заячьих лап.

Когда кайзер приезжал в Роминтен, он ежедневно изволил охотиться, иногда в обществе друзей, иногда в сопровождении одного лишь егеря.

Великий император германцев не любил бродить с ружьем по лесу. Причиной было и его обостренное понимание собственного величия, и то, что он от рождения страдал сухорукостью: посему даже мундштучные поводья приходилось изготавливать для него особой конструкции. Левую руку во время аудиенций он закладывал за спину отнюдь не ради картинности — она была намного короче правой. Ещё в детстве геройским усилием воли и стараниями врачей Вилли заставил ее двигаться, и теперь она все-таки служила ему, хотя и в ограниченных пределах. Во всяком случае, на нее можно было класть цевье ружья.

Вильгельм стрелял зверей, стоя в полной безопасности на вышке. Прямо на него егеря гнали от кормушек смиренных, точно домашний скот, животных, а его величество выбирал в оптический прицел самые крупные экземпляры, дабы всадить пулю. Из оленей он особенно ценил таких самцов, у коих лбы были украшены ветвистыми рогами.

Позади кайзера, облаченного в охотничий мундир цвета буйволового кожи и шляпу с пером, на вышке стояла свита в точно такой же форме.

Вильгельм II вообще славился среди прочих монархов Европы как особенный любитель мундиров. Он выпрашивал у своих кузенов-государей позволения носить наиболее живописные полковые мундиры и однажды сумел-таки убедить своего «брата Ники», сиречь Николая Романова, что по традиции незапамятных времен имеет право носить и адмиральские, и фельдмар-

шальские доспехи русской армии. Нашивал он и форму Выборгского пехотного полка, шефом коего состоял тоже по традиции, и лейб-гвардии Преображенского полка.

Естественно, что для охоты у Вильгельма был придуман особый мундир.

После императорской охоты егеря собирали добычу, а хозяин вместе с гостями становился перед горой поверженных животных, чтобы сфотографироваться.

Гости увозили из Роминтена олени и кабаньи окорока, шкуры вепря и лося, а главное — воспоминание о щедрости и доброте его величества: ведь вырастить одного крупного зверя обходилось императорской казне не дешево — в несколько тысяч марок.

Гордый обладатель уникальной фотографии с изображением Вильгельма II и себя самого подле груды дичи стоимостью в несколько десятков тысяч золотых марок становился еще более преданным слугой Гогенцоллернов. Кайзер же после стрелковой утехы укреплял на стене гостиной в замке несколько художественно оформленных оленьих и козьих голов.

Как всегда, уезжая из Берлина, Вильгельм взял с собой в Роминтен императрицу и принцессу Цецилию. Единственная дочь монарха, существо капризное и некрасивое, пользовалась тем не менее симпатиями со стороны придворных, поскольку была вздорна отнюдь не в самой крайней степени.

С приездом Гогенцоллерны удалились для краткого отдыха в свои покои, а остальных слуги разместили согласно чинам. Убранство всех помещений, как сразу заметил Вальтер Николаи, прибывший сюда впервые, было очень простым, даже скромным, однако все блистало стерильной чистотой. Майор собрался было выйти на прогулку, но его предупредили, что скоро последует обед в высочайшем присутствии, на который он должен прибыть в парадном мундире.

До Роминтена, как, впрочем, и до всей Германии, еще не докатились новейшие идеи о необходимости самоограничения в питании, которыми уже увлекалась Европа и Америка. На императорский стол подавался обед по крайней мере из шести блюд, преимущественно дичь...

Когда за окнами рано, по-зимнему стало смеркаться, а в теплых и уютных покоях резиденции зажглось электричество, гостей звуками гонга пригласили к столу. По правую руку от императрицы посадили генерала Мольтке-младшего, как особу, наивысшую после императора по званию. Принц Генрих, двоюродный брат императора, уселся рядом с Вилли; возле принца заняли свои кресла оба графа Эйленбурги, своей схожестью как бы демонстрируя устойчивость голубой крови в соседних ветвях семейства.

Вальтера Николаи, хотя и всего-навсего майора, император пригласил к столу, учитывая ключевое значение его поста и особую к нему свою любовь.

Во время обеда компания завела традиционный и пустой светский разговор. Николаи начал было недоумевать, зачем его пригласили в столь высокое собрание мужей империи. Он удивлялся также тому, насколько поведение государя в Роминтене отличалось от того сурового и властного повелевания людьми, к которому он привык во время ежедневных докладов и других официальных встреч с Вильгельмом. Император вел себя не как помазанник божий и властелин могущественного государства, предназначением коего было управление всем миром, но в некоторые моменты просто как ферт из гвардейского полка. Казалось, всю чопорность он оставил в Берлине и Потсдаме. Словно почтенный отец бюргерского семейства, он громко хохотал, отпускал шуточки, от которых краснела принцесса Цецилия и в улыбках распускались губы царедворцев, накладывал себе на тарелку то огромные порции жаркого из оленины, то котлету из вепря с маринованными грушами, то почти половину фазана...

После обеда дамы удалились, а мужчины перешли в соседнюю залу. В такой же непринужденной манере все расселись подле небольшого столика; лакеи внесли кофе, пиво, сигары, маленькие рюмочки ликера и коньяка.

По заведенному в этом охотничьем замке обычаю принялись рассказывать анекдоты и смешные истории. Его величество и здесь хохотали громче и больше всех.

— О, мне передали из Петербурга прелестный анекдот, как царь Петр договаривался с чертом перед Полтавским сражением... — начал в свой черед министр двора. При слове «Петербург» император словно пода-

вился костью. Он перестал смеяться, черты его лица, украшенного стрелками высоко задранных усов, сразу посуровели.

— Граф, вы возвращаете меня от небесного блаженства беседы с друзьями к земным заботам и печалям. Не говорите мне про Россию и русских. Я не могу до сих пор забыть позора, который пережил во время свидания с Ники в Балтийском порту...

Гости вслед за императором поперхнулись смехом и с выражением наивысшей серьезности уставились на Вильгельма.

— Да, вам, господа, я могу доверить эту историю, которую мы должны смыть русской кровью. Как вы знаете, я являюсь шефом Выборгского полка русской армии. По этой причине во время нашего свидания с Ники мой русский полк прибыл на смотр. Я осматривал его весьма основательно, и вы, граф, — Вильгельм ско-сил глаз на Мольтке, — были особенно довольны этим осмотром, поскольку мне удалось тогда получить в подарок прекрасный образец походной кухни...

— Которая теперь кормит всю германскую армию, — рискнул вставить комплимент в речь государя граф Мольтке.

— Так вот, когда я подошел к горнисту, чтобы командовать отбой смотру, то обратил внимание на какие-то серебряные украшения на древке полкового штандарта. Я спросил этого солдата про украшения — меня интересовало, за что Выборгский полк получил свои побрякушки, — и этот бестактный русский хам, вы представляете, господа, при всей свите, при всех русских офицерах рявкнул во весь голос: «За взятие Берлина в году одна тыща семьсот шестидесятом, ваше величество!..» Воистину славянство — это только навоз для германской культуры! — сделал свой традиционный вывод Вильгельм и неторопливо перешел к делам, ради которых он и удалился в деревенскую глушь. Следовало незамедлительно обсудить чрезвычайно актуальный вопрос — как лучше обеспечить операции доблестной германской армии в грядущей войне против бриттов, славян и галлов. Для подготовки осталось максимум два года. Главная задача — развернуть политическую аранжировку столкновения, вывести из игры других потенциальных союзников триединого «Сердечного согласия»...

— На основании ваших донесений, господа, — Вильгельм посмотрел на Филиппа Эйленбурга, затем на Николаи, — я сделал вывод, что наш главный противник Англия так же серьезно, как и мы, готовится к европейской схватке. Наша военно-морская программа, против коей не осмелились голосовать даже господа социалисты в рейхстаге, близится к зениту, сухопутные армии начинают разворачиваться согласно плану Шлиффена.

По высокому мнению государя, необходимость спешить с войной вытекала также из того, что непомерно росли претензии германского рабочего сословия. Оно уже не держалось в тех рамках, которые необходимы для всего отечества, а выступало, подстрекаемое социалистами, с забастовками и демонстрациями. Пока смутяны окончательно не организовались, армия должна задуть их движение в зародыше, воспользовавшись той великой победой, которая будет завоевана за три — максимум четыре недели в результате разгрома Франции. Россия после падения ее союзника на континенте вынуждена будет капитулировать, поскольку двуглавый орел останется один на один с Срединными державами.

Император немного помолчал, как бы окидывая горделивым взором грядущую победу, а затем вернулся к теме, особенно его волновавшей.

— Вы только подумайте, господа! Министр внутренних дел донес мне, что в марте нынешнего года в Рурской области бастовало в общей сложности 250 тысяч горняков! Это никуда не годится! И это в то время, когда здоровые силы германской нации обращаются ко мне с проникновенными словами... — Вильгельм чуть помедлил, пока подвернувшийся, словно по сигналу, адъютант не достал из-за обшлага мундира и не подал императору небольшую записку, заранее приготовленную для чтения. — Послушайте прекрасные слова истинных патриотов Германии: «Мы не можем переносить больше положения, при котором весь мир становится владением англичан, французов, русских и японцев. Мы не можем также верить, что только мы одни должны довольствоваться той скромной долей, которую судьба уделила нам сорок лет назад. Времена изменились, и мы не остались теми же. Только приобретением собственных колоний мы можем обеспечить себя в будущем...» Какие пророческие строки, господа! Герман-

ский народ — я имею в виду его самых горячих патриотов, а не презренных социалистических агитаторов,— готов в сражениях завоевать и удержать мировые позиции...

— Ваше величество! — восторженно вмешался в разговор граф Мольтке. — Германская армия сознает, что наши политические задачи невыполнимы без удара меча. Мы готовы нанести этот удар!

— Благодарю вас, граф! Я знаю, что армия полна решимости разбить всех наших врагов и установить новую границу России по меридиану Нарва—Азовское море. Я поддерживаю ваши планы. Однако я хотел бы сегодня обсудить два совершенно секретных политических мероприятия, которые могут ускорить достижение нами великой цели.

Как выяснилось вскорости, для достижения великой цели его величество предлагал активизировать в борьбе против России берлинские финансовые круги, весьма озлобленные тем, что их французские конкуренты изрядно наживаются на операциях с русскими займами. Вполне понятно, что германское государство не могло позволить своим подданным в столь широких пределах, как Франция, осуществлять финансовые сделки с вражеской державой. Следовало поэтому использовать возможности в России — родственные и деловые, — чтобы подрывать экономический порядок, дезорганизовать финансовую и промышленную деятельность. Особенно это важно в начале военных действий, когда толпы людей двинутся на мобилизационные пункты, а в стране возникнет неразбериха и паника.

— Второе. Это особенно касается тебя, Генрих, — обратился император к принцу Прусскому, — поскольку ты являешься Великим мастером германских масонских лож...

Тут все присутствующие обратились в слух: о сугубо конфиденциальной и сверхсекретной теме, как масонство, говорить во всеуслышание не полагалось. Правда, в интимном кружке императора можно было высказываться совершенно откровенно, но даже и здесь, в святая святых германской политики, слова «масонство», «масоны» употреблялись чрезвычайно редко и то применительно к французской ветви. К той самой ветви масонства, которая пыталась, хотя и безуспешно, захватить главенство над своими германскими собратьями.

— Я полагаю, — властно обратился Вильгельм к своему брату, — что ты должен направить деятельность своих масонов таким образом, дабы они принесли пользу германской идее, подрывая изнутри славянские и галльские государства. Прежде всего Россию!

Эффект новой идеи кайзера был велик. Мольтке и Николаи дружно оценили ее восхищенным цоканьем, министр двора закивал головой и в восторге повторял, придыхая: «Колоссаль, колоссаль!», принц Генрих вскочил и бросился к гениальному брату, дабы обнять его величество.

Тем временем Филипп Эйленбург, как бы развивая идею императора, негромко дополнил:

— Особенно российских масонов следует подстрекать к проникновению во все поры государства. Затем, когда нужные связи будут ими установлены, вы, господин майор, — он обернулся к Николаи, — должны использовать их не только в целях агентурной разведки, но и для оказания влияния на все государственные процессы в Российской империи — к пользе империи Германской.

Вильгельм, который не скрывал восторга по поводу нового плана, стал усиленно развивать его принцу Генриху. Он поручил ему, спустя несколько дней, которые потребуются кайзеру и его гостям, чтобы немного отдохнуть на лоне природы и вернуться в Берлин, принять здесь же, в Роминтене, проезжего русского масона Кедрина и попытаться его очаровать. Надлежало довести до сведения русских масонов мысль о том, что в Европе есть только одна сила, способная понять и оценить масонство, а заодно и финансировать оное, — это кайзер Германской империи.

— Приручите русских масонов, и мы без труда взорвем эту империю изнутри, — закончил Вильгельм свое поручение принцу Генриху.

— Намекните также, — раздался скрипучий голос личного советника государя, — что в случае европейской войны русские масоны смогут прийти к власти. Германский император гарантирует им долгое и успешное правление.

При этих словах его величество благосклонно кивнул.

— Если Кедрин пойдет на сотрудничество легко, — продолжал Филипп Эйленбург, — то поставьте ему в качестве первой, хотя и трудной задачи, от которой,

заметьте, будет зависеть благорасположение германских масонов к их российским братьям, прояснение путей, по которым в петербургский Генеральный штаб просачиваются, скажем, секреты Австро-Венгрии. Таким пробным заданием мы привяжем Кедрина и русофобов, стоящих за ним, к германским интересам, а заодно получим новый рычаг воздействия на Вену...

От того, что глобальные планы так легко развертывались в этот чудесный вечер, что ближайшие и любимейшие сотрудники столь быстро оценили идеи императора, Вильгельм Гогенцоллерн снова пришел в хорошее настроение. С бокалом в левой руке он присел на ручку кресла, в котором покоился многомудрый Эйленбург, и обнял личного друга правой рукой.

Гости поняли, что его величество намеревается высказать еще одну гениальную мысль. И, как всегда, не ошиблись.

— Когда вы вдохнете новую жизнь в масонские ложи России, когда оторвете российское масонство от французской ветви этой тайной организации, тогда-то и дайте задание раздуть фигуру этого сумасшедшего попа — Распутина, дабы внести беспокойство и сомнения в общественную жизнь Петербурга!

— Колоссаль! Колоссаль! — запридыхал министр двора, а принц Генрих опять кинулся обнимать его величество.

— Неважно, если при этом немного поблекнет доброе имя моей сестрицы Аликс, — благодушно разрешил Вильгельм. Несмотря на показную дружбу и семейственность, которую германский родственник всячески демонстрировал в своих письмах к кузенам Романовым, любезный братец Вилли уже давно дал установку прусским офицерам-разведчикам компрометировать Александру Федоровну, российскую царицу гессенского происхождения. Вильгельм тщательно собирал через свою агентуру сплетни, имевшие хождение в Петербурге, и бывал как-то особенно счастлив, если Эйленбург приносил ему очередные пикантные новости об отношениях царицы со своими фаворитами. В кружке императора давно уже говорили о вздорности и истеричности русской царицы, о предметах ее совместного с Николаем мистического обожания — проходимцах и авантюристах наподобие чародея француза Филиппа, о попах Иоанне Кронштадтском, Серафиме Саровском, Дмит-

рии Козельском и, наконец, о «советнике» и «друге» семьи Романовых, «божьем человеке», «старце» Распутине.

Высказав неожиданно столь плодотворную идею, Вильгельм тут же, должно быть, спохватился: не слишком ли много свидетелей его некорпоративной выходки в отношении других, хотя и русских, монархов? Насколько понял Николай из последующей реплики государя, его величество хитро решил перевести разговор на иную тему, которая способна прочнее осесть в мозгу его соратников, несколько приглушив впечатление об императорской бестактности.

— Не забывать! Наша самая спешная задача — поймать предателей в Австро-Венгрии! — похлопал он по генерал-адъютантскому погону своего руководителя секретной службы. Затем поднял рюмку коньяку и провозгласил традиционный тост: — За грядущую победу Германии, хох! Боже, покарай Англию!

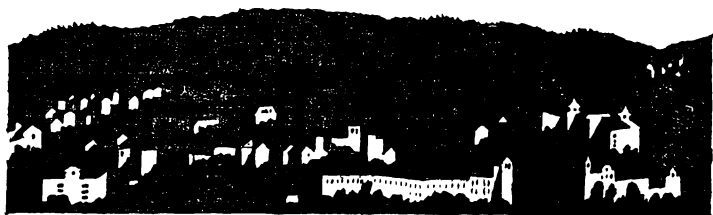
Гости дружно вскочили и осушили свои бокалы. Изволив выпить до дна, кайзер ласково улыбнулся приближенным и соблаговолил проститься: часы показывали ровно десять. Всегда в одно и то же время Вильгельм Гогенцоллерн начинал готовиться ко сну.

Майор Николай, как младший в чине, покинул залу последним, дабы не спрашивать ни у кого разрешения. Полный душевного восторга перед мудростью императора и его советников, он вернулся в свою чистенькую спальню, аккуратно развесил мундир в шкафу, вынул из портфеля красиво переплетенный в сафьян дневник. Собственным шифром записал он на глянцевиные страницы все впечатления дня и поручения кайзера. Затем он вызвал звоночком слугу с кувшином воды и с удовольствием умылся над мраморным умывальником.

Ровно в одиннадцать майор принял на кровати благородную позу, приличествующую гостю императора, укрылся роскошной периной из гагачьего пуха и вскорости захрапел. Возбуждение, в которое он пришел незаметно для себя от вечера в Роминтене, не спадало с него даже во сне. Всю ночь перед ним вставала грозная фигура кайзера, который приказывал: «Поймать предателя! Поймать предателя!»

Изредка сквозь мрак и туман из-за спины Вильгельма показывалась страшная — бородатая и черная —

физиономия Распутина, фотографию которого ему однажды доставили из Петербурга, подмигивала ему и, щеря зубы, орала те же слова по-русски: «Поймать предателя!»

11. Карлсбад, октябрь 1912 года

Самый знаменитый международный курорт Карлсбад* осенью расцветает багряными красками листвы, сияет лазурью неба над Рудными горами, шумит нарядной толпой, составленной из больных и здоровых подданных почти всех европейских стран. Англичане и голландцы, немцы и русские, испанцы и датчане — толстые, тонкие, желудочники, печеночники, хронические больные и не больные вовсе — все сталкиваются в своеобразном хороводе у источников, прогуливаются по набережной, уходят парочками в рощи, поднимаются на гору и возвращаются к водам речушки Тепль, где играет форель.

Разноязычный густой рой, скапливающийся у курзалов и колоннад над источниками, возле бесчисленных табльдотов, в кургаузе и цветниках, ежедневные поезда, выбрасывающие из своих чрев толпы джентльменов, герров, мосье, сеньоров с их спутницами — законными или временными, — все это доставляло местному полицеймейстеру и его немногочисленному штату столько хлопот в разгар курортного сезона, что лучше места, чем Карлсбад, для встречи с руководителем своей группы Филимоном Стечишиным полковник и не знал.

Уже несколько раз он назначал свидания со своим резидентом в этом городке, а затем, пользуясь положе-

* Так по-немецки назывались до 1918 года Карловы Вары.

нием руководителя австрийской разведки в Чехии, проверял по специальной регистрационной картотеке Эвиденцбюро донесения полицмейстера Карлсбада за соответствующие даты, но ничего подозрительного не замечал. Местные полицейские власти, работавшие в контакте с австрийской контрразведкой, весьма почитали полковника, помня о его прошлой деятельности на посту шефа и основателя контрразведывательной службы в Вене, оказывали ему всяческое содействие. Его имя заведомо не вносили в списки гостей курорта, которые каждый может видеть в городском архиве, и, естественно, он был избавлен здесь от какой-либо слежки.

Около полудня «мерседес» полковника, преодолев за четыре часа расстояние в 120 километров от Праги, въехал в долину прославленного курорта. Горы громоздились над замкообразными пансионами и гостиницами. Редль неизменно предпочитал гранд-отель «Пупп», где заказывал два не очень дорогих номера с общей ванной — соседнюю комнату в условленное время занимал нужный человек.

«Мерседес» подкатил к главному подъезду гостиницы. Полковник по красному ковру взошел своей характерной походкой заносчивого офицера в высокий просторный зал. Он был в штатском платье, но портье его сразу же узнал и с поклоном поднес из-за стойки ключи от номеров. Шофер внес в холл пару чемоданов Редля и передал их груму. Сопровождаемый грумом, полковник поднялся на свой этаж, так же гордо выпятив вперед челюсть, вошел в свои апартаменты и небрежно протянул серебряную монету юноше, не ожидавшему столь щедрых чаевых. Сладко улыбаясь и непрерывно кланяясь, грум покинул номер, предварительно пожелав постояльцу хорошего отдыха.

Полковник распаковал чемоданы, достал рубашки, несессер и аккуратно развесил в шкафу свои костюмы. Неторопливо он осмотрел все уголки комнаты, профессионально заглянув даже за две картины, украшавшие стены. В окнах теснились черепичные крыши пансионатов и гостиниц с закопченными каминными трубами, просматривалась набережная вдоль живописно извивающейся речушки; разряженные толпы дам и господ фланжировали двумя потоками навстречу друг другу. «Неплохой наблюдательный пункт для филеров, — подумал

он, — внизу прогуливается весь Карлсбад, и можно сразу же выйти на нужную персону. Видимо, у местного полицмейстера где-нибудь поблизости имеется окошко, а за ним — телескоп на треноге...»

Закончив осмотр, Редль через ванную комнату прошел в соседний номер. Гость должен был скоро прибыть. Полковник отпер дверь в коридор выданным ему ключом, вывел карандашом малозаметный значок на плинтусе и в отличном настроении отправился на прогулку.

Он очень любил устраивать свои конспиративные встречи с высокопоставленной агентурой именно в Карлсбаде. Его тщеславию льстило, что среди князей, графов и баронов, фабрикантов и промышленников, крупнейших купцов Европы и их жен, содержанок и челяди он выступает не только как равный и могущественный, но как повелитель, облеченный тайной властью, которой его снабдила принадлежность к клану королевского и императорского Генерального штаба Австро-Венгрии и служба во всемогущей российской разведке. Полковник ни на минуту не сомневался, что превосходит их всех своей работоспособностью, ловкостью и умом — он, сын простого аудитора лембергского гарнизонного суда...

Тайным желанием Редля, ради исполнения которого он был готов работать днем и ночью, было получение дворянства, неважно из чьих рук — Франца-Иосифа или Николая II. Он одинаково легко служил и Габсбургам и Романовым, пользуясь любым случаем для обогащения, для повышения собственного статуса.

Редль свысока относился к двум другим офицерам австро-венгерского Генштаба — полковнику Гавличеку и капитану Х., которые, как он знал, входили в эту же агентурную группу, как и он, снабжали Генеральный штаб российской императорской армии ценнейшей информацией. Те двое, как и Стечишин, были идеалистами, они служили не за импералы с портретом Николая II, а ради освобождения славянских братьев от ига неметчины. Те двое, как и Стечишин, свято верили, что только с помощью русских, украинских, сербских, болгарских и черногорских братьев славяне, составлявшие свыше 20 миллионов человек из 45 миллионов населения Австро-Венгрии, смогут обрести подлинную родину...

Здесь, в Карлсбаде, среди аристократии родовой и денежной, Редль чувствовал себя лучше всего. Несомненно, что при любом исходе надвигающейся войны он будет на коне. Грядущие сражения принесут ему генеральскую звезду независимо от того, удастся ли Чехии получить самостоятельность и стать членом славянской государственной федерации, или она останется в составе империи Габсбургов. Прогуливаясь по набережной, ступая под сень колоннад или любуясь дорогими безделушками в витринах карлсбадских магазинчиков, раскланиваясь со знакомыми и незнакомыми, знатными и богатыми — он отдыхал душой и грезил наяву блестящим будущим.

С тяжелым вздохом оторвался Редль от своих грез — приближалась обусловленная встреча с резидентом. Эти встречи Стечишин устраивал один-два раза в год, дабы не подвергать организацию опасности провала. Еще два-три раза в год с членами группы встречался его связной — очаровательная светская женщина Млада Яроушек. Млада, вдова лесопромышленника, проводила время то в Вене, то в Брюнне, где у нее был лесоторговый склад, то в Праге, а то на водах Карлсбада или Мариенбада. Иногда осенью она уезжала в Италию или во Францию, а весной — в Испанию или Швейцарию. Венское общество, звездой которого она была много лет, не подозревало, что ее частые путешествия служат не только тому, чтобы развеивать сплин красавицы вдовы, а вызваны главным образом потребностями целой разведывательной организации.

Полковник поднялся в свой номер, переоделся к обеду в элегантный смокинг. Прежде чем выйти в коридор, он запер входную дверь и снова заглянул в ванную: причесал свою светло-рыжую шевелюру, протер лицо лосьоном, попрыскал на волосы духами и наконец бросил взгляд на плинтус. Возле его значка появился маленький кружочек, перечеркнутый наискось.

Редль подошел к двери, негромко постучал. Дверь тут же распахнулась, словно за ней уже стоял человек, и на пороге показался седовласый, полнеющий Филимон.

— Добрый день! — произнес по-чешски Альфред и с радостной улыбкой двинулся к Стечишину.

— Здравствуйте, здравствуйте, друг мой! — приветствовал его резидент. — Я услышал, как кто-то вошел в ванную, и решил подсмотреть в щелочку, вы ли это... До назначенного момента еще... — он вынул большие серебряные часы из жилетного кармана, — час и три четверти.

— Да, я собрался идти обедать, — показал на смокинг Редль. — А может, пообедаем вместе? Здесь меня опекает сам полицмейстер!

— Что вы! Наша трапеза может закончиться в тюрьме — ведь я на нелегальном положении, — ответил Стечишин и укоризненно покачал головой. — Не ожидал от вас такого легкомыслия. Давайте-ка обедать порознь, а потом займемся делами — можно у меня в номере...

— Я уже осмотрел свою комнату и не обнаружил ничего подозрительного. Учитывая, что меня здесь знают как разведчика, полиция не осмелится подсунуть мне фонограф или стенографистку.

— Хорошо, полковник! После обеда я зайду к вам, — сказал Стечишин...

Белоснежная зала ресторана была заполнена менее чем наполовину. Метрдотель проводил Редля к столику в укромном уголке. Ряд стройных металлических колонн поддерживал хоры и полукружием подходил к эстраде, в глубине которой блестели серебром органные трубы. Оттуда оркестр венгерских цыган пронизывал залу жгучими мелодиями и взглядами.

Подкручивая ус, он дождался карты блюд, выбрал самый простой обед, спросил вина «Совиньон». Проворный официант принес бутылку и вручил ее метрдотелю. Почтенный метр ловким движением вынул пробку, отлил немножко себе в бокал и пригубил. Кивком головы он одобрил вино, и только тогда официант понес его гостю.

Редль задумчиво потягивал прозрачное золотистое вино и размышлял. Какая все-таки сила заставляет пожилого уже Стечишина выполнять столь сложные функции резидента? Тем более после недавнего провала его ближайшего помощника Владимира Вержбицкого — главного надзирателя пограничной стражи. Суд над ним только недавно закончился — вся полиция и жандармерия рыскали теперь в поисках Филимона. Полковник знал, что Стечишин, родившийся в Галиции и до-

стигший весьма высокого положения в австрийском почтовом ведомстве, уже давно посвятил себя всецело идее освобождения западных славян от немецкого господства и соединения их под покровительством России в мощное и самостоятельное государство. Сам Редль был не чужд подобным идеям, но его тягой к русской разведке двигало несколько иное чувство. Полковник ценил комфорт, любил риск и азарт, ненавидел надутых, чопорных немчиков в генеральских мундирах, хотя всячески подражал им своей выправкой и манерами. Он был счастлив досаждать им и с удовольствием указывал русской разведке самые уязвимые места австро-венгерских формирований, крепостей и планов. В его положении добывать различные документы — приказы, чертежи укреплений и военной техники, распоряжения императора и эрцгерцога — было довольно легко. Помогало и то, что в свое время блестящая характеристика работы полковника в Эвиденцбюро была доложена самому императору Францу-Иосифу. После этого Редля стали регулярно приглашать в Шенбрунн на утренние доклады его величеству. Правда, доклады эти начинались у «первого чиновника своего государства», как любил себя называть восьмидесятилетний император, в 4 часа утра, что было довольно тяжело после бурно проведенной ночи в ресторане или оперетте, но зато авторитет Редля неизмеримо вырос. Он уже давно слыл верной опорой трона и крупнейшим специалистом в области негласной разведки. Именно эти два качества и привели к тому, что Редля назначили начальником генштаба 8-го корпуса. Генерал фон Гислинген, командир корпуса, был чрезвычайно рад получить такого замечательного офицера под свое командование, тем более что в Праге становилось все более беспокойно, а Редль с его опытом организации Эвиденцбюро мог бы сослужить полезную службу для разоблачения планов чешских сепаратистов...

Он отказался, к полному огорчению официанта, от десерта, но тут же вызвал его бурный восторг, когда заказал в номер фрукты, кофе, коньяк, сигары. Расплатившись крупной купюрой, он не потребовал сдачи, словно был сказочно богат.

«Наверное, это русский боярин», — подумал про себя официант и с воодушевлением помчался исполнять заказ щедрого постояльца.

12. Карлсбад, октябрь 1912 года

Слегка отяжелев после обеда, Редль снова поднялся в номер. Несмотря на теплый вечер, он закрыл окно и задернул его тяжелой портьерой. Официант негромко постучал, вкатил тележку с десертом и предложил накрыть стол.

— Оставьте все, как есть... — бросил ему полковник, и вышколенный слуга немедленно исчез. Редль неторопливо запер за ним дверь и зажег свет в ванной, не входя в нее. Спустя несколько минут Стечишин без стука вошел в его номер.

— Все в порядке? Наблюдения не обнаружили? — спросил Редль.

— Нет, слежки за мной не было. Меня здесь давно знают как преуспевающего коммерсанта из Берлина, который регулярно лечит на водах свою печень, — улыбнулся Стечишин. — А печень-то как раз в порядке... Просто вода для печеночников — не такая противная...

Он был в отличном настроении, глаза лучились, на щеках играл здоровый румянец, густая, несмотря на преклонный возраст, шевелюра серебристого тона оттеняла загорелое лицо. Чтобы еще больше походить на немца, он подстриг свои усы а-ля кайзер и впрямь стал смахивать на Вильгельма.

— Как ваши успехи, Альфред? — поинтересовался он, глубже располагаясь в кресле.

Полковник зажег спиртовку под серебряным кофейником, наполнил малюсенькие рюмки напитками, подал гостю, уселся в соседнее кресло и лишь тогда заговорил:

— Я был третьего дня в Вене, у Урбанского. Судя по его реакции, коллеги в Генеральном штабе строят только догадки, для чего в Черногории мобилизованы

две бригады и вся артиллерия. Шеф Эвиденцбюро ничего толком не знает, а следовательно, и не может информировать Конрада фон Гетцендорфа. Мои венские друзья из министерства иностранных дел, с которыми я встречался вечером того же дня, убеждены, что войны против Австро-Венгрии пока не будет, а активность славянских дипломатов на Балканах направлена на создание только будущего союза, вероятно, против нашей монархии...

— Неужели они не способны предположить существование коалиции балканских народов против Турции? — изумился Стечишин. — Ведь это элементарно.

— Австро-Венгерский Генеральный штаб в полном неведении тех событий, о которых информировали наши сотрудники из Болгарии и Сербии, — подтвердил полковник. Он на минуту занялся сигарой, обрезаая конец и раскуривая. Затем, после обстоятельного доклада, Редль вынул спичечную коробку и протянул резиденту. Стечишин, не раскрывая, переложил в овой жилетный карман и, довольный, похлопал себя ладошкой по круглому животу так, что в коробке задребезжали спички.

— Ваши успехи, Альфред! — Филимон поднял рюмку. — Вы один, наверное, добываете столько информации, сколько ее получает все австрийское Эвиденцбюро. Ваши успехи!

— Не очень-то вы жалуете Эвиденцбюро! — усмехнулся полковник. — Хотя я, как бывший его начальник, и несколько уязвлен вашим мнением, не могу не признать, что эффективность коллег без меня действительно стала невысока. Правда, я не советую вам быть особенно беспечным — контрразведывательное отделение в нем поставлено неплохо. Макс Ронге, начальник этого отделения, сам по себе неплохая ищейка, к тому же он работает с немецкой педантичностью и тесно сотрудничает с майором Николаи из германской разведки. Я вам уже говорил и докладывал в Петербург, что эта милая парочка крепко обложила русского военного агента в Вене, полковника Занкевича. Не удивлюсь, если он скоро попадется. Как мне говорил в прошлый раз Урбанский, Занкевич весьма активен и ищет связей с офицерами. Посоветуйте ему хотя бы условным письмом быть поосторожнее...

— Я уже советовал, притом лично, — нахмурился Стечишин, — но после этого никак не мог оторваться от слежки... Его действительно окружили целым сонмом сыщиков. Куда бы он ни пошел, везде за ним следуют два-три филера, а в отдалении, как я заметил, их страхуют на автомобиле еще двое... Кстати, полковник, я рекомендовал бы и вам удвоить осторожность...

— Кто посмеет заподозрить меня, главного резидента Эвиденцбюро в Праге и во всей Чехии, бывшего шефа разведывательного отделения Генерального штаба, любимца императора и корпусного командира Гисля фон Гислингена? — иронически улыбаясь, выпалил единым духом Редль. — Для этого надо совсем сойти с ума! Ведь даже встречу с вами я могу представить как нелегальный контакт со своим собственным агентом, что, кстати, и делаю, резервируя сразу два номера. Не волнуйтесь, Филимон: чтобы поймать меня и доказать что-либо криминальное — этим немчикам и австриякам надо совершить земное чудо!

— Тьфу, тьфу, не сглазить! — суеверно постучал Стечишин по столу. — Не храбритесь, Альфред, не размагничивайтесь! Недолго и до греха! Немцы совсем не так слабы в контрразведке, как вы полагаете. Сейчас, перед большой европейской войной, которую готовят в Берлине, они решительно усилили свою деятельность. Известно, что в Петербурге у немцев и австрийцев есть агентура, которая может навести жандармов на наш с вами след. И тогда...

— Я ни в коем случае не предам своих товарищей! — заявил полковник. — Но, смею заметить, я практически исключаю возможность нашего провала, поскольку мы не связаны с полковником Занкевичем, а передаем сообщения курьерам из России только через проверенных связных...

— Вы правы, полковник! В цепи разведки самое слабое звено связь... — согласился Стечишин. — Можно собрать уникальные сведения, добыть чертежи и планы, но, если их вовремя не удастся передать в разведцентр, никто и гроша не даст за эту информацию... Пока у нас в этом отношении все было хорошо. Дай бы бог! Кстати, я хотел бы серьезно поговорить с вами, Альфред, еще об одном слабом звене. Я имею в виду ваше расточительство. Полковник Гавличек сообщил мне, что он

слышал случайно разговор о вас в офицерских кругах. Господа кавалеристы из вашего корпуса явно завидуют вашему богатству. Они поражены: у вас автомобиль самой дорогой фирмы, вы без конца путешествуете на нем по всей империи, сорите деньгами и даете такие чаевые, словно вы русский князь или купец.

— Это мое дело, — сверкнул глазами Редль. — Мне так нравится...

— Но вы подвергаете риску провала целую организацию! — спокойно, но выразительно сказал Стечишин. — Вы ставите под удар все наши широко разветвленные связи в политических, государственных и военных кругах! Ведь это будет грандиозный скандал, если «пан Градецкий», «доктор Блох» и другие депутаты и деятели славян в монархии будут скомпрометированы даже мимолетными связями с Генштабом России. Я категорически прошу вас умерить ваши безумные траты. Или хотя бы пустить слух, что вы получили крупное наследство от какого-нибудь родственника...

— Филимон, вы имеете дело с настоящим экспертом в тайной службе. Не забывайте, что именно я поставил в Австро-Венгрии все дело разведки и контрразведки. Даже немцы приезжали учиться у меня... Кстати, я еще до ваших упреков распустил слух, что получил большое наследство от тетушки. А вы: будь осторожен, будь осторожен! Я их презираю — этих разбойников-немцев! Они выгнали со службы моего отца, разорили брата, который осмелился открыть в Лемберге свое дело. Всю жизнь тупые немецкие болваны получали по службе отличия и чины впереди нас, чехов и поляков, а ведь мы служили в армии этой прогнившей монархии отнюдь не хуже, даже намного лучше германцев. Они ввели свой немецкий язык как обязательный в наших чешских полках и муштруют чехов с садизмом и жестокостью. А наследник Франц-Фердинанд! Ведь эта немецкая свинья в своем имении под Прагой просто истязает чешских работников! Ненавижу эту банду!

— Я говорю вам об осторожности, Альфред! — мягко прервал Стечишин излишние полковника, который вдруг обмяк и перестал выглядеть заносчивым и хамоватым офицером. — Вам надо отдохнуть. С такими нервами лучше нашим делом не заниматься...

— Может быть, вы правы, Филимон. Я просто очень

устал и срываюсь незаметно для себя, — согласился полковник. Он помолчал, выпил коньяк, взял новую сигару, закашлялся дымом. — Расскажите лучше что-нибудь поприятнее, — попросил Редль, — ведь вы недавно были в Варшаве, я очень люблю этот дивный город. Как поживает полковник Батюшин и его команда на Саксонской площади? Я бывал у них, когда приезжал в Варшаву для розысков документов по делу Гекайло. Вы помните эту историю?

— Фамилию Гекайло я помню, но кто с ним был в компании? — нахмурил лоб Стечишин.

— Венцовский и Ахт, на которых я как австрийский контрразведчик вышел совершенно случайно, — смутился вдру Редль.

— Припоминаю, припоминаю... — расправил морщины резидент. — Вы вели тогда следствие по делу этого Гекайло, чтобы успешным разоблачением и поимкой шпиона прикрыть свою связь с русской разведкой... Но увлеклись... Я вам тогда передавал категорический приказ из Варшавы — добиться во что бы то ни стало оправдания Венцовского и Ахта. Сознаться, изрядно вам пришлось потрудиться, чтобы совсем не завалить дело и пустить все следствие по ложному пути...

— Так вот в Варшаве, — перевел разговор на другую, более приятную тему Редль, — я тогда познакомился с одной артисткой, Соней Войтек. Она еще поет в оперетте?

— Не хаживаю в варшавскую оперетту, друг мой, и не могу, следовательно, ответить на столь важный вопрос, — съязвил Филимон, а затем продолжал миролюбиво: — Впрочем, Батюшин мне что-то рассказывал, совершенно точно — он просил вас передать, что Соня то и дело спрашивает об одном светловолосом французе... Вы, кажется, ездили тогда с французским документиком?

— Именно так, Филимон, — порозовел Редль. — Она меня покорила сразу же, как вышла на сцену. Такой женщины нет в целом мире!

— Во всяком случае, в мире театральном, — хохотнул резидент. — Ну что же, через год я вас отпущу на отдых в Варшаву. Надо только заранее предупредить Батюшина. Он приготовит хорошенькую дезинформа-

цию, а вы ее привезете в Вену и выдадите как полученную от совершенно достоверного источника, к которому вы якобы и ездили на оговоренную встречу. Договорились? Разумеется, если вашего покорного слугу не выследят...

— Не захватив вас, австрийцы, конечно, окружили филерами вашу жену. Или сразу арестовали?

— Держали несколько месяцев дома, для приманки, — медленно выговорил резидент. — Потом обобрали и отпустили. Я ее отправил с помощью друзей в Россию. Теперь она в Крыму, купила маленькое имение подле Алушты. Вряд ли мы свидимся, пока не кончится война...

— Какая война?

— Та, которая вспыхнет очень скоро во всей Европе. Война, в которой славянство столкнется снова с псами-рыцарями и выйдет обновленным из этого сражения. Она нас объединит навсегда, как объединила русских, поляков, Литву и остальных мирных хлебопашцев битва под Грюнвальдом. Вот тогда я уйду на покой, если переживу ее блеск и славу!

— Вы так уверены, что скоро будет война, Филимон? — удивился Редль. — По-моему, вся Европа сходит сейчас с ума от роскоши и жажды жизни, а вы о войне! В крайнем случае война будет только на Балканах, как обещали нам сербы. Они завоюют Турцию, оторвут изрядные куски территории, и на этом дело кончится. Ведь мы с вами прекрасно знаем, что Австро-Венгрия не в состоянии воевать с Россией, тем паче, если ее союзник — Германия — увязнет в укрепленных линиях Франции. Австрийский Генеральный штаб планирует только действия против Италии, а против России согласно документам он выставляет обычный заслон.

— Вы забываете, Альфред, что союзник Франца-Иосифа — Вильгельм — делает все, чтобы толкнуть Австро-Венгрию против России и славянства вообще. Корни соперничества Вильгельма и его величества Николая Второго скрыты гораздо глубже, чем в личных отношениях. Россия связана с Францией и Англией, которым алчная Германия мешает распространяться вширь, в том числе и в Россию. Вы помните, Вильгельм усиленно толкал Российскую империю на войну с Япо-

нией, чтобы отвлечь ее от Балкан? Так вот, покорить славянские народы долины Дуная — всегдашнее искушение германской политики. Балканы стали «пороховой бочкой Европы» отнюдь не усилиями турок — их владычество здесь умирает и вскоре совсем закатится. На смену туркам идут «псы-рыцари». Они пока действуют исподволь, захватывая позиции при болгарском дворе, покупая поштучно румынских правителей, проникая в Турцию, дабы укрепить ее гнет над славянами юга. Если тевтоны войдут в Париж, они будут вместе с французами распивать в бистро бургонское. Если же захватят долину Дуная, то славянская кровь потечет в нем вместо воды!

— На Дунае живут еще и австрийцы, — улыбнулся Редль.

— Австрийцы не немцы, — мгновенно оценил тонкий намек резидент. — Они гораздо естественнее и живее. Их империя разлагается сама по себе и готова даже уступить место более гибким формам существования Габсбургской монархии. У меня есть данные, что сам император Франц-Иосиф противится теперь крайнему онемечиванию всех частей государства. Но он не может противостоять влиянию наследного принца Франца-Фердинанда. Этот эрцгерцог действительно кровожадный тевтон во всех его проявлениях. Он швырнул бы свою Австро-Венгрию под ноги Вильгельму, если бы надеялся усидеть на троне, хотя и марионеткой...

Полковник внимательно слушал пылкую речь своего старшего товарища и задумчиво смотрел мимо него, куда-то вдаль. Словно наяву он видел те перипетии жестокой политической борьбы, которая вот-вот, по словам Стечишина, перерастет в военное противоборство великих европейских держав. Он видел перед собой веселую Вену, которая словно захлебывалась в угаре удовольствий, он видел Прагу и Будапешт, он видел поля и нивы, городки и замки, голубые реки и зеленые дубравы, празднично и буднично одетых людей, над которыми словно росла и набухала чернотой огромная туча, ползущая из Германии. Туча несла с собой предгрозовую духоту, она сверкала далекими еще зарницами и обволакивала весь горизонт, раскинувшийся перед его мысленным взором...

13. Петербург, ноябрь 1912 года

Пронзительный холодный ветер с Невы нес с собой потоки дождя, которые, казалось, пропитали все вокруг — и деревянные торцы мостовой, и одежду редких прохожих, и воздух, и стены домов.

Кедрин на извозчике ехал в беседное собрание ложи «Обновители». Масоны возродились в Петербурге недавно, после удушения сиятельным графом Витте рабочих и крестьянских бунтов, которые охватили всю матушку-Россию во времена революции 1905 года. Реакция и упадок сил, постигшие российскую интеллигенцию в столыпинские годы, коснулись и его, адвоката Кедрина, считавшего себя пламенным народным трибуном и общественным деятелем. Многие из его друзей-кадетов ударились в мистику и столоверчение, собираясь по ночам на предмет вызывания загробных духов для страшных и унылых бесед. Иные, так и не достигнув власти через эфемерную Государственную думу, запили самым пошлым образом и перестали даже мечтать о разумном, добром и вечном. Большевики, которых Кедрин люто ненавидел и боялся, поскольку они, по его мнению, были главной причиной смуты среди рабочего сословия, сидели по тюрьмам или мерзли по далеким сибирским ссылкам.

Кедрин в числе немногих сильных личностей обратился в масонство. Он решил, что только такое тайное общество, которое объединяло и важных сановников с их государственным опытом, и профессоров-теоретиков, и фабрикантов с их капиталами, и аристократов, входящих во дворец и владеющих самыми сокровенными тайнами империи, — лишь оно имело шансы на успех в обновлении России.

Вступив в ложу, он понял, что не ошибся. Здесь не только собирались энергичные деловые люди, представ-

лявшие, как казалось Кедрину, подлинную элиту дворянского, промышленно-купеческого и разночинного сословий. Российских масонов активно поддерживали организации братьев во Франции, Германии, Англии. Члены сравнительно небольшой петербургской ложи «Обновители» автоматически становились соучастниками огромного международного братства «вольных каменщиков», закладывавших фундамент всемирного господства капитала.

Кедрин брал в расчет и то обстоятельство, что приход к власти в России братьев-масонов мог принести и ему самому немалые материальные выгоды, видное положение, а может быть, и пост министра. А пока — до свершения этих радужных мечтаний — знакомство и общение в ложе с членами Государственного совета и банкирами приносило ему немалые выгоды в биржевой игре...

Извозчичья кобыла с насквозь мокрыми гривой и хвостом мерно хлюпала по лужам, злой ветер далеко забирался в рукава теплого парижского плаща, раскачивавшийся перед носом седока армяк извозчика усиливал чувство уныния и неудовлетворенности.

Кедрин отгонял тоску, явных причин для коей вроде бы не было. В конце концов, он блестяще справился с поручением — поездкой по европейским ложам, куда его посылали «Обновители», дабы развить контакты с европейскими братьями. Кедрин в задании преуспел, завязав исключительные связи с франкмасонами Парижа и Берлина. Его даже избрали мастером французской ложи Великого Востока и обещали всяческую помощь. Что же касается Берлина, то русского адвоката-масона принимал сам брат германского императора Вильгельма, принц Генрих Прусский. Принимал, правда, не при дворе, как хотелось бы тщеславному адвокату, а в Роминтене, но зато оказал честь и доверие, сделав совершенно конфиденциальное предложение. Вот это предложение и заботило больше всего Кедрина, который не представлял, как оно может быть истолковано в петербургской ложе.

Теперь, трясаясь на извозчике, он натуживал мысли для сообщения обо всем этом братьям, но проклятый дождь, унылая лошада и рваный армяк ее хозяина совершенно выбивали его из колеи.

Наконец въехали в ворота большого дома, подкатили под железный навес парадного подъезда небольшого флигелька во дворе, где тайно от непосвященных держали ложу. Кедрин сунул извозчику пятиалтынный. Мужик привычно занял: «Барин, прибавить бы!» Седок так же привычно отбранился: «Пошел! Пошел!» За Кедриным захлопнулась дверь, и его приятно охватила теплота натопленного дома. По темной лестнице, почти на ощупь Кедрин поднялся на второй этаж, сбросил в прихожей свой плащ. Из знакомого шкафчика он извлек атрибуты масона — белый кожаный фартук, молоток, мастерок каменщика и циркуль, вынул из портфеля кожаные перчатки и муаровую перевязь с эмблемой, которая свидетельствовала о его высокой — третьей — степени масонства.

Кедрин трижды ударил молотком в дверь, брат-привратник молча отворил ее, и Кедрин вошел в темную храмину. Вся затянутая черной тканью, она была едва освещена свисавшим с потолка «лампасом треугольным», в котором три тонкие свечи давали «свет трисиянный». В одном углу храмины — черный стол и два черных стула. На столе — берцовые человеческие кости и желтый череп с блестящими, точно нарочно начищенными, белыми зубами. Из глазниц черепа выбивалось синеватое пламя. Тут же раскрытая библия и песочные часы. На профанов, ищущих посвящения, все это действовало волнительно, особенно человеческий скелет в противоположном углу с надписью над ним: «Ты сам таков будешь».

В двух других углах возвышались на подставках по гробу. В одном из них — искусно подделанный мертвец с признаками тления, другой гроб зиял пустотой.

Кедрин равнодушно сделал полагающиеся знаки, с трудом нашел в темной ткани следующую дверь и снова трижды постучал молотком. Пока он ждал привычного ритуального вопроса, лениво подумалось ему о том, что вот ведь вся эта необычная символика, которой верны масоны еще с XVIII века и которая безошибочно действует на дураков, наверное, и оттолкнула от масонства такого необычайно умного и холодного политика, как Павел Николаевич Милюков. Когда госпожа Соколовская по поручению ложи пустилась вербовать его в братство «вольных каменщиков», Милюков небрежно ответил ей: «Пожалуйста, без мистики, господа!..»

За дверью заунывный голос спросил: «Для чего вы пришли сюда? Чего хотите вы от нас?» Кедрин так же заунывно произнес: «Премудрости, добродетели, просвещения». За дверью трижды стукнул молоток, створки отворились, и Кедрин вошел в просторный зал. Он был декорирован согласно заповедям иоаннитического масонства, и стены его, затянутые голубыми тканями, украшенные золотыми символическими изображениями, ласкали взор. Золотые шнуры, держащие ткань, были связаны большим узлом как раз посреди стены, обращенной к востоку. Тут же, на востоке, на возвышении о трех ступенях располагался престол, масонский жертвенник, а за ним кресло управляющего ложью. На престоле выделялось лазоревое шелковое покрывало с густой золотой бахромою. Балдахин, осеняющий престол и кресло Великого мастера, также голубого шелка, был испещрен золотыми звездами, среди коих в сиянии ярких золотых лучей сверкал треугольник. Внутри одного золотом же было вышито имя Великого Зодчего Вселенной. На престоле — раскрытая библия у первой главы от Иоанна. Обнаженный меч, золотой циркуль и наугольник резко выделялись на потемнелых листах книги. Меч положен слева первым — он словно не допускал страницам перевернуться, закрыться.

На деревянных стульях и креслах, крашенных белым лаком и обитых лазоревым бархатом для мастеров и белым атласом для прочей братии, расположились уже человек двадцать пять масонов.

За треугольной формы голубыми столами должностных лиц ложи вольно расселись сюрвельяны, или надзиратели 1-й и 2-й степени, секретарь — хранитель печати, вития, или ритор, обрядоначальник, приуготовитель, вводитель, или брат ужаса, казнохранитель и милостынесобиратель, помощники его — диаконы... В миру это были известные Кедрину старый фат князь Бебутов, Пьер Жильяр, воспитатель наследника цесаревича Алексея Николаевича, адвокат Маргулиес, граф Виельгорский...

Кедрин отметил про себя, что сегодня пришли даже братья, которые редко меняли мирские развлечения на духовное общение в собраниях ложи. Когда же его взгляд остановился на австрийском подданном, банкире Альтшиллере, блюстителе символов, оба незаметно улыбнулись друг другу.

У Кедрина и раньше были кое-какие дела с этим близким другом военного министра Сухомлинова. Еще когда Альтшиллер приехал в Киев из Австро-Венгрии в конце 80-х годов и занялся там мелкими подрядами и комиссионерством, он не раз обращался за помощью к адвокату Кедрину. Нажив большое состояние, банкир повел широкий образ жизни и втерся в киевское высшее общество. Хорошей репутацией он, однако, не пользовался. Частые отлучки в Вену и Берлин, близость с австро-венгерским консулом, наконец, орден Франца-Иосифа, полученный Альтшиллером неизвестно за какие заслуги, дали контрразведке основания взять его под наблюдение как шпиона. Разоблачению его как такового, мешала, однако, его дружба с начальником Киевского военного округа генералом Сухомлиновым. Сухомлинову не раз почтительнейше доносили, что его австро-венгерский друг подозревается в шпионаже, однако немного отяжелевший, но еще бодрый и представительный генерал остался глух ко всем этим предупреждениям.

В присутствии Альтшиллера он просил не стесняться в служебных разговорах своих штабных офицеров, ему был открыт полный доступ в кабинет Сухомлинова — и в Киеве и в Петербурге. Он даже мог рыться в бумагах генерала, когда оставался один в домашнем кабинете начальника военного округа.

Когда Сухомлинова назначили военным министром, Альтшиллер последовал за ним в Петербург и открыл в столице контору «Южно-русского машиностроительного завода». Кто-кто, а Кедрин знал лучше других, что контора была фиктивной, поскольку денежных операций в ней не производилось, кассовые книги не велись, посетителей, жаждавших купить продукцию завода или продать сырье, не бывало. Зато контору навещали какие-то сомнительные личности, имелась в ней почтовая бумага высокого качества с австрийским государственным гербом, а в кабинете Альтшиллера на письменном столе был водружен портрет военного министра Сухомлинова с дружественной надписью...

И вот теперь Кедрин имел прямое поручение от весьма высокопоставленных людей в Берлине к своему старому знакомцу и сотоварищу по игре на бирже, брату-официалу Альтшиллеру.

Великий мастер, одетый в голубой фрак и голубую

шляпу с золотым солнцем и белым пером, поднял молоток и трижды стукнул им о престол.

— Брат первый надзиратель, который час?

Сюрвельян первый ему отвечал ответственным ответом всех масонских лож, во сколько бы собрание ни началось: «Самый полдень!»

Затем братья в тишине творили моление. По прошествии условленного времени бессловесную молитву сменила песня на мотив «Коль славен»:

Отец любви, миров Строитель,
Услышь смиренный глас рабов,
Будь наш наставник, оживитель,
Будь нам помощник и покров!
Пронзи нас истиной святою,
Да дышим и живем с Тобою!

Нестройный хор голосов так же внезапно замолк, как и возник, и Великий мастер приступил к делу.

— Милостивые государи и любезные братья! — слащаво произнес он. — Бог, смерть, любовь, братство и истина!

— Воистину братство и истина! — отвечивал хор.

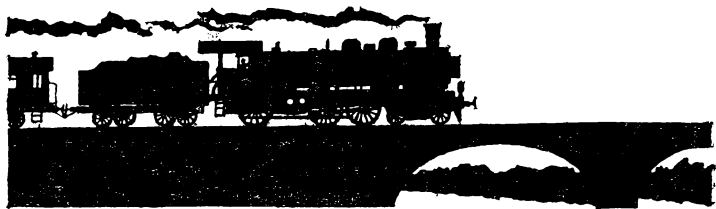
— Любезные братья! — продолжил Великий мастер. — Сегодня у нас полдень редкой радости и приближения к свету истины. Наш милый брат, — при этих словах Кедрин привстал и сделал малый особый знак, — совершил по благословению ложи славную работу в главные столицы «вольных каменщиков» — Париж и Берлин. Его долгий труд на ниве истины был увенчан в Париже высокой, третьей степенью мастера.

— Слава мастеру! — нестройно возгласили ученики, подмастерья и франкмасоны других градусов и застучали молотками.

Когда шум утих, Великий мастер продолжал:

— Мы нижайше просим почтенного мастера сделать нам сегодня обозрение работы братьев наших в латинских и германских странах, донести до нас их рвение в постижении света и доблесть в движении к цели. Любезный брат, взываю ввести нас в истину!

И председатель бухнул своим молотком о жертвенник.

14. Петербург, ноябрь 1912 года

Специальный поезд тащился мимо унылого осеннего леса, мимо болот и заколоченных на зиму дач в Царское Село. Безвольный и мнительный «самодержец Всея Руси» Николай Александрович перенес сюда — после трагических событий января 1905 года — свою резиденцию из Зимнего дворца в желании отдалить себя от возмущенных рабочих масс Петербурга, укрыться за штыками солдат, нагайками казаков и пулеметами жандармерии. Семь лет курсируют такие поезда от бывшего Царско-сельского, а ныне вокзала Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги, доставляя в Царское Село военные, чиновные звезды Санкт-Петербурга. Французская и немецкая речь звучит в богато отделанных купе, мощные кондукторы из унтер-офицеров Собственного Его Величества Железнодорожного полка исправно несут службу. Они не только радостно «едят глазами начальство», но и держат в образцовом порядке медяшку, инвентарь и мягкую рухлядь.

Просесть бобровых воротников на шинелях тончайшего сукна, золото эполет, звяканье парадных — с гладкими колесиками — шпор на лакированных башмаках, аромат французских духов «Русская кожа» и напомаженных усов, бакенбардов, бород, оловянные от сознания собственной важности и предстоящего представления государю глаза — все это со скоростью тридцати верст в час двигалось по самому «бархатному» в мире рельсовому пути.

В одном из отделений хвостового вагона, в котором пассажиров было несколько меньше по причине тряски и качки, вели неторопливую беседу генерал Монкевиц и полковник Соколов. Монкевиц был приглашен на совещание у государя, имевшее быть после церемонии, а Соколов направлялся в Царское Село для представления

императору на Большом приеме по случаю присвоения очередного звания. Перед отъездом он долго думал, не надеть ли мундир родного гусарского Литовского полка, из которого он вышел в академию и в котором регулярно проходил месячный ценз командования строевой частью. Он знал, что государь не любил в отличие от своего кузена Вильгельма Гогенцоллерна, генштабистов и вместе со всеми солдафонами своей армии иронически называл их «моментами». Посему генштабисты предпочитали представляться царю в форме своих прежних полков. Однако Соколову было чуждо выслуживание и прислуживание. Именно поэтому он вопреки совету Монкевица предпочел мундир Генерального штаба.

Монкевиц, весьма тонкий и светский человек, был очаровательно любезен со своим спутником, демонстрируя подчиненному незаурядное понимание европейской политики. Балканская война была у всех на устах, и Монкевиц не мог не коснуться ее тайных пружин. Он тем более любил поговорить о большой европейской политике, поскольку состоял в приятельских отношениях с министром иностранных дел Сазоновым.

— Дорогой Алексей Алексеевич, — сладко говорил генерал, аристократически растягивая слова и чуть грассируя. — Многие из тех иностранцев, с кем приходится вам агентурно работать, полагают, что эта война — только русская инсценировка, только естественная тяга России к Дарданеллам. Господа из венского Генерального штаба, во всяком случае, именно так пропагандируют европейское мнение против России. На самом же деле это солидарный акт всех держав «Сердечного соглашения». Не говоря о Франции, которая финансирует эту войну и жаждет оттянуть австро-германский кулак от своих границ в подбрюшье России, Англия еще год назад принялась возбуждать греков, дабы они присоединились к славянско-православной коалиции против турок. Ну а греков подстрекать на Турцию — это то же, что прогуливать гончую подле волка...

Монкевиц хохотнул собственной остроте, и его необычайно раскосые глаза сверкнули самодовольством. Совершенно феноменальное косоглазие начальника секретной агентуры Генштаба служило темой неисчерпаемых шуток молодых офицеров, но самому обладателю не доставляло забот, поскольку весьма способствовало загадочности его взгляда и полной невозможности проник-

нуть в его мысли при любом разговоре с начальством, подчиненными или агентурой.

— Политический смысл войны, с точки зрения интересов Антанты, — продолжал Монкевиц, — в том, чтобы отрезать Турцию от центральных держав коалицией дружественных нам народов. Но беда в том, что болгарский царь Фердинанд — союзник Вильгельма, не прочь короноваться византийским императором, а значит, принесет в новый, сильный Царьград немецкие порядки. На румын, хранящих нейтралитет, вообще глупо надеяться — правители Румынии, принадлежащие к захудалому германскому дому Гогенцоллерн—Зигмаринген, всегда торговали оптом и в розницу своим народом, для них принципы и честь такие же растяжимые понятия, как кошель на ярмарке... Однако вернемся к болгарам. Наши умники-славянофилы бурно радуются сейчас: «Ура! Ура! Братья болгары после разгрома турок во Фракии двигаются на Адрианополь и Константинополь». А ведь радоваться рано. Плоды-то горькие для Сергея Дмитриевича Сазонова. Вместо слабых турок получить на проливах верного союзника германского императора — Фердинанда! Каково? Стоило ли помогать, хотя и негласно?...

Соколов в задумчивости крутил гусарский ус. Ему, провинциалу, ориентирующемуся в полной мере только в зигзагах австро-венгерской политики, размышления вслух Монкевица были интересны. Однако он не разделял в них проскальзывавшего недоброжелательства к позиции собственного отечества, хотя и скрытого. Как истинный патриот, Соколов придерживался взгляда, внушенного ему еще отцом, полковым врачом Тамбовского пехотного полка: «Если видишь ошибку в большом деле — приложи силы, чтобы ее исправить, но не посмейся, стоя в стороне».

По долгу службы в разведке он соприкасался с идеями социал-демократов вообще и русских (особенно русских эмигрантов в Австро-Венгрии) в частности. Эти идеи о крайней гнилости самодержавия, его никчемности и вредности для нынешней России и ее народов нет-нет да и вспоминались ему, когда он видел какие-либо безобразия в империи или слышал о них. Но теперь в рассуждениях Монкевица он уловил не горечь от того, что благие порывы и надежды русской дипломатии были извращены и преданы ее союзниками, нагло обмануты

Германией и Австрией, а некое злорадство постороннего человека, как будто и не Монкевиц руководил всей агентурной разведкой Генерального штаба и, следовательно, имел причастность, хотя и косвенную, к проведению большой политики среди малых балканских государств...

Как истый разведчик и тонкий психолог, Монкевиц почувствовал, что в душе Соколова зародилось какое-то противостояние его позициям, и он перевел разговор в сферу придворных интриг и сплетен, на которые был большой охотник и мастер. Заодно он решил проинструктировать Соколова перед приемом у царя, чтобы киевский провинциал не сделал бестактности или неловкости при дворе.

— Милый полковник, церемониймейстер поставит нас в разных концах шеренги. Если его величеству будет угодно оставить на доклад и вас после представления ему, а об этом шла вчера речь у Жилинского *, то не забудьте отдать свою визитную карточку генералу Спиридовичу, начальнику охраны его величества.

— Меня однажды представили господину генералу в Киеве, — припомнил Соколов.

— Вам теперь предстоит чаще общаться с ним, — отметил генерал и добавил уважительно: — Это весьма любознательный человек во всем, что касается новых революционных теорий, особенно террористических. Он время от времени запрашивает наши делопроизводства о различных «новинках» в Европе, а заодно проверяет через нашу секретную агентуру, как работают за границей господа из политического сыска. Правда, наши офицеры брезгают якшаться с сыщиками охранного отделения и не соглашаются даже писать на них доносы. Но вам совершенно не возбраняется вступать с ними в контакт.

При этих словах генерала Соколов брезгливо поморщился, давая понять, что он не собирается нарушать хорошие традиции армии, однако тут же счел нужным загладить неловкость и спросил:

— И кого же он считает самыми опасными для самодержавия и империи?

— Безусловно, большевиков! Если в ваше поле зрения попадет кто-либо из них, неважно — в России или

* Начальник российского Генштаба в описываемые времена.

эмиграции, вы можете доставить генералу Спиридовичу величайшее удовольствие, если копию сообщения отправите ему. Уверяю вас, не прогадаете...

И снова Соколов внутренне передернуло от того, что умный, заслуженный генерал предлагал ему ради карьеры опуститься до уровня заурядного шпиона охраны, к которой он испытывал отвращение, зная, какие авантюристы и обманщики — типа Манасевича-Мануйлова — с ней сотрудничают.

Немногим спустя после упоминания Монкевицем о большевиках Соколов вспомнил друга своего детства Мишу Сенина. Тот еще в Петербургском технологическом институте, куда он поступил сразу же после окончания гимназии, штудировал в тайном кружке труды немецкого экономиста Маркса и был от них в крайнем и постоянном восторге. Теперь, спустя двадцать лет, друзья детства изредка встречались, иногда откровенничали, и в одну из таких минут Алексей узнал, что, став зрелым человеком, Сенин с марксистами не порвал, а, наоборот, сделался одним из известных социал-демократических партийных деятелей, хотя и работал инженером на текстильной фабрике Морозова. Он совмещал службу в фабричной конторе с бурной и полной борьбой жизнью большевистского агитатора. Помнится, старый приятель несколько раз пытался просветить и самого Соколова, раскрывая смысл событий с точки зрения законов классовой борьбы, открытой его кумиром Марксом. Алексей многое не понимал в рассуждениях, однако он ощутил железную логику большевиков, их четкий и стройный анализ положения страны и самых угнетенных слоев ее населения. В то же время Соколов свято верил в догмы о защите веры, царя и отечества, усвоенные им в кадетском корпусе и укрепившиеся за годы службы под знаменами. Он твердо соблюдал присягу, отграничивая симпатию к рассуждениям Михаила железным частоколом уставов и военных инструкций.

Он еще не осознал до конца, что идеи социал-демократов боролись в нем с народническими устремлениями, столь сильными в среде российской интеллигенции. Однако ясная логика мышления, привитая в стенах скромного коричневого домика академии на Английской набережной, настойчиво заставляла его вновь и вновь вспоминать выводы Михаила, особенно в трудные моменты принятия оперативных решений.

15. Петербург, ноябрь 1912 года

Аудитория была мала — намного меньше той, к которой привык Кедрин, выступая модным адвокатом в суде. Она была в десятки раз меньше собрания первой Государственной думы, где он не единожды блистал депутатским красноречием. Здесь было скромнее и — это он совершенно реально ощущал — гораздо весомее. Каждое деловое слово, произнесенное в масонской ложе, принималось к исполнению не только влиятельными людьми Петербурга, собранными здесь, но через них проникало в правления банков и железных дорог, просачивалось многозначительными слухами в салоны аристократии, оборачивалось циркулярами высшему чиновничеству. Все сказанное здесь Великим мастером и мастерами, предложенное подмастерьями и утвержденное высшими степенями масонов, выходило в мир через тьму храмины отнюдь не мистикой, а строжайшим законом, неукоснительным для исполнения всеми членами братства. Вместе с посвящением в масоны любой брат давал страшную клятву кровью на евангелии о молчаливом послушании и соблюдении полной и абсолютной тайны.

— Достопочтенные каменщики и кровельщики, — волнуясь, начал Кедрин, — вы возложили на меня почетный и усадительный для души контакт с нашими братьями в Европе. Имею честь почтительнейше преподнести вам плоды бесед моих с великими зодчими Франции и Германии. О том, какая сила собралась в нашем ордене, многожды говорили мне в Париже и Берлине, — излагал сладким голосом Кедрин. — Хотя английские братья и сокрушенно вздыхают по поводу того, что король Георг Пятый не пожелал до сих пор стать масоном, они утешают себя тем, что вспоминают о покойном Эдуарде Седьмом, бывшем яром каменщике и состоявшем в должности Великого мастера английских и шотландских лож

в продолжение 26 лет. Они возгордились и тем, что брат английского короля принц Артур Коннаутский достиг высших степеней масонства. Коронованными братьями являются также принц Генрих Нидерландский, король норвежский, король датский, король греческий, король вюртембергский и некоторые другие носители монархической идеи. Своим участием в ложах «вольных каменщиков» они предохраняют свои троны от антимонархических действий влиятельнейших братьев, которые горды тем, что заседают рядом с владетельными особами. Но прежде чем осмелюсь вынести собственные суждения о состоянии нашего братства за рубежами Российской империи и его готовности помочь российским каменщикам заложить фундамент просвещенного и добродетельного государства, в коем масонство будет не только движущей, но и правительствующей силой, побуждаюсь сообщить о тех искусствах, которые претерпел согласно обычаям и конституциям масонства.

Кедрину надо было сделать разгон в своей речи перед тем, как излагать самое наиважнейшее, к чему он пришел в результате своей поездки, и он решил повитийствовать о том, каким проверкам подвергался он в сообществах франкмасонов Европы, дабы в нем признали своего и по духу, и по обрядам члены влиятельных тайных обществ Франции и Германии.

— Милостивые братья, — продолжал он. — Для распознавания в постороннем человеке члена вольнокаменнического ордена и определения его масонской степени в Европе употребляют три способа: знак — для зрения, слово — для слуха, прикосновение — для осязания. Ибо всякий член ордена имеет право входа во все ложи мира. Поэтому, прибыв в Париж или Берлин, я требовал для себя опознавательной ложи, дабы иметь возможность встретиться с великими мастерами и общаться с ними. В мой искус после проверки знания всех знаков, слов и прикосновений пройденных мною степеней входил и такой: предо мной расстилали множество масонских ковров с символическими изображениями, из них лишь часть была настоящей, или, как мы выражаемся, «справедливыми и законными», а остальные — фальшивыми. Благодаря школе нашего любезного брата обрядонаачальника, — князь Бебутов сделал благодарственный знак, — я отобрал все ковры, относящиеся к моей степени, и вышел победителем из этого испытания.

Я произвел семь знаков — земли, воды, удивления и ужаса, огня, восторга, солнца и Андреевского креста. Я сделал четыре прикосновения, произнес священное слово «Некаман», означающее призыв к отмщению врагам, сказал четыре проходных слова. В ответ председатели главных лож Парижа и Берлина сказали: «Братья, мы должны себя поздравить, что узнали одного из наших собратьев». Предо мною, как признанным братом, отомкнулись двери лож, посторонние вчера люди открывали свои сердца и даже финансовые счета опознанному брату, оказывая мне помощь нравственную или материальную, смотря по тому, в чем я нуждался...

Ехидный коллега Кедрина — Маргулиес — иронически хмыкнул при сообщении о том, что братья Франции и Германии открывали Кедрина помимо сердец еще и счета, но промолчал.

— Милостивые государи! — несколько успокаивая свое волнение привычным адвокатским словечком, продолжал Кедрин. — Некоторые хулители высказывают убеждение, что братство «вольных каменщиков» представляет собою великую сплоченную организацию, которую двигает единый Всемирный Великий Мастер. К нашему сожалению, бесчисленные факты многих лет доказывают, что это утверждение не соответствует истине. Единство и трогательное сплочение масонства существовали только в самые ранние годы его расцвета. Теперь же всемирного масонства нет, оно раскололось на три вполне определенные и разграниченные ветви, которые хотя и поддерживают перед внешним миром своих братьев из соседних ветвей, но в достижении главной цели — управлять политикой всех стран — еще не преуспели. Пока «вольные каменщики» смогли анонимно проникнуть к кормилам власти только отдельных государств. В монархических империях братья до известных пределов поощряют революционный элемент, стараясь приготовить из него в будущем послушное себе правительство.

Посмотрите на все перевороты последнего времени — все они обязаны «Великому Востоку» — самой значительной ложе Франции. Мы видим один и тот же план, один и тот же прием. Масонство открывает свои карты, когда все подготовительные работы его закончены, и сразу бьет наверняка, а правительства всегда бывают застигнуты врасплох.

Тут Кедрин взглянул на Альтшиллера, и тот ему ободряюще кивнул.

— Сейчас у нас, слава богу, 1912 год, — продолжал мастер. — К нашему времени сколько уже примеров тому, как братья повсюду в мире добиваются великой цели во славу Великого Зодчего Вселенной. И все это несмотря на гнусные происки антимасонского общества, вопреки полицейским чинам, мерзкому аббату Турмантену, который стал во Франции самым изощренным гонителем «вольных каменщиков». Но сила масонства такова, что этому сумасшедшему аббату не верят власти предрежащие. Турмантен, к примеру, несколько раз публиковал статьи, в которых документально доказывал, что среди младотурок дирижерские пульта забрали в свои руки масоны. И что же? Аббату не верил никто. Но султан был свергнут, младотурки приняли правление и тем предотвратили еще худший исход — тогда бы в Турции разразилась беспощадная кимущим революция.

Кедрин совсем уже оправился от волнения, он вытащил из кармана сложенный журнал, адвокатским жестом поднял его над головой и продолжал:

— Проклятый аббат в этом гнусном листке «Ля франк-масонньери демаске» осмелился 25 декабря 1907 года пророчествовать: «Дела в Португалии идут скверно. (Кедрин читал свой прямой перевод с французского на русский. Он учитывал, что в ложе собирались и не слишком грамотные фабриканты.) Братство жаждет перемен. При приеме в ложе «Космос» Великого мастера Магальхеса Лима выставлен был лозунг: «Низвержение монархии, необходимость республиканского строя и установление республики»... И дальше, господа: «Если бы король Португалии захотел внять... в особенности уроки истории, он немедленно запретил бы в своем королевстве масонство и тайные общества. Под этим условием он еще мог бы выпутаться из беды; но надо опасаться, что в более или менее короткий срок дон Карлос, свергнутый, изгнанный или убитый, явится новым доказательством могущества масонов».

— Могущество масонов не нуждается в доказательствах, — спокойно заметил князь Бебутов.

— Милостивые государи, — воодушевился еще больше оратор. — Эту ужасную, предательскую статью гнусный аббат дважды подчеркнул красным и синим карандашами и отправил португальскому посланнику. Но есть

провидение Великого Зодчего Вселенной — посланник не дал себе, вероятно, труда ее прочесть или не придавал ей значения. Через два месяца король был убит, а в настоящее время вся предсказанная Турмантенном программа блистательно доведена до конца.

Вырождающиеся монархи и их маразматика царедворцы, — князь Бебутов при этих словах недовольно насупись, и Кедрин решил смягчить остроту речи, — заметьте, что самые достойнейшие из родовитых дворян лишены подобающих мест у государственного руля, так вот, маразматика царедворцы вместе со своей короной и головой теряют иногда и нашу собственность. Вспомним французскую революцию или дни Парижской коммуны. Что было бы, если чернь смогла бы дольше удерживать власть? Какой пример остальным представителям низших сословий?..

Господа и сотоварищи, — перешел к главной части своего доклада Кедрин. — Грядут страшные времена — плебс разных стран, называющий себя пролетариатом, успешно соединяется в союзы и партии, угрожающие самому существованию нашего установленного порядка, нашей собственности и даже нашей жизни. Более того, вожди социал-демократов создали известное вам и отнюдь не тайное общество, называемое Интернационал. Этот Интернационал мнит себя всемирным правительством рабочих и других неимущих, он покушается на власть и установление так называемой социальной справедливости во всей Европе. Даже матушка-Россия не избежала его нитей, которые связывают наших социал-демократов с германскими, шведскими, австрийскими и другими смутьянами. Слава богу, социалисты в России расколоты, а часть из них, особенно социалисты-революционеры и меньшевики, стоит на весьма близких к нам платформах и симпатизирует нашим братьям...

Кедрин имел в виду эсеров и некоторых меньшевиков. Говоря это, он увидел, что угадал не самое больное место в душах братьев масонов, и уже не сомневался, что поручение принца Генриха Прусского он выполнит «на ять».

— Особенно опасна для почтенных людей часть социал-демократов, называемая большевиками. Это самая воинственная группа из всех революционеров, и под воздействием своего лидера — Ульянова — она не остановится на полпути, делая революцию, а доведет ее до

конца, лишив общество его самой деятельной основы — банкиров, фабрикантов, купцов, — продолжал Кедрин под одобрительное постукивание молотков официалов. — В Европе еще плохо и мало знают эту часть российских социал-демократов, недооценивают ее связи со всеми левыми группировками европейских социалистов. Между тем большевики, многие из которых, в том числе и Ульянов, находятся сейчас в эмиграции в Австрии, Швейцарии и Франции, принесли с собой в Европу заряд самой разрушительной энергии. Они опасны не только для самодержавия, но и для всех властей имущих в европейских державах. Их призывы могут поколебать положение тех признанных старых вождей социализма в Европе, которые согласились на постепенное развитие общества, на уважение к собственности и на мирную эволюцию, необходимую для достижения идеала между правителями и подданными.

При этих словах в зале стало необычно тихо.

— Господа, — уверенно продолжал Кедрин, — германские братья масоны, среди коих насчитывается и несколько социалистов, лишь формально действующих в своей партии, но на деле блюдущих интересы нашего братства, равно как и наши французские коллеги, познали значение ордена на земном шаре, а также и трудности единения. Рознь отдельных ветвей масонства заключается главным образом в различно трактуемых вопросах о боге и о степени вмешательства в политику своих правительств. Но пора, — тут голос Кедрина поднялся до пафоса, — оставить все наши разногласия по вопросам формы и существа обрядов и вступить в политическое единство. Так называемый пролетариат соединяется. Мы, власть имущие, должны также соединить свои ряды против покусителей на нашу собственность и положение. Мы должны соединить усилия независимо от партий, к которым принадлежим, независимо от государств, в которых держим наше имущество и на языках которых мы говорим. В полной тайне и вооружась именем бога, не жалея средств и сил, мы должны свергать монархии, ибо они сильнее всех возбуждают народные революции, мы должны ставить наших братьев на власть и правление в наших общих интересах, а там, где народные революции все же возгораются, всемерно препятствовать тому, чтобы плоды их ускользали из наших рук.

Кедрин отпил воды, оглядел внимавших ему братьев и чутьем опытного адвоката понял, что он может высказать безболезненно мысль, которую в иных условиях сочли бы предельно дерзкой и крамольной, но теперь сделают хоруговью и лозунгом борьбы.

— Наши братья масоны в Берлине просили передать членам ордена в Петербурге, что спасти Россию от революции может лишь свержение самодержавия и взятие власти членами масонского братства. Трон Николая Романова способно поколебать в современных условиях только поражение в грядущей европейской войне. Великий мастер германских лож его высочество принц Генрих дал мне всяческие гарантии в том, что если в Европе вспыхнет война и Россия потерпит в ней поражение, то рухнет только русский императорский трон. Гогенцоллерны и распорядители германских финансов и промышленности, интересы коих выражает масонство в Берлине, гарантируют нам сохранение порядка, необходимого для имущих классов населения.

Жестко и цинично Кедрин снова повторил главные тезисы своего доклада, по-видимому, сильно взволновавшего членов ордена:

— Итак, господа, я резюмирую важнейшие стороны своих переговоров в Европе с братьями нашего ордена: во-первых, дабы успешно противостоять соединенному нынешнему пролетариату в его стремлении к революции и лишении нас всех прав и имущества, наиболее зрелые общественные силы в лице европейского масонства должны сугубо объединиться. Тайно и успешно проникая в ряды революционеров и разлагая их изнутри, только масоны способны свести все революционные страсти к словесному кипению и разногласиям, которые подточат здания социалистических партий.

Во-вторых, наиболее опасной язвой остается Россия, где после революции 1905 года в любой момент может вспыхнуть новый социалистический мятеж, который, как пожар, пожрет нашу жизнь, имущество и права. Слабое самодержавие, разложившийся двор Николая Кровавого не в силах предотвратить катастрофу. В то же время элита российского класса хозяев — кадеты, октябристы и другие, примыкающие к ним, недостаточно сильны, чтобы свалить придворную камарилью и поставить страну на путь парламентарной монархии или республики. Значит, мы должны приветствовать европейскую вой-

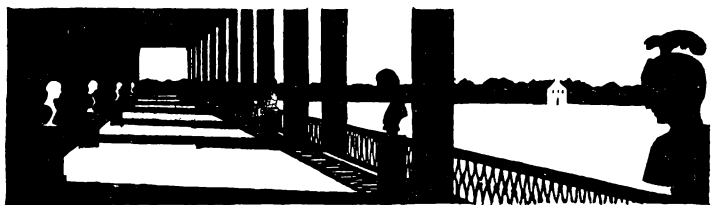
ну, которая свалит династию Романовых и приведет нас к власти — во имя истины и Великого Зодчего Вселенной! — закончил Кедрин обыденной масонской формулой свою речь и трижды стукнул молотком о треугольный стол.

Внимательно оглядывая братьев, Кедрин только теперь заметил, что высказанная им комиссия в пользу германских масонов была принята отнюдь не единодушно. Некоторая часть братьев растерянно молчала, двое из них глядели на ратора явно осуждающе. Однако подавляющее большинство, в том числе Великий мастер и почти все официалы, выслушали речь с величайшим вниманием и явным одобрением. Кедрин быстро прикинул про себя, что братья, отрицательно воспринявшие его постулаты, видно, относились к симпатизерам английских интересов в России, и мысль об единении с Германской империей должна была бросить в дрожь тех, кто представлял свои интересы только вкупе с империей Британской... Зато глаза Альтшиллера и других господ, всегда открыто проявлявших германофильские чувства, прямо-таки лучились. Именно Альтшиллер первым поднял одобрительный стук своим молотком.

Командор ордена, видя несомненное одобрение речи Кедрина, взял на себя публичное выражение признательности ему.

— Любезный брат наш, державший речь свою, во истине воплотил в ней восьмой отдел устава «вольных каменщиков»! Это правило о должности братской гласит: «В бесчисленной толпе существ, населяющих сию вселенную, ты признал каменщиков братьями своими, не забывай никогда, что всякий каменщик, какого бы исповедания христианского, какой бы страны или состояния ни был, простирая тебе десницу свою, имеет права свои в твоей помощи и дружбе». Брат Генрих, Великий мастер германского капитула, призвал нас на помощь, и помощь нам самим в деяниях наших. Да поставим, братья, в цель истины нашей замещение царства Романовых владычеством бога и справедливости, яко каждый себе благосостояние добудет.

И вновь застучали молотки, принимая речь командора и благословляя братьев всех степеней к неукоснительному исполнению столь важных и многообещающих ее положений.

16. Царское Село, ноябрь 1912 года

...Специальный поезд замедлил свой бег, показала платформа Царского павильона в Царском Селе. Пассажиры стали застегивать шинели и надевать португалии. Когда вагоны остановились, негустая толпа господ офицеров и чиновников вышла на площадь и расселась в специально присланные из дворца коляски и кареты. Монкевиц и Соколов держались вместе.

Экипажи тронулись и последовали в сторону Большого дворца, любимого местопребывания Екатерины II. Неподалеку от этого великолепного ансамбля, построенного Растрелли, в парке за маленькими искусственными озерами, полускрытая летом деревьями, а осенью и зимой окруженная черными голыми стволами, возвышается постройка несколько более скромная — Александровский дворец. Именно сюда заперлась от революции чета Романовых. Император и императрица размещались в одном из дворцовых флигелей внизу, а их дети — четыре великие княжны и цесаревич Алексей — на втором этаже над ними.

В средней части дворцового корпуса блистали парадные залы. Флигель, симметричный царскому, был отведен для квартирования некоторых придворных чинов.

Экипажи миновали Большой дворец и, спустившись с возвышенности, проследовали через стройную колоннаду к парадному подъезду Александровского дворца. Гардеробная и передние залы, уже заполненные царедворцами, с прибытием новых гостей переполнились до краев. Несколько минут спустя они выплеснули всю эту массу, позвякивающую орденами и сверкающую золотом шитья на парадных мундирах, в большую Александровскую залу.

Сергей Александрович Танеев, сын статс-секретаря и

брат печально знаменитой фрейлины царицы Анны Вырубовой, церемониймейстер высочайшего двора, уже руководил расстановкой по чинам приглашенных на Большой прием гостей. Полковник Соколов оказался где-то в самом конце блестящей шеренги усов, бакенбард и холеных бород генералов и действительных статских советников. Монкевиц был поставлен где-то в середине ее.

Устраивание шеренги закончилось вовремя, Танеев бесшумно скользнул по паркету к дверям, ведущим во внутренние покои дворца, и тут грянул хор трубачей. Массивные, украшенные золотой резьбой двустворчатые двери распахнулись. С небольшой свитой в зал вошел невысокого роста курносый полковник в красном чекмене гвардейских казаков — Николай II, Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский; царь Казанский, царь Астраханский, царь Польский, царь Сибирский, царь Херсонеса Таврического, царь Грузинский, Государь Псковский и Великий Князь Смоленский и прочая, и прочая, и прочая...

С обычным для него безразличным ко всему видом, теребя в руке белую лайковую перчатку, Николай Александрович начал обход парадного строя.

Для представления этому полковнику по случаю получения новых чинов, должностей и орденов здесь были собраны столпы режима. Теперь все они вытянулись в струнку перед обожаемым монархом, пожирали его глазами и старались запомнить каждое слово, каждое движение, чтобы потом в кругу родных, знакомых и сослуживцев со вкусом рассказывать в деталях и лицах о выходе государя.

Предмет их верноподданной страсти медленно продвигался вдоль шеренги, сопровождаемый свитой. В бледном и испитом лице венценосца, обрамленном аккуратно подстриженной рыжей бородкой, не было ничего замечательного или выразительного, кроме глаз, которые он унаследовал от своей матери — датской принцессы Дагмары, получившей при крещении в православие имя Марии Федоровны. Выразительный взгляд императора был чуть ли не главным орудием его обаяния, направленным на тех, кто истерично хотел ему подчиняться и служить. Но в чертах лица и манере вести разговор наблюдательный и объективный человек

мог заметить некоторую сухость и даже жесткость его истинного отношения к людям.

Кроме выразительных глаз, Николай Романов унаследовал от матери и некоторые черты ее душевного склада — склонность к хитрости и обману при помощи внешней любезности и приветливости, коварство и притаившуюся в душевных глубинах холодную жестокость, полное равнодушие к чужому страданию...

Полковник гвардейских казаков медленно шел вдоль строя. В его поступи и поведении не было ничего торжественного или высокого. Даже свита, как нарочно, была составлена из людей мелкорослых, среди которых одиноко возвышалась долговязая фигура любимого дяди царя, великого князя Николая Николаевича.

Соколов даже несколько обрадовался, увидев великого князя, ибо именно он в качестве Генерального инспектора кавалерии и Высочайшего покровителя общества любителей конного спорта вручал ему «Гран-при» за победу на конкур-иппике полгода назад. В нервной и новой для себя обстановке дворцового приема Соколов вспомнил армейское прозвище Николая Николаевича — Лукавый. Великий князь, командуя войсками, бывал настолько грубым и неудержимым матерщинником, что кавалерийские офицеры, подчиненные ему, как Генеральному инспектору, именно этим синонимом упоминали его в разговорах, имея в виду привычные слова весьма распространенной молитвы — «избави нас от Лукавого...».

Поверх голов царской свиты далеко выделялось неестественным румянцем лицо Лукавого. Очевидно, он уже с утра успел приложиться к стакану с шампанским. Среди выдающихся алкоголиков своего времени дядя царя занимал достойное место. Командир лейб-гвардии гусарского полка, где проходил свой кавалерийский стаж Николай Александрович, будучи наследником русского престола, охотник по влечению, ерник и неисправимый пьяница, Николай Николаевич в молодости проявлял не меньше постоянства в своей привязанности к одной царскосельской купчихе. Он даже просил у своего царствовавшего брата, Александра III, позволения повенчаться с ней. В ответ царь, имевший, как и все Романовы, склонность острить, сказал: «Со многими дворами я в родстве, но с Гостиным еще не был и не буду!»

У купчихи действительно был мучной лабаз в Царскосельском гостином дворе. Лихого гусара отказ государя не очень огорчил, и он продолжал прежнюю жизнь, деля ее между своей купчихой, вином и полком. Лишь много лет спустя он женился на одной из двух великих княжон-черногорок, обретавшихся из-за бедности их отца, государя Черногории, при петербургском дворе, — Анастасии Николаевне, отличавшейся неумейной страстью к деньгам и крайней истеричностью. Теперь, накануне большой европейской войны, великий князь командовал всей русской кавалерией, а некоторые горячие головы при дворе называли его шепотом даже кандидатом в главнокомандующие.

...Царь и свита постепенно приближались. Соколов вдруг с удивлением обнаружил, что он совершенно не испытывает священного трепета, который полагалось бы иметь в душе, когда находишься столь близко к особе государя. Как ни странно, но царь, за которого по уставу следовало бы Соколову при первой возможности умирать, казался совершенно чужим и далеким человеком.

Полковник гвардейских казаков медленно шел вдоль строя, теребил перчатку и иногда щурился, словно бы от боли. Соколову пришли на память сразу же разговоры, ходившие в киевской среде о том, что в бытность государя наследником произошел опасный для здоровья Николая Александровича инцидент, когда он совершал познавательное путешествие вокруг света. Главным распорядителем тогда Александр III назначил старого и полуслепого князя Барятинского, отличавшегося крайней ограниченностью даже в невзыскательном гатчинском окружении царя. Путешественники следовали на броненосце «Память Азова», пересекали моря и океаны, а иногда по суше на слонах, верблюдах и другим экзотическим транспортом въезжали в глубь чужих государств. Под руководством такого наставника перед равнодушным взором наследника и великих княжичей, сопровождавших его, сменялись красоты невиданной природы, ярких городов и стран, островов и ландшафтов. Для Николая Романова путешествие проходило как бы во сне, за исключением того, что это было не столько сонное, сколько пьяное царство. Вино лилось рекой, под

его влиянием путешественники совершали бестактности, от которых и трезвый не застрахован в незнакомой среде.

В Империи восходящего солнца высокородные гости вследствие своего самодовольного невежества с самого начала раздражали японскую толпу посещением храмов, где шумели и громко переговаривались в присутствии изображений Будды и других местных богов. За фанатиком, взявшим на себя миссию отомстить за истуканов, дело не стало. Николай едва не погиб от основательного удара, который нанес самурайским мечом по его легкомысленной голове японец полицейский Ва-цу. Второй удар отразил товарищ по путешествию, греческий королевич Георгий. Ва-цу успели схватить, и вся компания поспешила на «Память Азова» — залечивать первую рану, нанесенную России Японией. Об этом много писали в те дни газеты, а еще больше говорили во всех слоях общества.

Рана оказалась серьезнее, чем думали в первый момент. Хотя, по-видимому, сотрясения мозга и не последовало, в черепной кости, поврежденной ударом, как считали лейб-медики, могло начаться разрастание костного вещества. Процесс, видимо, не остановился, и много лет спустя Николай стал испытывать в левой половине головы давление, которое вполне могло отражаться на функциях мозга. Этот болевой эффект продолжался годами и повлек за собой, вероятно, вполне определенные изменения интеллекта самодержца. Природная ограниченность и упрямство еще усугубились этим травматическим нарушением...

Царь приближался. В своих коротких беседах, следовавших за рукопожатием с очередным приглашенным, Николай Александрович больше всего интересовался теми, кто долго прослужил в строю. Своими вопросами он подчеркивал исключительное благоволение к строевой службе, обходя молчанием штабистов. Дошла очередь и до соседа Соколова, стоящего справа, — седого пехотного полковника.

— Ваше императорское величество, — рапортовал осипшим от команд голосом бравый служака, — командир Тамбовского полка 31-й пехотной дивизии, полковник Грушко представляется по случаю пожалования ордена Анны первой степени.

Царь подает полковнику руку, глядя куда-то мимо

него, молча треплет аксельбант. Все в свите и шеренге замирают, ожидая мудрого монаршьего слова. После паузы, длящейся нестерпимо долго, Николай наконец находит, что спросить:

— Ну как, вы довольны расквартированием полка?

Пораженный таким интересом к его полку, командир мнется и так же, как и его величество, не находится сразу, что сказать. А царь и не ждал ответа, он просто демонстрировал единственную сильную сторону Романовых — отличную память, особенно когда это касается расквартирования войск.

— Я знаю, — продолжал самодержец, — ваша 31-я дивизия стоит в Харькове, а в Чугуеве, где расквартирован ваш полк, находятся летние лагеря не только вашей дивизии, но и трех малороссийских корпусов. А в вашем полку два батальона размещены по квартирам, а два стоят в новых казармах...

Полковник в верноподданническом восторге сияет, он готов прослезиться, а царь еще милостивее бросает ему, как и всем остальным строевым генералам и полковникам, с которыми он точно так же побеседовал до этого:

— Ну что ж, передайте от меня полку спасибо за верную службу.

Холеное, но бесцветное лицо Николая II поворачивается к следующему. Ледяные, слегка навывекте серо-голубые глаза безразлично скользят по лицу офицера:

— Ваше императорское величество, Генерального штаба полковник Соколов. Представляюсь по случаю присвоения очередного звания, — отчеканил по-уставному Соколов и щелкнул каблуками.

— Палковник, почему вы не в гусарской форме? Она вам гораздо больше идет! — брезгливо вымолвил император, вяло пожав руку Соколову и растягивая капризно слова с буквой «а».

Николай Николаевич сделал два шага к царю и своим зычным голосом ввязался в разговор:

— Я вижу, вы его узнали, ваше величество! Это тот самый знаменитый митавский гусар, который на весеннем конкур-иппике обобрал всю гвардию! — При этих словах великий князь лихо подкрутил ус, как будто сказал что-то исключительно приятное своему племяннику.

— Узнал, узнал... — отмахнулся от него Николай, — хотя он теперь в мундире, который не идет настоящему офицеру! — сделал царь вторую неловкость, даже не заметив первую, и это тоже не укладывалось в сознании Соколова.

— Где же вы начинали свою службу? — На царском лице проявилось какое-то подобие интереса.

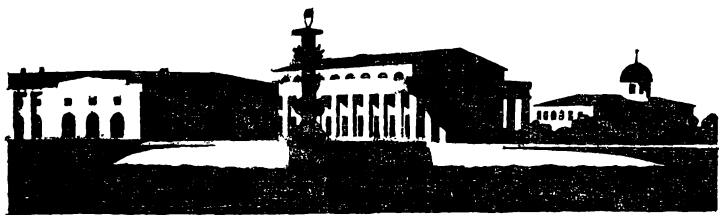
— В Белоцерковском гусарском полку, ваше величество, — снова четко ответил Соколов.

— А-а, так это не в бытность ли командиром Вольдемара фон Роопа, который недавно получил мой лейб-гвардии конногренадерский полк? — протянул Николай, снова демонстрируя отличную память.

Не дослушав ответ, как будто он и не спрашивал, государь, теребя свою перчатку, подошел к следующему в шеренге.

Танеев, не отстававший в свите от государя ни на вершок, вдруг приблизился к Соколову и негромко проговорил:

— Его величество ждет вас после приема во втором кабинете для доклада по вашему делопроизводству!

17. Петербург, ноябрь 1912 года

После выступления брата ритора и резюме Великого мастера по обычаю начались масонские беседы, прерываемые стуком молотка. Но Кедрин уже не слушал, что говорят братья официалы, какие банальности изрекают мастера и сюрвельяны. Он сделал знак Альтшиллеру, прося его чуть задержаться в зале по окончании речи, и погрузился в размышления о второй части своей задачи на этот важный для него день, который решал не только многое в его жизни, но, как искренне

думал Кедрин, был историческим для народов и их судеб, связанных с судьбой его — мессии всея Руси.

Кедрин считал, что возведение его, бывшего депутата I Государственной думы, адвоката и владельца многочисленных акций, в высокое звание мастера влиятельнейших французских лож, а также весьма интимный и доброжелательный прием братом германского императора, доверившего особой важности миссию в Петербурге, делало его незаменимым звеном в сношениях мирового ордена с его российскими ложами. Он рассчитывал взять в свои руки все иностранные дела ложи «Обновители» и претендовать на этом основании в будущем правительстве по крайней мере на пост руководителя дипломатического департамента.

Теперь же в лице Альтшиллера ему предстояло привести в действие ту силу, которая, как ему казалось, может оказать влияние на ход дальнейшей истории Европы. Кедрин решил ни много ни мало как спровоцировать всеобщую европейскую драку, столкнуть между собой прежде всего двух таких друзей и родственников, как Николай Романов и Вильгельм Гогенцоллерн.

Идея большого европейского кризиса родилась в мозгу адвоката в результате бесед с европейскими коллегами. Если французские братья всячески намекали на желательность развала в результате войны Германской империи и ее сателлита Австро-Венгрии, рассчитывали на помощь английских союзников, то в Берлине, как он понял, также готовились к жестокой европейской войне, лицемерно ругали французских братьев-каменщиков за отсутствие единства и претензии на мировое руководство.

Будучи весьма мелким политиком, органически чуждым таким понятиям, как патриотизм или благородство, адвокат и крупный акционер Кедрин не мог видеть, что два лагеря империалистов и без вмешательства масонов идут к столкновению в глобальном масштабе. Прелюдом к нему стала схватка на Балканах пангерманизма и панславизма, вылившаяся в аннексию Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, отраженная в двух Балканских войнах и дипломатической борьбе за их результаты, во всеобщую европейскую гонку вооружений и бешеное строительство флота Германией. Все эти отдельные признаки и явления были лишь объектив-

ными и разнообразными формами закономерного развития империализма, который готовился к кровавому утверждению своей последней стадии — монополистического капитала.

Кедрина, как и всем его братьям по наживе, как и всему классу буржуа, нужна была война для утверждения своей власти, для подавления революции.

В своих намерениях петербургский адвокат решил опереться на Альтшиллера, поелику он хорошо знал, что за спиной торговца маячит не только простодушный и не в меру влюбленный в свою молодую и очаровательную жену военный министр Сухомлинов, но и располагающие огромным влиянием видные члены «германской партии» при императорском дворе. Это были директор Международного коммерческого банка камергер Вышнеградский, петроградский первой гильдии купец, банкир и владелец контрольного пакета акций того же банка Манус, председатель правления крупнейшего частного банка России — Петербургского учетного и ссудного — Яков Утин, он же председатель синдиката всех частных банков.

Кедрин знал также, что через Дмитрия Рубинштейна, директора Русско-Французского банка, крупного дельца, весьма чисто юридически обдeldывавшего свои делишки, поскольку он был среди всех банкиров Петербурга «белой вороной» — кандидатом правоведения, — эта прогерманская клика российского финансового капитала имела связь с семейством баронов Ротшильдов, владевших в странах Антанты французскими, бельгийскими и другими банками. Адвокат Кедрин хорошо представлял себе все значение финансовых тузов в современной ему политической истории Европы...

Кедрин обдумывал свои тезисы под разговор братьев и почти пропустил последние слова заключительной молитвы префекта ложи, которые были всегда одни и те же: «Всемогущий господи, к коему наш дух на крыльях веры воспаряет, даруй нам по милосердию твоему крепость исполнить наше намерение. Просвети ум наш и исполни сердца наши теплотою! Да оживляет и наш союз навсегда нерушимо связь любви, завещанная тобою! Аминь»

Машинально подтянул Кедрин хору братьев гармонии, завершивших ложу все тем же пением на мотив «Коль славен»:

Да мы, имея душу здраву,
Все здесь творим Тебе во славу.
Как знаки зрим твоей любви
В телесной пище в сих местах,
Так нам, смиренным, уготови
Нетленну пищу в небесах!

Великий мастер спросил снова у сюрвельяна, который час, и получил традиционный ответ: «Самая полночь». Кедрин при этом ритуале на минуту отвлекся от своих мыслей, вспомнив разъяснения одного из масонских риторов значение слов «полдень» и «полночь».

— Когда бы ни происходили масонские работы, — говорил ритор, — всегда полдень, ибо свет истины освещает стезю, ведущую в храм премудрости, но «коль скоро престаёт Каменщик работать для вечности, погружается он в тьму пороков, страстей, ложа закрывается, наступает мрак полночи».

В зале, где задумчиво сидел Кедрин, уже погасли свечи, отдав в спертый воздух запахи стеарина и горелого фитиля, зажглось электричество. Оно сразу убило атмосферу сказочной таинственности и роскоши, обнажило фальшь пышных декораций и старческие прожилки, дряблость щек и мешки под глазами масонов, только что видевших себя властелинами миров и душ. Кедрин тяжело вздохнул и поднялся со своего лазоревго стула, закрывая символический циркуль и складывая другие масонские атрибуты. К нему мелкой походочкой засеменил Альтшиллер. Братья умиленно облобызались. Вместе с чмоканьем поцелуя звякнули массивные масонские цепи, воздетые на выи. Альтшиллер нежно взял Кедрина под ручку и повлек к выходу через коридор, минуя черную храмину.

У подъезда Альтшиллера ждал собственный выезд. В лакированной карете, обитой кремовым шелком, за хрустальными стеклами дверец, непрекращающийся петроградский дождь воспринимался не столь противно, как в извозчичьей пролетке. Откормленные лошади банкира быстро домчали до модного ресторана «Медведь», на Большой Конюшенной, где Альтшиллер постоянно держал кабинет для деловых разговоров и интимных встреч с нужными людьми.

Банкир и адвокат прошли через общую залу, где веселье в этот ночной час было в самом разгаре и даже бравурные звуки шансонетов тонули в возбужденном

гомоне толпы, и попали в крошечный павильон, украшенный позолоченным резным деревом. Стол был накрыт на два прибора.

Альтшиллер усадил Кедрина на малиновый диванчик, где он всегда размещал почетных гостей, лакей бесшумно пододвинул хозяину кресло с подлокотниками, и господа расположились к беседе.

Альтшиллеру очень хотелось знать, какие политические и коммерческие вести привез из Германии Кедрин, кем он был там принят, но, авантюрист и спекулянт по натуре, он все-таки пытался строить из себя благовоспитанного человека. Делового разговора он поэтому не начинал до тех пор, пока к этому не подаст знака сам гость. Поговорили о том о сем, посплетничали о знакомых.

Бесшумные официанты с точностью хорошо налаженного механизма вносили и ставили на стол перемены кушаний, меняли бокалы и марки вин. Казалось, они были совершенно безразличны к беседе гостей, но по тому, как рдели в напряжении их уши, Кедрин видел, что ни одно слово не падает мимо. Желая как следует вознаградить себя за вынужденный трехмесячный пост у скупых французов и немцев, Кедрин уплетал яства одно за другим, плотоядно запивал их красным и белым вином, слушал разглагольствования Альтшиллера и делал вид, что не понимает его нетерпения. Повара в «Медведе» были действительно на славу! Из-под серебряных крышек сотейников и сковород источались ароматы, способные разжечь аппетит, казалось, даже у скелета в масонской храмине, и Кедрин пробовал то фазана, выдержанного в мадере и запеченного в специальном шелковом мешочке, то стерлядь, поданную в майонезе из перепелиных яиц, то жаренное на палисандровых углях седло молодого бычка, кормленного чистым клевером.

Наконец принесли сигары, кофе и ликеры. Альтшиллер тщательно запер на задвижку дверь, уселся поглубже в свое кресло и, затянувшись, промолвил:

— Любезный Евгений Иванович! Не томите больше, расскажите, что передают мне из Берлина, довольны ли там нашей деятельностью?

Кедрин понял, что дальше оттягивать важный разговор нет причин, и приступил к делу.

— В числе высоких лиц, с кем мне довелось бесе-

довать в Берлине и Роминтене, — начал он в уважительном тоне, — был почтенный майор Николай. Он просил передать вам вот это!

Кедрин вынул толстый конверт, запечатанный сургучом, протянул Альтшиллеру. Банкир демонстративно небрежно отложил пакет в сторону и снова изобразил на своем лице полнейшее внимание к словам гостя. Кедрин продолжал:

— Во время приема у принца Генриха Прусского присутствовал также и господин майор. Его высочество сделал мне стратегический обзор европейского положения. Знайте же, что страны Антанты, в том числе и Россия, готовятся низвергнуть Срединные империи, поколебать европейское равновесие в свою пользу. Его величество Вильгельм весьма подробно осведомлен также и о внутреннем состоянии нашего государства. Он проявил, как мне передал принц, большое беспокойство в связи с тем, что его брат Николай не в силах справиться с социал-демократическими агитаторами, вследствие чего марксистская зараза может погубить также и его империю. Тем более что германские рабочие все более и более склоняются влево под влиянием таких красных, как Карл Либкнехт и Роза Люксембург. Единственным исходом из столь опасного положения, а также средством привести к изменениям в России без революции может быть только большая война, которая поколеблет гнилой трон Романовых. Только большая война! — еще раз повторил Кедрин.

— Не слишком ли абсолютизируете, мой друг, роль Романовых в России наших дней? — поддел Кедрина австрийский подданный Альтшиллер.

— Какие они Романовы! — взорвался сухой и желчный Кедрин. — Если позволите, мой друг, я расскажу вам, как иностранцу, незнакомому хорошо с русской историей, некоторые эпизоды из пикантного родословного древа этой семейки.

Масон пригубил рюмку с ликером и начал рассказ *.

Судьба была сурова к русскому народу; она длила жизнь его династии искусственно, приливая постоянно к ней живую постороннюю кровь. Больше того, теперь Россия не имеет даже и сомнительного удовольствия

* Кедрин излагает далее некоторые из тезисов, которые партия кадетов обращала против Романовых.

видеть во главе правления людей, в жилах которых течет хотя бы капля русской крови. Действительно, только в лице Петра Великого — преобразователя своего — Россия имела потомка рода, избранного на царство. Но далее, как известно, Екатерина Савронская была горничной пастора Глюка, после которого перешла на то же амплуа к Меньшикову. У последнего ее и увидел Петр и велел ей вечером «посветить ему в спальне».

В следующие годы связь продолжалась, пока наконец Екатерина не была перевезена в Москву, где у нее родилась дочь Елизавета. Сохранились письма, из которых видно, что Петр ждал этого ребенка и считал его своим. Незаконной дочери Петра, Елизавете, было три года, когда родители ее повенчались. И вот, совершенно неожиданно, в момент свадьбы, появляется возле венчающихся рядом с трехлетней Елизаветой, еще девочка: девяти лет, типичная чухонка, тоже дочь Екатерины, но от совершенно неизвестного лица. К девочке этой Петр был более чем равнодушен. Когда старшая, Анка, как ее называли в народе, подросла, ее выдали, с небольшим приданым, за незаметного голштинского герцога, что еще более подчеркивает равнодушие Петра. Впоследствии, при вступлении на престол Елизаветы, она не была признана народом, считавшим ее незаконной дочерью. Бунт подавили, многим порезали языки, многих сослали, и Елизавета дожила свой век на престоле без потрясений. Но когда после нее появился Петр III, сын голштинского герцога от брака с неизвестной чухонской девицей и женатый на немке, то только грубая сила могла заставить признать в нем Романова. Это одно. Второе — несомненное происхождение Павла I от Екатерины Второй и Салтыкова, когда романовская кровь тоже только чудом могла попасть в жилы будущего неуравновешенного царя.

— Таким образом, — подытожил Кедрин, — в жилах Николая Александровича Романова, как и его ближайшей родни, нет ни капли романовской и очень мало русской крови, если отрицать отцовство Салтыкова для Павла I.

— В этом нет ничего странного, — не удивился Альтшиллер. — В Европе тоже нет ни одной чистой династии.

— Наши союзники-монархисты и некоторые братья масоны, коих мы только что покинули, как бы ни тщи-

лись рисовать образ Романовых самыми мягкими штрихами, не смогут отвратить нас от борьбы за то, чтобы Николай Александрович стал последним российским самодержцем! — уверенно заявил Кедрин. — Сейчас нельзя утверждать, будет ли царствовать его наследник Алексей, но если и будет, то в обстановке, навсегда очищенной нами от малейшего запаха абсолютизма... Чем ярче будет разгораться над бедной родиной, несущей в себе столько здоровых сил, заря политической и социальной свободы, тем мрачнее будет сгущаться туман над именами ее царей, в том числе и Кровавым Николаем, пока не скроет их навсегда в недрах истории бесстрастной и немилосердной...

— Bravo, bravo! — зааплодировал Альтшиллер кончиками пальцев, когда адвокатское красноречие Кедрина иссякло. — Право же, любезнейший брат, вы хоть сейчас готовы свергнуть Романовых, не дожидаясь трехсотлетия их дома! А что же надо сделать для этого практически, не вызвав при этом народной революции, типа той, что разверзлась перед всеми нами в 1905 году?

— Надо вступить в войну и в ходе ее передать власть от царя к избранникам имущих классов, кои доведут ее до необходимого конца, — сказал Кедрин тьердо и спокойно.

В глазах Альтшиллера погасли иронические искорки, которые горели все время, пока Кедрин произносил свою филиппику против Романовых. Он также стал серьезен и задумчив.

— Для этого следует довести Россию в войне на грань поражения, дабы Государственная дума, из которой по случаю войны будут изгнаны большевики, представляющие опасно грамотных рабочих, могла убрать всех этих великих князей и порожденных ими безмозглых бюрократов. — Кедрин опять сменил твердый тон на вкрадчивый: — И тут вам, дорогой брат, Александр Оскарович, следует сделать свою работу. Вы должны, во-первых, воздействовать на военного министра в пользу более энергичного демонтажа вооружения в крепостях Модлина — Демблина — Плоцка, а также Варшавы. Помните, что эти крепости весьма высоко оценил еще Наполеон. Также надлежит всячески саботировать развернутое в тылу русских армий строительство новой оборонительной линии.

Кедрин, не стесняясь, излагал мысли, почерпнутые

им на аудиенции у Генриха Прусского, но теперь выдаваемые за свои. Господина камергера Вышнеградского, председателя правления Петербургского международного банка и владельца тульских меднопрокатных и патронных заводов, можно было бы призвать сократить кредиты, а еще лучше — насовсем остановить производство в Туле. Так появится удобный повод обвинить царскую бюрократию в нераспорядительности и поставить своих людей к снабжению армии. Господин Вышнеградский весьма симпатизирует кайзеру и легко пойдет на временные неудобства, тем более что германская промышленность, как гарантировали в Берлине, компенсирует эти неудобства — своими весьма выгодными заказами! — не только господину камергеру, но и всем, кто захочет помочь святому делу...

— Самое главное я оставил на десерт, — пошутил Кедрин, вспомнив гастрономические радости, которые он только что испытывал. — В Берлине ожидают, что вы, я и все наши сторонники сможем нейтрализовать тех лиц, которые доставляют наибольшие заботы его величеству кайзеру Вильгельму и нашему общему другу — господину майору Вальтеру Николаи. Кажется, господин майор располагает сведениями о том, что на Дворцовой площади в Петербурге имеются весьма важные военные документы, полученные негласным путем из Германии и Австро-Венгрии. Здесь, рядом с нами, — неопределенно махнул Кедрин рукой в ту сторону, где, по его мнению, располагалась арка Генерального штаба, — скопилось больше германских и австрийских тайн, чем их осталось в Берлине и Вене.

— Какой кошмар! Я всегда думал наоборот! — всплеснул руками Альтшиллер.

— Меня просили передать вам в качестве самого главного пожелания лично их величества кайзера и императора Франца-Иосифа, что надо найти предателей в германском стане. Сейчас, когда подготовка к европейской схватке вступила в решающий период, один нераскрытый шпион в германских и австрийских штабах может стоить нашему делу больше, чем два корпуса, — повторил Кедрин слова майора Вальтера Николаи. — В Берлине считают, что ваша близость с Сухомлиновым должна дать возможность нащупать в Берлине и Вене предателя или, не дай бог, предателей, что служат русской разведке.

Альтшиллер даже не пытался отвертеться от нового, весьма трудного задания. Он молча слушал разглашательства Кедрина, с удивлением увидев в нем вдруг неизвестного доселе коллегу по службе в германской разведке. Получив неделю назад сообщение из Берлина о состоявшейся вербовке и указание о том, что получит новые инструкции от самого Кедрина во время личной встречи, он с нетерпением ждал заседания масонской ложи, дабы, не вызывая подозрений, сговориться с Кедринным о свидании. Теперь же он размышлял о том, как просто и ловко нашел единомышленника, пользующегося столь большим весом в масонских и кадетских делах. Поистине пути господни неисповедимы! Вот и пришло время наметить, как самым безболезненным образом выполнить сложное поручение хозяев. Русские секреты, при всем простодушии и склонности к рутине офицеров императорского Генерального штаба, так просто не валяются даже на столе его высокопоставленного друга и покровителя генерала Сухомлинова...

Встреча двух шпионов заканчивалась. Кофе был допит, сигары докурены, инструкции переданы.

Учтиво приподняв на прощанье шляпы, банкир и адвокат расстались у зеркальных дверей. Альтшиллер поспешил к карете, а Кедрин вернулся в теплый вестибюль дожидаться извозчика, за которым побежал на перекресток мальчик.

Кедрин был доволен собой и прожитым днем. Он считал, что положил весомый камень в фундамент своего грядущего величия. Он не мучился угрызениями совести, что предавал тех самых выборщиков от городского мещанства и купечества, которые послали его в российский парламент — Государственную думу. Не беспокоило его и то обстоятельство, что своей подлой шпионской деятельностью он провоцировал войну. Жажда власти и обогащения толкала его на все новые и новые подлости и предательства. Ради денег и власти он был готов продать любому императору или королю, любому правительству или любому монарху не только каких-то безвестных ему мужиков, но даже собственных братьев — масонов, своих компаньонов по аферам, по бирже — словом, всех и вся, включая ближнюю и дальнюю родню. Ибо Кедрин был воплощением торгашества всех времен — эгоистичный, холодный и

расчетливый, видящий свое отечество там, где больше прибыли, где есть возможность заработать — хотя бы на предательстве.

18. Царское Село, ноябрь 1912 года

Большой прием государя закончился, царь и его свита удалились. Гости группами потянулись в гардеробную. Скользя по паркету, Монкевиц подошел к Соколову, озиравшемуся на месте и несколько подавленному сделанным церемониймейстером указанием.

— Каково, друг мой? — обратился Николай Августович к подчиненному. — Не правда ли, его величество был великолепен?! А как хорошо он знает армию и ее расквартирование!

— Точно так, господин генерал! Но зачем понадобился государю я?

— Причина ясная, — закосил в стороны глазами Монкевиц. — Его величество весьма озабочен возмутительным поведением Австро-Венгрии, которая в ответ на выход сербских войск к Адриатическому морю в Северной Албании начала мобилизацию. В Берлине, как доносит наш военный агент, непрерывно идут совещания австро-венгерских и германских государственных людей. Пахнет европейской войной, а Россия к ней не готова. Попугать Турцию или Австрию еще можем, а серьезно воевать — проскачка выйдет!

— Тогда все ясно. Его величество, видимо, хочет, чтобы я доложил обстановку по моему делопроизводству...

— Надеюсь, вы готовы? — спросил Монкевиц и снова стрельнул глазами в разные стороны.

— Непременно, ваше превосходительство!

Появился скороход, мало похожий на живого человека. Круглая шляпа с черными, белыми и желтыми стра-

усовыми перьями, черный, расшитый золотыми лентами кафтан, белые панталоны в обтяжку до колен, чулки и черные башмаки с бантами делали его нереальным, какой-то иллюстрацией к сказкам Андерсена. Он повел Монкевица и Соколова длинными коридорами Александровского дворца во внутренние покои, туда, где должен был продолжаться прием, однако теперь уже малый. На такую аудиенцию, которая превращалась в рабочий доклад государю или совещание, приглашались военные и чиновники значительно меньшим числом. Царь проводил этот прием, как правило, в библиотеке, превращенной во «второй кабинет его величества». Здесь стоял, помимо круглого стола, заваленного книгами, огромный бильярд, на котором Николай Александрович продолжал иногда свою партию, безучастно вникая докладам министров.

Всезнающий Монкевиц предупредил по дороге Соколова о том, что кабинет этот сообщается через антресоли с будуаром Александры Федоровны, и императрица, оставаясь никем не видимая, слушает на них особенно интересные сообщения царю. Николай Августович намекнул своему подчиненному, что если он хочет понравиться царице, то должен живописать свой доклад яркими красками и насытить его забавными деталями.

И снова Соколова покорило неприязненное чувство к Монкевицу, он вспомнил почему-то сразу разговоры о ярых германофильских симпатиях Александры Федоровны, которую вельможи, отставленные от двора по настоянию царицы, презрительно называли «Гессенской мухой». Для себя Алексей Алексеевич решил держаться в строжайших рамках субординации и не проговариваться ни словом об источниках — агентах, которых ненужной откровенностью можно поставить под смертельный удар.

Когда Монкевиц и Соколов, предводительствуемые скороходом, добрались до приемной, здесь уже толпились парадные мундиры. Сразу было трудно понять, то ли они все ждут момента приема государем, то ли уже побывали на аудиенции и теперь просто договаривают светские разговоры с приятелями. Вскоре через приемную проследовали в императорскую библиотеку — кабинет председатель совета министров граф Владимир Николаевич Коковцев, министр иностранных дел Сазонов, министр путей сообщения Рухлов, военный министр

Сухомлинов и начальник Генерального штаба Жилинский.

Двое последних ответили полупоклонами на приветствие Монкевица и Соколова, коих были начальниками. Импозантный, но уже стареющий бонвиван, Сухомлинов даже милостиво улыбнулся Соколову, которого знал по службе под своим началом еще в Киевском военном округе за работающего и дельного офицера.

Генерал-адъютанта Сухомлинова сопровождал до приемной немецкий адмирал фон Гинце, состоящий «лично при особе государя» в ранге военно-морского атташе. Гинце, как видно, очень хотелось вместе с министром проскочить в кабинет к государю, но дежурный офицер произвел неувольнимый жест перед адмиралом, и тот сделал вид, будто не собирался вовсе пересекать порог царского кабинета, а только провожал своего приятеля Сухомлинова, развлекая его разговором.

Соколов подивился беспардонности этого матерого разведчика, о недавнем пассаже которого в яхт-клубе злословил весь Петербург. Яхт-клуб, как во всякой европейской столице, издавна служил в Питере прибежищем дипломатов, где они к тому же могли встречаться с чиновной и военной элитой — членами этого в высшей степени респектабельного заведения. Правда, великолепные обеды подавались крупным сановникам Российской империи, собиравшимся в яхт-клубе позлословить и обсудить самые горячие новости, в иной, более поздний час, нежели дипломатам.

Однажды хитроумный фон Гинце, явно в расчете на то, что после парадного обеда из двенадцати блюд, обильно политых вином, господа министры и члены Государственного совета будут менее воздержаны на язык, задержался в столовой зале после дипломатической трапезы и спрятался за каминный экран. Расторопный официант, получавший вдобавок к своему жалованью вознаграждение в корпусе жандармов, приметил хитрость германца. Когда обед был в полном разгаре и гости стали высказываться на щекотливые, а то и запретные темы, официант Петрушка, якобы по неловкости, уронил резной японский экран. Глазам изумленного общества предстал военно-морской атташе дружественной державы, скорчившийся в неудобной позе подле холодного камина. Господа министры были весьма шокированы, однако прожженный шпион, дослуживший-

ся подобными трюками до адмиральского звания, ничуть не смутился. Он сделал вид, что принимает как-то пилюли, поскольку-де ему после обеда стало нехорошо, затем выпрямился, раскланялся со знакомыми и был таков. Инцидент наделал много шума в военной среде, молодые морские офицеры даже хотели вызвать шпиона на дуэль, но дело прослышала императрица, вызвала буянов на аудиенцию и умолила их не давать выхода чувствам...

Теперь фон Гинце как ни в чем не бывало отирался в толпе приглашенных на малый прием. Кто находился в других группках сановников, ожидавших вызова в царский кабинет, Соколов не знал, да и особенного интереса не проявлял.

Подле двустворчатой двери, ведущей в царский кабинет, стоял большой письменный стол. Место за ним занимал маленького роста дежурный офицер, командир лейб-гвардии гусарского полка, несшего в ноябре дворцовую службу, сорокапятилетний Свиты генерал-майор Владимир Николаевич Воейков. Монкевиц, перехватив его взгляд, подобострастно раскланялся и потом объяснил Соколову причину своей особенной любезности тем, что вскорости, то есть уже к рождеству, Воейков должен был принять пост дворцового коменданта.

В приемную заглянул неожиданно приятель Соколова, командир конных гренадеров Рооп, про которого вспоминал недавно царь. Будучи уже давно в Петербурге и хорошо зная все хитросплетения придворной военной жизни, он специально решил встретиться с Соколовым накануне столь значительного момента его жизни, как представление императору. Однако генерал был занят по службе и не смог повидать приятеля до Большого приема.

Владимир Рооп и Алексей Соколов отошли в укромный уголок приемной, пока не настанет черед вызова к государю Монкевица и новоиспеченного полковника.

Рооп уже однажды сыграл важную роль в жизни Соколова. Когда-то, закончив, как и Соколов, Академию Генерального штаба, он служил в штабе войск гвардии и Петербургского военного округа, откуда был назначен военным агентом в Вену. Веселый и беззаботный гвардейский офицер, за которым ходила слава необы-

чайного покорителя женских сердец, Рооп совершенно не производил впечатления того основательного и до-тошного штабного работника, предусмотрительного в мелочах и с широким складом мышления, каким был на самом деле. В бытность свою в Вене он, казалось, посвящал все свое время амурным похождениям и нисколько не интересовал по этой причине австрийскую контрразведку. Однако легкомысленный гусар, выпивавший на пари полдюжины шампанского, не пьянея, и служивший притчей во языцех во всех салонах Вены, Будапешта, Праги, был талантливым разведчиком. Он установил самые тесные дружеские отношения со многими офицерами императорского и королевского Генерального штаба в Вене, а знаменитый майор Редль, признанный создатель контрразведывательной службы австрийской императорской армии, конфиденциально состоял в числе его лучших друзей.

Когда Роопу пришла очередь получать полк, он был отозван из Вены в Киевский военный округ и стал командовать белоцерковскими гусарами. Соколову, занимавшемуся изучением австро-венгерской армии в штабе округа, он и передал все свои негласные знакомства в Австро-Венгрии, которые Алексей с его легкой руки продолжал успешно развивать.

Теперь Роопа очень интересовало, как идут дела у его главного венского знакомого, Филимона Стечишина, и он постарался тактично навести разговор на эту тему.

— Филимон работает великолепно, — уловив, куда тот клонит разговор, сообщил другу Соколов. — Теперь у него под началом целая организация чехов, достигших в австрийской армии высоких чинов, но оставшихся в глубине души славянами и борцами за независимость Чехии. Один из этих офицеров — теперь крупный чин в генштабе, а другой твой знакомый, Альфред, получил повышение, стал вторым человеком в Праге — начальником штаба восьмого корпуса.

— Поздравляю тебя, Алексей, ты прекрасно завернул работу в Австрии, — вполголоса одобрил Рооп. — А если у тебя есть еще несколько таких друзей в Дунайской монархии, как Редль, то тогда можно считать, что ты знаешь об австрийской армии почти все.

— Даже если б я знал о ней все, ты всегда будешь

знать чуточку больше, — улыбнулся своему другу и коллеге Соколов.

— Не советую тебе только раскрывать здесь источники своей информации, — так же вполголоса промолвил Рооп. — Ты знаешь, наверное, что у нас при дворе очень сильна германская партия, которая делает ставку на симпатии царицы. Да и наша с тобой старая пассия, Екатерина Викторовна, супруга военного министра, тоже проявляет слишком большую активность в пользу разных там немчиков.

Рооп, прапрадед которого приехал в Россию во времена Петра Великого из Дании, терпеть не мог немцев и особенно не жаловал молодую жену своего бывшего командира Сухомлинова.

— А как она здесь прижилась? — поинтересовался Соколов петербургской судьбой красавицы, вызывавшей восторг всех офицеров Киевского округа, когда она появлялась на балах в офицерском собрании.

— Ты знаешь, свет капризен. И хотя Екатерина Викторовна — супруга генерал-адъютанта, светского гвардейца и военного министра, любимца императора, ее не признают в петербургских салонах из-за того, что она родилась в простой малороссийской семье. Впрочем, зачем я тебе говорю все эти азбучные истины, ведь вы, киевляне, лучше нас, петербуржцев, знаете подноготную этой красавицы. Могу тебе только по секрету сообщить, что, когда Владимир Александрович представил ее государю, красота Сухомлиновой и ее молодость произвели у него такой фурор, что, как говорят злые языки, царь несколько оживился и даже обратил на эту красоту внимание своей супруги. Ну а ты хорошо знаешь, что значит, когда одной женщине, да еще считающей себя красивой, говорят о красоте другой. Вот царица и возненавидела Екатерину Викторовну.

Насмешливый блеск в глазах Роопа погас так же внезапно, как и появился. Он с нескрываемым осуждением довольно громко произнес:

— А вообще, нашему военному министру следовало бы больше думать об укреплении российской армии, а не о светских развлечениях своей молодой жены. Слишком часто ездит он с ней в отпуск в Париж и в Ниццу, забывая, что русскую армию следует готовить к войне, дабы не повторилась Цусима...

Из ближайшей к ним группе ожидающих кто-то

обернулся, услышав среди общего негромкого говора какой-то диссонанс. Рооп задумчиво умолк, и Алексей не решился вновь беспокоить его расспросами о петербургской жизни. Он только отметил про себя, что не у него одного вызывают сомнения деловые качества военного министра России.

Приглашенных в передней все убывало. Рооп тоже собирался уходить. Перед прощанием он позвал друга на вечеринку лейб-гусар в офицерское собрание полка, с командирами которого успел особенно подружиться за годы службы в конногвардейской дивизии, куда входили и лейб-гусары и конногренадеры, Алексей обещал с удовольствием, ежели, разумеется, не задержится нынче вечером здесь, во дворце. Он много слышал о праздниках гвардейцев и был не прочь увидеть воочию их широту и разгул.

Наконец, когда никого из приглашенных, кроме Сухомлинова, Монкевица и Соколова, в приемной не осталось, к этой маленькой группе неслышной семенящей походкой истинного царедворца приблизился Воейков и пригласил господ к царю.

19. Царское Село, ноябрь 1912 года

Царский кабинет-бильярдная был несколько темноват. Соколов сначала не разглядел невзрачного полковника, стоявшего подле высокой изразцовой печи, на выступе которой почти вровень с головой царя покоился беломраморный бюст кого-то из его царственных предков.

— Садитесь, господа, — безразличным тоном произнес самодержец и принялся ходить вдоль большого зеленого поля бильярда, на который бросала яркий свет электрическая лампа. Другая лампа светила в круглом

шелковом абажуре, низко висящем над круглым библиотечным столом с семью деревянными креслами вокруг него. Среднее из кресел, с более высокой спинкой, занимал, вероятно, сам царь. Справа располагались Сухомлинов и Жилинский, а слева, как бы составляя фракцию гражданских министров, — Коковцев, Сазонов и Рухлов. По виду министров было ясно, что они только что закончили обсуждение какого-то нудного вопроса и теперь готовы перейти к следующему пункту программы.

Невысокие антресоли оставляли мало места под тяжелым потолком мореного дуба. Повсюду на стенах в золоченых тяжелых рамах висели безвкусные картины, перемежавшиеся с семейными царскими фотографиями в золотых тонких рамочках.

Подыскивая слова, точно гимназист, не выучивший урок, Николай Александрович предложил Сухомлинову объяснить присутствующим причину, по которой их всех здесь собрали.

— Господа, мы на пороге... э... кризиса, который... должен сказать... способен вызвать... потрясение основ... Мы должны... в ближайшие дни... а может быть, и часы... точно решить насчет военных приготовлений и... самой мобилизации. Владимир Александрович сейчас все расскажет... — царю было, видимо, трудно говорить, и он теребил золотой аксельбант на своем красном чекмене. Закончив фразу, он бросил взгляд на антресоли, и Соколов вспомнил, что ему говорил Монкевиц о возможном присутствии государыни на этом совершенно секретном совещании.

Царь обошел бильярдный стол и сел в свое кресло. Он нажал незаметную кнопку звонка под столом. В кабинет скользнул Воейков.

— Карту Балкан, — коротко бросил царь, и через несколько секунд огромная, многометровая карта Балканского полуострова появилась на стене бильярдной. Карта была обработана цветными карандашами, и на ней четко выделялись не только текущие позиции союзников и турок за последнюю неделю, их предыдущие линии и стрелы наступлений, фланговых обходов, но и дислокация войск Киевского и Одесского округов русской армии, расположения дивизий румынской и австро-венгерской армий. Соколов заметил на карте множе-

ство неточностей и решил, когда настанет его момент докладывать, обратить на них внимание самодержавного главнокомандующего.

— Прошу вас, Владимир Александрович, — представил слово Николай своему военному министру.

— Ваше величество, — начал Сухомлинов свой доклад, — лично для меня в течение многих лет, а точнее — с 1903 года, совершенно определенно выяснилась вероятность столкновения с Габсбургской монархией. Еще явственнее такая необходимость встала во время аннексии ею Боснии и Герцеговины в 1909 году. Тогда же я убедился, что в случае этого столкновения Германия станет на сторону Габсбургов. Таким образом, ясно обрисовалась цель поддержания нашей боевой готовности.

Генерал-адъютант продолжал размеренным голосом изрекать истины, которые, вероятно, он не только выучил заранее наизусть, но и многократно отрепетировал для того, чтобы произвести впечатление на царя. Из доклада следовало, что масштаб для оборудования вооруженных сил России должен был отвечать не только боевой готовности одной лишь австро-венгерской армии, но и соединенных с нею сил германских армий и флота. Вместе с тем, учитывая союзнические обязательства, которые взяла на себя Франция согласно военной конвенции, российская императорская армия должна быть, по крайней мере, так же сильна, как армия германская. По разработанному проекту приложения к мобилизационному плану «О силах и вероятных планах наших западных противников», проекту, который на днях будет представлен на высочайшее утверждение, предусматриваются два случая.

Случай первый — главные силы Германии будут против Франции, а все силы Австро-Венгрии, кроме сил, выделяемых на Южный фронт, — против России,

Случай второй — главные силы Германии с силами Австро-Венгрии — против России.

В случае первом против России действуют 12—13 корпусов австрийских и 3—6 корпусов германских, против Сербии 3—4 корпуса австрийских.

Во втором случае против России действуют 12—13 корпусов австрийских и 18 корпусов германских.

Сухомлинов продолжал размеренно излагать диспозицию, не поднимая глаз от заранее заготовленной записки, а Николай все так же безучастно глядел пустыми глазами куда-то мимо карты.

— Мы считаем все же, — докладывал военный министр, — что в случае войны Германия направит свой главный удар против Франции, оставив против нас не более трети своих сил — около 300 батальонов. При этом Румыния со своей сотней батальонов выступит на стороне Срединных империй. Итого общая численность австро-германо-румынских войск составит в начале военных действий около 1000—1100 батальонов против наших 1500. Мы предполагаем также, что Италия останется нейтральной или будет связана союзом с Болгарией, а 15-й и 16-й австрийские корпуса, специально подготовленные для войны с Сербией, останутся против наших славянских братьев.

Монотонность генеральского доклада начала действовать усыпляюще на Николая. Он стал позевывать, вежливо прикрывая рот перчаткой. Сухомлинов, ничего не замечая, продолжал:

— Выгоды нашего превосходства в силах значительно ослабляются сроками нашей более длительной мобилизации и сосредоточением к границе значительных войсковых масс. Такое сосредоточение происходит согласно нашей диспозиции на 23-й день, в то время как австрийцы заканчивают свое на 14-й день. Германцы могут осуществить сосредоточение уже на 10-й день.

Царь наконец решился прервать своего военного министра, который, очевидно, изрядно надоел ему изложением основ диспозиции, известных всякому младшему офицеру в Генеральном штабе. Подняв на Сухомлинова пустые глаза, Николай капризно выговорил:

— Владимир Александрович! Я призвал вас всех сюда вовсе не для повторения мобилизационного плана, а для решения вопроса о частичной мобилизации... — При этих словах Сазонов, Коковцев и Рухлов удивленно переглянулись, как будто впервые услышали повестку столь важного совещания. Царь продолжал: — Теперь, когда на Балканах разгорается война, нам необходимо значительно усилить состав войсковых частей, стоящих близ границы. Ведь вы сами вчера, на совещании с командующими войсками Киевского и Варшавского

военного округов, предлагали произвести мобилизацию Киевского и подготовить частичную мобилизацию Одесского округов?! Я особенно подчеркиваю, что вопрос идет только о нашем фронте против Австрии, и не имею решительно в виду предпринимать чего-либо против Германии. Наши отношения с ней не оставляют желать ничего лучшего, и я имею основание полагаться на поддержку моего брата императора Вильгельма... Объясните же не диспозицию вообще, а надобность в мобилизации господам министрам.

— Ваше величество, — поднялся со своего кресла Сухомлинов, — я не имею прибавить ничего к столь ясно выраженным вами мыслям. Тем более все телеграммы о мобилизации уже заготовлены и будут отправлены сегодня же, как только закончится наше совещание.

— Военный министр предполагал распорядиться еще вчера, — сказал Николай, обращаясь к графу Коковцеву, — но я предложил ему обождать еще один день, так как я предпочитаю переговорить с теми министрами, которых полезно предупредить заранее, прежде чем будет отдано распоряжение.

С величайшим изумлением три министра переглядывались друг с другом. Иногда они бросали выразительные взгляды на Сухомлинова, который уселся на свое место как ни в чем не бывало. Видимо, только присутствие государя сдерживало бурное проявление ими чувства ярости в адрес того, кто подготовил за их спиной и согласовал с царем решение такого вопроса, который прямо влиял на судьбы европейской войны или мира.

— Начинайте хотя бы вы, Владимир Николаевич! — обратился царь к Коковцеву.

Тот возбужденно вскочил, но сразу же овладел собой.

— Государь, я прошу заранее извинения, что не смогу, вероятно, найти достаточно сдержанности, чтобы спокойно изложить все то, что так неожиданно встало передо мной. Очевидно, государь, ваши советники — военный министр и два командующих округами — не поняли, в какую беду ввергают они вас и Россию, высказываясь за мобилизацию двух военных округов. Они, очевидно, не разъяснили вам, ваше величество, что тол-

кают страну прямо на войну с Германией и Австрией, не понимая того, что при нынешнем состоянии наших вооруженных сил, которые хорошо известны всем нам, — министр-председатель обвел рукой гражданских министров, — только тот, кто не дает себе отчета в роковых последствиях, может с легким сердцем допускать возможность войны, даже не применив всех мер, способных предотвратить катастрофу...

— Я так же, как и вы, Владимир Николаевич, — перебил Коковцев Николай II, — не допускаю и мысли о войне сейчас. Мы к ней не готовы, и вы очень правильно называете легкомыслием самую мысль о войне. Но речь у нас идет не о войне, а о простой предосторожности для пополнения рядов нашей слабой армии. О том, чтобы приблизить несколько к границе войсковые части, слишком оттянутые назад.

— Государь, но как бы ни смотрели мы сами на проектированные меры, — снова возбужденно вымолвил Коковцев, — мобилизация остается мобилизацией, о ней станет сразу же известно нашим противникам. Они ответят на нее тоже мобилизацией, а может быть, даже и войною, к которой Германия давно готовится и ждет повода начать.

— Вы преувеличиваете, Владимир Николаевич, — снова прервал графа Николай, — я и не думаю мобилизовывать наши части против Германии, с которой мы поддерживаем самые добрососедские отношения. Немцы не вызывают у нас никакой тревоги. Между тем Австрия настроена определенно враждебно и предприняла целый ряд мер против нас, вплоть до явного усиления укреплений Кракова, о чем доносят наши разведчики... — Николай кивнул в сторону Монкевица и Соколова, с чувством плохо скрытого удивления наблюдавших столь эксцентрический способ Сухомлинова и государя решать принципиальные вопросы большой политики.

— Ваше величество, но позвольте высказать основополагающую мысль о том, что невозможно относиться раздельно к Австрии и Германии, — дрожащим от обиды голосом продолжал Коковцев, — поелику обе связаны союзным договором, вылившимся в полное подчинение Австрии Германии. Эти страны полностью солидарны между собой как в общем плане, так и в самых мелких условиях его осуществления. Мобилизуя части на-

шей армии, мы берем тяжелую ответственность не только перед своей страной, но и перед союзною с нами Францией... Ведь, по нашему военному соглашению с Францией, мы не имеем права даже предпринять что-либо, не войдя в предварительное сношение с нашим союзником. Господин Сухомлинов и господа командующие войсками не поняли этого элементарного положения. Действуя подобным образом, они просто разрушают военную конвенцию с нашим союзником, давая Франции право отказаться от исполнения ею обязательств перед нами, коль скоро мы решаемся на такой роковой шаг, не только не условившись с союзником, но даже не предупредив его.

Николай выслушивал взволнованную речь своего министра-председателя молча, ни один мускул не дрогнул на его лице. Сухомлинов выглядел так, словно все сказанное не имело к его личности ни малейшего отношения. Начальник Генерального штаба слушал всю историю с видом полнейшего изумления, и было видно, что его, как и гражданских министров, также обошли в этом вопросе.

Между тем, несколько отдышавшись от клокотавшего в его груди возмущения, Коковцев продолжал:

— Господин военный министр не имел даже права обсуждать такой государственный шаг, как мобилизация, без сношения с министром иностранных дел и со мною, как главою кабинета его величества. Зная личное благородство и честность генерал-адъютантов Иванова и Скалона, которые вчера принимали участие в выработке пагубного решения, я глубоко сожалею, что они не слышат моих разъяснений, ибо уверен, что они разделили бы мои взгляды, как заранее знаю, что их разделяют присутствующие министры.

— А что вы предлагаете для выхода из положения, Владимир Николаевич? — проявил вдруг интерес к предмету обсуждения Николай.

Коковцев размышлял с минуту, а затем его глаза загорелись новой идеей.

— Взамен такой роковой меры, как мобилизация, ваше величество, сделать то, что вполне лежит в вашей власти. Можно воспользоваться той статьею устава о воинской повинности, которая дает право вашему величеству простым указом Сенату задержать на шесть меся-

цев весь последний срок службы по всей России и этим путем увеличить сразу на четверть состав нашей армии. В практическом отношении от этого получилось бы, что без всякой мобилизации оканчивающие свою службу с 1 января 1913 года нижние чины срока 1909 года оставались бы в рядах до 1 июля 1913 года, а новобранцы, поступившие в части с ноября по январь, поступили бы в строй в феврале, то есть за пять месяцев до отпуска старослужащих. Таким образом, к весне, к самой опасной поре в смысле развязывания противником войны, во всех полках под знаменами были бы пять сроков службы, но никто не имел бы права упрекнуть нас в разгигании всйны.

Ваше величество! Не допустите роковой ошибки, последствия которой неисчислимы, потому что мы не готовы к войне, и наши противники об этом прекрасно знают. Не будем играть им в руку, закрывая глаза на суровую действительность! — Коковцев сел в изнеможении и утирая со лба пот.

Николай, казалось, не слышал этого горячего обращения.

— А как определит боеготовность австро-венгерской армии начальник делопроизводства? — вполголоса обратился Николай к Соколову.

Волновавшийся до той поры, как когда-то на экзаменах в академию, Соколов, узнав предмет царского интереса, сразу успокоился и уверенно начал:

— Ваше императорское величество! Позвольте доложить, что австро-венгерская армия как по величине, так и по обученности являет собой весьма серьезного противника. Ее офицерский корпус по специальной военной подготовке вряд ли уступает российскому, хотя острота германо-славянской проблемы, когда большинство населения империи состоит из славян, а большинство офицеров в армии — немцы, значительно ослабляет боеспособность частей. Во главе армии стоит популярный в среде офицерства начальник Генерального штаба Конрад фон Гетцендорф. Его авторитет признает даже германское офицерство, которое считает его выдающимся военачальником. У фон Гетцендорфа мы нащупали чрезвычайно важное для нас слабое место — со времен командования им дивизией в Тироле Конрад считает себя особым знатоком горной войны, и большее значе-

ние он придает итальянскому театру войны по сравнению с галицийским...

Царь вежливо демонстрировал свое внимание полковнику, и Соколову ничего не оставалось, как продолжать экспромтом свой доклад:

— По документальным данным, главным направлением, где уже сейчас, в мирное время, сосредотачиваются австрийские армии, является Восточная Галиция. Главная масса австрийских полков располагается вдоль линии железной дороги Краков — Львов, обращаясь фронтом на север, к стороне Варшавского военного округа.

Дабы доклад сделался нагляднее, Соколов обогнул бильярд, остановился у карты и продолжал, водя повернувшейся указкой по просторам огромного полотнища.

— Как мы полагаем, такой район сосредоточения австрийских армий выбран под давлением германского Генерального штаба, опасющегося за Восточную Пруссию и желающего всеми силами предохранить ее от развертывания русских армий. В силу подобной концентрации австро-венгерских войск можно сделать вывод, что главное направление, которое избрали германцы для начала войны, — на Францию. Германская армия мнит французов своим главным и опаснейшим противником, против коего направляет полутораmillionную армию, могущую сформироваться уже на десятый день мобилизации. Доктрина германского Большого Генерального штаба, как нам известно, рассчитывает на быстрый разгром Франции и обращение затем всеми силами против России. При этом учитывается относительная длительность нашей мобилизации.

— Э... интересно, полковник, — промямлил царь, тебѣ аксельбант, — расскажите-ка нам теперь о недостатках австрийской армии... поподробнее...

Служба в штабе Киевского военного округа на австро-венгерском направлении много дала Соколову. Он не только изучал вероятного противника, стоявшего против России на юго-западной границе, по ориентировкам Главного штаба и донесениям военных атташе, но и сам обзавелся важными агентами в Вене, Праге и Будапеште, регулярно встречался с ними то в Италии под видом изучения памятников старины, то в Карлсбаде под видом лечения на водах, то в Швейцарии, выдавая себя за туриста.

Теперь же, приняв австро-венгерское делопроизводство Генерального штаба, он через посредство штаба Киевского военного округа, российских официальных военных и негласных агентов досконально знал армию Австро-Венгрии, ее сильные и слабые стороны, численный состав и вооружение, дислокацию и основные планы, в том числе мобилизационный и расположения соединений в предвоенный период.

— Армия Австро-Венгерской империи, хотя и сильный противник, но не является передовой по сравнению с нашей армией ни в отношении организации и обученности, ни по своей технике, — начал Соколов. — Она состоит из трех главных частей: общей армии для обеих основных половин государства — содержится на общий бюджет монархии, — австрийского ландвера с его ландштурмом и венгерского ландвера, называемого гонвед, в состав коего входит также ландштурм. Эти особые формирования для Австрии и Венгрии содержатся на средства каждой из половин государства. По обученности ландвер слабее общей армии, а ландштурм — даже слабее ландвера. Служба во всех трех частях армии установлена в 12 лет: два года под знаменами (для кавалерии и артиллерии — 3 года), 8 и соответственно 7 лет в резерве общей армии и 2 года в резерве обоих ландверов. При общем населении империи в 45 миллионов человек мы исчисляем ежегодный призыв в полмиллиона человек. Численность армии согласно полученному нами тексту закона нынешнего года должна быть в военное время четыре с половиной миллиона человек. К числу крупных недостатков австро-венгерской армии относится слабое оснащение воздушными силами по сравнению с другими европейскими армиями и нашей армией. Дирижабли и аэропланы появились у австрийцев только в 1909 году.

Артиллерия Австро-Венгрии находится теперь в переходном периоде, главный недостаток — бронзовые орудия сохраняются повсеместно. Артиллерия, кроме того, малочисленна, особенно тяжелая.

Затем Соколов перешел к главному, принципиальному недостатку австро-венгерской армии, проистекавшему из так называемой «лоскутности» всей монархии, объединившей под короной Габсбургов земли многих балканских народов.

— Армия нашего вероятного противника на юго-за-

паде — единственная в своем роде по национальному составу. Еще Наполеон утверждал, что это является **слабой** стороной воинских формирований. Так, **процентный** состав армии Австро-Венгрии по национальностям следующий: немцев, то есть австрийцев, — 29 процентов, или меньше одной трети, славян — 47 процентов, или почти половина, мадьяр — 18 процентов, румын — 5 процентов и итальянцев — один процент. Сильнейшими частями являются мадьярские. Корпус офицеров, несмотря на многонациональный состав, хорошо обучен и превосходит в этом даже своих союзников — прусское офицерство. Командный язык всей армии — немецкий, но обучение ведется в национальных полках на родном языке...

— Спасибо, полковник! — прервал доклад Соколова Николай и обратился к министру иностранных дел Сазонову.

— Сергей Дмитриевич, а каково ваше мнение по вопросу о мобилизации?

Сазонов проворно поднялся со своего места.

— Полагаю, ваше величество, что граф Коковцев прав вполне. Я сам был просто уничтожен здесь, когда узнал о готовящейся катастрофе. Удивительно, как Владимир Александрович (он посмотрел в сторону Сухомлинова) не учел, что мы и прав-то не имеем на такую меру без соглашения с нашими союзниками, даже если бы мы и были готовы к войне, а не только теперь, когда мы к ней совершенно не готовы...

Затем царь предоставил слово Рухлову. Министр путей сообщения горячо поддержал министра-председателя, но с одной оговоркой.

— Я не разделяю вообще мрачного взгляда на состояние нашей обороны, — заявил Рухлов, — ибо никогда и ни одна страна не бывает полностью готова к войне. Но браться за мобилизацию сейчас весьма опасно как с точки зрения провоцирования Австрии и Германии, так и с точки зрения перевозки больших масс новобранцев. Гораздо спокойнее оставить под знаменами на полгода старослужащих и подготовиться таким образом к неожиданностям.

Николай поблагодарил кивком головы министра, а затем обратился к Сухомлинову с просьбой высказать его мнение. Присутствующие затаили дыхание, ожидая,

как сможет военный министр совместить свою точку зрения с противоположными ей у других министров. Но он и не думал совмещать, а просто переменил ее.

— Я тоже согласен с мнением председателя совета и прошу разрешения послать телеграммы генералам Иванову и Скалону, что мобилизации проводить не следует, — сказал Сухомлинов.

На антресолях прозвучал легчайший, почти неслышимый вздох облегчения, словно это было дуновение ветерка. Все невольно подняли глаза туда, где тень сгушалась под темным потолком, но ни одного движения не донеслось более оттуда.

Царь, не вставая, ответил военному министру: «Конечно!», а затем поднялся, показывая, что совещание заканчивается. Все встали. Подавая руку сначала Коковцеву, Николай ласково сказал ему:

— Вы можете быть совсем довольны таким решением, а я им больше вашего.

После этого он оборотился к Сухомлинову:

— И вы должны быть очень благодарны Владимиру Николаевичу, так как спокойно можете ехать за границу.

Когда вышли в приемную, где уже никого из мимолетных посетителей не было, министры, не смущаясь присутствием офицеров, проявили свою озадаченность последними словами императора. Коковцев тут же спросил Сухомлинова, о каком его отъезде упомянул государь.

Снова общее удивление вспыхнуло, как и в начале совещания. Как будто не замечая ничего, Сухомлинов самым естественным и спокойным тоном ответил: «Моя жена за границей, и я хочу поехать на несколько дней навестить ее».

— Владимир Александрович! Каким же образом вы, предполагая мобилизацию, — с нажимом начал Коковцев, — могли решиться на отъезд, да еще и за границу?!

— Что за беда, — без тени смущения ответил военный министр, — мобилизацию ведь я буду проводить не своими руками, а пока все распоряжения приводятся в исполнение, я всегда успел бы вернуться в Петербург. Я и не предполагал отсутствовать более двух-трех не-

дель, — успокаивал он расстроенных его легкомыслием государственных деятелей.

Сазонов не смог сдержать своего возмущения. Не стесняясь присутствием офицеров — подчиненных Сухомлинова, он обратился к нему с резкими словами:

— Неужели вы не понимаете, куда вы чуть не завели Россию?! Вам совсем не стыдно играть судьбою государя и своей родины! Неужели ваша совесть не подсказывает вам, что, не решишь государь позвать нас сегодня и не дай он нам возможность поправить то, что вы чуть не наделали, ваше легкомыслие было бы уже непоправимо?! А вы тем временем даже собирались уезжать за границу!

Сухомлинов оглядел своего нового оппонента ясными детскими глазами и пролепетал:

— А кто же, как не я, предложил его величеству собрать вас сегодня на совещание после Большого приема? Если бы я не нашел это нужным, мобилизация была бы уже начата, и в этом не было бы никакой беды; все равно войны нам не миновать, и нам выгоднее начать ее раньше. Государь и я верим в нашу славную армию. Неготовность ее к войне — заблуждение разных штатских людей, а мы знаем, что из войны выйдет только одно хорошее для нас...

К спорящим подошел Воейков и, перебив Сухомлинова, пригласил министров отобедать во дворце. Из вежливости он обратился с тем же к Монкевицу с его спутником, но оба пережили такие неприятные минуты, что дружно отказались.

— Тогда, если хотите, господа, — предложил Воейков. — в вашем распоряжении у подъезда ландо, которое доставит вас в Петербург...

Воейков небрежно протянул Монкевицу и Соколову твердую ладонь рубака-кавалериста и повернулся на каблуках к своему столу.

Тот же самый скороход повел гостей в гардеробную по коридорам, где несли службу лейб-гусары.

...Тяжелые серые тучи дышали холодом, грозили вот-вот пролиться дождем. Соколов, проводив Монкевица до ландо, попрощался с генералом и решил немного пройтись пешком, дабы привести в порядок мысли, широко разбежавшиеся после совещания у царя. Он двинулся в сторону казарм конногренадеров, где у Роопа была служебная квартира.

20. Царское Село, ноябрь 1912 года

Вечер еще только начинался, когда Соколов и Рооп вошли под своды громадного и неудобного Белого зала офицерского собрания лейб-гусарского его величества полка. Электричество светило вполсилы в огромных золоченых люстрах, вокруг круглых закусовых столов, уставленных снедью и водками различных настоев и цветов, почти все места были свободны. Только несколько офицеров-гусар неторопливо начинали свой ужин, который должен был перейти вскорости в полковой праздник.

Громоздкое, витиеватой архитектуры здание офицерского собрания было построено совсем недавно по личному распоряжению государя. Николай II, будучи наследником престола, командовал эскадроном в этом гусарском полку и особенно любил бывать здесь теперь не только в дни полкового праздника, но и в будни. Именно по этой причине великий князь Николай Николаевич, бывший командиром полка во время службы в нем племянника, а теперь высочайшим шефом лейб-гусар, никогда не занимал в собрании председательского места, ожидая в любую минуту появления государя.

Старого гвардейца Рооп и его друга, про которого уже были наслышаны в кавалерийских кругах из-за его блестящей победы в весеннем конкур-иппике, горячо приветствовали старшие офицеры полка, вышедшие специально для этого из бильярдной. Старик артельщик, хорошо знакомый с привычками гусар, появился как из-под земли с золотым подносом, уставленным серебряными чарочками. Первую, как всегда, выпили за здоровье государя, повернувшись лицом к его портрету, писанному в форме лейб-гусар. Закусили грибками отменного засола, и Рооп представил своего друга,

благоразумно не уточняя род работы Соколова в Генштабе.

Родовитые дворяне, составлявшие цвет офицерства полков конной гвардии, воспитанные в традициях рыцарского благородства и стерильных понятий о чести офира, могли бы и не понять деликатного характера пынешней профессии Соколова и осудили бы его, несмотря на то, что сами с издевкой и презрением отзывались о немцах и австрияках.

Зала быстро наполнялась офицерами. Большинство из них были, как и Соколов, в парадной форме, поскольку как раз в этом месяце на долю полка выпало нести дворцовую службу. В люстрах дали полный свет, гусары стали занимать места за длинным столом, с шумом и весельем переговариваясь и приветствуя сослуживцев. Стол офицерской артели лейб-гусар производил на гостя, видевшего его в первый раз, незабываемое впечатление. Он был уставлен от края до края шеренгой серебряных кубков, ваз, блюд, кувшинов и других уникальных произведений ювелиров, завоеванных офицерами в виде призов на скачках, в стрелковых состязаниях или дарственных полку состоятельными его запасниками. Здесь существовал обычай: новоиспеченному гвардейскому офицеру вносить стоимость своего прибора из серебра, который заказывался с выгравированным его именем ювелирной фирме Фаберже. Свыше трехсот таких именных приборов лежали у белоснежных фарфоровых тарелок с шифром полка. Серебро и фарфор блестели в ярком свете электричества так, что глаза ломило. Командир полка Воейков появился после всех из боковой двери, окинул быстрым взглядом собравшихся в зале и с большим достоинством занял место во главе стола, по правую руку от председательского кресла, украшенного царским вензелем.

В зал вошел хор трубачей под командой капельмейстера, одетого в отличие от гусар в мундир чиновника военного ведомства и не считавшегося никем в гвардии собратом-офицером. По знаку дирижера хор грянул увертюру «Славься, славься!» из оперы Глинки «Жизнь за царя», и гусары встали в едином порыве. Снова, но уже все вместе, провозгласили здравицу императору, и зазвенели шпорами и орденами, поворачиваясь к портрету самодержца. Как почетных гостей и представителей родственников по оружию полков Роопа и Соколова

посадили поблизости от командира, в отдалении от полковой молодежи, где веселье было более искренним и непосредственным.

Второй тост подняли так же по традиции за наследника цесаревича.

Осушив свою чарку, Рооп наклонился к своему другу и проговорил ему прямо в ухо, чтобы было слышно даже через нестройное, но громкое «ура!»:

— Если бы болезнь наследника уменьшалась в обратной пропорции к выпитому здесь за его здоровье, то гемофилия Алексея испарилась бы в один миг!

Многоголосый шум неожиданно прервал резкий аккорд трубачей. В зал входил государь. Завсегдатай офицерского собрания лейб-гусар, Николай Александрович, разумеется, не мог не прийти сюда в день полкового праздника. Его сопровождал великий князь Николай Николаевич. Лукавый был, как и царь, в парадной форме лейб-гусар и уже несколько навеселе.

Артельщики быстро поменяли маленькие водочные стопки на более емкую посудину для шампанского, внесли в серебряных жбанах со льдом бутылки этого любимого царем и гусарами напитка. Не обмолвясь ни с кем ни словом, царь встал у председательского места и молча поднял стакан с шипучим вином. Он осушил его одним духом и так же молча сел на свое место. Лукавый последовал его примеру, только свою склянку с шампанским опрокинул еще быстрее, чем царь.

Веселье в высочайшем присутствии поначалу перестало клеиться. Хор трубачей уже не мог развлечь господ офицеров, и Воейков скомандовал призвать песенников. Праздник продолжался по традиционному ритуалу.

Стройным шагом в зал вошли песенники. То были и рядовые гусары, и усачи унтер-офицеры, и два-три новобранца, отличившихся в казарме своими ладными голосами так, что их сразу же допустили перед светлые очи батюшки-царя и господ офицеров. Грянула полковая песня.

Соколов с интересом оглядывал собравшихся за столом, надеясь найти знакомые лица. Он представлял себе, что служба в лейб-гвардии гусарском полку, сто-

явшем в самой императорской резиденции — Царском Селе, требовала от офицеров не столько обширных знаний кавалерийской тактики и стратегии, организаторских и командирских талантов, сколько большого состояния. Про офицеров первых гвардейских полков вся остальная армия хорошо знала, что своего жалованья они никогда не видят — оно все идет в полковую офицерскую артель, на букеты императрице и великим княжнам по случаю их именин, на подарки пасхальные и рождественские государю, на пособия старослужащим или вышедшим в отставку унтер-офицерам, на постройку церкви, на жетоны уходящим из полка офицерам и многое-многое другое. Служба в гвардии не давала офицеру ничего, кроме славы, знакомства с сильными мира сего и возможности обделывать в полковых собраниях миллионные дела с бывшими сослуживцами, составляющими высший класс общества, сливки торговли и промышленности. Знакомый со многими лейбгусарами по совместным кавалерийским маневрам или учебе в академии, Соколов почти не увидел за столом знакомых лиц. Многие из его коллег покинули полк, не выдержав разорительной службы, а иные, наоборот, сделали на своих гвардейских знакомствах капитал и ушли в отставку, дабы приумножать его без помех от строевых забот и ответственности.

Полковая песня закончилась, стали петь эскадронные. Песенники, пропустив по стопочке поднесенной офицерами водки, затянули песню первого эскадрона «Ты слышишь, товарищ, тревогу трубят!».

Под шум начинавших веселеть голосов старый петербуржец и гвардеец Рооп просвещал своего друга-провинциала по части историй, которыми славились лейбгусары. Для начала он обратил внимание Соколова на Лукавого, место которого за столом было самым почетным после председательского — слева от царя. Долговязый и худой старик, чей взбалмошный характер и пристрастие к алкоголю были ярко выражены в глазах и на лице, пропускал чарку за чаркой, оставаясь, как это и подобает гусару на одном — довольно осмысленном еще — уровне опьянения.

Полушепотом, дабы не обидеть хозяев, с гусарским темпераментом обсуждавших свои дела, Рооп поведал Соколову:

— Разве теперь гусары пьют?! Это только невинные

забавы по сравнению с тем, что было, когда Лукавый командовал полком! Представь, Алеша, когда я служил в Царском Селе еще до академии, то был свидетелем такого случая...

Рооп поудобнее откинулся на массивном стуле и вновь приблизил свое лицо к Соколову. Говорил он полупшепотом, иногда растягивая рот в любезной улыбке, когда ловил взгляд кого-либо из собутыльников, поднимавших в этот момент стопку в его честь.

Пьянство лейб-гусар всегда носило в гвардейском корпусе легендарный характер. Однажды весной, после больших майских маневров, Роопа пригласили на эскадронный праздник в полковое собрание. Тогда этого пышного дворца еще не было, а был старинный особняк. Пили три дня и три ночи подряд и допились до галлюцинаций. Роопа разморило много раньше, чем молодцов-гусар, артельщики отнесли его куда-то в бельэтаж, и он забылся в кошмарном сне. Пробудился он среди ночи от волчьего воя. Не сообразил сначала, думал, что в лес попал. Потом выглянул в окно. Оказалось, что Лукавый и его brave офицеры пришли в такое состояние, что им стало казаться уже, что не люди они, а волки. Сбросив свои мундиры и оставшись в чем мама родила, они скакали по улице, к счастью, в это время пустынной, а затем присели, словно собаки, опершись на руки, словно передние лапы, подняли к луне свои пьяные головы и завывали по-волчьи. Буфетчик, наверное, уже знал, что в таких случаях следует делать. Он вынес на крыльцо большую серебряную лохань, налил ее то ли водкой, то ли шампанским, и вся стая устремилась на четвереньках к тазу. Здесь компания принялась языками лакать вино, визжа и кусаясь...

Соколов засмеялся и с сомнением покачал головой.

— Ну вот, не веришь, — с обидой протянул Рооп, — а все Царское Село знает про такие попойки лейб-гусар.

Еще больше снизив голос, он прошептал, кивнув в сторону Лукавого:

— А то, что великого князя много раз снимали сильно запьяневшим и в голом виде с крыши его собственного дома, это ты тоже не знаешь?!

— Про это я слышал, — согласился Соколов, — у нас в Кіеве рассказывали про его визит во Францию, когда

он, изрядно набравшись на приеме в его честь, отправился обозревать Париж с Эйфелевой башни. Говорили, что он до ужаса напугал хозяев, когда вскарабкался на флагшток, укрепленный на самой макушке башни, и исполнил на нем первый куплет гимна «Боже, царя храни!»...

Снова грянул хор трубачей, соревнуясь с песенниками. Государь по-прежнему молча, ни на кого не глядя, но вместе со всеми тянул шампанское. Великий князь что-то доказывал о кавалерийских кунштуках своему визави Воейкову, застолье явно оживилось.

Невозмутимый, словно в начале вечера, Рооп продолжал излагать подоплеку многих петербургских событий, связанных с собранием лейб-гусар.

— Ты видишь, Алеша, как упорно молчит его величество? Знай же, если ты сейчас сможешь его разговорить и понравиться ему, то завтра же станешь свитским генералом и получишь хорошую должность... Вот возьми нашего с тобой общего знакомого еще по Киеву — генерала Жилинского. Старая лиса так вертела хвостом перед государем, что сейчас и попала в случай. Уволили Федю Палицына от должности начальника Генерального штаба и сделали Жилинского вместо него. Так же и Сухомлинов. Удивляюсь, почему его сегодня здесь не видно, знает ведь, что полковой праздник у лейб-гусар, мог бы и прийти, тем более что любит щеголять в гусарской форме. Наверное, его Екатерина Викторовна опять закапризничала... И чего только не пропустишь, лишь бы угодить молодой жене, — съязвил Рооп в адрес военного министра, которого явно недолюбливал.

Шум в зале еще больше усилился, и Соколов с изумлением увидел, как песенники подняли на руки сразу трех офицеров и те один за другим принялись осушать наверху свои бокалы шампанского и говорить друг другу речи. Слов, правда, было не разобрать из-за общего разговора на громких тонах, возбужденных алкоголем, но зрелище было впечатляющим. Наконец офицеры довольно прославили друг друга и свои эскадроны, прозвучала команда «на ноги!», и песенникам поднесли их очередную чарку. Кое-кто из господ офицеров стал перемещаться от стола в бильярдную, не смея до отхода из залы командира полка или особого разрешения царя покинуть офицерское собрание.

21. Царское Село, ноябрь 1912 года

Веселье продолжалось. На гостей, в числе которых были Соколов и Рооп, никто уже не обращал внимания. Они могли наговориться у стола всласть, наблюдая в то же время, как медленно розовеет лицо государя, молча тянущего свое шампанское.

— Как твои успехи против австрийцев? — поинтересовался Рооп снова, как давеча в приемной у Воейкова. — Есть ли контакт с моими бывшими венскими друзьями? Погоди, погоди, не отвечай... Хочу сначала дать тебе пару советов по поводу ведения твоих дел в Генштабе. Знай, Алеша, что здесь, в Петербурге, полно немецких благожелателей. Пуше глаза берегись, чтобы тебя не заташили в салон графини Кляйнмихель. У старухи собираются по пятницам государственные лица и дипломаты. Слово, сказанное там, с первой же почтой становится известно императору Вильгельму. В равной степени берегись, — генерал свиты его величества понизил голос до самого неслышного шепота, хотя в зале стоял такой гул, что через него еле пробивался голос песенников, — берегись ссылаться на своих агентов в докладах военному министру. Шифруй их как можешь, но упаси бог, если их настоящие имена пронюхает пройдоха Альтшиллер или кто-нибудь другой, близкий к супруге министра...

— Не тот ли это мелкий лавочник, который втерся к Сухомлинову в доверие, когда наш генерал служил в Киеве? — поинтересовался Соколов.

— Именно тот! Только теперь он уже пишет на своих визитных карточках, что он банкир и фабрикант, а сам лезет к любому офицеру, у которого есть за душой хоть какой-нибудь секрет.

— А куда смотрят жандармы?!

— Они смотрят в руку господина министра, а ино-

гда — в ридикюль его красавицы жены! — мрачно пошутил Рооп.

— Мне не грозит вращение в столь высоких сферах, — скромно отговорился Алексей, однако снова, как и в начале дня, сделал для себя кое-какие выводы из доброжелательного сообщения друга.

— Ты учти, учти, — глухим шепотом продолжал тот предостерегать Соколова от подводных петербургских камней, — наша государыня регулярно переписывается со своей родней в Гессене, а родня-то и доносит германскому Генеральному штабу через императора Вильгельма все, что есть ценного со стратегической точки зрения в эпистолярных произведениях царицы. Не удивляйся, но в перехваченных германских или австрийских документах ты наверняка уже встречал упоминания о высокой особе, только не знал, что к чему. Так вот, я тебе раскрою глаза кое на что. В придворных кругах приняты клички, почти как в охранке... Ее называют «мама», а батюшку-царя — «папа». Это все к тому, чтобы ты лучше ориентировался в том, что следует, а чего не следует говорить «папе», даже если он специально спрашивает об этом, — уточнил Рооп. Он был уже немного пьян, поэтому с совершенной легкостью изрекал такие вещи, которые можно было услышать лишь от очень осведомленных людей из царского окружения. — ...Есть еще и «гневная» — так в царском семействе называют вдовствующую императрицу Марию Федоровну. Она терпеть не может «Гессенскую муху», то бишь царицу, и всячески старается ей насолить. Тут не только патология отношений между свекровью и снохой, но и чисто политические причины...

Соколов сделал весьма заинтересованное выражение лица, и Рооп с удовольствием поведал интимную историю российского самодержца, который в последние годы своего царствования жил в атмосфере родственных склок и семейных неурядиц. От этих домашних скандалов Николай все чаще и чаще отключался в офицерском собрании лейб-гусар или других царскосельских гвардейских полков при помощи зеленого змия и бесшабашного разгула.

— Николай Александрович, — время от времени предусмотрительно оглядываясь вокруг, шептал Рооп, — женился позднее принятого для престолонаследников возраста. Ему было двадцать шесть лет, когда в исклю-

чительных обстоятельствах, чуть ли не на другой день после похорон отца, пришлось ему вести под венец невесту, принцессу гессен-дармштадтскую Алису, внучку английской королевы Виктории. Принцесса, как ты помнишь, была уже известна при русском дворе. Ее отец, великий герцог, к тому времени имел в Петербурге зятя в лице великого князя Сергея, женатого на старшей сестре Алисы. Естественно, Алиса частенько гостила у сестрицы, а старый герцог таил надежду, что она может претендовать на руку Николая, который тогда не был наследником, поскольку был еще жив старший сын Александра III — Георгий. Хотя Алиса тогда была очень красива и могла бы составить пару Николаю, его мать Мария Федоровна, как настоящая датская хозяйка дома, имела всегда перевес в семейных делах и расстроила сватовство. Алиса не понравилась ей, как мне передавали надежные люди, своей холодностью и замкнутостью. К тому же Николай тогда был крайне увлечен одной балериной, которую затем, вскоре после женитьбы, «передал» своему дяде — великому князю Сергею Михайловичу...

— Постой, постой, — перебил друга Соколов. — Ты имеешь в виду Матильду Кшесинскую? Но ведь мне говорили, что она обольстительница другого великого князя — Андрея Владимировича.

— Тебе правильно говорили, — отозвался Рооп. — Проворная Матильда уже занята третьим венценосным воздыхателем подряд, и все из семьи Романовых... Но вернемся к истории Алисы. Она не солоно хлебавши вынуждена была после неудачного сватовства вернуться в свой Дармштадт, туда, где владетельный дом ее родителей не пользовался хорошей славой. Известно, например, что все дети герцога, ставшего тестем нашего императора, отличались от остальной немецкой родни странным нравом.

Рооп и Соколов вновь осушили бокалы, которые тотчас наполнил артельщик, и, когда бородатый унтер отошел на приличное расстояние, генерал продолжал:

— Нет сомненья, что молчаливая Алиса затаила в своем сердце обиду на ныне вдовствующую императрицу. Представляешь, с каким торжеством она приняла новое сватовство Николая, незадолго до смерти Александра III. Правда, сватовство носило уже характер такого предложения, когда Алису брали за неимением

лучших невест. Но она и не раздумывала — согласие дала сразу. Еще бы, терять было нечего — безвестность и нищета захудалого провинциального германского двора или миллионы и блеск русской императрицы...

— Да, да, я даже помню строки манифеста о женитьбе государя, — оживился Соколов. Он с детства обладал уникальной памятью, и теперь ему не стоило никакого труда процитировать: — «Посреди скорбного испытания, которое нам послано по неисповедимым судьбам всевышнего, веруем со всем народом нашим, что душа возлюбленного родителя нашего в селениях небесных благословила избранную по сердцу Его и нашему разделять с нами верующею и любящею душою непрестанные заботы о благе и преуспевании нашего отечества». Аминь! — добавил от себя Соколов и уточнил: — 21 октября 1894 года.

— Bravo, полковник! У тебя опасная память! — удивился генерал. — Что же касательно манифеста, то он был, видит бог, не совсем грамотным и весьма казенным. А Алиса, войдя в дом Романовых, начала с того, что весьма непочтительно стала обращаться с вдовствующей императрицей. Превратившись в Александру Федоровну после крещения в православие, Алиса принялась бороться за влияние на царя с его матерью — Марией Федоровной... Конечно, Мария Федоровна ей спуску не дает, а вместе с ней и все ее придворные...

Соколов слушал своего старого друга с величайшим изумлением. Он помнил его дисциплинированным, исполнительным офицером, верным слугой царю-батюшке и опорой трона в бытность его командиром гусарского полка в Белой Церкви, блестящим штабным офицером Киевского военного округа, военным агентом в Вене, весьма корректно исполнявшим свои обязанности и вступавшим в деловые контакты даже с заграничными филерами охранного отделения, если это требовалось обстановкой или доставляло какую-либо оригинальную информацию. А здесь, в присутствии царя, под неистово звучащие здравицы в честь императора и его родни, под верноподданнический рев пьяных голосов, старавшихся перекричать друг друга в провозглашении славы царю, генерал гвардии изрекал мысли, каких нельзя было прочесть в самом крамольном листке. Видно, в душе друга, уже много лет наблюдавшего изнутри

весь этот прогнивший придворный мир, так горько на-
кипело, видимо, он нагляделся таких возмутительных
бесчестий и недомыслия, мрачной глупости и политиче-
ского мотовства, что не мог уже более сдерживаться и
под видом введения Алексея в курс петербургской жиз-
ни решил излить всю накипевшую горечь.

Сам Соколов пока не мог еще с той же степенью
критичности относиться к столь высоким сферам. Не-
смотря на определенные сдвиги в сознании, происшед-
шие у него под влиянием видимых ему неурядиц и
главным образом в результате бесед с большевиком-
инженером, Алексей все еще оставался простодушным
слугой царствующего дома, на верность коему прино-
сил присягу. Он пока не сомневался в божественном
происхождении самодержавия, был готов отдать жизнь
за государя императора, и все подобные беседе с Роо-
пом разговоры вызывали у него двойственное чувство —
с одной стороны, горькое понимание растленности и по-
рочности придворной верхушки, а с другой — щемящее
желание защитить честь батюшки-царя и достоинство
матушки-царицы. Ему хотелось и прервать излияния
Роопа, и слушать его дольше и дольше, испытывая при
этом почти физическую тоску. К счастью для него,
Роопа отвлекли на минуту соседи по столу, а когда он
вновь повернулся к Соколову, старший артельщик вы-
звал всеобщий восторг и внимание тем, что принес
большой жбан для варения гусарской жженки.

С весельем и прибаутками наполняли гусары сосуд
коньяком, шампанским, специями, разжигали спиртов-
ку. Погасло электричество. Лишь несколько свечей на
весь зал и синий пламень жженки освещали смуглые
усатые лица гусар, отблеск огня играл в глазах борода-
тых песенников и трубачей. Офицеры хором запели пес-
ню Дениса Давыдова, поэта и гусара, прославленного
партизана Отечественной войны:

Где друзья минувших лет,
Где гусары коренные?
Председатели бесед,
Собутельники седые!..

Там, где пелось о Жомини, гусары, сидевшие вокруг
Роопа и Соколова, известных здесь тем, что оба кончали
Академию Генерального штаба, кою основал генерал
Жомини, захохотали, полезли чокаться с гостями и спе-

циально для них повторили хором последний куплет гусарского гимна.

Жженка удалась, огромный жбан опустел в несколько минут. Царь продолжал сидеть за столом. Великий князь о чем-то заспорил теперь с государем, но предмет их спора не был слышим из-за громкого шума голосов, еще более разгоряченных жженкой.

Часы пробили полночь. Вновь дали полный свет в электрические люстры, к столу подоспела большая группа офицеров, только что сдавших дежурство кавалергардам. Они принесли с собой неистраченный заряд веселья и новый круг уже выпитых тостов. Царь и Воейков держались вполне свободно, как будто и не участвовали до сих пор в питейной гусарской баталии. Лишь деревянные застывшие глаза Николая Романова наводили на мысль, что царь нагрузился основательно.

Рооп снова заговорил полупшепотом, вовлекая друга в беседу. С него словно слетел хмель, и он вновь был свеж и бодр.

— Ты знаешь, я хотя и получил полк, о котором давно мечтал, и служба в Петербурге совсем не тяжела по сравнению с Киевом или Белой Церковью, но что-то все чаще вспоминаю свои венские годы. Эх, был я тогда молод, все силы отдавал нашему делу. Самое благостное, самое яркое времечко в моей жизни. Бог весть, доведется ль еще пожить так вольготно... — Рооп задумался, отсвет улыбки блуждал на его устах, он как будто бы слышал тихую музыку из тех, иных, растаявших, как дым, времен.

— Твои связи мне хорошогодились в Вене, — поддержал друга Соколов. — Особенно успешно работают две группы агентов-чехов — одна в Вене, а другая — ее фактический руководитель твой Альфред — в Праге, в штабе 8-го корпуса. Он мне недавно очень помог, когда я служил еще в Киеве. Австрияки чуть было меня не провели за нос...

— Расскажи, Алеша, если можешь, конечно, — попросил Рооп, заметно оживившись.

— Такому старому руководителю негласной агентуры, как ты, конечно, можно. Еще совет какой-нибудь полезный дашь... — пошутил Соколов.

Застолье шумело и веселилось, шампанское по случаю полкового праздника лилось рекой, сосед мог слы-

шать в этом game только соседа, да и то ежели почти кричать друг другу.

Соколов начал свой рассказ:

— Как ты знаешь, агентурное отделение венского Генерального штаба до недавнего времени возглавлял полковник Евгений Гордличка. Как казалось моим доверенным людям в Вене, прежде всего Филимону, которого ты рекомендовал мне, а также другим чехам из его группы, — полковник внутренне симпатизировал славянской идее, хотя и не давал повода нам или сербским коллегам искать к нему подходы... Нам, впрочем, было вполне достаточно, что Гордличка не проявлял особого рвения в разведке против России и других славянских стран, хотя это иной раз и навлекало на него гнев немецких коллег. В конце концов они его и съели — Гордличка получил под командование бригаду, а на его место в Эвиденцбюро посадили небезызвестного тебе Макса Ронге — германца до мозга костей и, естественно, ненавистника России. Как только он приступил к новой работе — а до этого он возглавлял агентурное отделение Эвиденцбюро, — Альфред сообщил мне по надежным каналам, что что-то готовится против нашей службы в Киеве. Мы, естественно, удвоили внимание, но ничего серьезного не попадалось. Потом мы потихоньку остыли и продолжали работать, как и прежде...

Соколову пришлось на время прерваться потому, что лейб-гусары вновь стали возглашать тосты за гостей. Первым снова пришлось поднимать чарочку Роопу, а затем дошел черед и до Соколова. Его визави, могучего сложения лейб-гусар в чине ротмистра, поднял свой стакан с шампанским и сказал спокойно, но таким крепким басом, что легко перекрыл шум в зале:

— За литовских гусар, коих представляет на нашем празднике лихой наездник Соколов! Ура!

— Ура! — дружно, как на параде, прогремело под сводами. Соколов, повинувшись традиции, вышел на середину зала. Он испил до дна чарку, поданную артельщиком, и его дружно подхватили песенники. Поднятый на высоту человеческого роста, он как-то по-новому увидел весь этот большой, наполненный угаром веселья зал, увидел застывшую фигурку царя в конце стола и долговязого Лукавого подле него, увидел и приветливые, и пустые, и внимательные, и ласковые глаза гвар-

дейских гусар, дружно провозгласивших славу его любимому полку и ему самому. Теплое чувство товарищества, дружбы, кавалерийской общности захватило его душу. Соколов подали чарку шампанского, и со слезами на глазах от прихлынувшей радости и благодарности товарищам по оружию он осушил ее.

Солдаты бережно опустили офицера на паркет, и Соколов вновь мог отжаться дружеской беседе с Роопом. Чтобы тостами не прерывалась нить повествования, столичный житель и знаток всех светских петербургских правил Рооп предложил перейти в бильярдную.

22. Царское Село, ноябрь 1912 года

В полутемной бильярдной было уютно и почти пустынно. Только за двумя столами из четырех шла довольно вялая игра. Покойные кожаные кресла были расставлены небольшими группами явно для любителей поговорить, но гусары, тем более гвардейские, отличались склонностью к иным развлечениям. Прохладная кожа приятно закрипела под грузными фигурами Роопа и Соколова, всевидящий артельщик незаметно поставил на столик подле кресел ведро с бутылкой шампанского во льду, бокалы и исчез, словно его и не бывало.

— Итак, — продолжил рассказ Соколов, — мы забыли и думать о том, что в Вене что-то готовится против нас. Однажды начальник нашего окружного штаба Маврин...

Рооп при этом имени согласно кивнул головой и заметил:

— Да, да! Он отличался у нас удивительными хозяйственными наклонностями. Помнится, собирал в помещении штаба такие вечера для нашего брата офице-

ра, что от обильнейшего ужина оставался весьма приличный завтрак холостяка вроде меня!..

— Именно он! — согласился Алексей. — Так вот, он привел с концерта какого-то заезжего музыканта из Богемии — Юлиуса Пинтера. Очевидно, совсем не случайно этот прощелыга сел за ужином с полковником Ронжиным — тогдашним офицером для поручений у Драгомирова. И вот Ронжин, который всегда отличался неумным стремлением влезать в чужие дела, услышал от Пинтера, что тот якобы близко знаком в Вене с одним офицером Генерального штаба, крайне обремененным долгами и большим любителем женщин. И что ты думаешь...

— Думаю, — хохотнул Рооп, — этот вездесущий Ронжин уже на следующий день спустил тебе приказец: завербовать одного австрийца из Генштаба через богемского музыканта. Признаюсь, я бы тоже клюнул на эту приманку, больно уж кус жирный.

— Да уж куда жирнее, — улыбнулся Соколов. — Тем более что Пинтер с большой охотой пошел на сотрудничество с моими офицерами. Я и сам встречался с ним пару раз в отеле «Интернациональ». Подозрений в двойной игре он у меня не вызвал. За щедрое вознаграждение я попросил свести в Праге задолжавшего генштабиста с одной респектабельной дамой.

— Стреляешь, как всегда, навскидку, — иронизировал Рооп.

— Наша агентесса, одна из красивейших женщин в Праге, притом весьма умная и изворотливая, также ничего не почуяла неестественного в поведении австрийского офицера, представленного ей музыкантом. Только какая-то случайность помешала ей открыться и посулить ему уплату всех долгов плюс не менее крупную сумму авансом за согласие работать на нас. Она, как водится, решила идти напрямик лишь тогда, когда этот австриец по уши влюбится и будет готов довольствоваться меньшим гонораром.

Нас спасло то, что мы решили на всякий случай показать его Альфреду. Представляешь, как только Альфред заглянул в глазок, специально просверленный нами из соседнего номера, он тут же опознал голубчика. За майора Генерального штаба австрийской армии выдавал себя подполковник Милан Ульманский, контрразведчик Эвиденцбюро. Разумеется, даме пришлось

«неожиданно» уехать из Праги, мы перевели ее в Италию. Музыкант, видимо предупрежденный австрияками, тоже «переменил климат» и исчез из поля зрения. Сделал он это вовремя, поскольку чехи из группы Альфреда готовы были его растерзать...

— Поздравляю тебя с сильным противником, — задумчиво произнес Рооп. — В мою бытность в Вене австрийцы работали грубее и примитивнее. Кстати, а ты не думал, что теперь, в новых европейских условиях, когда германцы усиленно готовятся к войне, австрийцы могут еще теснее соединиться с германской разведкой и станут действовать сообща против нас?

— Откровенно говоря, я уже имею это в виду, однако начальство, как всегда, озирается на опыт войны с Японией, когда Вильгельм был нашим любезным «союзником» и подталкивал Россию на восток, подальше от своих границ. К тому же новый начальник Генштаба Жишинский, как говорят, всячески настаивает, чтобы наши военные агенты не занимались разведкой, дабы не вызвать скандала, а довольствовались покупкой уставов и военных сборников в тех столицах, в коих исполняют свою службу... В общем, трудно нам приходится, Володя, — пожаловался другу Соколов. — Денег на оплату негласных агентов, на негласный надзор за будущими театрами войны отпускается ничтожно мало. Ты помнишь, Владимир Александрович Сухомлинов, будучи командующим нашим военным округом, писал в своем всеподданнейшем отчете после японской войны: «Война с Японией дала наглядные доказательства, какое громадное значение имеет правильная организация разведки вероятного противника и предстоящих театров войны. Дело это носит у нас случайный характер и правильной организации не имеет. Мы не только не принимаем мер, чтобы проникнуть в замыслы наших врагов и изучить их средства ведения войны, но не можем уберечься от сети тех разведочных органов, которые они распространили в наших пределах...»

— Боюсь, что даже в пределах Царского Села, — тихо, одними губами проговорил Рооп, снова подивившись непогрешимой памяти друга.

— Я могу сослаться и на Павла Александровича Базарова. Наш военный агент в Берлине совершенно справедливо считает, что при сложности современного военного дела возможный неприятель не сможет пол-

ностью скрыть всех своих приготовлений к войне. Дело разведки противника походит по своему характеру на диагностики врача по внутренним болезням... А теперь тот же Сухомлинов совершенно отвергает разумные предложения по совершенствованию разведочного дела, сокращает ассигнования на все статьи расходов военных агентов и наших делопроизводств. Теперь он забыл все свои новации в Киеве и, видимо, считает, что если живое дело не влезает в куцую схему, которую сложили его чиновники, выслужившиеся из писарей, то тем хуже для дела...

— Эге, братец, да ты уже склоняешься к опасным обобщениям, — добродушно посочувствовал ему Рооп.

Сочувствие друга, интимная обстановка и пропущенные уже чарочки разомкнули уста обычно молчаливого Соколова, и он стал изливать свои обиды Роопу, которого считал своим крестным отцом в области разведки. А обид накопилось немало. Самым большим вопросом в мирное время всегда была связь с военными агентами, которые работают под разными предлогами в посольствах и консульствах. Большое начальство в Генеральном штабе относится к связи совершенно легкомысленно. Недавно, например, пошла директива российскому военному агенту в Вене; отныне пересылка корреспонденции будет производиться ему не через министерство иностранных дел, ибо это затрудняет наши миссии, а через Петербургский почтамт. Значит, из-за нежелания «затруднить наши миссии» Генштаб сознательно облегчает венскому «черному кабинету» перлюстрацию важных документов. А поди утаи секрет, ежели даже на упаковку и заклейку корреспонденции в России не обращается должного внимания. Вся переписка ведется на официальных бланках, на конверте указывается полный адрес, то есть учреждение, должность, чин и прочее, а пакеты — и простые, и секретные, и совершенно секретные — прямо с этими грифами отправляются открытой почтой. Естественно, что иностранная контрразведка может по одному наружному виду безошибочно определить, над каким конвертом стоит особенно «поработать». Военные агенты отменно знают все это, много лет бьют тревогу, но Генеральный штаб не меняет ни на йоту порядок переписки...

— Мы уже до того дошли, — подытожил Соколов, — что даже в наших газетах обсуждаются вопросы со-

хранения секретов в русской разведке. Ты не читал об этом в «Русском Инвалиде»?

— Ты имеешь в виду статью некоего Брандта в начале нынешнего года? Если ее, то я тебе скажу, что он совершенно правильно пишет о ложности надежд на сохранение секретов при нынешних образцах конвертов, прошивании их и наложении сургучных печатей. А что-нибудь у вас изменилось после этой статьи?

— Что ты, что ты! — с сожалением покачал головой Соколов. — Года два назад был крупный скандал в нашем берлинском посольстве, но и после него все осталось по-прежнему. Ты не слышал случая с Рехаком?

Рооп, далекий уже много лет от забот закордонной разведки, случая этого не знал, а случай был из ряда вон выходящий.

В декабре десятого года, когда Соколов еще служил в Киеве, русский военный агент в Швейцарии подслушал разговор двух германских дипломатов, из коего следовало, что немцы в русском посольстве в Берлине имеют своего негласного осведомителя — некоего Рехака. Пока Генеральный штаб раскачался, пока бумага прошла по всем «необходимым» канцеляриям, прошло около полугода. Наконец догадались запросить тогдашнего русского военного агента в Берлине, полковника Михельсона. Ответ Михельсона раскрыл совершенно кошмарную картину безалаберности, беззаботности и халатности чиновников нашего министерства иностранных дел.

Выяснилось, что немец Юлиус Рехак действительно служит около 20 лет в русском посольстве в должности старшего канцелярского служащего. На его обязанности лежала отправка и заделка в конверты курьерской почты, сдача и получение этой почты на вокзалах, покупка и выдача чиновникам посольства канцелярских принадлежностей, в том числе и сургуча для опечатывания секретных и совершенно секретных конвертов. «Работящий» Рехак по своей инициативе убирал помещения канцелярии, вытряхивал наполненные корзины для бумаг. «Папаша Юлиус», как его называли в посольстве, служил кому угодно из русского персонала комиссионером по разнообразным делам. Считалось, что в любом учреждении или заведении Берлина Рехак пользовался «черным ходом», устраивал чужие дела наилучшим, то есть самым дешевым, образом.

Для российской беззаботности Юлиус был настоящим кладом, его осведомленность во всех делах посольства была поразительна. Чтобы русские дипломаты и высокие гости Берлина еще больше ценили Рехака, соответствующие ведомства всячески помогали Юлиусу обслуживать его посольских работодателей по первому классу. Так, он мог достать билеты в театр или на концерт, когда они были все распроданы, билеты на поезд за час до отхода, получить вещи с таможни беспошлинно или так же беспошлинно отослать их в Россию...

Военный агент однажды поинтересовался у первого секретаря посольства: как же могут дипломаты, имеющие дело с секретными бумагами, держать такую личность, как Юлиус, и всю немецкую прислугу вообще в канцелярии посольства? На это бедный секретарь отвечал с грустным бессилием: «Если мы уволим Юлиуса или немецкую прислугу, то германское министерство иностранных дел нас за это просто будет бойкотировать... Это невозможно, поскольку мы его с полным не поймали...»

Когда военный агент, отвечая на запрос, провел в посольстве ряд бесед, один из чинов рассказал ему, что осенью 1909 года он и другой русский дипломат подъехали к канцелярии посольства в неурочное время — после театра, в 11 часов ночи. Они издали увидели ночного сторожа посольства, тоже немца, стоявшего у приоткрытых ворот. Как только сторож заметил русских, он юркнул в ворота и запер их за собой. Дипломаты стали звонить, поскольку своих ключей не имели. Только через изрядное время сторож появился и, зевая, делая вид заспанного человека, принялся открывать ворота. Военный агент сделал по этому случаю вывод, что в канцелярии посольства устроили очередной обыск, а задача сторожа заключалась в том, чтобы дать полицейским время захлопнуть шкафы и скрыться...

— Ну и нагло работают! — возмутился Рооп. — Неужели и после этого всех немцев не убрали из канцелярии?

— Куда там! И похлеще бывали истории... Например, в одно прекрасное время догадались наконец, что небезопасно держать все ключи от железных шкафов в простеньком стенном шкафчике, который откры-

вался чем угодно, даже гвоздем. Решили переложить все ключи в несгораемый сейф, доступ же к нему имели только посол и его секретарь. Моментально у этого сейфа испортился замок. Никто не знал, как быть, один Юлиус не растерялся и пригласил своего знакомого слесаря, которого ранее никто в посольстве не видел. Этот слесарь в мгновение ока вскрыл сейф, как будто только этим все последнее время и занимался... Юлиуса после этого случая выгнали. Небезынтересно, что при жалованье в 100 марок в месяц он оказался обладателем приличного состояния. Михельсон справедливо предположил, что главным источником этого капитала была германская разведка и полиция.

— А скажи, Алеша, неужели нашему военному агенту понадобился грозный запрос из Петербурга, чтобы он наконец прозрел? Небось был таким же разгильдяем, как и дипломаты? — поинтересовался Рооп.

— Совсем наоборот. Михельсон упорно не сдавал на хранение в посольство своих секретных дел, тем более шифров. Вся его прислуга была из нижних чинов полевой жандармерии и отставных матросов, денно и ночно не спускавших глаз с кабинета военного агента... А то, что до запроса он не лез в дела посольства, — так уж у нас, к несчастью, заведено: у них своя епархия, у нас — своя...

— Да, Алеша, — задумчиво протянул Рооп, — я вижу, почти ничего не изменилось в умах наших поприщинных из Генерального штаба. Те же мелкие заботы о параграфе и никакого понятия о главном в работе, о перспективе... Зато ордена получают аккуратно в календарные сроки выслуги...

При упоминании об орденах Соколов невольно скопился взгляд на свой новенький «Станислав с мечами». Рооп, перехватив его взгляд, понял свою невольную оплошность и поспешил ее загладить шуткой:

— К счастью, орден ордену рознь. И в мирное время случаются герои, которые получают награды отечества не за протирание служебных кресел, а за беспримерные ратные подвиги...

— Или за развлекательное путешествие, — попробовал тоже отшутиться Соколов, но ему все же пришлось уступить настояниям друга и поведать историю «Станислава с мечами».

Начальник венского Генштаба Конрад фон Гетцендорф считает себя большим любителем и еще большим знатоком военных действий в горах, а посему питает особую склонность к итальянскому театру войны. Позапрошлым летом он устроил свои очередные маневры в Тироле, в районе озера Шварцзее. По сообщениям пражских друзей, ко всему прочему, там собирались испытывать горную пушку — очередную новинку оружейного завода в Брюнне. Соколов, само собой разумеется, не мог упустить возможности воочию увидеть и оценить маневры австрийских горных стрелков и скороспешно выправил себе документы на имя немецкого бюргера, любителя альпинизма. Разумеется, с поддельными бумагами было бы неразумно снимать гостиничный номер где-либо в районе маневров, поэтому пришлось туговато...

Соколов воспользовался тем, что в Альпах начался сезон восхождений, и отправился сначала в Швейцарию. Там он нанял инструктора, помучился с ним пару недель, чтобы не выглядеть очень уж пригоговишкой... Затем снабдился первоклассным снаряжением, запаса английскими консервами и перебрался в Инсбрук. Этот милый городишко был последним, где он провел ночь в постели под надежной крышей. Рано утром за неделю до начала маневров и за пару дней до того, как контрразведка Эвиденцбюро начала поголовную проверку всех постояльцев отелей и пансионатов в радиусе ста верст от Шварцзее, он выскользнул из Инсбрука и вышел на станции Вергль, в двадцати верстах от места маневров.

Нетрудно представить, что значит, не будучи хорошим альпинистом, одолеть двадцать верст по скалистым горам, да еще прячась от пастухов и патрулей, форсировать горные речки, полные воды от тающих под июльской жарой ледников, обходить хотя и вроде бы пустые, гостеприимно манящие альпиниста горные хижины, где может таиться засада, спать на жестких камнях...

Наконец он подобрался к долине, где должны были происходить маневры, и на скалистых отрогах Китцбюльских Альп выбрал неплохой наблюдательный пункт. Небольшая пещера стала ему временным убежищем, он даже разогревал в ней на бесцветном пламени спиртовки консервы; малюсенький ручеек, приток реки Ахен,

поил его выдающейся по чистоте и вкусу водой ледника. Пришлось учитывать даже направление солнечных лучей, чтобы они, не дай бог, не демаскировали разведчика во время наблюдения, предательски заиграв линзами бинокля в самый неподходящий момент...

Данные, которые он получил, наблюдая за движениями войск, хронометрируя все их перемещения, зарисовывая позиции и боевые порядки полков и даже батальонов, оказались весьма кстати. После маневров оставалось лишь сравнить заметки с полевыми наставлениями, уставами, инструкциями австрийской армии, и все секреты Конрада фон Гетцендорфа растаяли подобно миру.

В дополнение ко всему Соколову необычайно повезло еще и в том, что горная артиллерия стреляла от места расположения батарей примерно по тому азимуту, где он укрывался, как Робинзон, в пещере. Шальной снаряд даже разорвался саженьях в сорока от него, так что не пришлось далеко лазить за осколком. Соколов подобрал его буквально в двух шагах от себя еще теплым...

— Ну и ну, Алеша! Тебя господь, видно, хранит! — пророкотал по окончании горной одиссии Рооп. — Я сейчас вспомнил тоже случай, только комический, коему свидетелем был во время своей службы военным агентом. Я был командирован в Берлин из Вены, дабы подкрепить нашего военного агента в Германии во время больших маневров. Тогда проводились на полигоне стрельбы из крупновских новых гаубиц. Военный агент Британии учудил такое, что потом все долго веселились. Неподалеку от него шлепнулся в пыль осколок гранаты. Он схватил его сгоряча рукой, одетой в перчатку, и незаметно сунул в карман. Но осколок-то был раскаленный! Бедному полковнику так припекло, что даже весь карман задымился. Вот к чему может привести погоня за образцом для определения калибра и качества металла в снаряде!

— Меня мой осколок не опалил, но послужил хорошим дополнением к рисункам и схемам, тем более что на докладе об этом «альпийском восхождении» были и Палицын, и Жилинский. На следующий день после доклада его величество и пожаловал мне сей орден...

— Кстати, Алеша, пока на нас не обиделись хозяе-

ва, давай вернемся к столу, тем более что там веселье вроде бы угасает, — предложил Рооп, и друзья с сожалением покинули уютный уголок бильярдной, чтобы окунуться вновь в застольный шум офицерского собрания. А здесь уже отпели свои песни цыгане, услаждавшие слух царя и его собутыльников в дни полковых праздников. Снова гремел хор трубачей. Лица солдат были черны от долгого напряжения легких, но серебро труб звучало чисто и бодряще.

Часы пробили два с половиной как раз в тот момент, когда друзья занимали свои старые места за столом. Царь и Лукавый как будто и не кончали свой спор. За два с лишним часа, которые Рооп и Соколов провели в отсутствии, изменился только предмет спора, но не его ленивое течение. Теперь Николай II вяло пикировался со своим дядей по поводу просьбы командира полка Воейкова о производстве в следующий чин капельмейстера, прекрасно дирижировавшего весь вечер хором трубачей. Для такого производства бедный кантонист не выполнял какого-то одного условия о порядке производства гражданских чиновников военного ведомства. Великий князь настойчиво твердил, что награда в виде следующего чина невозможна, тем более, что военный министр неизвестно как к этому отнесется.

Коль скоро речь у царственных особ зашла о любимце полка — дирижере и наставнике трубачей, гусары, еще не до конца оглохшие от возлияний, стали прислушиваться, и шум в трапезной постепенно стих. Соколов наконец услышал капризный голос царя, в котором уже не было былой неуверенности, как на большом приеме. Здесь, в своем родном кругу, российский самодержец не искал слова и не пытался подбирать из них умную речь. Он был среди своих, возбужден выпитым и говорил повелительно и высокомерно.

— А я утверждаю, что военный министр мое повеление исполнит сей же час, немедленно и беспрекословно, — рубил Николай II, обращаясь к Лукавому. — Я еще нынче вечером для себя оное дело решил!

— Но, государь, ведь теперь уже почти три часа утра седьмого ноября, как же ваше повеление может быть исполнено шестым числом, помилуй бог! — ладил свое Николай Николаевич.

— Мои министры всегда бодрствуют и немедленно исполняют мои указы, — капризно настаивал на своем император всея Руси, — могу держать пари! Ставлю арабскую кобылу Одиллию против твоих двух борзых!

— Принимаю твое пари, Ники! — забыв в сердцах назвать царя величеством и на «вы», заявил великий князь совсем по-домашнему. — Они не успеют включить твое повеление в приказ вчерашним числом, поскольку эти... чиновники... — и великий князь добавил к своей фразе гирлянду нецензурных, но рифмованных характеристик. Дружный гогот гусаров был ему наградой.

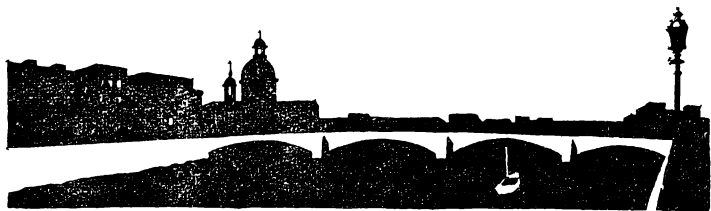
— Итак, господа! — обратился царь к окружающим, выждав минуту, пока смех не умолк. — Составляем депешу Владимиру Александровичу Сухомлинову!

Тотчас явился артельщик с письменными принадлежностями и маленьким пюпитром для письма. Царь собственноручно начертал несколько слов на листке бумаги, небрежно сложил его вдвое и, не глядя, протянул в пространство за собственной спиной. Услужливые руки бережно приняли листок и с елико возможной скоростью бросились доставлять его к ближайшему телеграфному аппарату...

Веселье еще долго бурлило под сводами высокого белого зала. Соколов, непривычный к подобному времяпрепровождению, с трудом высиживал трудные пред рассветные часы, когда сон особенно наваливается на усталого человека. Гусарам, казалось, было все нипочем. Шутки и песни неслись со всех сторон, сталкиваясь под сводами и превращаясь в многоголосый гомон.

Так же неожиданно, как и появился, Николай II вместе с великим князем в сопровождении Воейкова исчез из зала. Трапезная сразу же быстро стала пустеть.

...Наутро Рооп послал своего денщика за номером «Русского Инвалида», официальной военной газеты. На первой странице листка, в самом конце высочайшего указа о производстве военных чинов, набранная в спешке петитом, стояла строчка, которая свидетельствовала о том, что Николай II выиграл свое пари у Лукавого. Военный министр каким-то чудом успел исполнить каприз самодержца.

23. Германия — Италия, ноябрь 1912 года

В начале нашего века мало кто из досужих путешественников стремился в Италию летом. Летняя Италия оставалась целиком для итальянцев. Зато осенью и зимой Апеннинский полуостров переполнялся иностранцами, преимущественно знатью и богачами, подданными почти всех стран Европы. Большинство из них забивало собой гостиницы, пансионаты, частные дома, превращавшиеся на курортный сезон в мощный источник дохода для владельцев. Некоторые, особенно «русские князья и бояре», как их называли в Италии, приезжали целыми семьями, с чадами, наслаждаясь южными красотами в собственных дворцах либо арендуя роскошные особняки.

До начала «бархатного» периода гостиницы больших итальянских городов пустовали, богатые магазины не работали, нарядные экипажи почти не сновали по улицам.

Лишь осень с ее мягким средиземноморским теплом приносит оживление в здешнюю жизнь. Уставшие от всесжигающего летнего зноя и невыносимой яркости солнца, обыватели приоткрывают наконец жалюзи окон. Говор, крик, суэта не смолкают на улице от раннего утра до позднего вечера, trattorie переполнены почти круглые сутки — всякий мало-мальски имущий итальянец отводит душу за стаканом кьянти после вынужденного сидения все лето в самых тенистых уголках сада или глухих прохладных комнатах дома.

Вместе с состоятельными особами, съезжавшимися в Италию, ее города и музеи наполняли путешественники средней руки — художники, студенты, коммивояжеры, военные, отставные чиновники, больные легкими и ревматизмом со всей Европы — с туманного Альбиона, из княжеств Северной Германии, из полудикой,

в представлении итальянцев, Скандинавии и особенно из сказочно далекой России.

Уже в свою первую заграничную командировку, когда Соколов в поощрение за высшие выпускные баллы в Академии Генерального штаба был отправлен на три месяца путешествовать по Европе, Италия как-то по-особому запечатлелась в памяти. Все здесь было внове, все в диковинку — и кажущаяся из-за присутствия толп туристов праздность, и беззаботное веселье, и крикливые, отчаянно жестикулирующие, доброжелательные люди. Впоследствии он весьма успешно научился использовать полуостров, назначая встречи своим европейским агентам в Милане, Венеции или Риме, где легко было потеряться в толпе туристов, праздных зевак, любителей латинских древностей. Вне всяких сомнений здесь действовала относительно беспечная контрразведка, которая физически не в состоянии была уследить за всеми иностранцами, а посему и не очень старалась.

Вот и теперь, получив через четвертые руки открытку с условным текстом из Праги, которая в почтовом конверте странствовала много дней по Европе и в конце концов из Голландии была отправлена в Петербург на имя оптового торговца колониальными товарами ван дер Ойла, русский разведчик отправился в Италию на тайное свидание со связником Филимона Стечишина.

На всякий случай Соколов ехал сюда кружным путем — пароходом от Гельсингфорса до Лондона, где оставил в сейфе военного агента свой русский заграничный паспорт и снабдился визитными карточками на совершенно интернациональное имя «Алекс Брок, коммерсант». Несколько деловых бумаг и писем на то же имя лежало в его саквояже рядом с бельем, на котором были предусмотрительно вышиты инициалы «А. Б.».

Из Англии он через Голландию, Германию и Швейцарию проследовал в Северную Италию, задерживаясь по нескольку дней в крупнейших городах Южной Германии, отмечая в газетах (он оставлял их в номерах) объявления местных фирм, заходя в конторы с «деловыми» визитами, дабы удостоверить наблюдателей из местных жандармских отделений в своей полной безобидности.

И все-таки в Ульме, маленьком провинциальном городишке на берегу Дуная, ему показалось, что двое тех же самых парней, которые крутились у кассы вокзала

в Кёльне, когда он брал билет, проводили его затем от гостиницы до фабрички красителей, куда он завернул показать «образцы», которыми якобы торговала его «фирма».

Соколов нарочно выбрал такой маршрут по городу, который бы был максимально удален от казарм или других военных сооружений, быстро вернулся в гостиницу и провел остаток вечера до отхода поезда на Мюнхен в лучшем ресторане города. И снова ему показалось, что под белым колпаком повара, выглянувшего на минутку в зал, он узнал агента наружного наблюдения из Кёльна.

Уютный зал ресторана сразу потерял всю свою прелесть. Соколов стал продумывать варианты на тот случай, если он будет арестован германской контрразведкой. Ему припомнился эпизод с артиллерийским капитаном Костевичем, который был послан в научную командировку в Европу, но в Германии, когда он осматривал заводы Круппа, его обвинили в шпионаже, арестовали и продержали много недель в тюрьме, несмотря на бурные протесты российского императорского посольства, «дружбу» двух императоров и нажим на германского военного агента в Петербурге. Только после того, как в одном из приволжских городов был арестован с поличным офицер германского Генерального штаба, под чужим именем совершавший «познавательную» поездку на пароходе от Нижнего Новгорода до Астрахани, и перед немцами со всей реальностью встала угроза заключения их агента в тюрьму, а затем и возможной отправки его на каторгу в Сибирь, в Берлине быстро изыскали возможность оправдать Костевича.

Соколов не льстил себя надеждой на скорое освобождение из лап германской контрразведки, если будет арестован. Разумеется, отдел генерал-квартирмейстера по истечении контрольного срока, после коего на Дворцовую площадь через подставной адрес не поступит условная открытка, начнет розыски Соколова, но благоприятный исход ему самому казался весьма сомнительным. Помимо громкого скандала на всю Европу с компрометацией Генерального штаба российской армии, немцы вполне могли упрятать его так далеко в казематы, что ни одна живая душа не разыскала бы его до тех пор, пока это не заблагорассудилось бы самим тюремщикам. Они могли его и убить, имитировав не-

счастный случай в горах, на улице или где-нибудь еще... Словом, если контрразведка всерьез пошла по его следу, полковнику грозили серьезные опасности.

Соколов весь внутренне собрался, не подавая вида, что чем-то озабочен, аккуратно допил и доел все, что заказал, зашел в отель, собрал саквояж и неторопливо, пешком отправился на вокзал. По дороге он так и не мог окончательно установить, ведется ли за ним наблюдение, или это совпадение двух-трех случайностей.

Инцидент в Ульме еще раз насторожил его и заставил потерять много времени в Мюнхене для того, чтобы, используя возможности сравнительно большого города, оторваться от сыщиков наружного наблюдения перед тем, как покинуть Германию и попасть в Швейцарию.

В эту страну он отправился только затем, чтобы въезжать в Италию с нейтральной территории и еще раз проверить перед прибытием на место встречи, не «ведут» ли его немцы и в соседнем государстве. Примеры подобному бывали. На этот случай у Соколова были четко разработанные инструкции, которые категорически запрещали дальнейшее движение к месту встречи и требовали немедленного переезда в ближайшую союзную страну — в данном случае во Францию. Но, кажется, все обстояло благополучно.

На всякий случай он несколько раз тщательно проверился в Берне и Люцерне и только после этого взял билет до Рима, намереваясь сойти во Флоренции.

Теперь он находился в одиночестве в своем купе. Его до краев наполняла глубина ощущений, воспоминаний, ожиданий. Он испытывал восторг, зажигающийся от всякого пустяка — от первой итальянской надписи, от первого звука итальянской речи, которую любил и знал в совершенстве...

Наконец в вагон вошли итальянские таможенные служители, вечно рыщущие в поисках контрабанды. Они мгновенно успокоились при виде коробки сигар, которую Соколов предназначил им под видом угощения.

На станциях появились пограничные названия — Беллинзона, Лугано, Кьяссо, Комо. Грязные станционные буфеты, длинные «фьяски» с вином, скверный кофе в толстых фарфоровых чашках, твердый крученый хлеб — все было свидетельством прибытия в милые сердцу края.

Поезд мчал над пропастями по дерзким и узким мостам, незаметным из вагона. Казалось, он летит прямо по воздуху, а потом словно вонзается в черные норы туннелей. На северных склонах гор синели стрельчатые ели, уже присыпанные кое-где снегом, шумели громкие даже через стук колес водопады. Там, на германской и швейцарской сторонах Альп, холодно, хмуро, сурово...

Вся тамошняя природа живо напоминала Соколову гранитные скалы и мшистые ели карельских окрестностей Петербурга. Одновременно с воспоминаниями о Северной Пальмире в памяти неожиданно встала пепельная головка девушки, аплодировавшей ему в Михайловском манеже во время конкур-иппика. Он корил себя за то, что, упоенный победой, не пошел тогда на трибуны. Пусть они незнакомы, пусть условности общества не позволили бы ему сразу заговорить с ней, сесть подле нее, проводить до дому, но почему он пренебрег возможностью разыскать в пестрой толпе существо, которое смотрело на него в тот день с несказанным участием.

Жена Соколова умерла родами, когда он был молодым штабс-капитаном гусарского полка. Образ его милой Анны не тускнел, но все-таки отходил с годами в отдаление, олицетворяя для него юность и чистоту. Алексей не давал себе никакой клятвы оставаться верным всю жизнь первой любви, но за долгие годы не встречал женщины, от одного взгляда которой у него начинало бы биться сердце.

Теперь же он понял, что его существом, не стирая память о первой любимой — Анне, завладевает другая.

Соколов раньше не верил в любовь с первого взгляда, он смеялся, когда товарищи-гусары клялись в вечной страсти дамам, встреченным за час до этого на балу или в театре. После того торжественного для него дня, когда он увидел в первый раз девушку с пепельными волосами, он все чаще ловил себя на мысли, что вспоминает ее, и не просто вспоминает — жаждет увидеть вновь. Не понимая, что с ним происходит, он поначалу подтрунивал над самим собой, пытался рассеяться, отвлечься, однако наваждение не проходило. И все же он сдерживал себя и целых полгода не бросался на розыски незнакомки, хотя и загадал, уезжая, что если невредимым вернется из опасной секретной поездки, то обязательно найдет в Петербурге «пепельную головку»...

Но вот начался большой последний туннель, несколько минут ночного мрака, когда в вагоны через плотно прикрытые окна проникает противный мокрый паровозный дым и какой-то своеобразный резкий запах железной дороги. Затем во мраке начинают проступать очертания скалистых стен туннеля, становится все яснее, яснее — стены расступаются, и солнечный свет заливает скалистое полукружье. Поезд плавно сбегает на равнину, отдав весь свой пар тоннелю и хмурым Альпам.

Растительность спускается поясами — выше всех крепкий дуб, чуть ниже его высокий гордый лавр красуется своей вечнозеленой листвой. Рядом с лавром — светлый крокус и темная фиалка, ползучий шиповник взбирается на ветви лавра.

Далеко внизу под поездом расстилается серебристое море оливы, и из него, как черные плавники, торчат стрельчатые кипарисы. Еще ниже — там, где глаз еле различает, — природа уже разделана: на землю нанесена сетка полей, перерезанных голубыми нитями каналов, рядами плодовых деревьев...

Вот поезд уже катится по равнине, снова тяжело отдуваясь паром. Он стучит по сводчатому мосту через реку; у моста на скользких камнях пестрая толпа женщин стирает белье. На мгновение в окна вздымается крикливая трескотня голосов, и тут же они уже остались позади.

Колокольня, давно видневшаяся сверху, оказывается вдруг рядом. Свисток паровоза, затем свисток кондуктора, и первый итальянский город радостно приветствует путешественников. Короткая остановка, затем остались позади Милан и Пьяченца, Парма, Модена и Болонья. Мимо, мимо! Флоренция зовет!

Вечереет, и становится прохладно, вдоль пути стоят длинные оголенные тополя с одной лишь зеленой кисточкой на макушке, а за ними — прелестные итальянские огороды «подэри», где и овощи, и цветы, и фруктовые деревья — все вперемежку... Вот уже показался Арно, и тут же его воды заслоняются темными в сумерках деревьями Кашин — городского парка; вот старые крепостные стены, дома, нитки сходящихся и расходящихся рельсов, сигнальные огни, семафоры, последние толчки тормозов. «Фиренце!» — кричат соскочившие из вагонов кондуктора.

24. Флоренция, ноябрь 1912 года

Соколов остановился в «Отель д'Итали», большой красивой гостинице на набережной, где его принимали за коммерсанта средней руки, охотого до удобств и шика. Портье кивнул ему как старому знакомому, хотя Соколов жил здесь до этого лишь дважды. Алексей поразился его памяти. Видно, пора было менять и отель, и город для деловых свиданий с подданными соседней монархии.

Комнаты ему отвели на тенистую, шумливую Борго-нисанти, где с раннего утра до позднего вечера бурлила жизнь. До встречи со связником оставалось три дня.

Ужинать Соколов отправился в ближайший подвальныйчик. Он знал это местечко в переулке, где днем собирались на обед извозчики, рабочие, погонщики, носильщики, а вечером иногда забредала изнеженная итальянская аристократия, чтобы испробовать — от своего пресыщения — народной пищи и юмора.

Здесь было вкуснее любого ресторана: на большой плите в присутствии гостя доспевал его заказ — и фритто мисто, и ньюки на пармезане, и что только душе угодно.

Вся народная кухня Италии — на оливковом масле; сковороды шипят, дразнящий запах от них поднимается под своды, оклеенные плакатами кинематографов. Прохладное вино поднимается здесь особым журавлем из еще более глубокого подвала и раздается в глиняных кувшинах без меры — кому сколько надобно.

Устав с дороги, Соколов после ужина не стал бродить по вечерней Флоренции, а поднялся к себе в номер и мгновенно заснул.

Ранним утром он вышел по своему обыкновению на чистые и гладкие плиты флорентийской мостовой. Вначале он направился к вокзалу, чтобы проверить, нет ли

за ним слежки, но, не доходя до него, обогнул старушку Санта Мария Новэлла, церковь дорического ордера с фресками Гирландайо, и свернул на шумливую даже ранним утром виа Черретани, где скрипели повозки и шелкали бичи крестьян, прибывающих в город по своим делам. Отсюда он повернул неожиданно направо, в маленькую Рондинелли и ее продолжение — виа Торнабуони.

Навстречу ему шли группы нарядных людей и расходились в переулки, отягченные букетами цветов, которые они накупили рядом — на ступенях дворца Строцци. Во всю длину своего хмурого фасада дворец опоясан венком цветов и папоротника — вдоль его цоколя цветочный рынок Флоренции. В пахучей прохладе вокруг влажных цветов сливается тосканский говор крестьянок-продавиц и англо-саксонская речь покупательниц.

Все эти элегантные заморские гости Флоренции, идя с охапками цветов с рынка, обязательно останавливаются у витрин знаменитого фотографа Броджи в тайном желании, чтобы именно их он выбрал себе в модели...

Тут же рядом кондитерская Джакоза, не менее замечательная, чем все остальное в прекрасном городе на Арно. Именно эту кондитерскую назначил на этот раз местом встречи связной Соколова.

Алекс Брок заходит в кондитерскую и садится за свободный столик. Большое окно зеркального стекла, как стена огромного аквариума, выходит прямо на Палаццо Строцци. Гранитный фасад хмурит единственную бровь своей тяжелой сводчатой двери среди ряда квадратных окон. С угла щетинится знаменитый бронзовый фонарь дворца...

«Встреча завтра днем, когда народу здесь будет много. Надо прийти пораньше и занять вот тот угловой столик, кстати, там рядом есть и газеты, так что долгое пребывание здесь не бросится в глаза...» — планировал Соколов предстоящую встречу. Он полюбовался пестрыми нарядами дам и их шляпками, похожими на цветочные клумбы, с удовольствием выпил чашку шоколада и закусил ее пышными флорентийскими сдобами. Затем раскланялся с хозяйкой за стойкой и неспешной походкой фланера вышел на ту же Торнабуони. Через переулки и тенистые громады хмурых дворцов он прошел на дивную Пиацца делле Синьорие. Над площадью под-

няла свои зубцы каменная гладкая стена «Старого Дворца» (Палаццо Веккио), выдвинув с края карниза устремленную в итальянское синее небо светло-коричневую башню.

Направо от Палаццо Веккио изогнулись три арки — «Лоджиа дей Ланци», под которыми столпились бронзовый, позеленевший от времени Персей Бенвенуто Челлини, прекрасная скульптура «Похищение Сабинянки» работы Джованни да Болоньи и целое мраморное население воинов, героев, женщин.

В полуденный час площадь Пиацца делле Синьорие тиха и молчалива. На ступенях флорентийского собора, там, где мрамор от прикосновения людских поколений стал словно фарфоровым, коротают час фиесты несколько оборванцев, а над ними гордо, сиятельно высится бронзовый конный Козимо Медичи... Не площадь, а музей; музей, в котором торговки овощами продают свой товар, стоят извозчики, лежат пьяные...

Соколов прошел мимо «Старого Дворца» и по высокой лестнице поднялся в музей Уффици. Он решил пройти по залам картинной галереи не только потому, что очень любил живопись Возрождения, но и оттого, что снова решил проверить, нет ли за ним слежки. В пустынном, несмотря на туристский сезон, музее это было очень легко сделать, а тем более пустить слежку, если она была, на ложный след, нечаянно заговорив со случайным встречным.

Он шел от полотен Чимабуэ и Джотто, Караваджо и Караччи, замечая все: от робкой наивности тосканских примитивов до разнузданной роскоши болонских мастеров. Он шел мимо нежного Перуджино, и загадочного Боттичелли, и могучего фра Бартоломео, и небесного фра Анджелико, и пышного Тициана, и светозарного Веронезе... Они встречали его как старые друзья, и чудилось, хитро подмигивали глазами своих героев. К удовольствию Алексея, он ничего не заметил для себя подозрительного, потому совершенно вольготно расхаживал в залах, где могучий дух искусства осенял человека своим волшебством...

Через пару часов Соколов оставил галерею и длинным коридором над домами, над мостом отправился на другую сторону Арно. Из окон он увидел под собой мутные воды реки. «Старый мост», по-здешнему Понте Веккио, кишел народом меж двух рядов своих лавчонок.

На него, словно потоки, сливались толпы пешеходов от сходящихся улиц... Но вот длинный коридор кончился, и начался музей дворца Питти. Здесь Соколова объяла уже не та глубокая историчность, что в галерее Уффици, здесь царствовали Рафаэль, Андреа дель Сарто, фра Бартоломео...

Покинув галерею, Соколов решил обогнуть дворец и зайти в сад Боболи. Среди пахучей тишины стриженных лавровых стен, где в зеленых нишах грезят мраморные богини и боги, а львиные пасти выпускают водяные струи в порфиновые лохани, он надеялся найти укромное место на тот случай, если одной встречи с агентом будет недостаточно и придется искать новое убежище для продолжения разговора.

25. Флоренция, ноябрь 1912 года

Настал день встречи. Соколов и связник, а точнее — связница уже видели однажды друг друга года два назад, и им не было нужды разрабатывать сложные пароли или сообщать приметы одежды, дабы даже по нелепой случайности не перепутать человека. Такого рода предосторожности естественны, когда жизнь и свобода зависят от чистоты и кратковременности контакта двух разведчиков.

Соколов забрался в кондитерскую Джакоза пораньше и успел занять облюбованный им накануне столик в дальнем от окна-аквариума и достаточно затененном углу. С собой он предусмотрительно захватил газеты, дабы не одалживать их у официанта. Идя сюда, он снова тщательно проверялся и снова не обнаружил за собой признаков наблюдения.

Теперь он ждал связницу и размышлял. Он не только работал с братьями чехами против общего врага — агрессивного и наглого пангерманизма, но и относился

к ним с огромным уважением и дружбой, как почти никогда, за редким исключением, не относился к своим агентам — немцам, бельгийцам, швейцарцам и другим европейцам. Об авантюристах, пытавшихся иной раз поднажиться на мошенническом шпионаже, и говорить не стоило. Продажные шпионы, которым было все равно, с кем работать, частенько выдавали брошюры, купленные в ближайшем книжном магазине, с наскоро прилепанными самодельными штемпелями «Совершенно секретно!» или «Строго конфиденциально генералу такому-то!», за добытые с большим трудом из сейфа военного министра документы и до хрипоты торговались. К подобным поставщикам секретной информации Соколов относился весьма недоверчиво, проверяя и перепроверя полученные от них документы, расплачиваясь лишь после того, как безусловно признавалась их оперативная ценность. С особым сомнением он относился к бумагам, которые якобы добыты из самого германского Генерального штаба. Соколов частенько обнаруживал в них фальсификации и был убежден, что немцы нарочно фабрикуют фальшивые секретные документы, продают их в так называемые международные шпионские бюро, которые почти открыто существовали в тогдашней Европе, и таким образом финансируют собственные тайные операции...

Соколов с интересом углубился в газеты, изредка поднимая на входные двери взгляд, внешне ленивый, но зоркий и наблюдательный. Уже дважды сменились за столиками лакомящиеся особы обоего пола и всех возрастов, часы принялись отбивать три четверти первого, когда в точно обусловленный момент появилась Млада Яроушек. В кремовом платье и широкополой шляпе, которая покрывала ее белокурые локоны, с кружевным зонтиком и бисерным кошельком на цепочке, хозяйка лесного склада из Брюнна выглядела эффектно и респектабельно. Она опиралась на длинную ручку зонтика и на мгновение замерла в дверях, окидывая взглядом столики.

Глаза разведчиков встретились, затем разошлись; гостя как бы ненароком направились в угол мимо занятых столиков. Как посторонняя, она чуть присела в книксене перед Соколовым и мелодичным голосом спросила его по-английски, можно ли присесть рядом с господином на свободное место. Соколов с види-

мой неохотой оторвался от газет и без особого удовольствия произнес по-итальянски: «Пожалуйста». Ответ по-итальянски означал, что все в порядке, слесжки не обнаружено и можно без промедления приступить к делу.

Млада уселась, аккуратно расправив складки длинного платья, и не начинала разговора до тех пор, пока Соколов нарочно чуть громче, чем принято, спросил по-английски: «Миледи родилась в Италии?» — «О нет, сеньор! Моя родина Швеция!» — прозвучал ответ, в котором также была скрыта условность, показывавшая Соколову, что и Млада не заметила за собой ничего подозрительного.

Обычно Соколов стремился свести до минимума любой контакт со связником и ограничивался только обменом пакетами. Разумеется, в пакете, полученном от агента, лежали рукописные донесения, если агент был новичком или неспособным к фотографии, либо готовые уже микроплёнки с текстами сообщений. В обмен агент получал пакет с суммой в той валюте, которая ему была нужна или причиняла самые небольшие неудобства. В данном случае связник был опытен, снабжен необходимыми микроплёнками, сделанными профессионалами, и для естественности их встречи Соколов должен был согласно продуманной легенде его поведения немного пофлиртовать с иностранкой, что на курорте не только не осуждалось, но показалось бы даже странным, если бы он не сделал этого. Поэтому мистер Брок отложил в сторону свои итальянские газеты и как истый итальянец проявил вежливый интерес к даме.

Был именно тот редкий случай в жизни разведчиков, когда Соколов и его связница были уверены, что их встреча проходит в безопасной обстановке, а оба к тому же давно симпатичны друг другу. Русский разведчик решил позволить себе одну-две долгие беседы с единомышленницей, чтобы и поддержать ее морально, и разъяснить сложное новое задание, и проинструктировать по технике разведки.

В битком набитой кондитерской, где столики стояли довольно близко, вести подобные разговоры невозможно, и Соколов порадовался тому, что предусмотрительно подыскал тихое местечко — сад Боболи, — где в середине дня можно встретить, да и то изредка — ведь все-таки осень! — только влюбленных.

Совершенно невыразительно, как будто выполняя долг вежливости, призывавший его не молчать в присутствии дамы за его столиком, мистер Брок спросил:

— А не бывала ли госпожа в прекрасном флорентийском саду Боболи, что у подножия дворца Питти?

Млада поняла его с полуслова:

— О, я уже бывала там прежде. Это действительно прелестный уголок!.. Но там днем, наверное, слишком жарко?

— Я полагаю, часов от четырех пополудни в саду наступает прохлада, — ответил Соколов, а затем, подложив монетки на тарелку со счетом, поднялся и отклонился с Младой так, словно был старинным знакомым.

В четыре часа дня Соколов появился в саду Боболи. Млада была уже там, она приветливо помахала ему рукой из тенистой ниши в лавровой стене, середину которой занимала скульптура гладиатора. Отсюда открывался хороший обзор во все стороны, и постороннему человеку было бы трудно пройти к ним незамеченным.

В саду в этот обеденный час не было никого. Все находилось в полной неподвижности. Казалось, застыли даже струи фонтанов.

Соколов поцеловал Младе руку, украшенную красивыми кольцами. Когда они опустились на мраморную скамью, Млада передала Соколову крошечный пакет и сказала:

— Здесь довольно много разного материала, в том числе планы развертывания армии, обоих ландверов и ландштурмов, таблицы численности корпусов, дивизий и бригад, их дислокация в каждом из корпусных районов. Учтите, правда, что таблицы эти отражают только строки закона, принятого австрийским рейхсратом в нынешнем году. Численность армии согласно этому закону должна быть в военное время в четыре с половиной миллиона человек. На практике во всей Австро-Венгрии не хватит оружия на такое воинство. Состоит на вооружении корпусов и хранится в арсеналах едва ли треть от всего потребного оружия. По этой причине наиболее плохо вооружен ландштурм...

— Спасибо, Млада! — прервал ее речь Соколов. — Преклоняюсь, как всегда, перед вами! Подумать только, вы — женщина, а как серьезно разобрались в столь мужском деле, как военное! Bravo!

— Что вы, Алекс! Вы всегда мне льстите, — зарумя-

нилась от смущения Млада. — Мы, женщины, тоже хотим служить своей родине на таком трудном поприще, как разведка... Правда, у нас в группе я единственная дама, и меня заставляют учить некоторые вещи наизусть для передачи вам. Так что мой секрет владения военной терминологией достаточно прост.

— О, ваша группа всегда доставляет столь добротные сведения, что их, должно быть, приятно заучивать наизусть, — улыбнулся Соколов. — Жаль, конечно, что этого нельзя делать вслух, правда?

— Еще приятней их навсегда забывать. Чтобы не проговориться хотя бы во сне, — мило парировала его шутку Млада, и он с удовольствием отметил про себя, что она понимает собеседника буквально с полуслова.

— Вы правы. Венская контрразведка становится все внимательней и настойчивей. Особенно после суда над венской учительницей, баронессой Мурманн и ее сыном, нашим коллегой из Варшавского военного округа.

— Не беспокойтесь, Алекс. В нашей группе действуют опытные офицеры. Должна вам, правда, заметить, что Эвиденцбюро действительно усилило свою активность в последнее время. Гавличек видел недавно доклад группы контрразведки, приготовленный для Конрада фон Гетцендорфа. Оказывается, австрийским контрразведчикам пришлось в прошлом и нынешнем году расследовать 7000 случаев шпионажа, в то время как в 1905 году таких случаев было только 300. Господа из конторы Макса Ронге ссылаются на то, что за год им пришлось арестовать полтысячи лиц, из коих около 70 предстанут перед судом.

— Неужели так много провалов? — забеспокоился Соколов.

— Что вы! Проваливаются в основном итальянские и сербские агенты в приграничных районах. Но тем не менее Эвиденцбюро выпустило на всех языках монархии — тиражом в пятьдесят тысяч экземпляров! — специальное воззвание «Остерегайтесь шпионов!». Наши австрийцы с немецкой методичностью вывесили эту афишку во всех казармах, в жандармерии, в пограничной охране. Как будто такие трюки смогут предохранить Габсбургов от ненависти славян!

— Вы весьма кстати заговорили о славянах, Млада. Как складывается ситуация в Богемии и Моравии? Удачно ли разворачивается деятельность пропагандистов

против Габсбургов? Кто больше всех симпатизирует России и делу славянства? На какой основе развиваются эти симпатии и прочны ли они?

— Не так много вопросов сразу, милый Алекс! — с улыбкой ответствовала Яроушек. — Ведь у нас есть, как я понимаю, по крайней мере пара часов сегодня и возможность встречи завтра, чтобы обсудить все наши проблемы... Для начала я хотела бы вам доложить, что Вена усиливает в настоящее время не только контрразведку, но и особенно разведку против России в первую очередь. Вторым объектом разведки по значению становится Сербия. Мы понимаем это так, что успехи славян в борьбе против турок во время нынешней Балканской войны вызвали усиленную контрреакцию в блоке Срединных держав у носителей идеи пангерманизма. Вы найдете в одном из донесений подробную характеристику подполковника Евгения Штрауба. Могу сейчас только коротко сказать, что этого дельного и очень активного разведчика собираются направить в Копенгаген наблюдать за русскими разведывательными центрами в Северной Европе. Через них, по данным Эвиденцбюро и его берлинских коллег, в Петербург утекает довольно много информации. Этот и подобные ему признаки, как считают офицеры из нашей группы, свидетельствуют о том, что блок германских держав вступил в период активной подготовки большой европейской войны против Франции и России.

Соколов внимательно слушал и напрягал свою память, чтобы запомнить дословно все то, что говорила разведчица. Он поражался этой женщине, которая демонстрировала глубину понимания политики, ясный ум и знание проблем, преимущественно свойственных мужчинам.

— Теперь я отвечу на ваш первый вопрос, Алекс, — сказала Млада. — Руководящие деятели различных чешских партий — и господин Клофач, председатель национально-социалистической партии, и господин Крамарж, душа «младочехов», и господин Марков — вождь русофилов Галиции, и все пять депутатов рейхсрата от польских областей профессор Заморский, граф Скарбек, господа Циейский, Биега и Виерчак, и сторонники «Великой Польши», имеющие русскую ориентацию, — Дмовский и Грабский, — все они в новых политических условиях приобретают больший вес и влияние. Чем

решительней в Австро-Венгрии развивается немецкий национализм, чем ниже склоняется австрийский союзник перед кумиром германским, тем большее стремление в самой Праге связать перспективу решения чешского вопроса с Россией.

Вы, очевидно, знаете, Алекс, что вначале наши влиятельные чехи — и Массарик, и Крамарж — совершенно искренне хотели укрепить федеральные принципы Австро-Венгрии, повлиять на официальную внешнюю политику монархии, чтобы подтолкнуть ее к сближению с Россией и ослабить тем самым зависимость от Германии. Они весьма наивно полагали, что из Австро-Венгрии удастся создать бастион против пангерманизма, развивать в ней парламентский демократизм в противовес радикализму и революционности. Особенно решительно выступает против революционеров и радикалов наш друг Массарик, через которого мы получаем весьма ценную политическую и военную информацию. Кстати, господин Массарик заканчивает сейчас книгу «Россия и Европа», которая выйдет в будущем году и в которой он призывает преодолеть радикализм.

Теперь, когда в нашей «лоскутной» монархии всем стало ясно, что воевать придется не за Габсбургов, а за Гогенцоллернов, за пангерманский дух и за укрепление Германии против славянства, многие чешские политики засуетились. Они готовы теперь принять эгиду Романовых при сохранении известной независимости чешского государства в европейской структуре, с ориентацией на Францию и Англию. От России господин Массарик и его сторонники хотели бы получить гарантии консерватизма, поддержку против социал-демократии и марксизма, помощь в сохранении патриархальных основ чешского уклада жизни. Лидер «младочехов» доктор Крамарж вполне солидарен с ним в укреплении прогресса в рамках закона.

— А что поделывают господа Крамарж и Клофач? — поинтересовался Соколов.

Для Млады и этот вопрос не представлял сложности. Она сорвала веточку лавра, склонившуюся над скамьей, где они сидели, и, ошипывая машинально листок за листком, продолжала:

— Нам стало известно, что оба они вынашивают интересные проекты. Доктор Крамарж, например, считает, что в ближайшие год-два в Европе вспыхнет боль-

шая война между Срединными державами и странами «Сердечного согласия». В этой войне у Германии, Австро-Венгрии и их союзников нет никаких благоприятных перспектив. Даже если столкновение между Австро-Венгрией и Россией ограничится только Балканами, то и тогда наша Дунайская монархия обречена на поражение. Доктор Крамарж полагает, что после краха Австро-Венгрии следует создать под эгидой русского императора обширную систему королевств, которая будет включать в себя, помимо Российской империи, Чехию, Польшу, Болгарию, Сербию и Черногорию. Господин Крамарж собирается включить в эту «Славянскую империю», как он ее назвал, перечисленные государства на основе федеральных отношений, причем в Чешское королевство должны входить, по его мысли, не только Словакия, но значительная часть австрийских территорий до Дуная.

— Кому же он собирается оставить Вену? — с иронией спросил Соколов, не признававший никакого политического прожектерства, тем более столь нереального. Полковник сразу понял, что подобные планы, если всерьез их пропагандировать, могут обернуться против России, поскольку заставят сплотиться воедино всех ее врагов и недоброжелателей, начиная от Германии и Австро-Венгрии, кончая Англией и Францией, никогда не мирившихся с объединением и значительным усилением славян вообще, а России в частности.

— Вену и собственно австрийские земли Крамарж собирается оставить австрийцам, особенно Тиролю с его горцами, — ответила Млада. — А вот наш друг Клофач разрабатывает более реальный проект...

По словам Млады, Клофач предлагал уже сейчас, не дожидаясь войны, которая, по его расчетам, также разгорится в 1915 году, создать параллельно существующей запасную агентурную и диверсионную сеть. Следовало разработать способы связи через территорию нейтральных государств, организовать и законсервировать «почтовые ящики», депонировать в банках городов Австро-Венгрии известные суммы на оплату такой сети, чтобы не быть связанными в военное время с переводами больших денежных сумм, которые всегда привлекают к себе излишнее внимание...

— Мысли в общем-то дельные, — сказал Соколов. — Попросите Клофача, если он, конечно, согласится, из-

ложить их в форме докладной записки. Только пусть такую записку он не посылает в Петербург, а вручит лично кому-либо из важных особ, чтобы она лучше работала. При этом упаси господь, если такая записка попадет не в те руки в нашей столице...

— Вы имеете в виду немецкие руки, прикрытые русским мундиром? — тактично осведомилась Млада.

— Или руки предателей, иуд, отягощенные немецким золотом, — горестно кивнул Соколов. Он не считал нужным скрывать от своих чешских друзей те проблемы, которые его особенно волновали. В данном случае он отводил угрозу ареста «самодеятельных» источников информации, если бы они вдруг решились обратиться к тем российским официальным лицам, которым и Россия, и ее интересы были чужды, а подчас и враждебны.

— Смею обратить ваше внимание еще на одну примечательную личность, — возвратилась к предмету разговора разведчица. — Хотя ни в Чехии, ни в Европе к пражскому публицисту Борскому не относятся серьезно, он частенько высказывает интересные мысли. Господин Борский — один из лидеров небольшой и не очень влиятельной прогрессивной государственно-правовой партии, точнее — группы интеллигентов, стоящих на платформе радикального, скорее даже республиканского национализма. Будучи военным обозревателем ряда чешских газет, он подчеркивает всегда, что завоевание Чехией независимости при существовании Австро-Венгрии невозможно. Орудием освобождения чехов и основой для создания нами собственного государства он полагает национальную революцию. Революцию социальную он отвергает и осуществление своих идей связывает с большой европейской войной, которая могла бы перекроить карту Европы. Хотя лично Борский относится с особенной симпатией к Англии и регулярно пытается публиковать свои идеи в английских газетах, британцы его почти не печатают, поскольку его мысли о каких-то буферных малых государствах между Германией и Россией считают несерьезными. В то же время вся его партия с большой симпатией относится к России, резко осуждает политику Тройственного союза, выступает против участия Австро-Венгрии в антирусской коалиции.

— У вашего военного обозревателя отменное чутье, — в задумчивости проговорил Соколов. — Не мог-

ли бы вы подготовить письменную информацию по тем вопросам, которые мы с вами только что обсудили? Ваш анализ очень ясен и точен. Полагаю, что он должен заинтересовать наше начальство и даже открыть, быть может, глаза на весьма интересные процессы, которые сейчас проходят в Богемии и Моравии. Желательно, конечно, чтобы было побольше конкретных имен, позиций различных кругов населения, направлений мысли, а также рекомендаций, как их подкреплять и развивать.

— Вы правы, Алекс. Пожалуй, стоит написать специально о том, как общественное мнение славян в нашей монархии постепенно меняется в пользу России. Если раньше чехи и особенно венгры тяготели к сохранению целостности Австрийской монархии, то теперь в Праге понимают опасность германской экспансии. Особенно устойчивы симпатии к России и русским среди беднейших слоев населения. Дело здесь, видимо, в том, что эта часть нашего народа подвержена особенному влиянию народных учителей в приходских школах. А они воспитывают своих учеников в уважении к русской и славянской культуре, вообще к славянству...

Солнце между тем начало клониться к закату, подходил час, когда в саду Боболи должна была появиться на вечерний променад гуляющая публика.

Млада предложила встретиться на завтра на площади Микеланджело над Флоренцией. Она обещала изложить на бумаге все рассказанное ею о национальных течениях в Австро-Венгрии, а Соколов — приготовить ряд новых вопросов, на которые должна была ответить разведгруппа.

Они расстались в зеленом убежище сада Боболи под статуей гладиатора. Элегантная женщина не спеша отправилась в сторону дворца Питти, а Соколов, подождав пяток минут и убедившись, что за коллегой не последовал неожиданный «хвост», отправился в глубь сада, туда, где красуется знаменитый фонтан с Нептуном. В огромной лохани скользили ленивые золотые и голубые рыбы, круглые, как блюдца... Он проследовал до террасы, окаймленной сквозным рисунком каменных перил. Здесь перед ним открылся простор, легкий ветерок нес аромат растительных дыханий сада. Он остановился и задумался над всем тем, что ему рассказала Яроушек. Особенно его поразило, что три разных политических

деятеля маленькой австрийской провинции — Чехии — с редким единодушием оценивали мировую политическую ситуацию и ждали большую войну.

«Вот что значит центр Европы, — думалось Соколову. — Там, на тесном перекрестке европейских дорог, особенно остро ощущаются потоки нервной энергии, которые исходяг из мировых столиц — Петербурга, Берлина, Парижа, Вены, Лондона...»

Полковник знал из донесений агентуры в Германии и сопредельных с нею стран, что генеральные штабы в Берлине и Вене усиленно готовятся к войне. Он знал также, что Россия вступит в состояние высокой боеготовности к 1916 году. Об этом говорили на совещаниях в Генеральном штабе, об этом судили и рядили в офицерских кругах.

Соколов видел, что Балканская война, сражения которой разворачивались в эти самые дни, в частности на противоположном берегу Адриатического моря, где сербы наступали на Албанию и вот-вот должны были захватить Дураццо, могла стать детонатором большого европейского взрыва. Как военный разведчик, он привык мыслить крупными стратегическими и военно-политическими категориями, но как человек он не мог принять мысль о том, что скоро его великая Родина, которая не успела еще оправиться от позора никчемной японской войны, будет ввергнута в новые сражения. Умом он гоговился к войне и, как всякий офицер, даже рассчитывал в военное время на ускоренное продвижение по службе. Сердцем патриота он был против крови, страданий, разрушений, которые неизбежно принесла бы с собой большая европейская война.

Именно поэтому он в мирные дни стремился до конца выполнить свой долг в борьбе против таких исконных противников России, какими были немцы и австрийцы, помочь освобождению славянских братьев.

Этот день во Флоренции действительно заканчивался для него как праздник, который он заранее подготовил, как день, когда сбылись самые лучшие ожидания. Он радовался ушедшему дню и потому, что назавтра его ждало продолжение беседы с замечательным соратником — Младой, которую он глубоко уважал за ум, храбрость, славянскую национальную гордость.

Полковник искренне любовался красотой и прекрасными манерами своего очаровательного связника,

с удовольствием говорил ей комплименты. В другой обстановке и при иных обстоятельствах он был бы не прочь поухаживать за вдовушкой, если бы им, например, довелось познакомиться где-нибудь на балу. Теперь же, встречаясь с Яроушек в третий раз по долгу службы, старый гусар считал, что Млада — зависимый от него сотрудник. Поэтому полковник позволял себе флирт с нею только постольку, поскольку это было нужно для прикрытия, и сразу же дал это почувствовать связнице.

В эту флорентийскую встречу Соколов был стоек, как никогда. Его сердце осталось в Петербурге, на трибуне Михайловского манежа.

26. Флоренция, ноябрь 1912 года

С чувством радости, которое не покидало его в этот приезд в Италию, отправлялся Соколов к вечеру следующего дня к площади Микеланджело. Он взял извозчика на пустынной набережной Лунгаро, и возница повлек его в коляске серпентиной Виале дэй Колли все выше и выше.

С высоты дороги мутный Арно казался серебряным, а город вокруг собора с огромным куполом Брунеллески — покорным стадом вокруг пастыря. Как страж поднимается рядом с красным черепичным куполом мраморная колокольня Джотто, она будто из слоновой кости, инкрустированной драгоценными черно-красными камнями, — дивный Кампаниле, про который Наполеон сказал, что его надо поставить под стекло...

Дорога пошла горизонтально вдоль горы. Над коляской возвышались только мраморный фасад из пестрого

камня церкви Сан-Миниато и старые стены крепости, воздвигнутые под наблюдением самого Микеланджело. Наконец возница доставил Соколова на Пиаццале Микеланджело, где возвышается зелено-бронзовая скульптура Давида работы знаменитого флорентийца. Вокруг статуи широко раскинулась площадка, ограниченная от пропасти четким рисунком перил, за ними — только воздух и море красных черепичных крыш.

Соколов заметил у балюстрады знакомую фигуру Млады. Чешка любовалась Флоренцией, которая была дивно хороша в этот предвечерний час. Соколов отпустил извозчика и дождался, когда тот отправится на легке под гору. Затем подошел к Младе, молча поцеловал ей руку и тоже залюбовался городом, серебряной лентой Арно, противоположной цепью гор, где Фьезоле-вский монастырь поднял колокольню над развернутым полукружьем своих зданий, еле видных в дымке.

— Хорошо, что мы сегодня снова можем спокойно обсудить наши дела, — слегка опираясь на балюстраду, начала беседу Млада. — Я кое-что набросала здесь, — и она передала Соколову небольшой конверт. — Только постарайтесь спрятать это получше, а то я зашифровала доклад нашим старым шифром, который помню наизусть. Не исключено, что немцы его уже разгадали...

— Почему немцы? — нарочно спросил Соколов. — Разве австрийцы не имеют дешифровальной службы?

— Иметь-то имеют, но все самое важное посылают в Берлин. Вам не передавали еще меморандум, который подписали от австрийской контрразведки Ронге, а от германской — майор Гейе, когда он приезжал в Вену в позапрошлом году?.. Кажется, один из наших полковников в Вене по старым своим связям в Эвиденцбюро достал этот документ и передал его в Петербург...

— Нет, я не помню, — состорожничал Соколов, хотя прекрасно удерживал в памяти строки этого документа, который с прошлого года лежал в его сейфе.

— Это было в ноябре десятого года, когда в Вене закончились переговоры о сотрудничестве германской и австрийской разведок. Меморандум называется «Организация службы разведки совместно с Германией», хотя точнее его можно было бы назвать «Как германская разведка командует австрийской». Согласно одному из пунктов меморандума немцы взяли на себя руководство

«черными кабинетами» по всей территории Срединных держав. Этим делом руководит в Германии сам барон Турн-и-Таксис...

— У этой семейки столетиями накапливался опыт вскрытия чужих конвертов, — подтвердил полковник. — С самого начала организации ими коммерческой почты эти благородные господа основную прибыль получали от торговли чужими секретами, выуженными из писем. Посему нужна предельная осторожность, когда письмо идет через Германскую империю...

— Полагаю, в других империях тоже не дремлют, — лукаво посмотрела на Соколова Млада, но он успел отвести взгляд, и, помолчав, она продолжала импровизированный доклад: — Передайте полковнику Занкевичу, вашему военному атташе, что контрразведка Эвиденцбюро очень интересуется всеми его связями. Пусть он будет осторожен. Кстати, два наших друга — полковник Гавличек в Вене и пан Градецкий в Праге опять просили, чтобы Петербург не требовал вашей встречи обязательно с ними, как того хочет господин Энкель. У них, особенно у полковника Гавличка, нет возможности выезжать по первой открытке за границу под благовидным предлогом, как у меня, например. Особенно просил об упразднении личных встреч агент «Мирослав». Он очень осторожен и скрытен.

— А как поживает Филимон? Что нового у него, ведь он уже давно на нелегальном положении, — поинтересовался Соколов.

— Вроде бы все благополучно. Он особенно настойчиво работает сейчас с одним преподавателем военной школы. Все новейшие программы и уставы, которые разработал сам Гетцендорф, они пересняли на микро пленки именно в этом заведении.

— Кстати, о микро пленках. Вам не удалось достать планы новых фортов крепости Перемышль?

— Пока нет. Мы отправили вам только фотокопию с оригинала в масштабе 1 : 25 000, сделанного в 1898 году. Поверх копии были помечены чернилами данные визуального наблюдения. Вы еще не получили эту копию? Как бы она не затерялась...

— А есть ли причины для беспокойства? Когда вы отправили?

— Пожалуй, не так давно и весьма кружным путем. Один наш артист — Франц Риттер — отправился в ев-

ропейское турне, и, когда он доберется до Петербурга, знает только его антрепренер, — развела руками Яроушек.

— Наверное, стоит послать к нему нашего офицера, чтобы освободить его от тяжелой ноши... Где он теперь должен быть, как вы думаете?

— Полагаю, что он дает теперь концерты в Антверпене, а затем они собираются завернуть в Данию. Из Дании Риттер обещал отплыть прямо в Петербург...

— Боюсь, что ему придется ждать парохода до весны, — горько пошутил Соколов, — ведь пассажирская навигация на Балтийском море заканчивается в октябре, а сейчас ноябрь...

— Что вы говорите! — изумилась Млада. — Вот чего мы не предусмотрели! Как же теперь быть?

— Не волнуйтесь. Какой пароль у Риттера для связи с нами? — поинтересовался Соколов.

— Ваш человек должен подойти к нему после концерта и спросить: «Маэстро, а почему вы не играли сегодня Листа?» Риттер ответит: «Многое у Листа феноменально трудно». После этого следует еще одна фраза связника: «Надеюсь, Штраус не доставляет вам затруднений?» Мы заделали микропенки в его галстук-бабочку, которую он постоянно носит.

— Хорошо, будем считать, что это дело решено... Есть ли что-то новое в крепостных сооружениях Кракова? Или то, что вы прислали на пасху, пока не изменилось?

— В Кракове идет постоянное строительство укреплений. Австрийцы собираются сделать его опорным звеном своей обороны от вас. Мы будем присылать голубиной почтой прямо в Киев рисунки всего процесса возведенных новых фортов. Хотя ожидаются новости и поосновательней. Со следующим специальным курьером к вам поступит образец патрона и чертежи новой винтовки, которую собираются делать на оружейной фабрике в Брно. Как только выйдет первая партия, мы переправим обязательно вам пару экземпляров, — сообщила разведчица.

— Я слышал, что на машиностроительных заводах в Пльзене готовится партия новых гаубиц для Германии, — поинтересовался Соколов. — Может быть, сможете прислать фотографии? Постарайтесь, чтобы на каждом фото было только одно орудие. Особенно ценно,

если можно будет сфотографировать затвор и прицельное устройство.

— Мы имеем это в виду, Алекс, — живо откликнулась Яроушек.

— Мадам, — уважительно обратился Соколов, — что касается пропагандистов в пользу России, которые действуют в Галиции и других славянских областях империи, то ни в коем случае не приближайтесь к ним. Нам известно, что австрийская контрразведка самым внимательным образом наблюдает за ними, и нет нужды подставляться под ее сыщиков. Вы прекрасно делаете свое дело, берегитесь провала и компрометаций, а уж если что произойдет, держитесь крепко, мы постараемся вам помочь всеми силами.

— Хорошо, Алекс. Давайте следующее свидание назначим в Берне или Мадриде. В Италии становится опасно, — предложила связная. — Мы недавно узнали, как попался Кречмар. Он не входил в нашу группу, а был связан непосредственно с полковником Марченко.

— Хорошо, давайте условимся о Толедо. Приеду опять я. Что касается Кречмара, видимо, это тот служащий артиллерийского депо, из-за которого император Франц-Иосиф на приеме не подал руки Марченко?

— Да, именно он, — подтвердила Млада. — Я вам вкратце расскажу его историю, как о ней узнал Редль. Так вот, этот проныра Ронге от своих шпионов в Италии получил фотографию человека на фоне памятника Гёте в Риме и сообщение, что этот господин продал итальянцам документы Генштаба Австро-Венгрии за 2000 лир. Полгода Эвиденцбюро тайно снимало фотографические портреты всех военных и чиновников монархии и тут же сравнивало фото с тем, что было получено из Рима. В конце концов они наткнулись на Кречмара, а дальше вы все знаете...

— Да, видимо, после этого за ним установили наблюдение в Вене, и он был замечен вечером на пустынной аллее позади венского Большого рынка вместе с полковником Марченко. Тогда еще министром иностранных дел Австро-Венгрии был покойный граф Эренталь. Нам сообщали, он отнюдь не расценивал этот инцидент как трагедию. Только после того, как господа из венского Генерального штаба подняли шум, Эренталь был вынужден доложить все дело императору...

— Именно так, — подтвердила Яроушек. — Мне са-

мой вскоре предстоит одна встреча с полковником Занкевичем, преемником Марченко. Дай бог, чтобы она прошла успешно!

— Может быть, вам не надо встречаться? — спросил Соколов. — Мы можем дать команду Занкевичу отменить встречу.

— Нет! Нет! Не надо, — успокоила его Млада. — Мне нужно лично передать ему одного агента, которого лучше использовать прямо в Вене, а то наша организация слишком разрослась.

— Решайте, Млада! Если есть опасность провала, то лучше не рисковать, — продолжал настаивать Соколов. Какое-то смутное беспокойство за судьбу товарища закралось в его сознание, и он решил про себя предотвратить эту встречу...

Прогуливаясь вдоль балюстрады Пиаццале Микеланджело, словно влюбленные, разведчики условились о различных приемах телеграфной связи, об условных знаках на конвертах, способах наклейки почтовых марок особым образом, который служил одновременно кодом. Соколов передал Ярошек адреса в Брюсселе и Антверпене, которыми следовало пользоваться для пересылки сообщений в Варшаву, откуда они будут немедленно, с фельдъегерем, направлены в Петербург...

Они начали прощаться, когда к вечерней службе в церкви Сан-Миниато потянулась цепочка прихожан и ударил колокол. Ему ответил другой, внизу, во Флоренции. Третий — в Фьезоле в монастыре — еле доказал до них серебряным отзвуком.

Млада легко поднялась в коляску извозчика, который подвернулся на площади, с ненатуральной веселостью помахала Соколову рукой и отправилась навстречу своей судьбе.

У Соколова защемило сердце. Он всегда с тоской расставался со своими товарищами. Каждый раз они возвращались в пасть льва, готовую сомкнуться в любую минуту.

Уныло бил колокол Сан-Миниато. Праздник разведчика кончился. Начиналась будничная работа. Сначала доставить в целости микропленки и записать точно все

устные сообщения. Затем расшифровать донесения. Проанализировать, рассортировать по папкам. Нанести на карты. Обобщить, доложить Монкевицу, а затем начальнику Генерального штаба Жилинскому. Если прикажут — самому царю.

...Солнце зашло за горы, и Флоренция погрузилась в синюю тень. Колокол Сан-Миниато призывал на молитву. В церкви грянул орган. Осколки его звуков рассыпались в пропасти над Флоренцией.

27. Петербург, январь 1913 года

Редкий по красоте зимний день сиял над Петербургом, когда Соколов, возвратясь через Берлин и Варшаву в Петроград, оставил свой чемодан дома, наскоро поцеловал тетушку, переехавшую к нему править хозяйством после смерти мужа-чиновника, и на том же извозчике поспешил на Дворцовую площадь, в Главное управление Генерального штаба. Сугробы снега обрамляли прекрасную площадь. В лазурное небо возносилась Александрийская колонна, торжественный, словно алтарь, высился Зимний дворец, геометрически четко простиралась в противоположном от него конце площади арка Генерального штаба.

Соколов взошел в боковой подъезд, где располагался отдел генерал-квартирмейстера Данилова, коему было подчинено и разведывательное отделение, мимо бронзовой статуи Петра I и обрамляющих ее мраморных досок с перечнем побед российской армии поднялся на третий этаж. Здесь в особой, изолированной и непосредственно соприкасавшейся с кабинетом Данилова комнате размещались начальник отделения Монкевиц, его помощник Энкель и подполковник Марков, исполнявший техническую работу по делопроизводству.

Монкевиц самолично сидел за пишущей машинкой, что означало его работу над особенно секретной и ответственной бумагой, каковые он составлял и перепечатывал собственноручно. Полковник Оскар Карлович Энкель, сын какого-то важного финского барина в Гельсингфорсе и потому чрезвычайно надменный и презрительно относящийся к русским, что он, кстати, почти не скрывал, занят был начертанием карты. Стол Маркова пустовал.

— Наконец-то, наконец-то! — провозгласил Монкевиц, оторвавшись от своей машинки и поднявшись со стула. — «Из дальних странствий возвратясь, какой-то дворянин, а может быть, и князь...», — произнес он свою любимую присказку, протягивая руку.

Энкель тоже сделал вид, будто очень рад благополучному возвращению товарища из негласной командировки, таящей серьезные опасности и осложнения в случае провала. Он тоже поднялся над своей картой, когда Соколов подошел пожать ему руку.

Монкевиц отодвинул пишущую машинку в сторону, демонстрируя готовность немедленно и подробно выслушать Соколова.

— Низкий поклон вам велел передать полковник Батюшин, — начал Алексей Алексеевич, присаживаясь на стул возле стола начальника отделения. — Я останавливался в Варшаве на пару дней, чтобы обменяться новейшими данными с разведпунктом округа.

— Очень правильно вы сделали, — развел свои глаза в разные стороны Монкевиц. — Как там идут дела у наших коллег? Батюшин все так же засылает агентуру в Германию и Австро-Венгрию массами, берет, так сказать, числом, а не умением агентов? — поинтересовался генерал, перефразируя изречение Сувова.

— Да, это его метод, и, видимо, он действует очень успешно, если немцы и австрийцы панически боятся Батюшина вместе с его «стекольщиками», «точильщиками» и другими бродячими соглядатаями. Его негласная сеть доставляет множество фактических данных, которые просеивают Терехов и Лебедев. Иногда они находят прямо-таки жемчужные зерна...

— Варшава часто присылает ценную информацию, — согласился Монкевиц и перешел к существу команди-

ровки Соколова. — А как ваши успехи? Все ли удалось выполнить, как задумывалось?

— Почти все, господин генерал, — отрапортовал Соколов. Монкевиц снова блеснул в разные стороны своими глазами, так что было неясно, одобряет или сомневается он в успехе своего сотрудника. — Доложите кратко, а потом пойдем к Данилову, — предложил он. Энкель обратился снова к своей карте, но Соколов заметил, что карандаши в его руке заскользили по листу гораздо медленнее, чем прежде.

Соколов недолюбливал Оскара Карловича Энкеля за презрительное отношение к России вообще, ее неграмотности и нищете, отсутствию комфорта и горькому пьянству населения. Шведские и финские порядки, чистоту, трезвость и всеобщую грамотность низших сословий тот считал идеалом современного ведения государственных дел. Своих симпатий к Германии он не открывал, но они иногда проявлялись, когда Монкевиц или Данилов после особенно напряженных работ устраивали для разрядки нервной системы, как говаривал генерал, холостяцкие пирушки старших офицеров в каком-нибудь модном ресторане. Будучи предельно собранным и трезвым на этих обедах, переходящих в ужины, Энкель все же иногда пьянел и, бледный от алкоголя, начинал говорить только по-немецки или шведски, восхваляя железную дисциплину, установленную Бисмарком в Германской империи.

— Бисмарк надел узду на германских рабочих, они не посмеют устроить таких беспорядков, какие способны развязать русские холопы на улицах, когда казаки не помогают, — бубнил Энкель под конец вечеринки, проявляя в рассуждениях недюжинные знания экономической жизни — стоимость акций и размеры падения курсов во время крупных забастовок.

Иногда полковник Энкель игрывал в карты в доме купца первой гильдии Мануса, где собиралось высшее финансовое общество Петербурга, и после таких вечеров в суждениях Энкеля звучали отголоски мнений этих тузов по «рабочему» вопросу. На чьей стороне были симпатии Энкеля, гадать не приходилось. Соколов, которого редкие встречи с другом юности — социал-демократом, успели уже в некоторых чертах просветить относительно экономических отношений в мире, недолюбливал ретрограда Энкеля.

Сейчас Алексей, нарочито приглушив голос, так, чтобы не слышно было Энкелю в его отдаленном углу большой комнаты, начал докладывать Монкевицу результаты своей поездки.

— Встреча со связной группы Стечишина прошла хорошо. «А-17» передал, как всегда, исключительно ценную информацию. «Градецкий» и «доктор Блох» прислали с тем же связным политические обзоры. Два других агента — «Икс-8» из Генерального штаба в Вене и «Альпинист» — командир бригады в Тироле, на этот раз дали весьма добротные копии документов, в том числе германских... Наблюдения за собой не обнаружил. Вот краткий отчет, писанный мною в Варшаве и в купе поезда. — Соколов положил перед Монкевицем толстый блокнот. — Что касается авиации, то в Италии она получила неплохое развитие. Аэропланы «Бреда» заслуживают всяческой похвалы, я раздобыл их тактико-технические данные... — Несколько листов легло рядом с блокнотом.

— Очень хорошо, Алексей Алексеевич! Хочу вам сообщить, в свою очередь, что по телеграфной шифровке от «А-17» — материалы вы найдете в своем делопроизводстве — мы собирались арестовать в Варшаве Генерального штаба полковника Лайкова за передачу австрийскому агенту копии нашего мобилизационного плана. Господин Лайков, к сожалению, покончил с собой прямо перед арестом. Так что ваша венско-пражская группа опять отличилась! Поздравляю!.. Сколько вам надо времени расшифровать микро пленки привезенных донесений группы Стечишина?

— День-два, если нет других срочных поручений...

— Постарайтесь к завтрашнему утру. Все это настолько важно, что я хотел бы доложить содержание донесений генерал-квартирмейстеру Данилову, и не сомневаюсь, что он немедленно передаст их начальнику Генерального штаба, военному министру, а может быть, и его величеству...

Раздался звонок телефонного аппарата, укрепленного на стене поблизости от кресла Монкевица. Генерал живо поднялся и взял наушник.

— Монкевиц у аппарата, — начальственным тоном произнес он и тут же заговорил в совершенно другой

тональности, любезно улыбаясь и при этом несколько смущенно приглаживая волосы на макушке: — А, это вы, Игнатий Перфильевич! Рад слышать вас в добром здравии. Да, да, Оскар Карлович, как всегда, по соседству, сейчас я позову его к аппарату!

Отвернувшись от микрофона, генерал сообщил Энклею, что с ним желает говорить Манус. Полковник быстро вскочил со своего стула, снял с крючка наушник, оставленный Монкевицем. Генерал продолжал разговор с Соколовым. Алексея несколько удивил этот звонок биржевого игрока и авантюриста полковнику разведки, члену замкнутой и гордой офицерско-гвардейской касты Петербурга. Еще больше он поразился, когда краем уха услышал, что Манус зазывает Энклея, по-видимому, на ужин, на игру в карты, и генштабист с благодарностью принимает приглашение.

«Что может связывать между собой продувного купчишку и чопорного офицера Генерального штаба?» — подумалось Соколову. Он знал, что Манус владел контрольным пакетом акций Международного коммерческого банка, через который иногда переводились деньги за рубеж на нужды военных атташе, был членом правлений других банков и промышленных товариществ, обществ и предприятий. В кругах, где вращался Соколов, поговаривали, что Манус состоит в самой тесной дружбе с Распутиным, а шталмейстер двора его величества Бурдуков, приятель царя и вхожий в будуар царицы, питает к Манусу особые симпатии, прямо пропорциональные тем суммам, которые купец ему ежемесячно отваливает, как какой-нибудь содержанке. Естественно, Бурдуков отрабатывал жалованье купца влиянием в пользу Мануса на царя и царицу...

Зная многое о Манусе как одной из самых заметных личностей на биржевом небосклоне Петербурга, о его сомнительных аферах и связях, Алексей Алексеевич и его коллеги все же не подозревали об одной тайной стороне жизни этого богатого авантюриста. Игнатий Перфильевич занимал наряду со всеми своими директорскими постами высокое положение в петербургской масонской ложе «Обновители».

Манус никогда и ничего не делал напрасно: его участие в масонских церемониях и все его контакты с братьями-каменщиками были ради того, чтобы увеличивать свое огромное богатство и, может быть, на греб-

не масонства проскользнуть к власти, как это делали во Франции и Германии его коллеги-банкиры. Умножать капиталы, опутывать сетью своей финансовой паутины все новых людей, все новые заводы, фабрики и фирмы было главной страстью Игнатия Мануса.

Даже свое шапочное в прошлом знакомство с Энкелем Манус хитро использовал для своего обогащения. Он начал приглашать этого полковника к себе на карточную игру. За картами у Игнатия Перфильевича собирались богатые и влиятельные люди, для которых крупный выигрыш или проигрыш не означали почти ничего, кроме приятных или неприятных временных эмоций. Зато возможность перекинуться словом с теми, кто так или иначе определяет жизнь миллионов соотечественников, почерпнуть у них новейшую информацию, услышать здравое размышление или анализ ближайших и отдаленных перспектив на бирже привлекали за карточный стол в доме Мануса на Таврической, 36, что неподалеку от Смольного института, птиц самого высокого полета. Здесь зачастую лицезрели крупного банковского дельца Дмитрия Леоновича Рубинштейна; камергера высочайшего двора и банкира Вышнеградского; товарища * министра юстиции Веревкина, искавшего покровительства Мануса и Распутина для получения должности министра; члена Государственного совета, бывшего министра торговли и промышленности Тимашева и прочих тузов помельче. Изредка бывал здесь и сам «Старец» — Распутин.

Игнатий Перфильевич нарочно делал так, что полковнику Энкелю дважды удавалось сорвать крупный банк в винт. Тот в благодарность за «выигрыш» большой суммы поделился за легким ужином конфиденциальной информацией с хозяином дома. Эта информация отражала динамику военных заказов у некоторых крупных германских и французских фирм, с которыми Манус хотел вступить в деловые сношения. Информация оказалась точной, и Игнатий Перфильевич смог удачно сыграть на парижской и берлинской биржах.

После этого купец уже открыто привлек полковника

* Товарищ министра — соответствует современному «заместитель».

к сотрудничеству, уплатив ему из полученного барыша пятнадцать процентов. Разумеется, он объяснил смущенному партнеру по картам, каким путем тому удалось получить столь крупную сумму, исчислявшуюся несколькими десятками тысяч франков и марок. Энкелю понравился столь легкий способ зарабатывать большие деньги, тем более что офицерского жалованья ему, как и другим его коллегам по Генеральному штабу, не хватало. Если честные офицеры, нуждавшиеся по семейным обстоятельствам в дополнительном заработке, шли, как правило, читать лекции в кадетские корпуса и юнкерские училища, вели в них полевою практику или иные занятия, то русофоб Энкель предпочел продавать свои знания купцу и финансисту, не смущаясь тем, что некоторые его сведения составляют государственную тайну России.

Деловая «дружба» Мануса с Энкелем длилась уже несколько лет. Оскар Карлович все эти годы посвящал свои присутственные часы в разведывательном отделении Генерального штаба главным образом сбору по крупным таким данным, которые помогли бы успешнее проверять дела авантюристу Манусу. Вот и сейчас он, делая вид, что вычерчивает карту, внимательно прислушивался к отчету Соколова. Оскар Карлович прилагал все старания, чтобы расслышать тихий голос полковника и под видом уточнения обстановки набрасывал на поля карты некоторые из деталей, которые сообщил Соколов Монкевицу.

В числе таких технических мелочей, на которые обратил внимание Энкель, было развитие воздухоплавания в Италии, а следовательно, и возможность прибыльно вложить деньги в соответствующие акции Альфа-Ромео, ФИАТ и Бреды, вздуть цены на броню, сталь, медь и прочее сырье для военной промышленности, планировать иные прибыльные гешефты.

Энкель, как и Монкевиц, но со своих особых позиций был весьма доволен докладом Соколова, тем, что сумел услышать некоторые важные факты именно сегодня, когда его снова пригласили за карточный стол к Манусу, а значит, и на душевную беседу в кабинете хозяина. Такая встреча обычно и приносила полковнику наличные или толстый пакет акций...

28. Петербург, январь 1913 года

С удовольствием готовясь отправиться на ужин и партию в винт к Манусу, Энкель не знал, что в том же особняке за несколько часов до съезда вечерних гостей обедал с хозяином его старый знакомец Альтшиллер и что этой встрече он и обязан приглашением на Таврическую. После добротной семейной трапезы в обществе супруги хозяина и его детей, после чинного и пустого разговора за столом, во время которого каждый из присутствующих пытался демонстрировать начитанность и тонкий художественный вкус, глава семьи и его гость удалились в библиотеку.

Прихлебывая душистый ароматный мокка, выдыхая клубы сигарного дыма, дельцы, утопая в недрах кожаных кресел, повели неторопливый обстоятельный разговор. Они обсудили биржевые курсы в Петербурге и Москве, обменялись мнениями о пользе тесных контактов с германскими страховыми обществами и банками, вспомнили о русском займе, который финансовый агент Российского императорского правительства, парижский банкир Артур Рафалович распространял как раз в эти самые дни во Франции.

Собеседники коснулись и победы Балканской славянской коалиции над Турцией, проявив понимание тайных прогерманских пружин, дававших о себе знать в Болгарии при дворе царя Бориса. Эти силы были приведены в действие из Берлина и вызвали после окончания военных действий немедленное обострение отношений между бывшими союзниками — победителями Турции.

Наконец разговор приблизился именно к тому предмету, ради которого Альтшиллер прибыл к Манусу.

— Любезный Игнатий Перфильевич! — обратился гость к хозяину, улучив, по его мнению, подходящий момент. — Позвольте мне обратиться к вам как к одно-

му из столпов дружбы между германской и российской промышленностью, лицу, непосредственно заинтересованному в тесном слиянии капиталов предпринимателей Российской и Германской империй. Его величество Вильгельм хорошо знает ваш вклад в укрепление позиций германских владельцев в России, в овладении русской промышленностью и финансами...

Манус самодовольно улыбался, слушая льстивые речи Альтшиллера. Австро-венгерский подданный, известный в Петрограде как представитель германских банковских кругов, а некоторым наиболее близким своим друзьям и единомышленникам как крупный агент, если и не резидент германской и австрийской разведок, продолжал обольщать хозяина, подводя Мануса к нужному для его доверителей выводу.

— Лишь тесное сотрудничество Германии и России способно установить в Европе такой порядок, какой позволит развернуться во всем блеске способностей нам, финансистам, приведет к гармонии общественных потребностей и прогрессу культуры... — излагал свои любимые мысли Альтшиллер. — И, наоборот, столкновение германских и русских интересов в братоубийственной войне двух крупнейших и прочнейших монархий может вызвать революции и другие неисчислимые беды для власть и собственность имущих. Поражение кайзера будет означать торжество германской социал-демократии и приход ее к власти. Крах самодержавия в России настолько потрясет весь континент, что способен вызвать мятежи и бунты не только в этой империи, но и сопредельных...

Манус с интересом смотрел на собеседника, ожидая продолжения речей, которые счастливо совпадали с его собственными мыслями. Видя такое участие, Альтшиллер продолжал, все более вдохновляясь:

— Между тем самоуверенность русских в грядущей победе над Германией и Австро-Венгрией все более и более поражает. Как стало известно в Берлине, эту уверенность очень подогревает то обстоятельство, что российский Генеральный штаб от своей агентуры неплохо знает германские и австрийские силы, их планы и возможности. Если бы удалось лишить русских этой уверенности, на некоторое время прикрыть им глаза своего рода повязкой незнания, то его величество кайзер мог бы более спокойно и уверенно развивать экономические

отношения между Германией и Россией. Разумеется, он не забыл бы человека, оказавшего столь важную услугу империи, и щедро вознаградил бы его...

— Бросьте крутить, Александр Оскарович! — прищурив глаза, вдруг резко и повелительно произнес Манус. — Со мной как с деловым человеком вы можете говорить без всяких экзерсисов и уверток. Что вам, короче, надо от меня и сколько Вильгельм Второй может заплатить за это? Только учтите, что я не какой-то мелкий шпион и плату требую не в рублях или марках, а в более весомых материях. То есть мне надо влияние и пакеты акций в солидных предприятиях, освобождение товаров и зерна, которые мои российские товарищества продают в Германию, от германских пошлин и кое-что еще, чем может располагать его германское величество...

— Бог с вами, Игнатий Перфильевич! — перепугался Альтшиллер. — Я и не думал вас оскорблять недоверием... Если вы так хотите, я выскажу вам напрямую пожелания германского императора. Его величество хотел бы знать тех лиц, кто предает его самого и его державного родственника Франца-Иосифа, снабжая Генеральный штаб России секретными документами из Берлина и Вены. Особенно важно знать источники русских в Вене, поскольку именно оттуда происходит большая утечка военных и политических секретов Средних держав. В Берлине считают, что информаторами России, судя по тому, чем располагает Генеральный штаб на Дворцовой площади и что он докладывает Николаю II, могут быть какие-то высокопоставленные офицеры или даже деятели на правительственном уровне...

— Неужели наши солдафоны оказались столь расторопными? — удивился Манус. — Никогда бы не подумал!

— Что вы, Игнатий Перфильевич! — заверил его Альтшиллер. — Я давно занимаюсь... — Он замялся, ища приличный синоним слова «шпионаж» и не находя его сразу. — М-мм... изучением русской армии и просто поражен, как быстро эта армия оправилась от поражения в русско-японской войне, как скоро сделала кое-какие выводы... Если бы не известная апатия в ее руководстве... как бы это выразиться поделикатней...

— Скажите лучше, если бы не старые дураки генералы и первый из них — ваш друг Владимир Александрович Сухомлинов, который только и живет, что своим

«очаровательным демоном» — Екатериной Викторовной! — резко выпалил Манус.

— Согласен с вами, что мой друг Владимир Александрович не отдается целиком работе, как это было бы пристойно столь высокому государственному деятелю, а стремится побольше времени побыть со своей очаровательной молодой женой, потакая всем ее капризам. Но вы несправедливы, говоря, что он дурак. Его превосходительство достаточно умен для того, чтобы быть в неплохих отношениях с Вильгельмом Вторым и симпатизировать улучшению отношений с Германией в ущерб Англии и Франции. Однако, как говорится, ближе к дельцу... Хотелось бы обратить ваше внимание, дражайший Игнатий Перфильевич, на некоторые подозрения, имеющиеся у его величества Вильгельма в адрес офицеров армии Франца-Иосифа, в жилах коих течет славянская кровь, — чехов, поляков, словаков, русинов и других. Видимо, следовало бы изучить прежде всего именно эту категорию русских друзей. Ведь ни один истинно германский офицер не согласится торговать тайнами своей империи...

— Ай, бросьте, Александр! — снова перебил его хозяин дома. — За приличные деньги любой германский офицер продаст вам не только тайны, но всю свою родню с потрохами! Дело только в цене.

— А как ваш «ручной» Генеральный штаб полковник, которого я часто вижу у вас за ломберным столиком? — поинтересовался Альтшиллер, подходя к главной цели своего визита. — Есть ли у него доступ к таким сведениям, которые нужны в Берлине? Ведь он служит в отделе генерал-квартирмейстера, сиречь занимается разведкой...

Манус задумался. Он размышлял о том, стоит ли подвергать опасности свое знакомство с Энцелем, давая ему задание разузнать источник утечки секретов из Вены и Берлина, но жажда получить новые привилегии в торговле с Германией из рук самого кайзера пересилила осторожность.

— Хорошо, я поговорю с ним сегодня вечером, если он придет на партию винта, — сказал Манус и потянулся к черному эбонитовому ящику телефонного аппарата новейшей конструкции. Он попросил телефонистку соединить его с Генеральным штабом и повел с полков-

ником Энकेлем тот самый разговор, который случайно услышал Соколов.

Когда банкир повесил трубку на высокую медную вилку аппарата, Альтшиллер снова настойчиво стал поворачивать разговор на использование связей с Энकेлем в интересах кайзера.

— А что за тип этот ваш полковник? — поинтересовался Александр. — Надежны ли сведения, им доставляемые? Не заподозрит ли из разговоров с вами о сотрудничестве с германской разведкой?

— Не беспокойтесь, — самодовольно отозвался Манус, — он у меня давно на золотом крючке. Оскар Карлович, говоря о своем богатстве, ссылагается, разумеется, не на мою щедрость, которая его сделала материально независимым, а на капиталы своего папаши, который служил в Гельсингфорсе в канцелярии генерал-губернатора, занимая там какой-то важный пост. Энкель — типичный швед: презирует Россию, но побаивается ее мощи. Поэтому он сделает все, чтобы ослабить эту империю. Ха-ха-ха! Предателей Австро-Венгрии и Германии будет вынюхивать предатель России, а мы от одного получим прибыль...

Подобная ситуация весьма насмешила купца первой гильдии. Смех долго колыхал его грузное тело.

29. Петербург, январь 1913 года

Когда Соколов после доклада Монкевицу вернулся домой, тетушка подала ему поднос с письмами и визитными карточками, пришедшими, пока он был в отлучке. Среди них был конверт городской почты с письмом тайной советницы Шумаковой. Советница напоминала, что она была когда-то очень дружна с покойной матерью

Соколова, сообщала, что по четвергам у нее собирается общество молодежи, что они решили ставить любительским спектаклем «Разбойников» Шиллера и просили бы его, Соколова, как знатока германских стран и немецкого языка в особенности помочь им советом.

Соколов показал это письмо тетушке. Мария Алексеевна, старая жительница Петербурга, хотя никуда не выходила, но знала прелестно весь столичный свет и все так называемое «культурное общество».

— Сходи, Алешенька, развейся, — сказала тетушка. — Никакие там не «Разбойники», а дочь-невеста и другие барышни, которым женихов надобно. Матушку твою, царство ей небесное, Шумакова любила, а батюшке, братцу моему Алексей Алексеевичу, даже протекцию когда-то составила. Познакомишься там с интеллигентами — как это теперь называют — может быть, и не умрешь от скуки... На угощенье не особенно надейся — будут мятные пряники, мармелад, варенье, пастила — вроде бы русские лакомства, а на самом деле для экономии — эдак у самовара дешевле посидеть, чем балы да пиры устраивать...

Алексей решил пойти. Извозчик с лошадкой, запряженной в легкие горбатые санки, живо доставил его к дому на Пушкинской улице, где квартировала тайная советница. Соколов, погрешив против петербургских обычаев, диктовавших светским людям опоздание на час, почти не задержался. Но, когда он вступил в прихожую на третьем этаже высокого каменного доходного дома, все вешалки были уже заняты гимназическими пальто и фуражками, девичьими шубками на вате и дешевом меху, студенческими тужурками. Из гостиной, похожей по размерам на зал, несся нестройный хор молодых голосов. Гости располагались группками вокруг рояля и двух столов на простых, крытых ситцем диванах и креслах, на стульях или просто у подоконника. Гостиная была освещена, как, по-видимому, и вся квартира, керосиновыми лампами, зажженными по случаю «четверга» в большом количестве.

Когда Соколов появился, советница, дама рослая и полная, но, несмотря на свои объемы, исключительно энергичная, пошла ему навстречу из-за рояля, где она собиралась аккомпанировать певцу в толстовке, похожему на молодого Толстого, что на портрете работы Крамского. Соколов представился. При его появлении, свежее-

го, гладко выбритого, в вицмундире и со шпагой, все разом замолкли и обратились лицами к нему. Соколов почувствовал себя неловко, но советница пришла ему на помощь:

— Не знакомьтесь сразу со всеми — это долго и грохота стульями будет много. За разговором вокруг самовара всех и узнаете! А сейчас пошли чай пить — самовар поспел, Таня уже чай заварила...

Вошли в столовую. Советница представила Соколова дочери, сидевшей у самовара и наполнявшей разнокалиберные стаканы и чашки.

— А мы и не думали, что вы откликнетесь на нашу просьбу, — обвела Таня жестом своих друзей и подруг. — Ведь вы в таких чинах, а вот приехали помочь молодежи...

Вокруг стола уже задорно шумели гости, резко сдвигая стулья, передавая чай, обсуждая сравнительные достоинства пастилы и мармелада. Соколов сразу не охватил взглядом всех гостей, но, оборотясь от хозяйки к столу, чтобы занять место, с удивлением увидел подле свободного стула ту самую пепельную головку, которая так восхитила его во время конноспортивных состязаний в манеже. Оказалось, что это была лучшая подруга Татьяны — Анастасия. Она только что вышла из комнаты Татьяны. Простая гладкая прическа с пучком волос сзади, правильные черты лица с чуть вздернутым носиком, ясные умные серо-голубые глаза, спокойная манера общения с людьми, сдержанная улыбка и скромное, но ладное платье — все создавало образ незаурядной, обаятельной личности.

Соколов почувствовал себя как на крыльях, ему только неудобно было все время поворачиваться к соседке, чтобы еще и еще любоваться ею, говорить с ней.

Стаси, как она представилась Алексею Алексеевичу, вспоминая конный праздник, где она видела этого военного в другом, красивом гусарском мундире, на прекрасном золотистом коне, буквально перелетающем самые трудные препятствия. глядела на Соколова с восхищением.

— А почему вы теперь в другой форме? — спросила она его.

— В конкур-иппике я выступал за свой прежний полк — литовских гусар, из коего вышел в Академию Генерального штаба, — полушепотом, чтобы не привле-

катель внимания других соседей по столу, объяснил Соколов. Только теперь Стаси заметила на борту его простого вицмундира значок академии — серебряный двуглавый орел в обрамлении венка из лавровых листьев. По женской простоте она решила, что это орден, но Соколов с присущей военным дотошностью объяснил ей значение символа.

От всех своих объяснений Соколов засмутился и замолчал. Он сам не заметил, как перед ним очутился большой кусок французской булки, намазанный густо желтым сливочным маслом, и дымящийся стакан крепкого чая.

— Вы ешьте, — предложила Стаси, — и не стесняйтесь, тут все свои — Варя, Лена, Вера, Гриша, Костя, Володя, Саша... — показывала она глазами барышень и молодых людей.

Сквозь общий гам прорезался чей-то звонкий голос и попал в паузу, когда все вдруг умолкли:

— Ну вот, наконец есть между нами и представитель машины насилия — полковник, и мы можем с ним обсудить важную тему: какова должна быть армия, ежели она народная?

Кто-то счел постановку вопроса бестактной и смущенно хихикнул; кто-то бросил: «Молодец, Саша!», но оратора перебили с другого конца стола:

— Позвольте, товарищи, князь Кропоткин считает, что армии вообще не должно быть никакой!

Говоривший о машине насилия был студент, одетый с нарочитой небрежностью в синюю косоворотку, поверх которой мешковато сидела студенческая тужурка, почти проношенная на локтях, а о Кропоткине вспомнил бледный высокий студент-технолог с бородкой, росшей прямо из кадыка.

С мальчишеским жаром их перебил гимназист, который воскликнул недоуменно:

— Как никакой армии не должно быть? А стало быть, не будет и юнкерских училищ?!

Все засмеялись, потому что обнаружилось, что гимназист метит в юнкерское училище.

Молодой человек лет двадцати шести, по виду помощник присяжного поверенного или мелкий служащий банка, возмущился:

— Ну и хватил, Федя! Подай ему юнкерское учили-

ще!.. И это в двадцатом веке, когда все завоевательные войны давно отгремели!

— Теперь война немыслима! Народ не тот, он не пойдет на войну братоубийственную! Мы, пацифисты, раскроем ему на это глаза, и солдаты останутся в казармах! — подтвердил студент-технолог.

Соколов с интересом слушал молодежь.

— Помилуйте, а для чего же все вооружаются?! — возопил вдруг молчавший до сих пор Гриша, студенческий сюртук которого был сшит у отличного портного, а когда он размахивал руками от возбуждения, полы распахивались, демонстрируя белую шелковую подкладку.

«Ага, это представитель того самого богатого студенчества, коих называют «белоподкладочниками» и терпеть не могут в студенческих коммунах», — подумал Соколов, а белоподкладочник между тем продолжал:

— Пушки, накопленные в избыточном количестве, сами начнут стрелять, вооруженный мир не может долго продолжаться, иначе Европа просто разорится!..

— Коллеги, товарищи! — сказала Таня умоляюще. — Вы как на сходке: беспорядок, крики с мест... никто не слушает ораторов, а норовит высказать только свое мнение. Ведь мы пригласили к нам специалиста, представителя армии, чтобы расспросить его, задать ему вопросы, а галдим и не слушаем, что он скажет!..

«Так вот, оказывается, какие барышни-невесты здесь собираются по четвергам», — с веселой иронией подумал Соколов и приготовился участвовать в диспуте, используя весь накопленный в академии багаж знаний по военной истории.

— Давайте приступим, — продолжала призывать Татьяна, и ее наконец вроде бы послушались.

— Возможны ли теперь войны? — задал первый вопрос молчавший доселе симпатичный круглоголовый, коротко стриженный, но с пшеничными усами студент в простой куртке поверх черной сатиновой рубахи. Снова поднялся крик, через который пробился визгливый голос белоподкладочника:

— Обсудим сперва мою постановку вопроса: армия для войны или война вызывает формирование армии?

— Чушь! — резко сказал студент в потертой тулупе.

— Товарищ! Но ведь я в прошлый раз ясно доказал, что если не будет армии, то общество изживет ми-

литаризм, народ весь будет лишен зловещих инстинктов войны, а сражения просто не состоятся! Разве вы отсутствовали на моем реферате? — надрывался белоподкладчик.

— Я присутствовал, но не разделяю вашей нелепой позиции, — огрызнулся студент в тужурке, которого звали Саша. — Свою абракадабру вы можете нести только Павлу Никитичу!

При этих словах чистенько одетый господин встrepенул и снова вступил в спор:

— Я не разделяю целиком позиций анархистов, поскольку я эсер и считаю, что крестьянство должно вооружаться, чтобы противопоставить себя армии. Только революция крестьян, только крестьянские восстания оздороят атмосферу России...

— У, куда вас понесло от главной темы! — возмутился гимназист.

— Господа, начинается ерунда, — пискнула было высокая и стройная брюнетка. — Сами пригласили порядочного человека, а сами себя слушаете...

— А я говорю, что существование армии нарушает равенство в обществе! — капризно продолжал белоподкладчик.

Хозяйка дома, тайная советница, вдруг махнула на молодежь рукой и ушла от самовара. Ее ухода никто, кроме Соколова, не заметил. Полковник хотел было подняться с места, чтобы проститься с ней, но решил, что подобные церемонии здесь не приняты, и остался на своем стуле.

30. Петербург, январь 1913 года

Ужин в доме Мануса начинался довольно рано для Петербурга — около восьми вечера — и был весьма скромен для столь богатого и открытого дома, какой держал купец-хлебосол. На большом столе, сервирован-

ном дорогим серебром модных форм югенд-стиля с инициалами хозяина, расположились копченый сиг, окорок ветчины, холодная телятина, лососина под соусом провансаль, кулебяки и пирожки к бульону, фрукты, сыры и земляника из Ниццы. Посреди стола лежала искусно сплетенная гирлянда из гвоздик и зелени. Хрусталь люстр отражался в белоснежном фарфоре кувертов, играл в гранях хрустальных карафов, на каждом из которых болтался серебряный «ошейник», сообщавший, коньяк ли, водка, херес или портвейн, мадера или бургундское наполняли этот сосуд. В доме Игнатия Мануса вино в бутылках, кроме, разумеется, шампанского, никогда не подавали...

Гости дружно собирались, ибо после ужина предстояла партия в винг, модную «коммерческую» игру, приносящую отдохновение и азарт в серые будни финансовых тузов.

Еще больше гостей привлекала в этот дом возможность обсудить «в своем кругу» актуальные вопросы политики, разузнать придворные новости и обменяться впечатлениями, а иногда набросать план совместных действий в той или иной крупной финансовой афере.

В числе первых приехал камергер «высочайшего двора», директор Петроградского Международного банка Вышнеградский. Он был одним из активнейших и напористых воротил своего времени — председатель правления Общества коломенского машиностроительного завода, крупный акционер машиностроительного предприятия Гартмана, Кузнецких каменноугольных копей, тульских меднопрокатных и патронных заводов, организатор синдиката банков — именно он осуществлял «личную унию» банковских сфер с правительством и двором. Вышнеградский пользовался особым доверием императрицы Александры Федоровны из-за своих тесных деловых связей с германским капиталом и часто выполнял ее деликатные поручения, переводя золотые царские рубли многочисленной зарубежной родне бывшей принцессы Гессенской.

Не замедлил явиться и знаменитый Митенька — Дмитрий Леонович Рубинштейн, тридцатисемилетний кандидат юридических наук, директор правления Общества петро-марьинских и варвароплесского объединения каменноугольных копей, страхового общества «Волга»,

Русско-Французского банка, член правлений других подобных «русских» банков, где французские, германские, британские капиталы соединяли свою энергию для захвата русской промышленности, для выжимания пота и крови из российских трудящихся, превращения их в наемных рабов страшного братства барышников, капиталистов, гешефтмахеров.

Заскочил «на огонек» старший лейтенант гвардейского флотского экипажа Васька Кузьминский, жуир и бреттер, известный в обществе, впрочем, более всего тем, что его двадцативосьмилетняя жена Надежда была фанатичной поклонницей Распутина. Пришел и журналист, барон Унгерн-Штернберг, большой приятель австрийского военного агента майора Спанокки и давний знакомец Альтшиллера.

Пришли в этот вечер к Игнатию Перфильевичу товарищ министра Веревкин, Тимашев, оказавший в бытность свою министром торговли и промышленности немало важных услуг хозяину дома и получивший за это от него в полное владение не одну тысячу привилегированных акций банков и товариществ, где заправлял Манус. Позже всех, но почти одновременно с Энкелем прикатил на моторе, арендованном для него за счет Русского транспортного и страхового общества, председателем коего был опять-таки Игнатий Перфильевич, шталмейстер двора его императорского величества, свиты генерал Бурдуков.

Поджидая опаздывавших, общество собралось в зале между парадной гостиной и столовой вокруг стола, уставленного различными водками, настойками, наливками. На том же столе были накрыты грибочки, маринады, соленья и разные экзотические закуски заморского происхождения вроде английских консервов. Игнатий Перфильевич, понимавший толк в купеческих удовольствиях, при появлении первого гостя покинул вместе с Альтшиллером кабинет и радушеествовал в закуской зале.

Энкель, а за ним и Бурдуков внесли новый ажиотаж вокруг стола, все наперебой принялись рекомендовать им свои излюбленные напитки и закуски, которых уже довольно изрядно напробовались. Затем, предводительствуемые Манусом, гости проследовали чинно в столовую, где уселись на свои традиционные места. Не успели расположиться, как вошла хозяйка дома. Пришлось

опять вставать и раскланиваться с супругой Игнатия Перфильевича.

Разговор за столом вертелся вокруг последних светских новостей. Всех очень занимала случившаяся недавно, в октябре прошлого года, романтическая история великого князя Михаила Александровича, брата царя. История закончилась тем, что Михаил вступил в морганатический брак со своей возлюбленной, Наталией Сергеевной Шереметевской. Весь Петербург злословил по поводу великого князя, избранница которого носила по первому мужу фамилию Мамонтова, по второму — Вульферт, то бишь Волкова, а породнившись с российским императорским домом, получила фамилию Брасова. Каламбуры и эпиграммы на сей предмет сыпались как из рога изобилия, но все было достаточно пристойно — имен его величества или членов его семьи не называли, гнев царя признавали обоснованным и сочувствовали самодержцу, родня которого совсем не умела себя вести...

Утолив голод и страсть к злословию, гости стали с вождением поглядывать в растворенные двери библиотеки, в глубине которой были уже расставлены ломберные столы с нераспечатанными колодами карт. Хозяйка уловила их помыслы и поднялась от стола. Все дружно встали и выстроились в очередь поцеловать ей ручку, чтобы после этого степенно удалиться в библиотеку. Как обычно, составилось два винта — один рэббер затеяли всерьез Вышнеградский в паре с Рубинштейном против Кузьминского и Тимашева, за другой ломберный столик уселись Альтшиллер с Унгерн-Штернбергом против Бурдукова и Веревкина.

Митенька тотчас же снял свой сюртук, а Васька — вицмундир; вскоре на столе выросла груда золота и пестрых ассигнаций. Засучив по локоть батистовую рубашку на своих волосатых руках, Митенька нервно рвал и тасовал колоды. Вышнеградский в наглухо застегнутом сюртуке, напевая под нос шансонетку, играл как будто бы небрежно, но глаза его смотрели остро, внимательно, выдавали азарт, охвативший камергера. Тимашев в расстегнутой визитке, из-под которой выглядывал белый пикейный жилет, жадно смотрел на стол и изредка брал себе карту. Они играли сложный винт с прикупкой, пересыпкой и гвоздем. Никакая сила не могла отвлечь их теперь от карточного стола.

За вторым столом не играли, а баловались. Энкель решил было примкнуть к играющим, но хозяин дома знаком поманил его к себе в кабинет.

Игнатий Перфильевич уютно расположился на своем любимом кожаном диване, а Оскару Карловичу указал место подле себя, в глубоком кресле. Звонком он вызвал лакея и заказал ему кофе, сигары и ликер. Спустя минуту лакей водрузил на столик перед ними серебряный поднос, на котором в дополнение к просимому стояла сельтерская вода и большие хрустальные стаканы. Игнатий Перфильевич предложил гостю кофе и бенедиктин, себе налил на донышко стакана немного ликера, бросил ломтик лимона и залил все это сельтерской водой. Прихлебывая любимый напиток, купец щурился от удовольствия и не начинал разговора, поглядывая на Энкаля через щелочки глаз. Он дожидался, пока гость не отпил кофе, не пригубил ликера, а затем начал неторопливую беседу.

— Я полагаю, любезнейший Оскар Карлович, что не очень огорчил вас, лишив возможности загнуть карту и «подвинтить» игру... Тем более я должен отдать вам ваш процент, который намного перекроет даже самые роскошные тринадцать взяток... — лениво вымолвил Игнатий Перфильевич и так же лениво поднялся к стоящему рядом сейфу. Повернув одну из металлических шпешечек, украшавших этот громоздкий, но не без изящества сделанный стальной шкаф, окрашенный в тон дерева, которым были обиты стены кабинета, Манус вставил в открывшуюся под ней скважину небольшой ключ, повернул его, и со звоном, словно музыкальная шкапулка, отворилась массивная литая дверца.

— Люблю эту музыку, — произнес купец и достал из сейфа заранее приготовленный пакет синей, с вензелями министерства финансов, плотной бумаги.

Алчными глазами наблюдал всю эту операцию полковник Энкель. Он давно понял, что речь в этом кабинете пойдет о его гонораре за сведения, которые ему удалось собрать относительно кредита в 63 миллиона рублей, истребованного Сухомлиновым в нынешнем году на новое вооружение армии.

— Вы очень помогли своими советами, — деликатно сказал Манус, с поклоном передавая полковнику пакет. — Особенно ценно было узнать, что наше Военное министерство собирается дать большой заказ на воору-

жение ближнему к австрийскому правительству заводу Шкода. Ведь при получении такого государственного заказа акции любого предприятия взлетают вверх. В данном случае я заработал миллион чистой прибыли на операциях с акциями Шкоды. Здесь ваши пятнадцать процентов — сто пятьдесят тысяч... — Сердце Энкеля при сих словах учащенно забилося, и перед его глазами стены кабинета поплыли словно в тумане, — ...акциями Варшавско-Венской железной дороги. По вашим же сведениям, эту дорогу предназначено вскоре выкупать в казну, учитывая ее стратегическое значение, так что вы сможете получить за эти акции намного больше, чем они стоят сегодня...

Энкель едва нашел в себе силы подняться с кресла и пожать руку купца, отвалившего ему столь щедрые куртажные.

Игнатий Перфильевич сразу увидел, что он может по горячим следам требовать новых услуг. В его проворном уме созрела тотчас комбинация вопросов, которые могли помочь ему выведать имя того русского агента, который предает Срединные империи в Вене.

— Дражайший Оскар Карлович, — елеяно начал Манус, усаживаясь на свой диван и уставив на Энкеля немигающие желтые глаза, — то, что вы сейчас получили, — капля в том море денег, которые можно заработать, если знать кого-либо из венского Генерального штаба, кто мог бы сообщать нам различные актуальные сведения. Например, когда и какие заказы намерено выдать австрийское правительство тем же заводам Шкода или какие железные дороги оно намерено строить в австрийской Польше? Мы могли бы через подставных лиц брать подряды на поставки фуража или сукна на армию Австро-Венгрии.... Неужели у вас нет такого человека в Вене?

Только что полученный барыш настолько затуманил сознание Энкеля, что профессиональный разведчик не уловил подвоха в вопросах Мануса. А тот продолжал разливаясь соловьем, суля золотые горы за сведения, которые можно было бы получать через австрийский Генеральный штаб. Купец видел, что полковник вот-вот готов сдаться и высказать какие-то предложения. Он усилил свой нажим.

— Дорогой Оскар Карлович! Но если у вас никого нет на ключевых позициях в Вене, тогда, может быть,

вы составите мне посредничество с российским военным агентом в австро-венгерской столице, полковником Занкевичем — ведь он, кажется, у вас в подчинении... Может быть, он захочет заработать за здорово живешь пару сотен тысяч или полмиллиона?

— Игнатий Перфильевич! Ну какие могут быть разговоры о моем нежелании сотрудничать с вами, — смущенно начал Энкель. — Дело совсем не в том, что мое отделение не располагает агентурой в Вене. Проблема выглядит значительно сложнее. Все негласные агенты находятся на связи у офицеров в австро-венгерском делопроизводстве, — начал объяснять структуру разведки полковник, — а мы с Монкевичем — начальники отделения — знаем их только по кличкам, дабы не нарушать правила конспирации и даже случайно не провалить ценного агента. Порядок сей гарантирует, что, если к бумагам нашего отделения получит доступ некто посторонний, все равно он ничего не сможет выяснить об агентуре... Мне совсем не жалко ради отношений с вами затруднить наших самых ценных агентов добавочными заданиями, но только сообщения от них идут подчас довольно долго, так что вся коммерческая их ценность может пропасть... — оправдывался полковник.

— Не бойтесь, мой друг, — принялся успокаивать его купец, — я не буду задавать много вопросов. Иной раз один-единственный вопросик, но умело поставленный, может принести миллионы. Подумайте пока над тем, кого можете использовать для такой деликатной работы, а я попытаюсь сформулировать некоторые возникшие проблемы...

— За один-единственный вопросик — миллионы? — переспросил тупо Энкель.

— Слушайте-ка, — Манус принял такой вид, словно ему в голову пришла гениальная мысль. — А что, если мы с вами сами, минуя вашего офицера, которого зачем посвящать в суть дела, пройдем по всей почтовой линии, вплоть до получателя корреспонденции на той стороне цепочки — в Вене — и установим с ним собственные связи? А?!

— Не выйдет ничего, — упал духом Энкель, — даже если мы начнем отсюда, из Петербурга, то сможем только узнать, когда генерал-квартирмейстером будут получены деньги по статье «на известное его величеству упо-

требление», что означает скорый перевод особых сумм агенту...

— Ну хорошо, а дальше как следуют эти суммы? — продолжал выведывать свое Манус. — Давайте посмотрим на каком-нибудь примере. Может быть, мы сможем на определенном этапе подключиться к этой цепочке? Может быть, я через свой банк переведу деньги в Вену?

— Что вы?! Господь с вами! Мы сразу провалим агента. Это делается гораздо хитрее. Мы выписываем деньги офицеру из делопроизводства, он передает их специальному курьеру, задача которого — провезти всю сумму через границу куда-нибудь в Германию, а уже оттуда в обычном конверте с немецкой маркой и штемпелями этот пакет следует в Вену, на условленное почтовое отделение «до востребования»... Как видите, мы нигде не сможем подключиться к этой цепочке...

— И часто вы таким способом посылаете деньги? Неужели ничего до сих пор не пропало? — искусственно удивился Манус.

— Представьте себе, ничего не потерялось, хотя суммы, посылаемые таким способом, доходили до двух-трех десятков тысяч! Но это обычное явление: многие фирмы так же посылают деньги в конвертах, — разглагольствовал Энкель. — Одному из наших самых ценных агентов в Вене мы уже много лет посылаем гонорар именно таким образом, и всегда он получает его буквально через несколько дней.

Манус понял, что в этот раз большего он не сможет узнать от словоохотливого офицера, и решил перевести разговор на другую тему, дабы не навести Энкеля на ненужные размышления.

— Милейший Оскар Карлович! — обратился он вновь к полковнику, не забыв отхлебнуть напитка. — Подумайте все-таки в свободное от ваших многотрудных занятий время над этой проблемой, а я, со своей стороны, набросаю вам несколько вопросов, ответы на которые могли бы принести нам с вами дополнительный капитал...

Энкель, настроение которого несколько поблекло от того, что он не смог угодить до конца Игнатию Перфильевичу, обещал в кратчайшие дни изыскать возможность передать вопросник Мануса в Вену, агентуре Генерального штаба, замаскировав его под реестр для стратегического отчета военного агента.

Манус сделал вид, что дело это его больше не интересует, и принялся раскуривать сигару, обдумывая свой предстоящий разговор с Альтшиллером. В кабинете воцарилось молчание, прерываемое лишь нервными вскриками в соседней комнате, пробивающимися даже через массивные двустворчатые двери:

— Ставлю двадцать!

— Идет в пятидесяти!

— Мажете, Дмитрий Леонович?!

Раскурив от свечи свою сигару, Манус откинулся на подушки дивана и стал мысленно составлять свое резюме от разговора с Энкелем.

«Первое. Я узнал у этого рыжего чухонца, — так Манус называл про себя Энкеля, — что в Вене есть действительно несколько крупных агентов русской разведки, в том числе и среди офицеров австро-венгерского Генерального штаба.

Второе. Здесь, в Петербурге, узнать их имена невозможно, поскольку даже помощник начальника отделения зарубежной агентуры и военных агентов не знает имена негласных сотрудников, а руководит ими, употребляя псевдонимы или клички...

Третье. Он, однако, проболтался и подсказал путь, идя которым можно нащупать их важного агента в Вене...

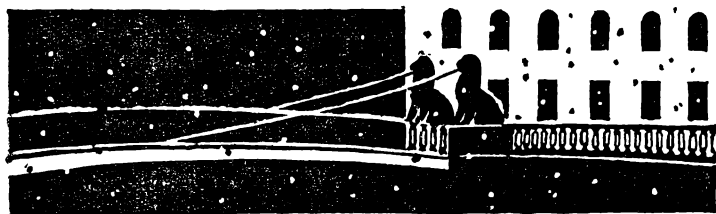
Ну, это уже что-то!» — самодовольно подумал Манус, прикидывая, какие привилегии ему можно вытребовать с германского кайзера за оказанную услугу.

Энкель, прихлебывая кофе, наблюдал, как все добрее становилось лицо купца, и радовался, что судьба столкнула его с этим хитрым и изворотливым финансистом, благодаря которому он нажил недурственное состояние, сумел приобрести поместье под Гельсингфорсом и отложить даже часть денег в стокгольмский банк — на черный день. Финляндский помещик на русской службе, он не считал свое положение стабильным и прилагал все силы к тому, чтобы ценой любой подлости и интриг приумножить свой капитал. В этом он до чрезвычайности походил на Игнатия Перфильевича, которому были нелепы и чужды какие-то там «высшие чувства» вроде патриотизма, моральной чистоты и святости долга перед отечеством. Как профессиональный разведчик, Оскар Карлович к концу разговора вполне ясно представил себе, что вопросы свои Манус ставил неспроста, что ему

надо было выведать что-то о работе русской разведки в Вене, а вот зачем это ему было нужно, Энкель еще не мог понять. Но на всякий случай он решил прикинуться простачком, рассудив, что всегда в будущем сможет продать выгоднее свои знания купцу, а на сегодня ему будет довольно и того, что он ему уже сказал. Поэтому чело полковника тоже разгладилось от морщин озабоченности, которые было затемнили его, и он улыбнулся патрону широкой и добродушной улыбкой.

— Теперь, дражайший Оскар Карлович, — поднялся Манус с дивана, — можно и перекинуться картой! Не изволите ли сыграть?

— Очень даже изволю! — игриво сделал ферт рукой Энкель и присоединился к играющим.

31. Петербург, январь 1913 года

Наконец Татьяне снова удалось всех перекричать.

— Товарищи, товарищи! Дайте же мне задать вопрос! — Она говорила, сидя рядом с самоваром, и ее щеки пылали то ли от жара «чайной машины», то ли от природного здоровья. — Господин полковник, Алексей Алексеевич! Для чего служит армия?

Стол затих в предвкушении ответа.

— Защита престола и родины есть обязанность солдата и армии! — отчеканил Соколов слова из устава.

Удеса́теренный гвалт поднялся вокруг.

— Позвольте, — оживился визави Соколова, молчавший до сих пор и похожий завитыми кудрями на приказчика в галантерейной лавке. — От кого защита? На нас никто не собирается нападать. Немцы — среди них много пролетариев и там сильна социал-демократия. Социал-демократические депутаты в рейхстаге будут голосовать против войны...

— Если их об этом спросит Вильгельм Второй, — обозлился вдруг Соколов. — Кстати, всего лишь два года назад, в 1911-м германский рейхстаг дружно проголосовал за военные кредиты!

— Помилуйте! Но ведь Карл Либкнехт и Клара Цеткин голосовали против... И мы, меньшевики, будем в Думе тоже поднимать наш голос против вооружения!

— Немец может все-таки напасть! — предположил юный гимназист, тот самый, который решил идти в юнкерское училище и презреть зубрежку по-латыни текстов Марка Туллия Цицерона и Овидия Назона.

— Устами младенца глаголет истина! — обрушился на гимназиста студент-белоподкладочник.

— Надо отобрать все оружие у армии и передать его свободному народу! — внес предложение студент-анархист.

— Кто же его освободит без нас, эсеров?! — ехидненько спросил банковский служащий.

— Перестаньте упражняться в остроумии, — преврала его Татьяна. — У нас появилась редкая возможность услышать представителя армии, мы сами так договаривались, а теперь вы не даете ему слова вымолвить, — обиделась Татьяна. — Давайте наконец спросим: от кого армия должна защищать?

Соколов всерьез воспринимал все происходящее, и ему искренне хотелось прояснить молодым людям принципы существования армии. Но озорное чувство вспыхнуло у него в душе — он давно не был в молодых компаниях, ему было интересно вызвать еще больший полемический задор и в жарком споре, где сталкиваются самые разные мнения, угадать тех, кто называет себя, как и его друг юности Саша, большевиками. На участие в споре его подогревало и соседство с Анастасией, глаза которой искрились от удовольствия наблюдать за спорщиками. Соколов лукаво прищурился ей, как бы давая знак, что его ответ будет не по существу, а ироничен, и сказал опять по-уставному:

— От врагов внешних и внутренних!

Какая буря поднялась за столом! Возмущенно заговорили все, выражая крайнюю степень протеста. Только молчавший доселе аккуратно одетый, но с мозолистыми рабочими руками черноволосый и голубоглазый, улыбчивый парень высокого роста, сидевший рядом с Татьяной, видимо, разгадал намерение Соколова подразнить

молодежь и широко заулыбался, обнажив белые ровные зубы.

Белоподкладочник надрывался больше всех, и, когда шум постепенно поутих, он овладел общим вниманием и начал развивать свою любимую тему.

— Врага внешнего теперь уже быть не может! — уверенно выразил он мнение большинства присутствующих, но вызвал этим утверждением ироническую на этот раз улыбку «мастерового», как его назвал про себя Соколов.

— Кто теперь пойдет воевать?! — снова спросил Григорий. — Разве возможны войны религиозные или династические, вроде Алой и Белой розы? Прогресс наук, развитие военной техники сделали войны абсолютно немыслимыми. Культура человечества достигла сияющих вершин, и немецкий мужик не пойдет убивать русского мужика! Лев Николаевич Толстой не случайно высказал свою глубочайшую проповедь непротивления злу насилием. Он уловил общественный дух, который господствует в мире. Никто не хочет воевать! Все люди братья, они не поднимут оружие друг против друга! Я сердцем чувствую, что не может в наше время, в двадцатом веке, существовать врага внешнего!..

— Bravo, Гриша! — поддержал его студент-анархист.

Белоподкладочник продолжал, упоенный собственной речью:

— Относительно врага внутреннего... Наш век начинается как век реформ. Семнадцатое октября, когда царь вынужден был подписать манифест о свободах, служит залогом прогресса даже нашего государства. Вообще же во многих державах в Европе уже давно нет абсолютизма и тирании, достигнуто полное равенство граждан. Все общественные конфликты в цивилизованных странах решаются не виселицами и нагайками, не бойнями и репрессалиями, но корректными запросами в парламентах и дискуссиями...

Соколов заметил, что «мастеровой» снова иронически заулыбался, и почувствовал в нем союзника по внутреннему настроению и отношению к горячим и идеалистическим речам молодежи. Соколов удивился этому обстоятельству, поскольку молодой человек был примерно такого же возраста, как и все остальные, но явно проявлял значительно больше политической и общественной зрелости, не вступая в пустые словопрения.

Гриша продолжал распинаться:

— Двадцатый век, как я уже сказал, будет веком реформ, мирных реформ и дискуссий. Только через столкновение мнений возникнет истина и человеческий гений реконструирует общество. Бернштейн и Каутский, но не Маркс и Энгельс — гении современности...

При этих словах многие выразили свое недоумение и неприятие тезиса, но Гриша продолжал:

— Скоро и в нашем обществе процветут демократические идеи, они, как птицы, пересекут все границы и облагородят крестьянина и жандарма, придворного и купца. Скоро не будут нужны ни «ваше благородие», ни козыряние, будут отменены позорные надписи на воротах парков «Собакам и нижним чинам вход воспрещен!» — все люди станут братья!

— Как, сами собой? — иронически бросил «мастеровой» в океан пафоса Гриши камень сомнения.

Григорий осекся, как будто из него выпустили воздух.

Он не смог ничего ответить, но тем не менее был награжден аплодисментами значительной части молодежи.

— Экие они все утописты, — проворчал «мастеровой» в сторону Соколова, также признав в нем серьезного человека, которого не сбить с панталыку красивой фразой.

Словно оправдывая его слова, речь стал держать Саша.

— Товарищи! — обратился он ко всем. — Я поясню, хотя у нас сегодня и не приготовлено тезисов... Мировые отношения так запутались, что правительства всех стран сочли за благо вооружиться. Войны теперь, я не соглашусь с Гришей, — кивнул он в сторону оппонента, — не только возможны, но весь мир превратился в бочку с динамитом, к которой нужно только поднести фитиль... Надо призвать все монархии и все республики, кои имеются в мире, разоружиться, перековать мечи на орала...

— Когда не будет военного сословия, когда не будет офицеров и солдат, не будет воинской повинности и военных кредитов — мир вздохнет с облегчением и не будет войн. Разве не так? Василий?! — обратился он к «мастеровому».

— Не так, Саша! — подтвердил твердо Василий. — Мы, большевики, утверждаем, что войны возникают не оттого, что накапливается вооружение — воевать можно и дубинами, — войны нужны капиталистам, чтобы

держат в узде нас, рабочих, и вас, крестьян, — обратился он к Павлу Никитичу. — Войны нужны торгашам и фабрикантам, чтобы захватывать новые рынки, войны нужны современному государству для того, чтобы отвлекать народ от классовой борьбы и занимать его чувства национальной рознью...

«Дельно выступает большевик! — с неожиданным для себя одобрением подумал Соколов. — Пожалуй, пример трагической японской войны подтверждает его слова».

Соколов решил послушать, что будет дальше высказывать весьма симпатичный ему человек, но того прервали другие молодые люди, снова загалдевшие все сразу и решившие доказать каждый свое вопреки оратору.

— Товарищи, товарищи! — перекричала снова всех Татьяна. — Мы опять отвлеклись от темы... Зачем же было беспокоить господина полковника, если вы никто не хотите послушать его мнение об армии?..

Соколову хотелось высказать свои мысли об армии. В то же время, когда он встречал внимательный взгляд соседки, робость охватывала тридцатисемилетнего полковника, как будто он в своей жизни и не командовал отделениями, эскадронами и даже полком, как будто и не бывал в опасных переделках, где один неверный шаг мог стоить ему не только свободы, но и жизни.

Пока кипели страсти и гостям было не до него, хотя, как теперь Соколов совершенно четко представил себе, его позвали именно в политический салон, на дискуссию молодых представителей разных партий, при этом явно противоправительственного направления, Алексей Алексеевич с любопытством разглядывал общество.

Как это было принято в тогдашней России, барышни сбились в одну массу, тяготевшую к хозяйке и ее дочери, располагавшимися у самовара. Большинство барышень были безразличны к спору. Они перешептывались, хихикали, толкали друг друга локтями и бросали изредка взгляды исподлобья на молодых людей. Особенное внимание привлекал блестящий мундир Соколова, и, казалось, в глазах барышень отсвечивало золото его шитья. Лишь одна Анастасия не обращала внимания на одежду своего соседа по столу, а внимательно заглядывала ему в глаза, когда обращалась с вопросом или просьбой передать что-то со стола. Этот взгляд проникал до самых

глубин души Соколова, и ему было очень хорошо, радостно и уютно в этой атмосфере жаркого молодого спора, резких выражений и азартного размахивания руками.

Бледный бородатый технолог улучил снова момент относительного затишья и, обращаясь к Соколову, воскликнул:

— Что же все-таки господин офицер скажет про армию? Нужна ли она народу или ее надо выбросить на свалку истории, как и государство?!

На этот раз все затихли, и Алексей Алексеевич, чувствуя в союзниках большевика и Анастасию, твердо начал:

— Сделать так, чтобы все государства немедленно разоружились, невозможно. Это самая настоящая утопия. Вы хотите, чтобы отказался от оружия и Вильгельм Второй, и микадо, и Франц-Иосиф Австрийский? Или, быть может, вы рассчитываете, что Британская империя утопит свое оружие и флоты в Индийском океане? Навивно!

Большевик с интересом уставился на Соколова, а Стаси, наоборот, потупила свой взор, но видно было, что речь полковника ей доставляет удовольствие.

— Равно и российская армия не собирается складывать своего оружия, особенно теперь, когда наши братья на Балканах ведут извечный спор с Оттоманской империей, поработителем и угнетателем всех своих соседей...

Но допустим, — продолжал Соколов, — что удастся договориться со всеми правительствами и дворами о разоружении... Разве нельзя воевать простейшими предметами и даже орудиями труда, например, топорами, цепями и косами? Когда военная наука еще была в зародыше...

Соколову не дал досказать мысль Гриша. Он беспардонно перебил полковника восклицанием:

— А что, разве есть и военная наука?

Татьяна шикнула на Григория, все общество поддержало ее, и белоподкладочник замолчал.

— Разумеется, — спокойно ответил Соколов и не дал прорваться в голосе своем презрению, которое овладело им против этого отпрыска богатого семейства, решившего развлечься политикой. — Военная наука не только существует и развивается многие века, но она так же

точно, как и математика. У нее есть свои теоремы, аксиомы, и как в математике Ньютон или Пифагор оставили нам свои имена в талантливых формулах, так и в военной науке Александр Македонский или Юлий Цезарь обессмертили себя творчеством в двух разделах — тактике и стратегии...

— Ха, ха, — презрительно прыснул белоподкладочник. — Нет ли у вас теоремок посвежее?!

Его никто не поддержал. «Мастеровой» с явным одобрением поглядывал на офицера Генштаба, не побрезговавшего обществом молодежи явно другого круга и спокойно излагавшего необычные мысли. Стаси тоже с живейшим интересом присматривалась к Соколову. От внимательного усердия понять его доводы она даже приоткрыла ротик с четкими контурами красивых полных губ.

— Извольте, господин пацифист! — продолжал Соколов, иронически произнеся слово «пацифист». — Сто лет назад Наполеон Бонапарт утвердил аксиому: для того чтобы победить, нужно в известном месте, в известное время быть сильнее противника. Он же добавил: большие силы всегда себя оправдывают... Ежели обратиться к японской войне, то мы в ней проигрывали сражения только потому, что надеялись на храбрость русского солдата и на русское авось. У нас не хватало пулеметов, пушек. Из рук вон плохо велось интендантство. Что касается тактики, то мы вели бой батальонами, а надо было наваливаться корпусами... Другое правило оставил нам Петр Первый — начатую победу надо довершать неутомимым, непрерывным преследованием. Пускать кавалерию и дорубать врага до конца. Батюшка Петр Великий так высказался по этому поводу: «Недорубленный лес вырастает скоро».

— Ну и наука — убивать и рубить! — взвизгнул белоподкладочник.

Барышни около самовара заохали, но в разговор вмешался Василий:

— Правильная наука. Ее надо изучать для революции, для классовой борьбы...

— Оставьте свои классы в покое, — накинулся на него эсер, — только индивидуальным террором можно воздействовать на власть...

— Никакой террор не поможет реформам! Только парламентская борьба, только Государственная дума

должна выражать мнение населения! Только свободным волеизъявлением следует добиваться перемен! — ринулся в бой меньшевик Саша.

Незаметно для большинства гостей у самовара вновь появилась хозяйка дома. Ее, вероятно, озаботил откровенно политический ход дискуссии, и на правах самой старшей за столом она прервала говоривших словами:

— Господа, довольно! Вы уже зашли слишком далеко. Поспорили, подрались, и довольно! Пойдемте в гостиную к роялю...

Было видно, что гостеприимная и благодушная к молодежи советница пользовалась всеобщей любовью.

Дискуссия прекратилась, все застолье с шумом и смехом повалило от стола в гостиную.

Соколов увидел, что здесь не принято предлагать руку соседке, выходя из-за стола, и удержался от привычного жеста. Он только любезно отодвинул стул, когда Анастасия привстала, за что был награжден белозубой улыбкой.

Потом он обратился к хозяйке, начал было благодарить за хлеб-соль, но та только развела руками, словно говоря — уж прости меня, батюшка, что я вовлекла тебя в такую сходку!

Соколов прикинул, не уйти ли ему, воспользовавшись моментом, но, когда он через плечо советницы бросил беглый взгляд в гостиную — у рояля, приготовясь петь, стояла Анастасия. Не колеблясь более, он решил остаться. Тут же ему нашлось свободное местечко неподалеку от рояля...

— Я спою вам, — Соколову казалось, что Анастасия обращается к нему одному, — романс Ивана Тургенева на музыку Абазы «Утро туманное...»

Татьяна тряхнула косой и медленно, выразительно взяла несколько аккордов. Низкий грудной голос заполнил всю гостиную.

Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые,
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.

Зачарованный звуками этого голоса, Соколов незаметно для себя оказался далеко за пределами уютного дома, где так покойно мерцали керосиновые лампы и

люстры, где замерли, затихли молодые люди, тоже заваченные талантом и обаянием певицы.

Вспомнишь обильные, страстные речи,
Взгляды, так жадно и нежно ловимые,
Первая встреча, последняя встреча,
Тихого голоса звуки любимые.

Соколов не мог понять, как юное это существо может передать одним только содроганием голоса боль, тоску великого русского человека, которому было суждено всю жизнь безбедно прокоротать на чужбине, во Франции, вдали от этих печальных нив и туманных седых рассветов и всю свою жизнь возвращаться мыслью к ним.

Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь, родное, далекое,
Слушая говор колес непрерывный,
Глядя задумчиво в небо широкое...

И снова Соколов пораился, как эти слова накладываются на его воспоминания. О, не зря он тогда, на дороге к Флоренции, в Альпах вспоминал пепельную головку, озарившую его победу на конкур-иппике, и всю свою одинокую жизнь после смерти жены, и свои негласные поездки во вражеский стан, когда никто не ждал его дома.

Потом она пела «Голодную» Цезаря Кюи на слова Некрасова, ее заставили петь еще и еще. Анастасия исполнила несколько романсов подряд, перемежая Пушкина, Тютчева, Фета... Ее голос был широкого диапазона, она с легкостью справлялась с трудными местами музыки Варламова и Кюи, Гурилева и Яковлева.

Только когда ее товарищи поняли, что певица устала, они отпустили ее от рояля. Составили хор, который тут же грянул «Дубинушку», да так звонко, что хозяйка дома в испуге оглянулась на большие напольные часы. Они показывали третий час ночи.

Гости истолковали взгляд хозяйки по-своему и стали собираться. Последовала обычная суматоха одевания в прихожей, поиски галош, муфт и башлыков. Полковник подошел к девушке и поцеловал ей руку.

— Какой сильный у вас талант, — сказал он. — Вы поете на сцене?

— Вы находите, что я уже могу? — с удивлением ответила она. — Ведь я еще только учусь в консерватории...

— Вы вполне зрелая певица... — отвечал Соколов, но тут же заметнo смутился, подумав, что эпитет «зрелая» скорее подходит для хозяйки дома, чем для цветущей девушки. — Хотя, быть может, я не совсем точно... э-э-э...

Анастасия была вынуждена прийти ему на помощь.

— Вы... не хотите ли проводить меня до дому? Я буду рада! — просто сказала она.

— Я... я буду счастлив!.. — задыхаясь, выговорил Соколов банальную салонную фразу и, сам того не замечая, ухватился левой рукой за рукоять шпаги, так что побелели костяшки пальцев. Чуть прищуренными лукавыми глазами смотрела Анастасия на Соколова: с чего бы это начал заикаться отчаянный гусар, покоривший ее своей храбростью и ловкостью еще полгода назад, во время конноспортивных состязаний в манеже?

Последними из гостей они вышли на улицу. Северная Пальмира жила своей особенной ночной жизнью.

Был изрядный мороз. Там и здесь дворники в одинаковых, русского покроя кафтанах скребли тротуары и сгребали снег в кучи. К утру они должны были закончить свою работу и теперь старались так, что на морозе от них валил пар. Изредка попадались сани с коробами для снега, лошади тоже исходили морозным паром.

Соколов и Анастасия шли по ночному городу, одетые налегке, но не замечали холода. Они вышли к Неве. Река была пуста, ее замело снегом, по нему в разных направлениях в лунном свете чернели нахоженные тропки и санные колеи. Небо вокруг луны было чистым, тускло сверкал шпиль Петропавловского собора. Ангел на куполе казался живым существом, бог весть зачем воспарившим так высоко. Ветер нес по реке поэмку, и только здесь, под холодным светом луны, в неверном сиянии которой словно плыла колоннада Зимнего дворца, Анастасия почувствовала, что продрогла.

На счастье, они издалека слышали цоканье копыт по торцам мостовой, почти чистой от снега. Вскорости подкатил лихач, на всякий случай завернувший ко двор-

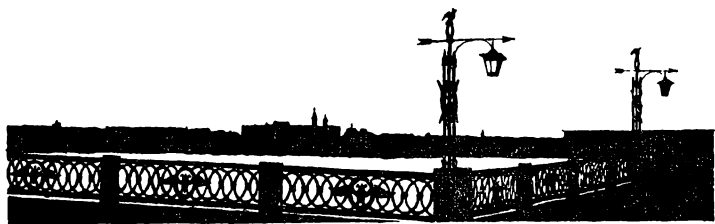
цу в надежде перехватить поздних гостей самого батюшки-царя. Соколов усадил в легкие санки свою спутницу, заботливо укрыл ее медвежьей полстью, а сам притулился с краю.

Лихач помчал так, что встречный ветер не давал им говорить. Соколов только смотрел и не мог насмотреться на девушку. Мигом пролетели санки набережную и мост, промелькнули сфинксы у Академии художеств, поднялись громады домов Большого проспекта. Свернули с него на линию и остановились на углу, напротив госпиталя Финляндского полка, как сказала Стаси.

— Дальше не надо, а то папа будет волноваться... — прошептала она и выпорхнула из-под полсти. — Я совсем согрелась...

— Где я смогу увидеть вас? — отошел от лихача Соколов на несколько шагов вслед за девушкой.

— Приходите как-нибудь на четверг к Шумаковым, я бываю у них почти каждую неделю... — Анастасия подняла на Соколова ясные глаза и лукаво добавила: — Буду рада видеть вас! Там так редко бывают лихие гусары...

32. Петербург, ноябрь 1912 года

Когда Манус и Энкель вышли вновь в библиотеку, серьезная игра, как и предполагалось, разгорелась только за столиком Вышнеградского, Рубинштейна, Кузьминского и Тимашева. Счет здесь шел на тысячи — Вышнеградский и Рубинштейн проигрывали. Вышнеградский покрылся от досады и волнения багровыми пятнами, совсем как царица в торжественных выходах при дворе или на иных общественных церемониях. Рубинштейна, видно, проигрыш просто забавлял, и он

хранил веселость даже по такой несуразной игре. Оценив ставки и настроения игроков, Манус тут же про себя предположил, что Митеньке надо было зачем-то проиграть на этот раз Кузьминскому вкупе с Тимашевым, что он и делал без зазрения совести за счет своего партнера.

Манус и сам не раз вступал в крупную игру не ради выигрыша, а для тонкого проигрыша, чтобы подобным способом вручить нужному человеку взятку. Он наловчился проигрывать незаметно для своего партнера, который обычно точно так же выходил из себя и бурно переживал каждый роббер, как это делал сейчас Вышнеградский.

«Ловок Митенька, с ним надо ухо остро держать!» — одобрительно думал Манус, присев у другого столика.

Здесь игра шла вяло, неинтересно, барон уже куда-то удалился, посему велась партия так называемого винта с болваном, когда один из партнеров — Альтшиллер — играл за двоих против Бурдукова и Веревкина. Картежники взмолились Игнатию Перфильевичу занять место Унгерн-Штернберга, но Манус отказался, и партнером Альтшиллера стал Энкель. Он деловито осведомился, сколько должен поставить на кон, но оказалось, что Альтшиллер выигрывал, так что у полковника появился шанс «подшибить детишкам на молочишко», как он выразился.

При «мелкой» игре, когда картежники не были всецело поглощены робберами, обычно велись интересные разговоры на важные темы, занимавшие умы высших придворных и правительственных кругов. Вот и сейчас партнеров нисколько не смущало, что за ломберным столиком против них сидит подданный австро-венгерского императора и короля Франца-Иосифа, вхожий в германское и австрийское посольства, вечно шныряющий во круг военного министра Сухомлинова, оказывающий какие-то темные услуги Гришке Распутину, — Александр Альтшиллер.

Альтшиллер внимательно слушал все, что говорилось в библиотеке Мануса: он явно тушевался, когда собеседники ожидали и его участия в разговоре. С заметным облегчением принял он себе в партнеры полковника, который тут же вступил в разговор, поддержав мнение Бурдукова о несвоевременности принятия Государст-

венной думой внесенного правительством законопроекта о разворачивании Большой морской программы.

— Начинать строить дредноуты в момент острого европейского кризиса, когда пороховая бочка на Балканах вот-вот взорвется, — это значит провоцировать Вильгельма Второго на войну, — авторитетно поддержал Энкель германофильские построения Бурдукова, которыми тот занимал своих партнеров в момент прихода Мануса и полковника. — Могу доверительно сообщить, что Генеральный штаб российской армии отнюдь не поддержал морского министра, когда сей муж разрабатывал свою липовую программу, — уточнил Оскар Карлович, много порадовав подобным заявлением Альтшиллера.

Товарищ министра юстиции, не разобрав до конца, о чем идет речь и каких позиций придерживаются его собеседники, брякнул по глухоте своей совсем уж черт знает что:

— Вот именно, если уж австрияки паршивые имеют свой военный флот, то России и вовсе должно быть совестно... — Чего именно следует совеститься России, Веревкин так и не уточнил, поскольку роббер уже закончился. Товарищу министра пришлось разыскивать по карманам деньги, дабы расплатиться с партнерами наличными. Альтшиллер с Энкелем поделили небольшой выигрыш, засим Игнатий Перфильевич пригласил их снова в столовую выпить чарочку.

Волнение Энкеля уже остудилось. Он решил откланяться. Его примеру последовали Веревкин и Бурдуков. Все трое отправились по домам на моторе Бурдукова.

Вышнеградский, Кузьминский и Тимашев ничего, кроме игры, не замечали. Один Митенька догадливо блеснул своими черными глазами навывкате, когда заметил, с какой деловитостью удалялись в кабинет хозяина Альтшиллер и Манус.

— Сдается мне, что вас, милостивый государь, совсем не интересует, о чем я говорил здесь с полковником? — начал беседу Манус, не скрывая ехидного самодовольства.

— Зачем же нет, драгоценный Игнатий Перфильевич! Я уверен, что вы так же блестяще, как и все остальные дела, провернули и это, — пыхнув сигарой, спокойно отвечивал Альтшиллер. — Итак, вы что-то

хотите предложить его величеству кайзеру германской империи?

— Вот именно, Александр. Мне нужен подряд на два миллиона железнодорожных шпал и плюс скидка в семьдесят пять процентов с ввозной пошлины германской империи.

— Вы уже знаете имя предателя?

— Нет, но я знаю, как его можно найти...

— Так быстро? — изумился Альтшиллер, — А ведь это очень серьезно, Игнатий!

— Как видно, не случайно я получил при крещении имя отца-основателя ордена иезуитов, — благодушно захихикал Манус, — сам Лойола не смог бы быстрее меня исповедать этого грешника Энкеля! Раз это так серьезно, то я хочу еще для своей Владикавказской железной дороги тысячу километров крупновских рельсов по отпускной цене для Германии...

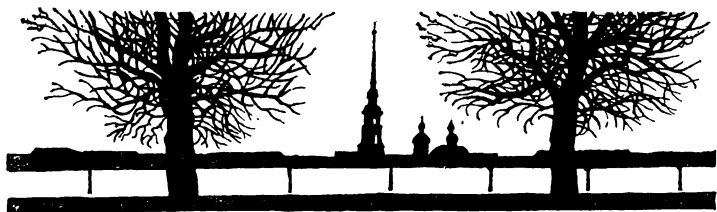
— Будет, будет тебе все, не томи только! — перешел на «ты» Альтшиллер. — Что же я могу передать в Берлинскую ложу для его высочества принца Генриха?

— Итак, брат Александр, — перешел на язык масонов Игнатий Перфильевич, — теперь слушай! У русского Генштаба есть действительно важный агент в Вене, и, по-видимому, не один. Ему или им через особого курьера передается вознаграждение на одну из железнодорожных станций в Германии, расположенную, очевидно, неподалеку от русской границы. Оттуда в немецком конверте с германской маркой деньги идут по почте в Вену до востребования. Полагаю, что сыщики в почтовом ведомстве его величества Вильгельма Гогенцоллерна работают по-прежнему исправно, так что установить персону получателя — дело мелких чиновников!

— Браво, брат Игнатий! — поаплодировал кончиками пальцев Альтшиллер. — Если тебя и дальше использовать на тучных нивах разведки...

— Ближе к делу, Александр! — холодно прервал его Манус. — Я надеюсь, что в Берлин вместе с твоим донесением пойдут и мои предложения о гонораре. Через неделю я жду в своем банке представителей ведомства путей сообщения Германии и фирмы Круппа...

Альтшиллер понял тон хозяина, молча встал и откланялся.

33. Петербург, январь 1913 года

Альтшиллер вызвал Кедрина на свидание в «свой» кабинет ресторана «Медведь». Снова был подан ужин, изысканный и обильный. На этот раз, однако, гостеприимный хозяин не стал дожидаться десерта, а начал деловой разговор между пулярдкой и стерлядью, где-то в середине трапезы.

— Любезный брат мой, — начал Альтшиллер несколько холодно, неизвестно отчего сердясь на Кедрина, — просьба его высочества принца Генриха, великого магистра Прусской ложи, наконец выполнена. Кое-что удалось узнать у одного простака из Генерального штаба. К сожалению, этот болван не в состоянии выведать подлинные имена предателей в Вене и Берлине, но он дал ниточку, следуя которой можно установить по крайней мере одного из них.

Кедрин молча слушал, уплетая жаркое из рябчиков, запивая его отменным бургундским.

— Вам придется, брат мой, под предлогом каких-либо собственных дел — причем дела должны быть настоящие, а то, не дай бог, русская контрразведка что-нибудь заподозрит — отправиться завтра же в Берлин и передать мой пакет его высочеству, Великому магистру ордена. Здесь он найдет подробный доклад о том, посредством кого удалось установить интересующее, как следовало бы вознаградить нашего друга за столь любезное вспомоществование Прусской ложе, а также суть добытых истин... Для вашего личного уведомления могу сообщить, и это на тот случай, если вам придется в силу необходимости уничтожить конверт, в коем покоится зашифрованный доклад, что на днях с одной из пограничных станций в Германии, где проходит железная дорога из России, пассажиром, следующим из Петербурга, будет брошен в почтовый ящик с адре-

сом куда-то в Берлин или Вену, до востребования, конверт или конверты с денежными суммами вознаграждения агенту. Маловероятно, что его подлинное имя будет стоять на пакете. Скорее всего его кличка или условная фраза...

— Но ведь с пограничных станций идут во все концы Германии и Австро-Венгрии сотни и тысячи писем!.. Как же найти искомое в этом огромном потоке?! — усомнился Кедрин.

— А вы что, никогда не слышали о существовании в каждой стране «черного кабинета», в обязанности коего входит негласно проверять почтовые отправления на предмет выявления крамолы, революционной заразы и прочих опасных дел — в том числе шпионажа и контрабанды?..

— Я, конечно, догадывался, что кто-то может читать чужие письма; например, ревнивый муж, конкуренты с помощью лакеев или иной прислуги, из любопытства, например, почтмейстер, как у Гоголя, помните?.. — принялся оправдывать свою наивность Кедрин. — Но чтобы это делало государство, да еще дворяне — кто бы мог подумать!

— Этого вашего Гоголя, простите, не читал, — съязвил австрийский подданный, — но уверен, что лучше всех именно немцы перлюстрируют чужие письма. Так что дело простых чиновников найти искомое...

Разговор коллег мгновенно прекращался, когда в дверь осторожно постукивали официанты и неслышно входили с кушаньями, неслышно меняли тарелки и приборы, ставили новые бутылки вин, соответствующих каждое своему блюду.

— Что же передать мне на словах его высочеству? — поинтересовался Кедрин.

Альтшиллер задумался.

— А о чем он расспрашивал вас в прошлый раз? — ответил наконец вопросом на вопрос Альтшиллер.

— О самом разном... Например, о слухах и сплетнях в русском обществе... о каких скандалах говорят больше всего... — принялся припоминать Кедрин. — О Распутине, в частности, шла речь, о его роли и скандальности этого дела для российского императорского двора...

— Вот и расскажите ему новые слухи про Распутина. Как растет его влияние в будуаре Александры

Федоровны, как беснуются поклонницы «Старца» в Петербурге...

— Александр, а что вы сами думаете по поводу положения этого шарлатана? — осмелился поинтересоваться Кедрин. Для успеха своего вопроса он тут же капнул немножко лести: — Ведь вы так близки к придворным сферам, да и с четой Сухомлиновых на короткой ноге...

Альтшиллеру и самому было приятно изображать персону важную и осведомленную в тайнах петербургского двора. Он принялся философствовать на эту тему, бывшую в российской столице излюбленной для обсуждения:

— Несомненно, что влияние этого грязного мужика на царицу и его величество покоится на какой-то магической силе, которой он явно обладает. Совершенно достоверно известно: его присутствие и какой-то особый шепот, совмещенный с массажем, удивительно целебно действуют на наследника-цесаревича. Ни для кого не секрет, что цесаревич Алексей страдает особой формой наследственной болезни, передающейся только по материнской линии, — гемофилией, или несвертываемостью крови. Любой укол, порез или даже просто ушиб вызывает у него болезненные кровоизлияния и кровопотерю. Ни один врач до сих пор не в силах был излечить мальчика. Только этот «Старец», или, как его называет царь и царица — «Наш Друг», останавливает своим заговором кровотечение у цесаревича и избавляет его от тяжелых болей во время приступов...

— Да, кое-что в этом роде я слышал... — согласился Кедрин.

— В этом и коренится причина влияния Распутина. Но представление о его решающем воздействии на российскую политику страдает чрезмерным преувеличением, — жестко и четко высказался Альтшиллер. — Впрочем, как полагает его величество кайзер, для сокрушения русского и славянского духа нам, масонам, и всем оппозиционным силам следовало бы действовать наоборот — расширять и укреплять, особенно в темном народе, это представление, могущее значительно ослабить волю русских к борьбе в грядущей битве. О, как мудры его величество кайзер Вильгельм и братья-масоны Прусской ложи...

Тут собеседники сочли необходимым пропустить по

рюмочке за мудрость его величества кайзера, после чего Альтшиллер продолжал свои разглагольствования.

Изучая русское общество, он, Альтшиллер, пришел к выводу, что император Николай взял направление на систематическое игнорирование этого общества и самых здоровых — буржуазных, финансовых — кругов его. Российский монарх создает изоляцию престола и ошибается не по настояниям Распутина или ее величества императрицы, а по «велениям своей совести», как он объясняет свою политику. Влияние «Нашего Друга» пока ничтожно в области политики и не столь уж значительно в переменах по кабинету министров. Гораздо опаснее для русского престола, что государь ощущает потребность искать опору исключительно во все более узком кругу непопулярных в народе и обществе «преданных» ему людей.

— Дикость и азиатчина российского императора выражается и в том, что он в отличие от своих королеванных родственников в цивилизованной Европе уверен, что царь, а не народ является выразителем божественного провидения, а потому только он один прав всегда. Вот что поведал Альтшиллеру самолично граф Пурталес. Как-то граф обмолвился в присутствии Николая Александровича о том, что монарху необходимо заслужить доверие народа, и это мудро делает его кузен Вилли. Его величество император российский отвечивал с мягкой улыбкой: «А не так ли обстоит дело, что моему народу следовало бы заслужить мое доверие?» Вот в этих-то словах и таится ключ к пониманию политики Николая Романова по отношению к обществу...

Кедрин сидел, с благоговейным ужасом внимая тираде австрийского подданного. Он никогда не слышал столь откровенных оценок политики императорского двора, личности монарха. Вместе с тем не мог не отдать должное прямоте и циничной точности этих оценок. Кедрин подумал о том, что ему потребуется еще много лет заниматься политикой, приобретать шлифовку и лоск в беседах с братьями-масонами, местоблюстителями важных государственных постов в империи, прежде чем он научится вот так же свободно и непринужденно изрекать глубокие формулы, касающиеся изначальных основ политики.

Он не мог представить себе, что эмиссар австро-венгерской и германской разведок, купец и финансист

Альтшиллер излагал с пафосом не собственные мысли, а удачно компилировал высказывания своих высокопоставленных друзей и партнеров по картам, таких, как Вышнеградский, Манус, Тимашев, Рубинштейн.

Раздробленный огромный клан российской буржуазии — финансовой, торговой, служивой и промышленной — весьма не одобрял поведение в государственных делах самодержца всея Руси, оберегавшего все самое отсталое и феодальное в своем государстве. Вышнеградские, Манусы, Рябушинские и Тимашевы, Рубинштейны и Унгерн-Штернберги, Бурдуковы и Веревкины хотели получить больше свободы, нет, не лично для себя, ее им хватало, и не для простого народа, которому они и не собирались ее уступать, а для своих капиталов, для своих банков, фабрик, заводов, концессий, свободы бесконтрольно хозяйничать на русской земле, как делали это их собратья в Англии, Франции, Германии и других «цивилизованных» странах Европы. Царь и его жадная придворная клика, пустоголовые и бездеятельные осколки помещичьего дворянства, алчная и насквозь прогнившая бюрократия мешали им, стискивали предприимчивость толстосумов, оборотистость лабазников, размах заводчиков, предусмотрительность финансистов.

Все империалистские устремления и аппетиты буржуазии скрывались строками уложений, сохранившихся чуть ли не от царя Петра. И если мелкие купчишки, приказчики, кабатчики и прочая «мелкота» еще самозабвенно сучили кулаки супротив «революции» и «студентиков», вздымали хоругви над охотнорядскими дружинами «Союза русского народа», упоенно орали лужеными глотками сквозь слезы благой радости «Боже, царя храни!», то крупные гешефтмахеры, сидя в роскошных кабинетах банков, конторах фабрик и товариществ, искали форм своей новой и более совершенной, чем самодержавие, организации для движения к реальной и суверенной власти его величества «российского капитала».

...Ужин продолжался деловито и неспешно. Тут же собратья послали мальчика на Невский в отделение общества спальных вагонов взять на завтра до Берлина в норд-экспрессе купе целиком, не постояв за платой. Договорились, что из Эйдкунена, германской пограничной станции, Кедрин даст в Берлинскую ложу телеграм-

му с условным текстом, любезно продиктованным в его записную книжку Альтшиллером.

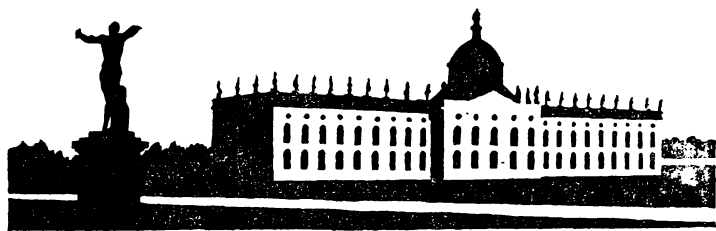
Кедрину все хотелось спросить партнера, какая же награда выйдет ему в Берлине за столь скорую доставку наиважнейших сообщений, но он решил, что ждать осталось всего пару суток и несолидно размениваться в глазах Альтшиллера на такие мелочи. Ему очень хотелось какого-нибудь германского ордена, пусть самого невысокого, и он старательно ловил момент, чтобы намекнуть об этом Альтшиллеру. Но тот, прекрасно понимая желание Кедрина завести разговор о вознаграждении, всячески уклонялся от каких-либо обещаний, переводил речь на биржевые котировки и концессии. Особенно занимало мысли Альтшиллера основание пресловутым Треповым в минувшем году акционерного общества Кузнецких угольных копей — так называемого «Копикуз».

— Ах, до чего же богата Россия за Уралом! — вздыхал Альтшиллер. — В Сибирь надо вкладывать капиталы!

При словах «В Сибирь...» задумавшийся было Кедрин вздрогнул и с наигранной веселостью перебил хозяина:

— А не закатиться ли нам к цыганам?!

— Пфуй, до сих пор не могу уяснить себе, что именно находят культурные жители Петербурга в этих диких кочевниках?! — возмутился Альтшиллер. Он наотрез отказался следовать за Кедриним в загородный ресторан, где цыгане и цыганки демонстрировали веселящемуся обществу Питера свое экзотическое искусство.

34. Берлин — Потсдам, январь 1913 года

Норд-экспресс вышел из Петербурга по расписанию в шесть часов вечера и на следующее утро ровно в предписанное время прибыл на пограничную станцию

Вержболово. Офицер пограничной стражи мельком глянул на паспорт Кедрина — Россия накануне первой мировой войны была единственной страной в Европе, где подданные, выезжавшие за границу, должны были испрашивать себе паспорт. Во всех остальных государствах паспорта были введены только после войны. Таможенники, следовавшие за пограничной стражей, также не утруждали себя досмотром пассажиров, уезжавших из России, зато они буквально набрасывались на дам и господ независимо от их чина, возвращавшихся в Россию из заграничных вояжей. Богатые и сановные путешественники везли обычно из Европы сундуки платьев, флаконы французских духов дюжинами и другую галантерею, обложенную высоким акцизом в России, но безумно дешевую, по российским барским понятиям, где-нибудь в Париже или Берлине. Ящиками ввозились в Россию консервы — весьма модные деликатесы в высшем свете, но не выпускавшиеся в империи Романовых. Даже титулованные и знатные особы из окружения царя не брезговали ввозом якобы для личных нужд, ящиков сардин, шпрот и других консервированных закусок, чтобы тут же перепродать их в Петербурге или Москве приказчикам купца Елисеева, владельцев других гастрономических магазинов или рестораторам.

Кедрин погулял в свое удовольствие по дебаркадеру, чуть присыпанному снежком, поглядел на дородных жандармов и таможенников, которые прохаживались возле вагонов второго класса, выискивая «государственных преступников», покидающих Россию по подложным документам. Присяжного поверенного внезапно охватило сладкое предчувствие награды, которая уже ждет его по ту сторону границы. Он возмечтал, что сам его величество кайзер Германии приколет к его фраку один из высших орденов Германской империи, будет долго-долго пожимать ему руку в присутствии всех придворных и говорить ласковые слова, а затем одарит его поместьем и дворянским званием.

В чистеньком и добротном Эйдкунене, едва лишь вагон замедлил свой бег, Кедрин ринулся искать отделение телеграфа. Он обнаружил его в одном из углов уютного, стерильно-чистого зала ожидания, получил бланк и торопливо, брызгая чернилами из-под старого стального пера, набросал условленный текст телеграм-

мы. Чиновник равнодушно сосчитал слова, сделал служебные пометки и неторопливо выписал квитанцию. Чтобы немного рассеяться, Кедрин отправился в буфет и спросил себе кофе с пирожными. Дебелая и рыжеволосая немка подала ароматный напиток, свежие, будто специально для Кедрина выпеченные воздушные создания, ловко сделала книксен. Адвокат из Петербурга в который раз умиленно восторгнулся германской цивилизацией и порядком, при котором каждый знал свое место и предназначение: эта девушка, например, не претендовала на большее, чем улыбка и чаевые от пассажиров, немецкий проводник, принявший на границе вагон от своего русского коллеги, — персона более высокого ранга, а следовательно, и больших материальных вознаграждений и так далее, и так далее. «Эх, нам бы такую дисциплину в народе, побольше бы было богатых людей, чем в Лондоне или Париже!» — с завистью думал Кедрин, допивая кофе со сливками и доедая кольцо из теста, начиненное взбитыми сливками.

Пребывая в состоянии полублаженства, Кедрин расплатился, не забыв дать «на чай» ровно двенадцать процентов от суммы счета, добрался до своего купе, где с удовольствием откинулся на мягкие подушки дивана. Поезд тронулся, за окном поплыл ухоженный цивилизованный пейзаж Восточной Пруссии, где каменные мызы стояли словно крепости собственности и порядка.

...На огромном перроне берлинского Силезского вокзала Кедрина встречал один из известных братьев, земельный гроссмейстер масонов Германии, капитан граф цу Дона-Шлодиен. Он занимал крупный пост во вспомогательном Генеральном штабе. Его положение позволяло иметь полное представление о сравнительной силе армий Срединных империй и Антанты, изучать их потребности в новом вооружении, а главное, влиять, что касалось Германии и Австро-Венгрии, на передачу заказов вполне определенным военным заводам, владельцы коих были членами германских или венгерских лож. Брат цу Дона-Шлодиен, чопорный и заносчивый, как все германские офицеры, принял Кедрина необычайно тепло. Он даже соизволил пожать руку петербургскому брату, а затем полуобнял его за плечи. Кедрин по российскому обычаю полез было с поцелуями, но словно натолкнулся на холодное непонимание его движению души. Пришлось

сразу же отказаться от попытки обслуживать холеную шеку графа.

Говорили по-французски, как бы подчеркивая интернационализм братства. Капитан усадил адвоката в мотор, украшенный гербами принца Прусского, и братья сначала по Хольцмарктштрассе, а затем по набережным Шпрее выехали на Унтер-ден-Линден. В самом конце ее, на правой стороне, не более чем в полуверсте от посольства российского императорского двора, в двух шагах от Бранденбургских ворот и рейхстага, возвышалось здание фешенебельной гостиницы «Адлон». Здесь в апартаментах, предназначенных для князей и президентов, германские братья и разместили Кедрина.

— Не извольте волноваться, ваши покои и стол уже оплачены, — сообщил граф, видя некоторое смущение петербургского гостя.

Кедрину предложили ужин, он просил графа разделить его с ним, но капитан, сославшись на более ранние ангажементы на сегодняшний вечер, стал собираться, а затем отбыл, пожелав брату доброго отдыха перед завтрашним днем, ибо он будет насыщен встречами с важными лицами.

На прощанье гость и капитан церемонно обменялись системой масонских паролей и вновь взаимно удостоверились, что с обеих сторон не вышло никакой ошибки. Только после этого Кедрин отдал капитану хранимый на груди под платьем конверт с шифровкой Альтшиллера, сказав, что если нужны дополнительные пояснения, то он с удовольствием их даст его величеству. Тем самым он намекнул, что рассчитывает на прием самого германского монарха, поскольку знает себе цену и может быть полезен для больших государственных дел, а не для простой передачи какой-то бумаги...

Кедрин проснулся утром довольно поздно, по-питерски, но оказалось, что из-за разницы в часовых поясах обеих столиц он угадал как раз к позднему завтраку, который в «Адлоне» специально сберегали для иностранцев, ибо истинные тевтоны, даже и благородных кровей, вставали рано, как гроссбауэры, и вкушали свой обильный мясной фрюштук до восьми часов.

Завтрак гостю подали в салон, он быстро расправился с несколькими видами колбас, яичницей, сдобными булочками, кофе, после чего был готов отдаться в руки куафюра. Берлинский фигаро, приглашенный к посто-

яльцу, принялся в просторной ванной комнате за свое ремесло. Когда он уже почти заканчивал завивку волос, в ванную скользнул лакей и осведомился, не может ли гость принять господина, который дожидается его в вестибюле гостиницы. Кедрин велел просить посетителя в гостиную и вышел спустя пару минут от парикмахера, надев визитку.

Он ничуть не изумился, увидев в кресле старого знакомого — брата Отто Фукса, великого секретаря Венской ложи.

— Я случайно узнал о вашем визите в Берлин, о достойнейший брат, — приподнявшись с кресла, согнулся в почтительном поклоне венский масон, — и не мог не засвидетельствовать вам свое почтение, благо мы живем под одной гостеприимной крышей «Адлона».

Кедрину не поверилось в случайность этой встречи, но он не подал вида, а радушно, как только мог доброжелательно поприветствовал гостя.

Подозрения русского масона оправдались, ибо почти вслед за Фуксом в гостиную вошел капитан цу Дона-Шлодиен и ничуть не удивился, увидев братьев вместе.

После взаимных приветствий капитан объявил, что его высочество принц Генрих ждет братьев в своей резиденции в Потсдаме. Кедрин испытал сразу же укол разочарования, поскольку был уверен, что его примет сам император. Он, однако, решил пока не придавать значения этому обстоятельству: вне всяких сомнений, визит к принцу будет только предварительным.

Вчерашний мотор с гербами принца на дверцах уже пыхтел у ступеней парадного подъезда гостиницы, когда гости вышли в сопровождении капитана. Уселись в авто, и он, издавая протяжные гудки, покатыл по улицам Берлина. Они кишели повозками, трамваями, моторами, пешеходами, но порядок и дисциплина на улицах были столь совершенные, что, казалось, никто здесь не мешал другому. Черный лакированный «даймлер» с коронами принца Генриха на дверцах, высокими красными колесами, с тонкими пневматиками на них, надраенным медным радиатором, огромными цилиндрами карбидных фар и небольшими каретными фонарями с хрустальными стеклами привлекал на улицах восхищенное внимание.

Видимо, Кедрину хотели показать богатство и роскошь Берлина, поэтому маршрут был несколько запу-

тан — сначала повернули направо по Унтер-ден-Линден, проследовали мимо российского императорского посольства, оставили слева библиотеку и университет, а справа — оперу и национальную галерею, мимо Замка выехали на Кайзер-Вильгельмштрассе, повернули с нее через шесть кварталов на Шпандауэрштрассе, а затем через Мюлендамм и Лейпцигерштрассе мимо огромного комплекса из трех вокзалов — Потсдамского, Ваннзее и Окружного выкатились на Потсдамерштрассе и по этой улице, переходящей в Дорогу Королей, направились в Потсдам.

Кедрин уже бывал как частное лицо в этой резиденции прусских королей. Ему удалось даже осмотреть единоразовую картинную галерею во дворце Сан-Суси, поэтому он смог приблизительно представить себе, где находится конечный пункт их поездки. Раньше он думал, что будет принят во дворце самого кайзера Германской империи, но действительность пока оказалась более скромной, чем он ожидал.

Мотор миновал центр Потсдама, где, как было известно Кедрину, стоял дворец, в коем квартировал Вильгельм Гогенцоллерн со своей семьей, повернул на одну из боковых улиц и углубился в систему дорог и аллей обширного лесопарка, окружающего Потсдам. Мимо окон «даймлера» мелькали черные стволы лип, окаймляющих дороги и дорожки, засыпанные снегом ландшафты парка. Наконец быстрый ход машины замедлился, заскрипели тормоза и кто-то снаружи распахнул дверцы. Глазам Кедрина открылось прекрасное одноэтажное здание классических античных форм. Над его строгим дорическим порталом развевался на высоком флагштоке личный штандарт принца Генриха.

Гости вошли внутрь и перед пологой лестницей, ведущей в бельэтаж, сбросили шубы на руки вышколенных лакеев. Скороход в шелковом камзоле и нитяных чулках ожидал их. Он сразу же провел посетителей в скромно отделанный зал с кремовыми гладкими стенами, по которым был пущен простой орнамент из позолоченного багета. В угловой нише с куполом небесной лазури стояла античная статуя юноши. Двери переливались светло-малиновым сафьяном, золоченые шляпки гвоздей оттеняли прямоугольные линии филенок. По стенам в тонких золотых рамах висели гравюры, изображающие античный орнамент. Кедрин с первого взгляда принял

их за масонскую символику, но затем убедился в своей ошибке.

Мебель составляли несколько простых деревянных кресел столь же благородных античных форм и высокая столешница, боковины которой были резные золоченые фигуры мифических зверей. На зверях покоилась плита розовато-коричневого мрамора, в тон простому полу, положенному из досок какого-то мореного дерева. Столешницу венчала полуметровая ваза из полированного порфира явно русской, колыванской работы. Золоченая люстра античных, но довольно вычурных форм дополняла убранство.

Кедрин, Фукс и граф были введены в зал скороходом, немедленно удалившимся. Спустя несколько мгновений, за которые Кедрин сумел только мельком оглядеть комнату, одна из малиновых дверей отворилась, и вошел деловитым шагом, без всякой величественности брат его величества кайзера — принц Генрих Прусский.

— Добрый день, господа, — начал без всякой масонской риторики великий гроссмейстер германских лож. — Рад приветствовать вас в Потсдаме!

— Добрый день, ваше высочество! — не сговариваясь, хором ответили гости и по очереди, начиная с Кедрина, двинулись к принцу для высочайшего рукопожатия. Здороваясь с капитаном, принц Генрих обвел вокруг себя взглядом, словно намереваясь сесть. Капитан понял и спокойно придвинул два легких кресла к уже стоящим у ниши двум другим. Принц сел первый, предложив садиться гостям.

— Господа, — звучно произнес он голосом, привыкшим к большим залам и аудиториям, — мне хотелось бы сообщить нашему русскому брату, что он находится в одном из замечательных дворцов Потсдама — Шарлоттенхофе. Эта жемчужина носит имя последней владелицы поместья — Шарлотты фон Гентцков. Наш дед, король Фридрих Вильгельм IV, еще будучи кронпринцем, собственноручно начертил проект дворца, и по его рисункам это палаццо построил знаменитый архитектор Шинкель. Как видите, здесь господствует строгий и экономный античный стиль... Между прочим, его величество кайзер любезно предоставил этот дворец для исполнения моих высоких обязанностей как гроссмейстера германских лож. Да простит нам наш русский брат, мы не декорировали к его встрече этот зал масонскими знаками

и не проводим ложы со всей атрибутикой. Все это не от недостатка уважения к нашим российским братьям, а от спешности его визита к нам, не позволившей заранее оповестить братьев...

— О, это такая высокая честь для меня быть принятым вашим высочеством, — забормотал Кедрин, — и я рад, что не делю ни с кем ваше высочайшее внимание...

— Ну и хорошо, — прервал принц гостя довольно невежливо.

«Как какого-нибудь лакея», — подумалось вдруг Кедрину.

— Я принял вас, чтобы выразить благодарность, которую вы заслужили, содействуя германским ложам в их печальной необходимости, — продолжал принц Генрих. — Письмо, вами доставленное, служит важным ключом к открытию тайны... Брат — секретарь венской ложы Отто также прибыл сюда, дабы засвидетельствовать уважение и признательность наших австрийских братьев. Мы исключительно высокоценим то желание следовать общности целей, которая объединяет всех вольных каменщиков независимо от подданства и географического пункта их пребывания.

Есть много тем, великих и малых, которые я хотел бы обсудить с вами, а через вас и с российскими братьями, но государственные обязанности оставили мне на это немного времени. Поэтому позволю себе быть кратким, и, надеюсь, наш русский брат простит мне непродолжительность нашей беседы...

«Когда же ты, черт бы тебя побрал, заговоришь о награде?» — думал Кедрин, незаметно оглядывая зал в поисках коробочки с орденом или иным знаком отличия. Но ничего похожего на коробочку не было ни в комнате, ни в руках принца.

— Более подробно изложат наши совместные цели и задачи братья цу Дона и Фукс, а я намерен преподнести наш дар брату Кедрину... — Тут принц два раза стукнул костяшками пальцев, унизированных перстнями с масонской символикой, о подлокотник кресла, дверь отворилась, и лакей в бело-голубом одеянии подал принцу зеленый сафьяновый портфель.

Сердце Кедрина учащенно забилося в предвкушении немислимых благ.

— В этом портфеле, — напыщенно сказал Генрих Прусский, — вы не найдете ни золота, ни серебра — этих

презренных металлов, кои вызывают мирскую суету и погоню за теньями... Здесь не столь материальные, сколь истинные духовные ценности двадцатого века...

«Неужели подsunут какую-нибудь картину?! — с душевным расстройством подумал Кедрин. — Ну и прохвосты немцы, вокруг пальца обвели».

— Эти ценности — прочные поводыя управления людьми и материалистическими благами — акции Дрезденского банка.

При этих словах принца граф и Фукс с выражением глубочайшего уважения и подобострастия обратили свои взоры на Кедрина, и из их груди вырвался согласный звук восторга: «О-о-о!»

Кедрин расстроился было почти до слез, что ему не обломилось германского ордена. Но, услышав об акциях да еще такого солидного, одного из влиятельнейших в Европе банков, счел награду вполне достойной и постепенно успокоился. Принц Генрих протянул ему портфель, Кедрин поднялся с кресла, пал на одно колено, как бы при посвящении в рыцари, и принял сокровище, упрятанное в зеленый сафьян, заодно облобызав руку дарителя.

Принц знаком поднял Кедрина на место и продолжал свою речь:

— Наш друг и брат в Петербурге (Кедрин понял, что это был Альтшиллер, который в день его отъезда, видимо, что-то дополнительно сообщил о нем в Берлин) отзывался о вас исключительно похвально. Он призывал доверять вам в мельчайших деталях. — Генрих умолк на мгновенье, облизнул губы, и, словно это движение было замечено кем-то, лакей вкатил в комнату небольшой столик, на котором были сервированы напитки. Генрих пригубил из хрустального стакана апельсиновый сок, гости тоже взяли себе по бокалу.

— Именно поэтому мы решили доверить вам идею, которая будет, безусловно, способствовать достижению целей, поставленных ложей «Обновители», а именно проникновению наших братьев к рычагам власти, ослаблению тягости самодержавного владычества над Россией и постепенному передвижению ее на рельсы конституционной монархии. — Принц замолчал и вдруг, строго глянув на Кедрина, спросил: — Как вы находите Распутина? Можно ли его использовать в целях вольного каменщичества?

— Боюсь, что он слишком темен и хитер, ваше высочество, — быстро отреагировал Кедрин. — В нашей ложе есть кое-кто, могущий на него повлиять, но сам-то Распутин не столь ключевая фигура...

— Совсем необязательно привлекать его в братство, — брезгливо сказал принц. — Можно использовать его косвенно, возбуждая русскую общественность против этого человека, делая его ошибки достоянием прессы, а его самого посмешищем и пугалом в петербургских салонах, где делают политику... Если братья, каждый в своей области, будут ежечасно и ежедневно диффамировать Распутина, возбуждать общество против него, то истинно прогрессивные силы — я имею в виду ваши конституционно-демократическую и другие серьезные партии собственников, смогут на этой критической, но отнюдь не революционной волне одержать верх и прийти к власти в империи...

— Истинно так, ваше высочество, — поддакнул Кедрин, — кадеты и октябристы, а я имею честь принадлежать к партии кадетов, — вот истинные выразители чаяний русского народа о свободе и вольном предпринимательстве.

— Если наш венценосный брат Николай не разумеет собственной выгоды или ему не дают ее понять все эти англофильствующие помещики и хлеботорговцы, окружающие самодержца, то истинно передовые общественные силы России должны показать ему правильный путь... — продолжал подстрекать своего гостя августейший шпион. Кедрин с удовольствием слушал эти речи, которые почти полностью совпадали с программой его собственной партии и с убеждениями очень многих его знакомых. Гость и хозяйева одинаково жаждали перемен в России, но только каждый в собственных интересах.

Настроение Кедрина улучшилось и от того, что он увидел в прусских братьях сильных союзников в борьбе за овладение рычагами власти в России. Здравомыслящий, он перестал в ходе аудиенции мечтать о германском ордене, предполагая, что подобная награда вызовет в Петербурге недоумение и подозрения, которые трудно будет разъяснить хотя бы другим членам Государственной думы.

Гость из Петербурга понял также, что своей беседой наследный принц прусский оказал ему высочайшее доверие, приобщил к числу своих ближайших сотрудни-

ков и направил вместе с тем через Кедрина, в определенное политическое русло всю деятельность симпатизеров германской идеи в России. Петербургский присяжный поверенный, лелея свои мысли, не забывал вместе с тем внимательно оглядывать зал, дабы впоследствии живописать прием братьям-«обновителям» и в первую голову брату Альтшиллеру. Вспомнив о нем, он спросил принца Генриха о способах дальнейших сношений с Берлинской ложей.

Великий гротсмейстер рекомендовал Кедрину для связи капитана цу Дона-Шлодиен как первоклассного знатока России и специалиста в области всех ее, как он выразился, «щекотливых династических обстоятельств».

Общая светская беседа продолжалась еще минут десять, а после нее как бы мимоходом принц рекомендовал по всем вопросам, касающимся интересов Австро-Венгрии, не затруднять перепиской брата Отто Фукса, а также сноситься прямо с капитаном цу Дона, имеющим столь же высокие степени посвящения и в Венской ложе. Брат Фукс, преимущественно молчавший, снова лишь согласно кивнул головой.

Затем принц Генрих поднялся. Перед прощанием он милостиво поручил графу показать комнаты дворца, связанные с именем великого Александра фон Гумбольдта. Знаменитый ученый и путешественник, бывая в Потсдаме, останавливался здесь по приглашению прусского короля между 1830 и 1835 годами.

Наследный принц удалился, а граф цу Дона-Шлодиен повел гостей сначала в комнату-шатер, которая была поставлена в Новом Дворце в XVIII веке, а затем перенесена в Шарлоттенхоф. Это помещение являло собой настоящий шатер, разбитый внутри просторного зала. Бело-голубые полосы составляли декор, такой же тканью была покрыта походная кровать под балдахином в углу. Два кресла средневековых форм и табурет стояли перед бюро. Гости восторженно отметили оригинальность выдумки, затем проследовали в «розовую комнату», украшенную белой с золотом мебелью античных форм и розовой стеклянной люстрой.

Экскурсия была очень мила, тем более что во дворце оказалось всего девять залов в бельэтаже, осмотренных за полчаса. В вестибюле лакеи накинули на них шубы, и посетители отправились на том же моторе

в Берлин — на обед к графу, после чего им предстояло заняться «детальями»...

После отъезда гостей принц вышел на садовую сторону из каких-то внутренних помещений дворца вместе со своим адъютантом, им подали коней, и оба всадника галопом отправились к императорской резиденции. У дворцовой коновязи напротив старой ратуши они бросили поводья дежурным конюшим, через боковой вход заспешили к кабинету кайзера на его личной половине. Вильгельм Второй уже вернулся из Берлина в свой резидентский город, сменил мундир артиллериста, в котором был с самого утра, на адмиральский сюртук и с явным нетерпением ждал прихода своего брата. Разумеется, граф Филипп Эйленбург присутствовал в кабинете.

— Удалось ли поиграть с этой русской мышкой? — с иронией обратился Вильгельм к Генриху.

— О да! Она проглотила все те приманки, которые ты так щедро подбросил ей! — в тон кайзеру ответил Генрих Прусский.

— Не жалей усилий, брат мой, для того, чтобы всеми силами расшатать мощь России перед грядущей войной. Схватка со славянством не за горами! Все средства хороши, чтобы обуздать эту чернь, — мы должны заставить даже их собственных политических лидеров служить величию Германии!

— Граф, — обратился Вильгельм к Эйленбургу, — сообщите принцу о содержании расшифрованного письма Альтшиллера... Какой молодец! Один этот венский ростовщик стоит хорошего армейского корпуса! Кстати, в Роминтене в прошлом году я просил вас усилить «черный кабинет». Как успехи моих почтмейстеров? Выловили они что-либо ценное?

— Ваше величество, отвечу сначала на ваш вопрос, — спокойно ответил руководитель разведки. — Кое-что перехвачено в корреспонденции с Францией, немного — с Англией, а в частности — мы нащупали центр британского шпионажа в Голландии... В корреспонденции из России тоже кое-что есть, однако сообщение Альтшиллера выводит нас на прямую дорогу... До сих пор попадались мелкие сплетни бояр, жуирующих на водах... Кое-что мы узнали о дислокации частей русской армии из писем офицеров своим знакомым или родственникам, обретающимся за рубежами России.

— Очень нужная работа, очень нужная... — задумался император. — Главу «черного кабинета» — государственного советника Мейера — представьте к производству в следующий чин... Особенно следить за письмами, поступающими из приграничных с Россией районов... Усиьте службу наружного наблюдения на всех станциях, расположенных не далее ста километров от границы... Тому, кто перехватит пакет для русского агента, — орден!

Пока кайзер отдавал свои распоряжения, граф Эйленбург достал из вишневой папки, лежащей на столе Вильгельма, расшифрованную криптограмму и протянул ее принцу Генриху. Когда Вильгельм замолк, принц пробежал глазами документ и не мог скрыть своего восторга. «Колоссаль, колоссаль!» — повторил он.

— Вилли, а как ты вознаградишь господина Мануса? Альтшиллер пишет, что этому финансисту нужны концессии, подряды или снижение ввозных германских пошлин для его товаров...

— Мы с графом, — кивнул Вильгельм на Эйленбурга, — решили привязать его к идее Европейского нефтяного треста. Ты помнишь, я давно хотел создать такой трест в противовес американскому «Стандард-Ойл», объединив в одну общую организацию европейские страны — производительницы нефти — Россию, Австрию с ее галицийскими нефтепромыслами, Румынию. Я хочу дать такое развитие нефтяному производству, чтобы, во-первых, оно было на благо Германии, устранив зависимость от американской нефти, а во-вторых, связать партнеров столь строгой системой коммерческих соглашений, чтобы она надолго воспрепятствовала им развивать это производство у себя в степени, превышающей нужды Германии...

— О Вилли, я помню рождение этого твоего плана, но, признаюсь, он получил теперь просто великолепные очертания... — снова восхитился принц.

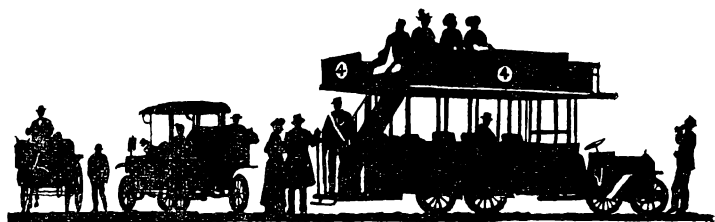
Граф Эйленбург помалкивал. Удовлетворение также было ясно выражено на его лице, ибо истинным творцом плана был именно он, удачно внушив Вильгельму идеи соперничества с Америкой за главенство на Европейском континенте.

— Что касается Мануса, то я уже написал в Петербург российскому нефтяному монополисту Нобелю, с ко-

торым полгода назад имел беседу о создании синдиката, что планирую сделать Игнатия председателем правления этого международного треста, поскольку у Мануса уже имеются пакеты акций румынских и австрийских нефтяных промыслов. Само собой разумеется, эти пакеты следует в кратчайший срок приобрести на бирже за счет сумм, выделенных Большому Генеральному штабу на подрыв экономического благосостояния противника, номинально передать их Манусу, но хранить в Немецком банке в Берлине либо в Дрезденском банке...

— Ваше величество — великий охотник! — изволил пошутить наследный принц. — Одним выстрелом вы убиваете даже не двух, а трех зайцев: первый — «Стандард-Ойл», второй — Манус и Нобель, третий — предатель в собственном стане! Браво, ваше величество!

— Ваше высочество, упомянем еще одного зверя в этой охоте, — поддержал принца Генриха Эйленбург, — русского медведя, которому на этот раз уготованы капкан и клетка, сделанные из крупновской стали...

35. Вена, март — май 1913 года

Солнышко по-весеннему припекало на берегах Дуная, в парках вовсю зеленела трава, и даже мрачный двор, где вросло в землю серое здание Эвиденцбюро, выглядел на ярком свете мирно и привлекательно.

В один из мартовских дней полковник Урбанский получил депешу из Берлина, в коей его коллега майор Вальтер Николаи извещал, что в Вену скороспешно при-

будет от него офицер связи с чрезвычайно важным сообщением.

— Опять германские коллеги хотят осчастливить нас поручением, — проворчал полковник, расписываясь на полях шифротелеграммы.

На второй день явился названный курьер, лейтенант Митцль, в сопровождении германского военного агента в Вене генерала фон Войрша. Предупрежденный о визите капрал торопливо открыл двери перед германскими гостями и провел офицеров в кабинет Урбанского.

Лейтенант Митцль водрузил свой вместительный портфель на стол полковника Урбанского, торжественно достал из него пакет, перевязанный шнуром и скрепленный пятью огромными коричневыми сургучными печатями. Взломали печати в присутствии всех трех офицеров. Из конверта был извлечен документ, который полковник Урбанский пробежал глазами стоя.

Лицо полковника, доселе радушное и даже весьма любезное, искажилось гримасой крайнего неудовольствия. Нажав на кнопку вызова адъютанта, он недовольно бросил молодому офицеру, когда тот появился спустя несколько секунд:

— Начальника отделения контрразведки ко мне, срочно!

Затем полковник Урбанский извлек из конверта с сургучными печатями маленький почтовый конверт, положил его на стол перед собой. Запыхавшись, вошел майор Максимилиан Ронге.

— Господа, садитесь, — предложил Урбанский. — Вы видите перед собой письмо тому самому предателю, которого мы так давно ищем.

Начальник Эвиденцбюро вынул из распечатанного уже почтового конверта листок с машинописным немецким текстом и изрядную пачку австрийских крон. Полковник тщательно пересчитал банкноты, пометив на отдельном листке 6 000.

— Русские щедро оплачивают своего агента! — с ноткой зависти изрек генерал фон Войрш. — За такие денежки можно торговать секретами!

— Возмутительно, но это целое состояние, господа! — не удержался от комментария и Макс Ронге.

Полковник между тем углубился в текст письма, изредка постукивая карандашом по пресс-папье.

— Наши коллеги из Берлина сообщают, — весьма торжественно начал он, — что в «черном кабинете» его величества Вильгельма Второго данное почтовое отправление из Иоганнесбурга в Восточной Пруссии показалось необычным. Во-первых, крупной суммой денег, которой явно рисковал отправитель, не объявив свое письмо ценным, а во-вторых, тем, что в нем сообщался какой-то адрес в Женеве. Все это согласно инструкции вызвало подозрение. Ронге, пометьте адрес на всякий случай и себе: Швейцария, Женева, Рю де Принс, Монкивету, Ларгье. Записали?

Видите, господа, именно здесь наши русские противники сделали, очевидно, решающий промах — в письме из восточной точки Германии призывают писать ответ даже не фирме или конторе, которая якобы высылает гонорар, а какому-то господину да еще в Швейцарии! — высказал свои догадки полковник Урбанский.

Повертев в руках конверт и посмотрев его даже на свет, начальник Эвиденцбюро недовольно поморщился и уже более спокойным тоном обратился к германскому представителю:

— Ваше превосходительство, к сожалению, сразу видно, что это письмо, прежде чем дошло до почтового окошка, побывало в слишком многих руках...

— Иначе оно не дошло бы до ваших рук, — не без ехидства ответил Урбанский и повернулся к Ронге.

— Господин майор, не сможем ли мы сфабриковать точно такой же конверт взамен истрепанного?

— Никак нет, господин полковник, но у наших германских коллег есть в Берлине отличная лаборатория, где фальсифицируются любые документы так, что самый требовательный полицейский не отличит их от подлинных... В Берлине нам еще никогда не отказывали в подобных услугах. Тем более что конверт, марки и почтовые штемпели германского производства, и коллегам легче будет найти подлинники материалов, дабы составить подделку...

Майор слегка кривил душой: лаборатория в Эвиденцбюро была ничем не хуже берлинской, однако в присутствии военного агента фон Войрша и германского курьера от самого Николаи он совсем не хотел признаваться в том, что и германские документы могут быть легко подделаны в Вене.

— Тогда отдайте все это срочно перефотографировать для будущего судебного процесса против анонимного шпиона, подготовьте сопроводительный документ, и мы с тем же любезным господином... — полковник замаялся, забыв фамилию германского курьера.

— Лейтенант Митцл, господин полковник, — подсказал ему гость из Берлина.

— ...отправим конверт обратно в Берлин.

— Хотелось бы осведомиться, господин полковник, что вы намерены предпринять далее? — обратился генерал к австрийскому контрразведчику. — Не нужна ли будет какая-либо дополнительная помощь из Берлина?

— Благодарю, господин генерал! Сотрудничество с отделом «Три Б» и майором Вальтером Николаи для нас бесценно, но предателя мы найдем сами! Полагаю, что как только мы получим из Берлина этот конверт, разумеется, в более чистом виде, — снова подчеркнул он промах германских коллег, — то в комнате на почтамте назначим непрерывное дежурство двух агентов. Из помещения, где выдается корреспонденция, в эту дежурку будет проведен электрический звонок. Как только к почтовому чиновнику обратится адресат письма — некий господин Никон Ницетас — впрочем, я полагаю, что это псевдоним, поскольку по просьбе из Берлина мы уже искали в Вене господина с таким именем и не нашли никого похожего, — мышеловка захлопнется — чиновник нажмет кнопку звонка. Пока будут выдавать конверт и делать обязательную запись в книгу, агенты примчатся в зал, последуют за адресатом и установят его личность... Остальное, господин генерал, дело прокурора и судейских...

— Надо надеяться, что мерзавца будет судить военно-полевой суд! — рявкнул генерал.

— Эксцеленц, этот вопрос будет решать его величество император Франц-Иосиф... — склонил почтительно голову начальник Эвиденцбюро.

— О, я восхищен трудолюбием вашего императора, который начинает свой рабочий день в четыре часа утра! И это в столь преклонном возрасте! — дипломатично начал восторгаться германский военный агент монархосоюзником.

Полковник Урбанский погладил свой правый ус, изобразил довольную улыбку, но то, что он услышал вслед

за комплиментом Францу-Иосифу, мгновенно стерло улыбку.

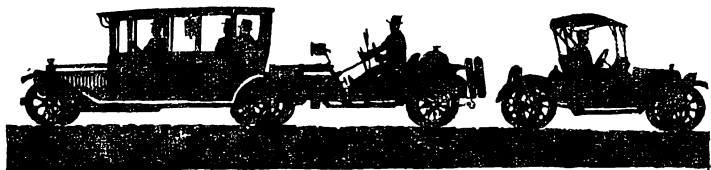
— А не полагаете ли вы, господин фон Остромиец, что может быть более чем один предатель? — брякнул вдруг генерал.

— Экселенц, трудно заранее судить о деле, когда к нему только приступаешь, — осторожно ответил контрразведчик. — По данным вашего отдела «Три Б» и нашего Эвиденцбюро, Петербург располагает важной информацией как об императорской и королевской армиях, так и о доблестных вооруженных силах Германии. Мы не собираемся свертывать нашу контрразведку после поимки одного предателя, но продолжим ее и далее... Полковники Батюшин в Варшаве, полковник Галкин в Киеве, генерал Монкевиц в Петербурге, а также военные агенты в Берлине и Вене, вероятно, будут и дальше напрягать свои усилия. Вы видите, — полковник приподнял пачку денег над столом, — с какой щедростью русская разведка расплачивается со своими людьми, а мы...

— О, полковник! — перебил его военный агент. — В Петербурге тоже, наверное, считают, что наши разведорганы щедро расплачиваются за услуги, а у них самих нищенский режим и мало ассигнований!.. В негласной работе так всегда было и будет... Нам же этот случай нужен еще и затем, чтобы доказать кое-кому, что противник щедр, а посему и нам следует добавить на секретную агентуру...

— Вы правы, генерал, — улыбнулся Урбанский, — я уже раздумывал над тем, как использовать столь высокий гонорар русскому агенту, дабы доказать необходимость новых дотаций нашему бюро.

Лейтенант слушал разговор с безразличным видом и оживился только тогда, когда майор Ронге вернулся в кабинет начальника с переснятыми документами в руках. Обращение коллегам в Берлин с просьбой подделать конверт было также готово, полковник Урбанский подписал его. Адьютант полковника принес сургуч и печать, зажгли свечу и стали опечатывать конверт. Процедура заняла несколько минут. В воздухе появился запах смолы. Конверт исчез в объемистом портфеле берлинского курьера, и германские офицеры откла-
нялись.

36. Вена, март — май 1913 года

...Ровно через три дня лейтенант Митцль вновь вошел в кабинет полковника Урбанского, на этот раз без военного агента. Из пакета, доставленного в том же объемистом портфеле, было извлечено письмо: «Господину Никону Ницетас, Вена, Главный почтамт, до востребования», — на сей раз в чистом конверте, с двумя почтовыми марками, наклеенными точно так же, как и на оригинале: одна выступала за край конверта.

Полковник оглядел конверт со всех сторон, вложил его в картонную папку и вручил Ронге.

— Приступайте, как мы договорились!..

Когда Ронге собирался выйти из кабинета, Урбанскому пришла вдруг в голову мысль.

— Минуту, Максимилиан! — остановил он майора. Полковник любил в отсутствие чужих немного пофамльярничать с подчиненными, демонстрируя им свое расположение. — Кто из полицейских чиновников будет назначать сыщиков на почтамт?

— Доктор Новак, господин полковник! — ответил недоуменно Ронге.

— Не забудьте порекомендовать соответствующему ведомству перевести этого господина сразу после начала операции в какое-нибудь другое министерство! Разумеется, с повышением. Новые впечатления отвлекут его от размышлений, зачем понадобились агенты у окошка выдачи корреспонденции «до востребования». Он тогда не сможет проболтаться. Не исключено, что русские агенты есть и в полиции!

В первые дни после того, как конверт был положен в соответствующее окошечко, полковник Урбанский, майор Ронге и агенты, дежурившие на почтамте, находились в постоянном напряжении. Но за письмом из

Восточной Пруссии никто не приходил. Тянулись дни, недели.

По приказу Урбанского контрразведка установила осторожное наблюдение над другим концом следа — в Женеве. Бригада лучших сыщиков была направлена в Швейцарию с заданием изучить связи и саму личность монсеньера Ларгье. Результат оказался весьма значительным, как и следовало ожидать.

Эвиденцбюро установило, что монсеньер Ларгье — лицо не мифическое, как можно было бы предположить, а реально существующий капитан французской разведки, вышедший в отставку и удалившийся на покой в курортную Женеву. Дабы скрасить себе остаток дней участием в любимой работе, заодно получать солидную прибавку к пенсии, он подрядился служить «почтовым ящиком» для французской и русской разведок.

Несколько дней Урбанский и Ронге сидели, запершись в кабинете полковника, разрабатывая планы компрометации Ларгье перед швейцарскими властями и его высылки из страны. Дело усугублялось тем, что вместе с Ларгье работала большая группа швейцарцев, немцев, французов и итальянцев. Агентам Ронге удалось узнать, что у отставного капитана были два главных помощника — Розетти и Росселет.

По предложению Урбанского детально спланировали операцию, в которой следовало добыть компрометирующие материалы об исполнителях в группе Ларгье — унтер-офицере армии Швейцарской конфедерации Петрилла и цюрихском купце Трокки, а затем подбросить эти сведения швейцарской контрразведке.

Эвиденцбюро только-только начало разворачивать работу по делу Ларгье, как в Вене разразился скандал. Он имел свою историю.

...В январе 1910 года служащий артиллерийского депо Кречмар был арестован у себя на венской квартире. Кроме обыска у Кречмара, был произведен также налет на квартиру его зятя-фейерверкера *. На двух пролетках в Эвиденцбюро сыщики доставили материалы, которыми тут же занялась специально составленная военная комиссия. Разобрав найденные документы, комиссия установила, что Кречмар начиная с 1899 года оказывал услуги русской разведке через военного агента в Вене,

* Фейерверкер — офицерский чин в австрийской артиллерии.

с 1902 года — помогал французам, а с 1906 года — продавал копии похищенных бумаг итальянскому Генеральному штабу, зарабатывая в год тысяч по пятьдесят крон.

За свое доверие к Кречмару заплатился отставкой его лучший друг — управляющий морским арсеналом, на зятя был наложен крупный штраф за пособничество родственнику, а пяти офицерам артиллерийского депо, проявившим ротозейство, предложили выйти в отставку и заплатить крупные штрафы.

Полковник Урбанский доложил все дело министру иностранных дел графу Эренталю, но лощеный дипломат, для которого агентурная работа была всегда пугалом, отнеся к инциденту, в котором был замешан русский военный агент в Вене полковник Марченко, весьма либерально. Министр не захотел делать резких представлений посольству. Он только дал понять тогдашнему поверенному в делах России Свербееву, что желателен уход в отпуск полковника Марченко без его возвращения в Вену.

Марченко, который еще не знал о провале агента, поразмыслил над предупреждением, однако решил все же побывать на предстоящем придворном балу, чтобы попытаться определить, насколько тревожна складывающаяся обстановка.

Резонанс от «дела Кречмара» оказался весьма значительным. Марченко, как обычно, стоял на балу в группе военных агентов, разодетых в парадные мундиры и при всех орденах. Дождались выхода восьмидесятилетнего императора, который своей шаркающей походкой обходил сперва строй послов и военных агентов.

Щелкнув каблуками, Марченко, как и его коллеги, при приближении императора вышел на шаг из строя и протянул для рукопожатия руку Францу-Иосифу. Старец в белом мундире, еле передвигающий ноги и машинально приветствующий гостей, дернулся, как ужаленный, увидев военного агента российского императора. Он убрал за спину свою костлявую руку и сквозь густые бакенбарды прошамкал, брызгая слюной, не выговаривая буквы:

— Стыдитесь, господин офицер! Запятнать честь мундира шпионажем!

По залу вихрем прокатился шепот голосов. Марченко покраснел и, вызываясь повернувшись спиной к императору, стал пробираться через толпу к выходу. Он

покинул Вену на следующий день, но вместе него прибыл сюда не менее опасный для Австро-Венгрии новый руководитель агентуры, полковник Занкевич.

По тогдашним дипломатическим обычаям, полицейское наблюдение за военным агентом устанавливать было неприлично, но майор Ронге на свой страх и риск пустил за русским разведчиком бригаду вышколенных сыщиков. Занкевич был хитер и нахален. Он не бегал по темным аллеям парка на встречи с малоценной агентурой и не расшифровывал свои связи с военными.

В первый год своей работы в Вене он очень досаждал австрийцам крайней любознательностью. Регулярно, 2—3 раза в неделю он появлялся в бюро дежурного генерала военного министерства и один задавал втрое больше вопросов, казалось бы, ничего не значащих, чем все остальные военные агенты, вместе взятые. Зато сумма выясненных деталей давала ему ценную информацию.

На маневрах он вел себя вызывающе, фотографируя портативным американским фотоаппаратом «Экспо» все, что можно, и особенно — что нельзя. Он регулярно объезжал под предлогом дачи заказов военные фабрики, выяснял их мощности якобы для того, чтобы узнать, как скоро может быть выполнен заказ России. И фабриканты клевали на эту приманку, рассказывая подробно о своем производстве, планах и новых изделиях.

Но вот теперь, в апреле 1913 года, трехлетнее наблюдение за полковником начало приносить свои плоды. То ли полковнику приелись его конспиративные трюки и он стал действовать еще нахальнее, то ли в атмосфере сгустившихся приготовлений к войне агенты наружного наблюдения стали работать острее, но начиная с марта выяснилось, что полковник Занкевич дважды тайно появлялся на квартире отставного фельдфебеля Артура Итцкуша. Кроме того, он подозрительно регулярно встречался с братьями Яндрич, один из коих был обер-лейтенантом и слушателем военной школы, а второй — лейтенантом в отставке. Установили также, что Занкевич вовлек в секретную информационную деятельность отставного агента полиции Юлиуса Петрича и крупного железнодорожного чиновника Флориана Линднера.

Эвиденцбюро пришло к выводу, что все нити от этой агентуры ведут к полковнику Занкевичу, и решило нанести удар. Итцкуш, братья Яндричи, Петрич и Линд-

нер были арестованы, но полковник остался недосыгаем по причине дипломатической неприкосновенности.

Начальник Генерального штаба Конрад фон Гетцендорф поручил майору Ронге сообщить об арестах министру иностранных дел Бертольду, который заменил на посту покойного графа Эренталя. Когда Ронге окончил свой доклад в резиденции министра, граф Бертольд от изумления превратился «в соляной столб», как рассказывал Урбанскому сам Ронге. Выйдя из этого состояния, граф со вздохом согласился сделать представление русскому посольству. Скандал выплыл наружу. Эвиденцбюро торжествовало — маленькая, но победа одержана над русской разведкой, ее официальный резидент скомпрометирован, а за его преемником можно уже на законных основаниях было с первых дней установить правительственное наблюдение.

Мировая война приближалась, ее тучи уже сгушались в небе Европы, и в свете зарниц то и дело представляли высвеченные мертвенным светом трагические фигуры тех, кто стал первыми жертвами в ожесточенных сражениях разведок, начавших свою войну задолго до всемирной грозы. Теперь в столице Дунайской монархии назревал новый скандал, масштабы которого было трудно даже и предположить.

...Проходили недели. В окошечко «до востребования» господин Ницетас так и не обращался. Контрразведчики ломали себе голову в догадках, почему же получатель столь высокого гонорара не приходит за ним. Урбанский и Ронге уже стали высказывать подозрение, что высылка полковника Занкевича напугала агента и он отложил до лучших времен получение своего письма, о коем, совершенно очевидно, был извещен по другому каналу.

12 мая в Вену вновь примчался берлинский курьер лейтенант Митцль. К удивлению Эвиденцбюро, в котором интерес к письму из Иоганнесбурга уже угасал, он привез новый пакет на имя Никона Ницетаса.

На этот раз коллеги из германского «черного кабинета» не доставили хлопот венцам, поскольку почти не затрепали конверт. Как и прежде, на нем была замечена условность — одна из двух марок была наклеена так, что ее кончик как бы свешивался за край конверта. Судя по штемпелям, письмо было опущено в Берлине 10 мая и вскоре попало в поле зрения чиновника «черного кабинета».

«Уверенно работают в Берлине, — озабоченно подумал Урбанский, оглядывая конверт. — Наши цензоры возились бы неделю, чтобы выловить такую рыбку...»

К письму была приложена его фотокопия и опись на сумму семь тысяч крон. Урбанский внимательно прочитал несколько раз текст на листке, взятом из запечатанного конверта. Там стояло:

«9 мая 1913

Глубокоуважаемый господин Ницетас!

Конечно, Вы уже получили мое письмо от 7 с/мая, в котором я извиняюсь за задержку в высылке. К сожалению, я не мог выслать Вам денег раньше. Ныне имею честь, уважаемый г-н Ницетас, препроводить Вам при сем 7000 крон, которые я рискую послать вот в этом простом письме. Что касается Ваших предложений, то все они приемлемы. Уважающий вас И. Дитрих.

Р. S. Еще раз прошу Вас писать по следующему адресу: Христиания, Норвегия, Розенборггате, № 1, френкен Элизе Кьернли».

Начальник Эвиденцбюро тут же связался по телефону со статским советником Гайером в полицейпрезидиуме Вены, надзиравшим за прохождением «дела господина Ницетаса». Урбанский сообщил о получении второго письма для их «подопечного» и получил заверения, что дело поручено лучшим сыщикам Вены. Напряжение вновь стало увеличиваться с каждым часом, но только для того, чтобы спустя неделю снова вновь угаснуть до уровня рутины. Никто не справлялся о письмах, в которых было вложено так много денег.

37. Вена, май 1913 года

...Наступил субботний вечер 24 мая. «Голубой» Дунай бурно мчал свои коричневые воды мимо столицы империи, лазурное небо обещало жаркий день в воскре-

сенье, сочная весенняя зелень листвы и трав источала вечерний аромат, который не могли заглушить газолиновые моторы авто.

Без десяти минут шесть в полицейской комнате раздался оглушительный электрический звонок, вызвавший беспечно дремавших сыщиков из глубокого послеобеденного покоя, украшенного парой бутылок доброго венского пива. Покуда агенты натягивали пиджаки и бежали через внутренний проезд от Мясного рынка до Доминиканской церкви к окошку Центрального почтамта, робкий почтовый чиновник, как ни старался затянуть дело, все же успел выдать письма на имя господина Никона Ницетаса. Получатель ушел!

Сыщики выбежали на Доминиканер-бастай и успели только заметить, что какой-то статный господин вскочил в автомобиль с работающим мотором. Автомобиль тут же тронулся. Один из агентов обнаружил, что это было такси. Номер машины они тут же записали для памяти.

Но что проку было в этой записке, ведь другой машины для погони рядом не оказалось. Какой смысл будет в том, чтобы опрашивать на следующий день водителя такси, откуда он привез незнакомца и куда он его доставил? Совершенно ясно, что седок достаточно опытен в этих делах и не станет брать мотор от своего дома или места службы.

Оба агента ясно представили себе, как доктор Шобер (а он заменил доктора Новака в руководстве операцией со стороны полицейпрезидиума) возбудит против проштрафившихся дисциплинарное обвинение, исходом коего может быть лишь увольнение от службы с позором и уменьшенной пенсией.

Сыщики стояли на площади у Доминиканского собора, ломали голову, как быть. Один из них предложил найти еще сегодня шофера такси, опросить его с пристрастием и угрожать лишением лицензии на промысел, если он не покорится, а затем условиться с ним о какой-нибудь истории, которая живописует бегство незнакомца. Другой агент настаивал на том, чтобы сразу доложить начальству всю подноготную, а самим подать в отставку.

Пока препирались о том, кому первому в голову пришла идея выпить после обеда пива, расслабляюще-

го волю, на площади показалось такси. О редкое счастье нижнего чина полиции! Это был тот самый номер, который увез полчаса назад из почтамта их несостоявшуюся добычу! Австро-венгерской контрразведке стало с этого момента везти, как азартному игроку, «поймавшему» талию.

Агенты бросились бегом за мотором, свистками и криками привлекли внимание водителя, и он остановился на углу, у выезда на шумную Вольцайле.

— Куда отвез седока с почтамта? — грозно спросил сыщик, вскочив на подножку машины.

— В кафе «Кайзергоф»...

— Живо вези нас туда же! — рывкнул другой агент, демонстрируя жетон политической полиции.

Усевшись в авто, сыщики обшарили весь салон в поисках окурка или иной свежей улики. Их труды не пропали даром. В сгибе сиденья и спинки они нашли футляр для перочинного ножичка, сделанный из светлого-серого сукна...

Кафе «Кайзергоф» в этот субботний вечер было переполнено. Венцы целыми семьями располагались за уютными столиками не только в зале, но и прямо на тротуаре, отгороженные куртинами зелени от сутолоки улицы. Некоторые витрины были уже вынуты на лето, можно было входить в кафе прямо с улицы, минуя парадный вход и швейцара. Агенты бросились к вахмистру. Швейцар не стал искать господина в толпе посетителей, а сразу сказал, что статный светловолосый незнакомец только что покинул «Кайзергоф» и направился к стоянке такси.

В эпоху конных экипажей на каждой венской стоянке извозчиков служил мальчишка-водолей, в обязанности которого входило подносить лошадям ведра с водой для питья. Когда такси вытеснили с венских улиц большинство конных прокатных экипажей, мальчишку-водолея сменил на стоянке такси мальчишка-мойщик. Он протирал автомобили влажной замшей, полировал их зеркальные стекла и драил медяшку, щедро украшавшую самодвижущиеся коляски.

Агенты разыскивали «водолея», как по традиции называли мальчишку, на стоянке у кафе «Кайзергоф» и строго спросили его,

Выяснилось, что искомый господин только что отбыл в отель «Кломзер».

Агенты понеслись по следу, ведомые самой фортуной. В отеле «Кломзер» они привычно подступили к швейцару.

— Кто приезжал за последние полчаса в отель?

— Два господина на моторе... Болгарские купцы...

— Кто до них?

— Приезжал один господин.

— В автомобиле?

— Не видел.

— Ты его знаешь?

— Еще как! Это господин полковник Редль, но только он был в штатском...

У агентов задрожали поджилки. Они хорошо знали бывшего шефа австро-венгерской контрразведки. Он был грозным начальником и не давал покоя сыщикам на императорской службе. День и ночь гонял он их в поисках шпионов, в любую погоду посылал следить за государственными преступниками или подозреваемыми. Беспощадно увольнял он тех, кто совершал малейшую оплошность, и сыщики возблагодарили бога за то, что сейчас не Редль командует в Эвиденцбюро, а то им сразу же пришлось бы уходить в отставку...

Агенты устроили тут же за конторкой небольшое совещание. Они решили доложить статскому советнику Гайеру, руководителю поисков предателя, что, по иронии судьбы, адресат письма живет в том самом отеле, что и прославленный контрразведчик Редль. Сыщики даже решились обратиться к Редлю за помощью, предварительно не спросив на это разрешение у господина статского советника.

Пока один из агентов пошел к телефону докладывать ход событий и просить к отелю «Кломзер» подкрепления, другой остался побеседовать с портье. И тут новый план пришел ему в голову. Сыщик отдал футляр от перочинного ножичка портье и просил его показывать каждому проходящему гостю, авось найдется владелец.

Не прошло и пяти минут, как на лестнице показался статный светловолосый военный, в котором агент узнал своего бывшего шефа — полковника Редля. Он

хотел было предупредить портье, что этого господина опрашивать не надо, но не успел. Человек за конторкой поднял футляр перед полковником и подобострастно спросил:

— Не потерял ли господин полковник футляр от перочинного ножичка?

— Да, это мой! — ответил полковник машинально и протянул руку за светло-серым мешочком.. — Где это я его...

Лицо полковника мертвенно побледнело, он вспомнил, что последний раз пользовался ножичком в автомобиле по дороге от почтамта до кафе «Кайзергоф», когда вскрывал конверты с деньгами из Петербурга. Именно там, в машине, он потерял свой футляр. Но как он оказался здесь, в отеле?!

И вдруг Редль заметил недалеко от портье невзрачного господина, который с необычным интересом рассматривал пустяковое объявление на стене вестибюля. Сомнения не оставалось: он попал в ловушку.

Ничуть не выдав волнения, полковник поблагодарил портье и вышел на улицу. Ускоряя шаги, он пошел вниз по Херренгассе.

У ближайшей зеркальной витрины он попытался уяснить, следит ли кто-нибудь за ним. По-видимому, пока никто. Он торопился дальше, подходит к угловому кафе «Централь», снова оглядывается; вроде бы никого. Хотя нет, вот два господина вполне определенной наружности показались из отеля «Кломзер»...

Полковник не знал, что, прежде чем выйти из отеля, один из сыщиков уже успел соединиться по телефону с политической полицией и передать: «Все в порядке. Футляр принадлежит полковнику Редлю».

Увидев сыщиков, Редль резко завернул в кафе «Централь» — там два запасных выхода, оба ведут в здание биржи, где сейчас, в субботний вечер, почти никого нет и можно быстро пробраться на оживленную Шоттенринг.

Агенты не видят полковника, но нюх старых ищеек подсказывает им верный путь. Они вполне профессионально поражаются самообладанию человека, который несколько минут назад узнал, что погиб, но упорно ищет выхода из смертельного положения.

38. Вена, май 1913 года

Сыщики осмотрели Штраухгассе, дошли до Хааргассе и через проходной двор очутились на Наглергассе... Теперь, когда личность получателя конверта была установлена, они уже не так волновались за свою судьбу. Они знали, что по всей Вене сейчас идет перезвон телефонов. Сообщение из отеля «Кломзер» подняло на ноги все начальство в политической полиции, а оттуда, с Шоттенринга, на Штубенринг последовал звонок, который перевернул вверх дном кабинет полковника Урбанского и все разведывательное бюро императорского и королевского Генерального штаба.

Подумать только — бывший начальник архисекретного разведывательного отделения, создатель его тончайших методов работы, учитель, пастырь, главный советчик на протяжении стольких лет полковник Редль — вдруг тот самый русский агент!

Сам майор Ронге, срочно вызванный из дома, где собрались в субботний вечер гости, на авто помчался на Центральный почтамт, чтобы изъять квитанцию о получении писем, в которой есть несколько слов, писанных рукой получателя. Он лично расспросил во всех подробностях перепуганного почтового чиновника. Тот совершенно не ожидал, что прикосновение к кнопке звонка вызовет такую лавину событий, когда столь важные господа будут наперебой выяснять личность получателя письма и прочие сопутствующие обстоятельства.

Пока майор Ронге допрашивал старика, пока писал расписку в получении квитанции, без которой закоренелый служака никак не соглашался отдать бумажку, полковник Урбанский рылся в старых бумагах, разыскивая образцы почерка Редля. Долго искать не пришлось — на свет были извлечены несколько рукописных «инструкций о разведывательной работе, составленных

Альфредом Редлем, капитаном императорского и королевского Генерального штаба».

Вскоре запыхавшийся Ронге буквально ворвался в бюро с заветной почтовой распиской. Необходимость в тщательной экспертизе сразу же отпала: после простого сличения почерка никто уже не сомневался, что квитанция заполнена рукой полковника Редля. Разумеется, обратили внимание и на то, что надпись сделана на почте с явным ухищрением — весьма тоненько и едва заметно.

Полковник Урбанский фон Остромиец, теперь уже окончательно убежденный в идентичности Редля и Ницетаса, бросается на розыски начальника Генерального штаба, которому первому следует быть в курсе печальных событий, разворачивающихся в этот субботний вечер.

...Погоня за Редлем по всей Вене продолжается. Сыщики находят его в Пассаже и, уже не таясь, начинают преследование. Чтобы остаться один на один против агента и попытаться уйти от него, Редль старается отвлечь внимание другого нехитрым приемом. Не глядя, достает он из кармана несколько бумаг, рвет их на клочки и выбрасывает тут же, в Пассаже, надеясь, что один из двух агентов останется собирать клочки. Но опытные сыщики неотступно следуют за своей жертвой.

Редль выходит на Фрайунг, замыкая круг преследования. Здесь сыщики останавливают первый попавшийся автомобиль, приказывают ему следовать за «опекуном» Редля, а второй шпик бегом возвращается в Пассаж собирать клочки от разорванных полковником бумаг.

В полиции клочки тщательно расправляют, склеивают и получают несколько подлинных документов, которые могут очень навредить своему бывшему хозяину, если суд над ним состоится. Бумажки представляют собой почтовые квитанции за пакеты и телеграммы, отправленные в бельгийские, швейцарские, датские адреса, которые, кстати, фигурируют в справочнике контрразведок Срединных империй как архишпионские передаточные квартиры, совместно используемые русской и французской разведками.

Обреченный полковник идет по улице Тифен-Грабен, изредка оглядываясь в зеркальные витрины магазинов.

Позади все тот же постоянный преследователь и медленно ползущий, как катафалк, большой черный автомобиль.

Видя этот мотор, полковник словно в бреду вспоминает свою безвозвратную жизнь, которая кончилась всего полчаса назад. Не далее как сегодня утром он приехал из Праги в роскошном «даймлере», купленном за кругленькую сумму — восемнадцать тысяч крон...

Редль инстинктивно поворачивает на набережную Франца-Иосифа, чтобы оттуда попасть на Бригиттенау, где у каретника Цедничека он оставил свой «даймлер». Мастер должен обить низ кузова черной лакированной кожей и заменить внутреннюю обивку на красный толстый шелк. Но о бегстве на своем автомобиле, увы, не приходится помышлять: его шофер получил на несколько дней отпуск, а сам Редль чувствует себя недостаточно сведущим в сложном искусстве вождения автомобиля....

Неожиданность разоблачения, промах у стойки портье, который может стоить ему жизни, все больше и больше выводят Редля из душевного равновесия, препятствуют трезвым поискам выхода из катастрофического положения.

«Бежать, скрыться, уйти на нелегальное положение, переменить документы — ведь может же Стечишин уже несколько лет руководить группой из подполья!.. — думает Редль. — А если арест и следствие? Нет, не удастся скрыть все связи с агентурой, с теми офицерами, кто по крупницам носит ему информацию, а он ее препарирует и подает с блеском стратега!.. Ведь Ронге и Урбанский весьма способные профессионалы — они быстро размотают весь клубок, выявят «Градецкого», «доктора Блоха», двух коллег-полковников в императорском и королевском Генеральном штабе, которые вполне сознательно дают Стечишину бесценную информацию для передачи в Петербург... Нет! Нет! Только не следствие! Ведь это грандиозный скандал! Как станут злословить все эти немчики-недоброжелатели! Как станут кричать, что славяне погубили Дунайскую империю! Проклятая империя, проклятые Габсбурги! Старого болвана Франца-Иосифа хватит кондрашка, когда ему доложат, что я, его опора и надежда, как он мне заявил при назначении в Прагу, — русский агент! Ха, ха, ха! Неужели мне никуда от них не скрыться?»

В эти минуты по всей Вене искали начальника Генерального штаба. Не без труда обнаружили генерала: в компании старых друзей он обедал в ресторане «Гранд-отель». Полковник Урбанский помчался лично доложить о несчастье, постигшем армию и особенно Генеральный штаб.

Конрад фон Гетцендорф спокойно отложил в сторону салфетку, извинился перед дамой, сидевшей рядом, и вместе с Урбанским быстро прошел через общий зал в маленькую боковую комнату, откуда полиция вела обычно наблюдение за сомнительными гостями. Генерал уже предчувствовал дурные новости. «Кто?» — бросил он Урбанскому.

— Редль! — ответил полковник. Конрад побледнел, опустился на стул.

«Какой скандал! Что скажет старый император! — лихорадочно думал генерал. — Ведь это ужасный повод для эрцгерцога Франца-Фердинанда, который и так ненавидит Генеральный штаб, повсюду трубит, что мы то и дело подводим армию! А что скажет общество, что будут думать о нас союзники в Берлине?! А пропаганда противника! Эти русские и так твердят, что все прогнило в Австро-Венгерской монархии! Все славяне будут немало торжествовать! Оппозиция из этих чехов, словаков, русин и других непокорных начнет бурно радоваться, что один из их братьев нанес сильнейший удар по монархии. Ужас, ужас и ужас! Ведь этот случай — искра в бочку пороха, которую являют собой все эти славянские национальные меньшинства империи! И все это именно теперь, когда получена команда готовиться к войне с русскими, когда вот-вот грянет большая европейская битва!..»

Конрад встал, еле поднявшись со стула, затем снова сел. Он мучительно думал, искал выхода из позорной ситуации, в которую попадал Генеральный штаб, если случившееся станет известно прессе, депутатам, министрам...

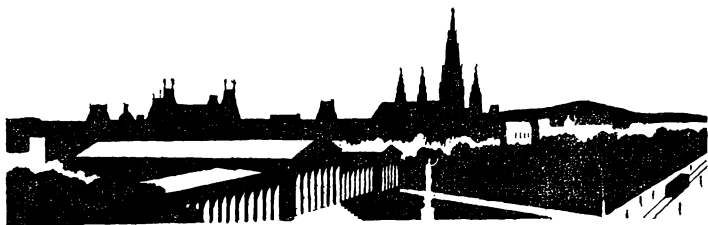
Наконец его решение сложилось:

— Редля необходимо срочно задержать! Вы лично допросите его, узнаете, насколько далеко зашло предательство, а затем он должен немедленно умереть! Потрясение основ монархии неминуемо, если этот случай станет широко известен. Вы должны уберечь армию, империю, престол и прежде всего Генеральный штаб от

позора, если факт будет оглашен! Он должен немедленно умереть!

— Ваше превосходительство, боюсь, что я один не смогу убедить полковника, здесь нужен суд или какое-то подобие суда, комиссия, например...

— Хорошо, немедленно составьте комиссию! Председателем назначить Гефера. Включить Ронге. Начальника юридического бюро Генштаба или иного подходящего юриста. И обязательно вы, полковник. После подробного допроса, повторяю, Редль должен умереть. Причину смерти не должен знать никто, кроме нас пятерых...

39. Вена, май 1913 года

...Редль решил запутать своих преследователей и пустился еще быстрее, почти бегом, по улицам прочь от набережной, где видно далеко и скрыться некуда. Агенты давно поняли, что полковник обнаружил за собой наблюдение. Теперь они действовали не таясь, следовали за ним, почти настигая. Охваченный паникой, Редль решил, что они имеют уже приказ задержать его, и петлял как заяц, спасая свою жизнь в узких улочках центра Вены, то и дело выходил к Рингу, чтобы попытаться оторваться от погони на случайном такси. Но случай изменил полковнику и помогал его врагам.

Редль устал, едкий пот заливал лицо из-под широких полей щегольской шляпы. Ботинки давно покрылись пылью, да и весь он как-то потускнел, точно постарел сразу на десяток лет. Но он еще пытался найти выход.

«Может быть, так рассчитать время, чтобы прибегать прямо к отходу поезда на Прагу, оторваться у вокзала от сыщиков, бегом вбежать в кассовый зал, бросить деньги без сдачи кассиру и умчаться в Прагу, а по дороге прыгнуть с поезда, раствориться в чешских

землях, уйти в подполье», — фантазировал он, но трезвый расчет разведчика опровергал все эти эфемерные надежды, снова и снова говорил о безвыходности положения. Потом он вспомнил, что в отеле «Кломзер» его ждет старый друг, которому он послал телеграмму из Праги о своем скором прибытии в Вену и предложил вместе поужинать в субботу вечером.

У Редля вновь затеплился луч надежды: друг этот был старый его товарищ по многим шпионским процессам, где контрразведчик Редль выступал как блестящий эксперт, а доктор Виктор Поллак как высший государственный обвинитель. Теперь доктор Поллак дослужился до одной из высших должностей — старшего прокурора при главной прокуратуре Верховного и кассационного суда. Всегда, когда Редль бывал в Вене, он непременно встречался с Поллаком. Они боролись с государственной изменой в монархии плечом к плечу не один десяток лет, и теперь Редль решил, несмотря ни на что, поужинать, как договаривались, с Виктором. Кто знает, нельзя ли будет что-нибудь предпринять...

Редль крикнул такси. Он чуть-чуть успокоился, но до конца взять себя в руки не мог. Сыщики сели в другое такси, следуя по пятам. Их изумлению не было предела, когда они увидели, что Редль направился по кратчайшей дороге к «Кломзеру», туда, где была открыта его измена.

Еще больше агенты удивились, когда, войдя в вестибюль своего отеля, полковник как к самому близкому человеку кинулся к грозе государственных преступников, прославленному прокурору доктору Поллаку, а тот заключил его в объятия. После приветствий полковник попросил у друга пять минут, чтобы переодеться к ужину, и поднялся в свои апартаменты. Подходя к двери, Редль увидел, как метнулась за угол коридора тень сыщика, приставленного к его комнате.

Денщик Иосиф Сладек, уже прибывший поездом из Праги, помог ему быстро сменить костюм на вечерний, повздыхал на безумный вид хозяина, не зная, почему он так плохо стал вдруг выглядеть, но лишних вопросов не задал.

Редль и Поллак отправились в Иосифштадт, в свой любимый ресторан «Ридгоф», где их всегда окружала изысканная публика. Уже в такси по дороге к ресторану Поллак обратил внимание на то, что с его дру-

гом творится что-то странное. Он был неестественно молчалив, глядел все время в одну точку, а его голова изредка бессильно падала на грудь. Казалось, он вот-вот разразится рыданиями.

Полковника действительно бросало то в жар, то в холод. Он не знал, как начать свой самый важный в жизни разговор с Виктором, может ли тот его спасти, или прикажет первому полицейскому арестовать его как государственного преступника. Он лихорадочно думает только об одном: не открыться ли во всем Поллаку или симулировать перед ним сумасшествие, просить отправить в санаторий для душевнобольных, а оттуда или по дороге бежать за границу.

Полковнику удался его план, но только в первый части. За столом он не притрагивается ни к еде, ни к питью. Редль делает другу туманные намеки, говорит о своей моральной запутанности, сбивчиво признается в каком-то ужасном преступлении и вместе с тем искусно подводит доктора Поллака к мысли, что им овладело внезапное безумие...

Бессвязная речь полковника вначале приводит прокурора в изумление, а затем заставляет его попытаться прийти на помощь другу. Доктор Поллак не знает еще, что лучшие агенты полицейпрезидиума Вены присматривают за ними, пока друзья сидят за столиком...

Наконец прокурор начинает понимать, что с Редлем случилось что-то страшное, в чем он может открыться только своему корпусному командиру, если ему дадут возможность быстро вернуться в Прагу. Неумолимый прокурор, который беспощадно подписывал ордер на арест по гораздо более ничтожным мотивам, впадает в какую-то прострацию вместе с Редлем.

«Ведь это мой старый друг! — сентиментально думает Поллак. — Может быть, выяснится все дело и окажется, что он ни в чем не виноват, а только охвачен буйным умопомешательством! Его надо спасать, этого несчастного человека, а затем уж расследовать все преступления по службе!»

Поллак встает, идет к телефону, просит соединить его с квартирой начальника политической полиции, их общего приятеля. К изумлению прокурора, Гайер в этот субботний вечер еще на службе, в своем кабинете, как отвечает ему горничная. Телефонная барышня соединяет Виктора с кабинетом Гайера в полицейпрезидиуме.

— Добрый вечер, ваше превосходительство! — начинает разговор Поллак. — Мы сейчас с полковником Редлем ужинаем...

— Да, в «Ридгофе», господин старший прокурор! — отвечает Гайер.

— А откуда вам это известно? — изумляется Поллак.

— Случайно, господин старший прокурор! — уклончиво отвечает шеф полиции.

— Господин полковник Редль, — продолжает разговор Поллак, — как мне кажется, внезапно настигнут каким-то серьезным психическим заболеванием. У него какой-то психоз. Он все время говорит о моральных ошибках, духовной катастрофе, о каком-то преступлении, которое якобы совершил... В период просветления души он просил меня, господин статский советник, помочь ему добраться до Праги или какого-нибудь хорошего санатория для психических больных. Не можете ли вы в знак старой дружбы помочь организовать его отъезд и выделить провожатого?

— Сегодня уже поздно, господин Поллак, ничего невозможно сделать, — отвечает довольно сухо начальник полиции. — Успокойте Альфреда. Скажите ему, чтобы завтра с утра он обратился лично ко мне — я охотно сделаю все, что от меня зависит. Всего хорошего, господин старший прокурор! Сожалею, что мне невозможно дольше разговаривать с вами!..

Печально заканчивается ужин в «Ридгофе». Ни музыка, ни беззаботная обстановка, ни призывы самого метрдотеля, пришедшего на помощь Поллаку в попытках развеселить и накормить старого клиента — Редля, не дали никакого результата. Друзья выходят в душную майскую ночь, и Редль еле передвигает ноги, так он разбит волнением. Но полковник находит в себе силы зайти после ужина в кафе «Кайзергоф», то самое, где фортуна поманила за собой сыщиков.

Друзья заняли столик, и Редль, чуть смочив губы оранжадом, вновь с жаром обратился к Виктору с просьбой о помощи. Виктор снова искал по телефону поддержки у Гайера, но получил лишь сухую рекомендацию продолжить дело только завтра утром...

Куранты на ратуше отзвонили половину двенадцатого, на Ринге еще кипела ночная жизнь, отголоски которой доносились и сюда, в Херренгассе.

Старший прокурор Поллак подвел своего друга к за-

пертым дверям отеля «Кломзер», нажал кнопку звонка к швейцару. Затем он молча пожал руку Редлю, который глядел на него безумными глазами, вокруг которых легли синяки, и дождался, покуда вахмистр, гремя ключами, не отпер дверь и не впустил господина полковника Редля в его любимый отель. Нетвердой походкой Альфред стал подниматься к себе в бельэтаж.

40. Вена, май 1913 года

Началась ночь с субботы на воскресенье. В массивном новом здании военного министерства окна этажа, где с апреля размещалось отделение контрразведки Эвиденцбюро, так и не гасли. Здесь кипела напряженная работа, о сути которой знали во всем бюро только два человека — Урбанский и Ронге. Остальные были техническими исполнителями различных экспертиз, которые срочно проводились по приказанию фон Гетцендорфа. Для того чтобы скрыть истинный смысл следственных действий по делу Редля, которое пока не было открыто официально, проводилось еще два десятка различных срочных контрразведывательных операций якобы по поимке черногорских террористов.

...Если бы доктор Поллак задержался на несколько минут, провожая полковника Редля домой, в гостиницу, то он увидел бы, как в полночь за ближайшим углом становился большой серый автомобиль военного ведомства, из него вышли четыре офицера в парадных мундирах и позвонили у дверей «Кломзера». Старик швейцар начал было ворчать, что согласно правилам пользования отелем после одиннадцати вечера всякие визиты к его гостям воспрещены, но офицеры бесцеремонно оттолкнули его.

Генерал постучал в дверь с виньеткой «№ 1».

— Войдите! — говорит Редль охрипшим голосом.

Офицеры входят, затворяют дверь. Полковник, до этого сидевший за столом, машинально встает. Он в домашнем парчовом халате, с мертвенно бледным лицом. От его гордой осанки ничего не сохранилось. Несчастье, кажется, просто придавило его.

— Я знаю, господа, по какому делу вы пришли, — полковник еле выговаривает слова, — мне ничего другого не остается, как умереть. Я пишу прощальные письма...

Генерал желает учинить допрос по всей форме. Он приказывает члену комиссии, аудитору венского гарнизонного суда Форличеку сесть за стол и писать протокол.

— Кто ваши сообщники? — задает первый вопрос Гофер.

— У меня их не было... — быстро, почти скороговоркой отвечает Редль давно заготовленную фразу.

— Подумайте, мы не торопим вас... — призывает Урбанский.

Редль бросает на него взгляд, полный муки.

— Повторяю, у меня не было сообщников! Я работал один...

— Кому вы передавали информацию? — включается в допрос Ронге.

— Бесконтактно. Направлял почтой в условные адреса...

Урбанский уже успел сообщить Гоферу пожелание фон Гетцендорфа избежать разрастания этого политического скандала, и ответы полковника вполне удовлетворяют председателя комиссии. Он не видит в них характера политической бомбы, которая могла бы взорваться, как если бы вместе с Редлем работала целая группа противников монархии.

Для формы генерал задает еще один вопрос!

— Сообщите, какие важнейшие данные вы успели передать противнику?

— Все документы вы найдете в моей казенной квартире в помещении корпусного командования в Праге, — уже с холодным спокойствием отвечает полковник Редль. Он сделал выбор, утвердился в своих намерениях и ждет продолжения допроса.

Комиссия больше спрашивать не собирается. Лишь ее председатель интересуется:

— Имеете ли вы при себе огнестрельное оружие, господин Редль?

— Нет, не имею.

— Вам следует просить какое-нибудь огнестрельное оружие...

— Я... покорнейше... прошу... дать мне... револьвер! — твердо, с расстановкой произносит полковник Редль.

Но ни у кого из членов комиссии также нет с собой револьвера. Тогда майор Ронге быстро отправляется к себе домой и возвращается с маленьким браунингом, каковой вручает Альфреду Редлю. Твердой рукой полковник принимает оружие и сразу же загоняет патрон в ствол.

Форличек и Ронге невольно пятятся — оба синхронно подумали о том, что ничто не мешает сейчас полковнику перестрелять всю комиссию и скрыться. Но генерал и Урбанский лучше знают старого офицера разведки, не сомневаются в его понятиях об офицерской чести. Помедлив минуту, члены комиссии, не кланяясь, выходят.

Но на улице сомнения в том, что Редль покончит с собой, вспыхивают и у председателя комиссии. Офицеры остаются на углу Банкгассе и Херренгассе, чтобы видеть выход из отеля «Кломзер». Окно комнаты, где за глухими шторами при свете ночника предатель пишет сейчас предсмертные письма, им не видно, оно выходит во двор. По переулкам от Ринга еще идут редкие прохожие, кое-кто начинает обращать внимание на четырех офицеров Генерального штаба. Полковник Урбанский предлагает по одному съездить домой и переодеться в нитатское платье.

В гостинице все тихо — ни выстрела, ни шума, ни суматохи, которая сообщила бы о развязке всей истории. Проходят часы. Снова по одному офицеры ходят в кафе «Централь» и пьют там по чашке кофе, подкрепляя силы.

Полная неизвестность продолжается до пяти часов утра. Члены комиссии должны выехать с первым поездом в Прагу, чтобы произвести обыск в квартире Редля, а поезд уходит в 6.15. Нужно доложить и фон Гетцендорфу, что предатель покончил с собой. Полковник Урбанский вспоминает, что те двое агентов, которые вче-

ра выследили Редля, уже принесли присягу в том, что никогда слова не вымолвят о всей этой истории. Шеф отдела разведки вызывает по телефону одного из них. Тут же, на углу, разрабатывается план операции, как узнать, что все уже кончено. Сыщику вручают записку в конверте, которую якобы старый друг господина полковника Редля поручил ему доставить к нему в номер ровно в половине шестого утра. В дополнение к записке генерал дал инструкции агенту не поднимать шума, если он найдет в номере что-либо необычное, а вернуться и доложить.

Пронырливый агент тихо проскользнул в отель мимо дремлющего вахмистра и через три минуты примчался к офицерам:

— Господин генерал, комната была открыта. Я вошел, а он лежит у стола, скорченный и холодный. Рядом валяется браунинг...

Агента услали. Урбанский решил позвонить из кафе «Централь» в отель и попросить портье вызвать к телефону господина полковника Редля. Он не стал ждать ответа, поскольку по суматохе, вспыхнувшей в гостинице, понял, что труп обнаружен.

Через несколько минут администрация уведомила полицию о случившемся у них самоубийстве постояльца. Комиссия, заранее приготовленная и проинструктированная, в составе обер-комиссара полиции доктора Тауса и старшего участкового врача доктора Шильда явилась немедленно. Врач констатировал самоубийство господина полковника Редля, который, стоя перед зеркалом, выстрелил себе из браунинга в рот.

Доктор Таус тем временем уложил в свой портфель письма, лежавшие на столе, — два запечатанных и одну открытую записку. В конвертах были обращения к старшему брату Редля и корпусному командиру барону Гислю фон Гислинген, а записка гласила: «Легкомыслие и страсти погубили меня. Молитесь за меня. Смертью искупаю свои заблуждения. Альфред».

И постскрипtum: «Теперь три четверти второго. Сейчас умру. Прошу тела моего не вскрывать. Молитесь за меня».

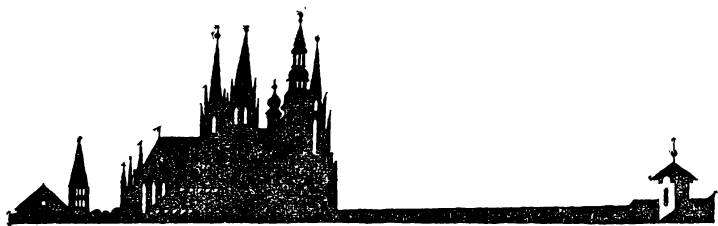
Было совершенно очевидно, что произошло самоубийство, которое в те годы было отнюдь не редкостью среди офицеров европейских армий. Пулей искупали карточ-

ные долги, которые было невозможно отдать, неизлечимые болезни, скуку гарнизонной жизни в захолустье, неразделенную любовь к даме из света, позор пьяных оскорблений, обиды, невозможные стерпеть от начальства, и «позорную» для офицера нищету. Именно поэтому комиссия из полиции спокойно констатировала смерть полковника, сложила и опечатала его вещи, а труп поздно ночью, чтобы не волновать постояльцев «Кломзера», отправила в закрытом фургоне в морг при гарнизонном лазарете.

Первая часть истории — венская — закончилась ровно через двенадцать часов после того, как полковник Альфред Редль, он же «коммерсант Никон Ницетас», получил на главном почтамте свои письма до востребования.

В вечерних венских газетах императорское и королевское телеграфное агентство поместило небольшое извещение о самоубийстве начальника штаба VIII пражского корпуса. Оно было составлено в самых уважительных выражениях:

«Генеральный штаб и весь офицерский корпус императорской и королевской армии с глубоким прискорбием извещают... Высокоталантливый офицер, которому, несомненно, предстояла блестящая карьера, в припадке душевной болезни... Несколько месяцев страдал упорной бессонницей... В Вене, где он находился по делам службы...»,

41. Прага, май 1913 года

В полдень 25 мая полковник Урбанский и майор-аудитор Форличек прибыли в Прагу. Фон Гетцендорф предупредил своего старого друга барона Гисля о

приезде начальника главного разведывательного отдела Генштаба с важным поручением. Корпусного командира известили в той же телеграмме, что его любимец, полковник Редль, покончил в Вене ночью самоубийством.

Генерал от инфантерии Гисль фон Гислинген любезно встретил полковника Урбанского фон Остромиец, усадил его на самое почетное место за столом. Обедали они вдвоем, и, когда лакей, принесший блюда, вышел, Урбанский открыл Гислю истинную причину смерти Альфреда Редля.

Гисль фон Гислинген был поражен как громом. Он долго не мог прийти в себя и все вытирал лысину крахмальной салфеткой вопреки этикету, до которого был весьма охоч.

— Какой ужас! Какой ужас! — то и дело повторял генерал, едва не теряя сознание от поразившей его вести.

Кое-как офицеры доели свой обед и решили сразу же идти на квартиру Редля. Она была совсем рядом — на той же лестнице, увенчанной символической картиной «Гибель богов». Денщик полковника Иосиф Сладек, как оказалось, был со своим хозяином в Вене, куда и увез второй комплект ключей. Дубовые двери не поддавались усилиям солдат. Генерал приказал позвать гарнизонного слесаря, но оказалось, что по случаю воскресенья он мертвецки пьян и раньше утра приступить к работе не может. Сердитый Гисль потребовал от своего адъютанта «приволочь тогда любого штатского, лишь бы он владел молотком и всякими там железками»... Этот приказ корпусного командира вызвал в дальнейшем последствия, которых так старательно пытался избежать начальник Генерального штаба Конрад фон Гетцендорф...

В воскресенье 25 мая в Праге должен был состояться футбольный матч между чешским ферейном «Унион» и немецким футбольным клубом «Штурм». Немцы рассчитывали побить в состязании своих извечных соперников чехов, но с самого начала игра складывалась не в их пользу. Болельщики, кипевшие на трибунах, узнали, что два лучших защитника «Штурма» — Маречек и Вагнер — не явились на игру. Хавтайм немцам еще удалось сыграть 3:3, но превосходство ферейна «Унион» к

концу игры стало преобладающим, и он победил со счетом 7:5.

Больше всех переживал старшина немецкого клуба, который только недавно оказал большую услугу этому самому «герою» Вагнеру, лучшему беку ферейна, и тот в благодарность обещал больше не пропускать матчи. Старшина «Штурма» за пределами футбольного поля был редактором пражской газеты «Прагер тагеблатт» и корреспондентом берлинского вечернего листка. Он принял на следующий день Вагнера в своей клетушке общего редакционного зала. Редактор источал суровость и недружелюбие.

— Я на самом деле не мог прийти, — мямлил бек, по вине которого команда проиграла.

— Можешь теперь уже не объясняться, это никому не поможет, скотина, — сурово выговаривал редактор.

— Но меня увели из дома, когда я уже собрался ехать на матч, — пытался пояснить Вагнер. — Пришел офицер из штаба корпуса и сказал, что их слесарь заболел и надо идти открывать замок в квартире.

— Это пятиминутное дело, — возмутился редактор, — а мы тебя ждали целый час и не начинали игру, ублюдок ты эдакий!

— Но, кроме входной двери, мне пришлось вскрывать и другие замки в этой офицерской квартире — в шкафах и столах!..

Услышав эту тираду, журналист весь обратился в слух.

— Кому же принадлежит эта квартира? — с ехидцей спросил он слесаря. — Может быть, ты нарочно придумал эту сказочку, чтобы оправдаться?

— Что вы, господин старшина! — опять принялся объяснять простодушный слесарь. — Квартира наверняка генеральская — такая богатая...

— А где же был сам генерал?

— Эти господа из комиссии — а комиссия приехала из самой Вены — все искали какие-то документы, фотографии, и господин корпусной командир высказывался в том смысле, что хозяин квартиры, большой барин, умер вчера в Вене...

Старшина перестал покрикивать на своего футболиста, он уже был весь поглощен рассказом слесаря.

А Вагнер, почувствовав в нем благодарного слушателя, готового забыть проступок, все наворачивал и наворачивал подробности вчерашнего обыска.

Он поведал, как при каждом листочке, вынутом из письменного стола и показанном генералу Гислю, старик кивал головой и бормотал: «Ужасно, ужасно! Кто бы мог подумать!»

Оказывается, в квартире имелась богатая фотолаборатория, где тоже нашли какие-то пластинки и старые отпечатки, при виде которых генерал и полковник пришли в ужас. Третий офицер из тех двух, что прибыли из Вены, все сидел и записывал каждую бумагу в особую тетрадь. А когда обыск закончился, генерал вытер лысину от пота и сказал: «Ах эти русские! Ну и помог им этот мерзавец чех! Доверяй им после этого!»

Слесарь-бек ушел, обласканный редактором, который не только простил ему вчерашнюю неявку на матч, но и предложил пяток крон на пиво. Журналисту стало совершенно ясно, что обыск вчера производился в квартире полковника Редля, начальника штаба корпуса, о неожиданной смерти которого в Вене была уже перепечатка в пражских газетах, в том числе и его собственной. Во всех газетных листках города Праги были даже помещены хвалебные некрологи в память этого видного военного. Для опытного журналиста это служило явным признаком того, что из правдивого сообщения об истинных причинах смерти полковника Редля, как их понимал редактор, цензура не пропустит ни строчки.

Простая мысль о том, как обойти все рогатки, очень быстро пришла в голову журналисту, много лет воевавшему с цензурой. «А не поместить ли сообщение в форме опровержения? — подумал он. — Ведь только патентованный идиот сможет не понять такого опровержения».

Прием этот был для пражских газетчиков ненов. Сколько раз им приходилось до этого в аллегорической или опровергательной форме писать, например, о жестокой эксплуатации и зверском обращении с чешскими рабочими в замке эрцгерцога Франца-Фердинанда Конopiште, что под Прагой. Цензура не могла придаться к таким, например, заметкам:

«Нам сообщают, что слухи о том, будто чешский батрак в имении его высочества эрцгерцога Франца-Фер-

динанда Конопиште был жестоко избит телохранителями эрцгерцога за то, что осмелился пересечь парк по дорожке для гостей эрцгерцога, не подтвердились». Вся Прага умела читать между строк, правильно понимала такие сообщения и ненавидела австрийков, хозяйничавших на чешской земле.

Редактор помчался к главному редактору и владельцу газеты с предложением опубликовать заметку по материалам, сообщенным Вагнером, но в форме опровержения. Спорить пришлось долго. Шеф не хотел рисковать конфискацией вечернего номера газеты, но журналистская страсть в конце концов победила: он дал согласие на публикацию заметки на последней странице петитом, рядом с объявлениями.

Тогда редактор помчался в типографию и сам отлично набрал пятнадцать строк:

«Из высокоавторитетных кругов нас просят опровергнуть циркулирующие главным образом среди офицества слухи о том, что начальник штаба VIII корпуса императорского и королевского Генерального штаба полковник Альфред Редль, как известно, два дня назад покончивший с собой в Вене, будто бы передавал наши военные тайны и занимался шпионажем в пользу России. Назначенная для расследования этого дела комиссия, прибывшая в Прагу из Вены и производившая в воскресенье обыск в присутствии корпусного командира, господина генерала барона Гисля фон Гислингена, в квартире Редля при штабе корпусного командования, со вскрытием всех ящиков и других хранилищ, пришла к заключению, что в трагической смерти полковника Редля сыграли роль преступления совершенно другого рода».

В тот же вечер газета вышла, благополучно миновав цензуру. Пражский цензор думал, вероятно, что опровержение исходит от корпусного командования, а штаб корпуса, которому немедленно доложили про заметку, решил, что опровержение из Вены.

Политическая бомба разорвалась. Тут же опровержение было передано по телефону в Вену, и за него схватились столичные газетчики. Редактор послал его уже в форме заметки, в Берлин, в свою «Берлинер Цайтунг ам Абенд», пражским корреспондентом которой являлся. Бомба детонировала в столице Германской империи...

42. Прага, май 1913 года

Вечерние венские газеты приходили в Прагу с вечерним экспрессом в тот же день. Уже на вокзале, у почтового вагона, мальчишки-газетчики вечером 25 мая начали кричать: «Экстр-р-ренное сообщение, экстр-р-ренное сообщение! В Вене прошлой ночью застрелился начальник штаба пражского корпуса полковник Редль! Торжественные похороны в Вене! Самоубийство полковника Редля! Начальник штаба пражского корпуса покончил с собой!»

Постепенно газетчики сбегали вниз, в город, растекались по вечерним воскресным улицам, где чинно прогуливались перед сном обыватели, неторопливо, по-воскресному, цокали копыта фиакров и шелестели шины-дутики дорогих колясок. Последние лучи заходящего солнца отсвечивали зловещим пурпуром над Градчанами и Малой Страной, предвещая ясный день на завтра, когда всю идиллию воскресного вечера неожиданно разрушили эти пронзительные голоса о самоубийстве полковника Редля.

Одного из мальчишек-газетчиков, надрывавшегося на площади святого Вацлава как раз напротив подъезда Живностенского банка, поманил из коляски господин в светлом летнем костюме. Он кинул ему геллер, принял газету и ткнул кончиком зонта кучера, чтобы тот тронул. Прекрасные серые лошади легко повлекли экипаж, владелец которого небрежно развернул газету как раз на той самой странице, где сообщалось о неожиданной трагической смерти высокопоставленного военного, бывшего по служебным делам в Вену.

Господин в коляске, пробежав глазами заметку императорского и королевского телеграфного агентства, вдруг побледнел и, приподнявшись на сиденье, scomандовал кучеру: «К ближайшему кафе, где есть телефон!»

Через минуту коляска остановилась у кафе, господин в светлом костюме, презрев косой взгляд швейцара, инстинкт которого не одобрял такого наряда в вечернее время, вошел внутрь и разыскал кабинет с телефоном.

— Фройляйн, 2-17-33, пожалуйста!.. Профессор, это вы у аппарата? Добрый вечер! Вы еще не видели вечерних венских газет?.. Выходите на улицу через четверть часа, я заеду за вами...

От Вацлавки до Томашовой улицы ровно четверть часа езды в экипаже. Когда господин вице-директор Пилат подъезжал к дому профессора, «Градецкий» уже нервно прогуливался возле парадного.

Грузный пожилой профессор с седеющей бородой неожиданно легко вскочил на подножку экипажа, пока кучер еще не успел остановить, Пилат подвинулся на сиденье, освободив место для профессора. «На набережную!» — скомандовал вознице хозяин, и экипаж стал спускаться по довольно узким улицам к Влтаве.

Было еще достаточно светло, чтобы профессор смог прочитать сообщение в венской газете. Он быстро пробежал глазами по строчкам.

— Что-то за этим кроется! — решительно высказался он, дочитав до конца. — Возможно, полковник был арестован и допрошен! Вы не исключаете такого оборота событий?

Пилат уже вновь натянул маску спокойствия на свое лицо и иногда кивком головы раскланивался со знакомыми во встречах экипажах.

— Совершенно не исключаю! — мгновенно ответил вице-директор. — Более того, я уверен, что Редль попал в Вене в какую-то ловушку.

— Вы не знаете, зачем он туда поехал?

— Последний раз он говорил мне, что собирается отремонтировать автомобиль и уладить кое-какие финансовые дела. К тому же он регулярно встречался там с полковником Урбанским и передавал ему так называемую информацию из Праги о деятельности «подрывных» элементов, то есть нас с вами, — сыронизировал Пилат.

«Градецкий» глазами показал ему на спину кучера.

— Я ему всецело доверяю — он выполняет для меня иногда деликатные поручения, — успокоил профессора Пилат. — Но вы правы, на всякий случай давайте пройдемся пешком,

Они остановили экипаж, медленно вышли на набережную, нашли свободную скамью.

— Я думаю, что ему приказали покончить с собой, — как бы размышляя вслух, вымолвил профессор. — Очевидно, мало людей знает истину, но если бы полковник выдал нашу группу, то уже утром мы могли быть арестованы...

— А если мы не арестованы, — продолжил его раздумья вице-директор, — то, значит, Редль нас не выдал!

— Логика в этом определенная имеется, — оживился профессор, — но вдруг бюрократический механизм империи не сработал за воскресенье?! Ведь тогда нам надо немедленно уезжать из Австро-Венгрии! Это первых! А во-вторых, следует предупредить всю группу!.. У вас есть связь с Филимоном?

— Да, я могу послать к нему одного человека, но не раньше среды... Если же до среды меня самого... — не договорил Пилат и сглотнул комок, появившийся вдруг в горле.

Профессор понял его состояние и поспешил успокоить:

— Не надо отчаиваться! Я уверен, что полковник держался молодцом, если и было какое-то следствие. Уверяю вас, если бы австрийские жандармы получили хоть какой-нибудь след, они немедленно были бы уже у наших дверей... — Профессор успокаивал финансиста, но сам отнюдь не был уверен в безопасности группы, в том, что за разведчиками не установлено тайное наблюдение, чтобы выявить их связи и знакомства. Он лихорадочно перебирал в памяти последние месяцы, вспоминал, когда и где он встречался с полковником, кто при этом присутствовал, может ли эта встреча привести к провалу всю группу, если полковник сошлется на знакомство с ним одним, но не находил такого факта, который был бы способен скомпрометировать его в глазах контрразведки.

Вице-директор также продумывал все свои контакты и решал, выйти ли ему из этой опасной игры сейчас, когда есть еще возможность, или продолжать борьбу с немчурой и дальше в рядах группы, возглавляемой Стечишиным. Он был по природе своей человек не робкого десятка, весьма сметливый, умеющий пойти на риск. Все эти качества привели его на вершину пирамиды в Живнотенском банке, создали ему состояние и имя. Теперь

Пилат боялся потерять все, угодить в тюрьму или даже просто быть арестованным на некоторое время, которое выбьет его из финансовой игры и разорит дотла, обесчестив и отбрав от него всех партнеров. Но усилием воли он поборол в себе страх, твердо сказав профессору:

— Я выйду на связь с Филимоном. Временно нам надо прекратить все встречи членов группы. Я передам Стечишину ваше пожелание свернуть пока сбор информации впредь до выяснения всех обстоятельств. А теперь я отвезу вас домой.

— Не надо привлекать лишнего внимания. Я пройду пешком, — ответил профессор, поднялся со скамьи и откланялся. Пилат остался пока на месте: он хотел посмотреть, нет ли уже слежки за профессором.

...Спокойное утро вторника, 27 мая, не предвещало особых забот консулу России в Праге Жуковскому. Он не торопясь вышел к завтраку в своей квартире на втором этаже виллы «Сильвия» (первый этаж занимала контора консульства, и здесь жил привратник — отставной фельдфебель пограничной стражи) и с наслаждением приготовился откусать кофе с теплыми венскими булочками, которые регулярно приносил лакей Михайла из ближайшей пекарни. Внизу, под скалистым холмом, по гребню которого пролегалла улица из особняков, возникших десятилетие-полтора назад, тянулись железнодорожные пути и возвышалось здание Главного вокзала Праги, а за ним скопище современных многоэтажных домов с красными черепичными крышами, лесом каминных и печных труб. Эта часть города, особенно выросшая в последние десятилетия бурного развития капитала в Чехии, уже начинала становиться признанным центром столицы.

Жуковский привычно глянул в окно, дабы определить погоду, взял со столика в прихожей газету «Прагер тагеблатт» и отправился с ней за стол, где уже был накрыт завтрак. Методично и профессионально просматривал консул газету, изредка подчеркивая карандашом некоторые заметки, пока не наткнулся на то самое «опровержение», которое уже вызвало страшный скандал в Вене и Берлине.

Консул читал в венских газетах сообщение о скоропостижной смерти Генерального штаба полковника Альфреда Редля и, верный своей привычке брать на замет-

ку все примечательные события, касающиеся его консульского округа, приготовился передать соответствующую информацию в Петербург. Однако сообщение «Прагер тагеблатт» заставило его поторопиться с завтраком и почти бегом спуститься в свой рабочий кабинет. Здесь его уже ждал священник консульской церкви, отец Николай Рыжков, обеспокоенно мявший в руках ту же злополучную газету.

— Здравствуйте, батюшка, — приветствовал консул священника. Он весьма удивился, когда вместо приветствия услышал от взволнованного попа:

— Вы уже читали, ваше превосходительство?!

Жуковский сразу понял, что речь идет о самоубийстве полковника Редля и что интерес священника к этой истории был не бескорыстным. Как уже давно подозревал консул, батюшка регулярно оказывал услуги не только председателю Славянского благотворительного общества генералу Паренцову, но и начальнику киевского разведпункта полковнику Галкину. Теперь Жуковскому стало совершенно ясно, что святой отец страшно озабочен перспективой провала всей сети информаторов и компрометации тех, кто мог оказывать влияние в пользу России, коль скоро стали широко известны связи полковника Редля с русской разведкой.

— Да, батюшка, я уже читал и восхитился, насколько высокая персона сотрудничала с российским Генеральным штабом, — искренне посочувствовал консул. — Жаль только, что он покончил с собой.

— Воистину жаль, что несчастный полковник принял на душу столь тяжкий грех перед святителем нашим, — вздохнул и перекрестился священник. — Но он показал перед лицом смерти большое мужество... А вам не было никакого представления насчет недозволенной деятельности?

— Не было, святой отец, — отвечал консул. — Ведь австрийские власти еще не успели очухаться от такого страшного удара... Погодите, может быть, через неделю они возьмутся за ваших прихожан!

— Помилуй бог, — опять закрестился поп. — А не могли бы вы позондировать почву в полицейпрезидиуме? Разумеется, под каким-нибудь достойным предлогом? А?

Консул подумал несколько минут. В конце концов он не нарушит инструкций министерства иностранных дел,

если попытается защитить интересы России, навестив кое-кого в пражском полицейском управлении.

— Ваше превосходительство, — еще раз восторженно воскликнул священник, — а в Петербург вы уже направили свою телеграмму по поводу сообщения этой газетки? — потряс он свернутой в трубочку «Прагер тагеблатт».

— Только собираюсь, — ответил ему Жуковский и подумал, что на самом деле стоило бы спешно информировать шифрованной телеграммой начальство в столице Российской империи, дабы потом не упрекало оно за опоздание или бездействие.

— Благодарю вас, ваше превосходительство, — поднялся со своего места расстроенный священник и пояснил: — Весьма важно узнать и успеть сообщить нашим друзьям, раскрыл ли несчастный полковник свои источники информации той комиссии, которая приговорила его к смерти...

Когда батюшка вышел из кабинета, консул ненадолго задумался, а затем принялся набрасывать на листке цифровой текст сообщения, который спустя три часа был получен в Петербурге в министерстве иностранных дел и передан самому министру Сергею Дмитриевичу Сазонову.

43. Вена, май 1913 года

После появления знаменитого «опровержения» в «Прагер тагеблатт» засуетились журналисты в Вене. Они кинулись к отелю «Кломзер», чтобы разнюхать подробности дела, но швейцар, дежуривший в ночь с 24 на 25 мая, получил экстраординарный отпуск и исчез неизвестно куда. Портье согласно строжайшей инструкции самого статского советника Гайера держал язык за зубами. Напрасно совали ему журналисты внушительные

купюры — ничто не могло заставить портье открыть страшную тайну.

В ближайшие дни в парламент было внесено 20 срочных запросов. Весь мир узнал о причинах самоубийства Редля, которые генштабисты пытались скрыть вначале даже от самого императора и его наследника — Франца-Фердинанда.

Военная каста Австро-Венгрии, ее верхушка — Генеральный штаб — не давали в обиду одного из своих бывших известных и почетных членов не только по корпоративным соображениям. Сообщество высших армейских чинов весьма предусмотрительно стремилось, с одной стороны, преуменьшить военный и политический ущерб, нанесенный Дунайской монархии Редлем, а с другой — списать на него все свои стратегические промахи, неосведомленность о силах вероятного противника, другие провалы собственной секретной службы.

По приказу майора Ронге агентура Эвиденцбюро и политической полиции изливала досаду контрразведки на бывшего полковника разными грязными слухами. Редля обвинили во всех пороках и самых страшных грехах, но никакие упреки в адрес начальника штаба VIII корпуса не могли заглушить громкости скандала в Срединных державах.

Страсти в Вене, Берлине кипели даже спустя год, в августе 1914 года, необычайно. Бывший депутат рейхсрата граф Адальберт Штернберг с упорством маньяка отстаивал, например, собственную теорию о том, что полковник Редль был, оказывается, виновником мировой войны. Глубокомысленный граф полагал, что только из-за Редля ни Германия, ни Австро-Венгрия не знали о том, что у России имелось под знаменами 75 боеспособных дивизий, превосходивших значительно австро-венгерскую армию. Срединные империи, агентуру коих на Востоке якобы совсем парализовал злодей Редль, слепо стремились в бой и навалились на эту мощь. Граф-депутат считал также, что вездесущий Редль подробно информировал русских о военных приготовлениях австро-германских союзников и вся мало-мальски секретная документация венского Генерального штаба благодаря ему имела в копиях в Петербурге.

Отвечая на запрос этого крайне правого члена рейхсрата, престарелый министр обороны фельдмаршал фон Георги патетически отверг обвинение. Министр

информировал господ депутатов, что Редль всего два года занимался шпионажем — после своего назначения в Прагу.

Пылкий не по годам Штернберг, возмущенный столь несерьезным ответом, весьма в резких и непарламентских выражениях возразил фельдмаршалу, что Редль не два, а последние десять лет жил в неимоверной роскоши, имел богатые квартиры в Вене и Праге, два автомобиля, поместье, содержал даму полусвета, имел собственную конюшню и неизвестно какие еще блага.

Пока немощный старец фельдмаршал соображал, что нужно ответить графу-нахалу, с правительственных скамей поднялся сам начальник Генерального штаба Конрад фон Гетцендорф, которого фон Георги просил присутствовать при ответах на запросы по поводу дела Редля. Возмущенный военачальник решил собственноручно дать отпор демагогу депутату, а заодно и всем штатским, покушавшимся на честь армии.

— Слухи о богатстве Редля весьма преувеличены, — раздраженно заявил генерал. — Если бы Редль, например, имел квартиру в Вене, то ему не надо было останавливаться в отеле... В Праге он имел всего-навсего двухкомнатную казенную квартиру, а не нанимал какие-то роскошные апартаменты, как раздули господ репортеры... Из его послужного списка известно, что несколько лет назад он получил небольшое наследство, и это даже отмечено в его служебной аттестации: «владеет недвижимостью». Господа депутаты, судебное следствие идет, мы строго накажем виновных! Попрошу до окончания следствия не отвлекать военную прокуратуру беспочвенными сказками!

Слова фон Гетцендорфа вызвали бурю в рейхсрате. Депутаты оппозиции впервые за много лет сошлись во мнениях с камарильей эрцгерцога Франца-Фердинанда, критиковавшей престарелого императора и особенно активно подкапывавшейся под клан генштабистов.

Как! Отказаться от ареста преступника, от полного расследования и выяснения всего ущерба, принесенного этим славянским изменником двуединой монархии! Не разыскать его сообщников, не устроить громкого политического процесса, который позволил бы заодно расправиться со всеми вождями славянских национальных меньшинств в империи, подрывавшими ее славный германистический дух! И при всем при том целую ночь

высокопоставленные штаб-офицеры, как какие-то мелкие сыщики, охраняли отель «Кломзер»! А статский советник Гайер, шеф политической полиции, лично приводил к присяге, сберегавшей в тайне все обстоятельства, всех сыщиков, агентов, экспертов и служащих гостиницы! Господи, до чего же докатилась Дунайская монархия, если часовое опоздание бека из клуба «Штурм» на матч с ферейном «Унион» не только привело немцев к проигрышу на футбольном поле, но до основания потрясло всю Австро-Венгрию, вызвало взрыв бешенства в Берлине!

...Запросы и комментарии наворачивались друг на друга, как снежный ком, в тот самый момент, когда в столице империи — Вене — предстояло оглашение приказа гарнизонного коменданта о порядке предстоящих торжественных воинских похорон бывшего полковника императорского и королевского Генерального штаба Альфреда Редля, а военный оркестр в Россауской казарме репетировал траурные марши, под которые три батальона упражнялись в ношении венков и прочих почетных церемониях. Как и полагается, к похоронам по первому разряду были заказаны венки от военных и гражданских учреждений, воинских частей, с которыми Редль поддерживал отношения по службе.

Однако в самый день похорон рано утром с курьерами был внезапно разослан циркуляр коменданта, гласивший: «Погребение бывшего полковника, господина Альфреда Редля, должно произойти с сохранением абсолютной тайны. Настоящим приказом отменяется ранее изданный по этому поводу приказ коменданта города Вены. Полковник Бюркль».

Приказ Бюркля вызвал новую волну критики в адрес бестолкового военного командования, особенно этих напыщенных идиотов из Генерального штаба. Но общественная критика нисколько не помешала тому, что тело Редля вопреки его предсмертной записке было вскрыто, а затем в простом лазаретном фургоне доставлено на Центральное кладбище. При погребении не присутствовало ни одного офицера. Брат покойного оплатил все расходы, которые составили менее пятисот крон. На скромную могилу номер 38 в 29-м ряду 79-й группы Центрального кладбища Вены никто не принес цветов в первые дни после того, как тело полковника Альфреда Редля было предано земле. Только

спустя неделю мальчишка-посыльный торопливо положил большой букет. Агенты, на этот раз исправно дежурившие в кладбищенской сторожке, схватили мальчугана. Тут же его строго допросили, кто же передал цветы. Посыльный страшно перепугался, но рассказал сквозь слезы, что какой-то господин, явно военный по выправке, дал ему крону на вокзале перед отходом поезда, наказав снести букет на могилу старого полкового товарища...

Когда сыщики доложили всю историю майору Ронге, он только хмыкнул и спросил, не назвал ли господин свой полк — Петербургский или Киевский? Агенты поняли, что начальство изволило пошутить, и обещали удвоить бдительность. Но поиски господина, соответствовавшего описаниям посыльного, разумеется, так ни к чему не привели.

Тем временем в Праге в бывшей квартире бывшего полковника все рукописи, документы, книги и фотографические пластинки, которые имели отношение к агентурной деятельности Редля, были уложены в большой сундук, доставленный в Вену лично полковником Урбанским. Ведение дальнейшего следствия в Праге было поручено двум аудиторам — доктору Леопольду фон Майербаху и доктору Владимиру Дакупилу. Нотариус сделал опись имущества, и, поскольку требовалось освободить квартиру для преемника Редля полковника Зюндермана, мебель, личные вещи и оборудование фотолаборатории было передано на аукцион, который состоялся 30 ноября того же года.

И снова нерасторопность военных властей монархии сыграла с ними злую шутку. Какой-то пражский гимназист приобрел на этой распродаже по дешевке прекрасный фотоаппарат. Принеся домой, юноша принялся его изучать. Когда он открыл заднюю крышку, в камере оказалась не проявленная пластинка. Новый владелец проявил снимок в физическом кабинете своей гимназии и обомлел. На стекле отпечаталась копия с грифом «строго секретно» дополнительного листа к книге Генерального штаба «И-15». Это была инструкция по перевозке воинских подразделений во время войны. Разумеется, снимок в тот же день доставили корпусному командиру барону Гислюку, а тот отправил его нарочным в Вену.

Находка гимназиста сразу стала известна газетчи-

кам, случай этот вышел на страницы печати, вызвав очередной скандал в Вене и Праге. Оппозиционная и крайне правая часть журналистов, недолголюбивавших зазнаек из Генерального штаба, вновь использовала этот повод для того, чтобы позлословить о порядках в этом почтенном органе, расследовательные комиссии которого не удосужились даже заглянуть в фотоаппараты и утеряти таким образом неизвестно еще сколько архисекретных документов.

Восьмидесятитрехлетний монарх и его многочисленная придворная партия, которую поддерживал Генеральный штаб и все командование армии, считали историю, так сильно скомпрометировавшую Австро-Венгрию, несчастьем, которому ничем нельзя уже помочь.

Другого мнения придерживались наследник престола эрцгерцог Франц-Фердинанд и его многочисленные сторонники в чиновничьем аппарате империи и в торгово-промышленных кругах. Эрцгерцог, который платил военным презрением за их нелюбовь к нему, находил факт падения Редля типичным для армии и всеми способами пытался возбудить преследования против высокопоставленных особ. Один из самых оголтелых пангерманистов Австро-Венгрии, Франц-Фердинанд весьма болезненно воспринимал резкие упреки, которые посыпались на союзников из Берлина, когда там, во-первых, поняли, что Конрад фон Гетцендорф хотел было утаить всю историю с Редлем, дабы не компрометировать Генеральный штаб перед немцами, а во-вторых, выразили крайнее неудовольствие фактическим отсутствием расследования масштабов «работы» Редля.

Обширная переписка через нарочных бурно разгоралась между Потсдамом и Конопиште. Вильгельм II не считал нужным щадить гордость наследника австро-венгерского престола. В каждом своем письме он то и дело возвращался к случаю с Редлем, чтобы уязвить двоюродного брата. Кайзер требовал навести порядок в армии. В конце концов эрцгерцог не стерпел упреков из Берлина и помчался специальным поездом в Вену из своего чешского имения, где проводил большую часть времени.

Едва поезд успел прибыть на Центральный вокзал столицы, как Франц-Фердинанд ринулся в ожидавший его автомобиль и без чинов свиты, лишь с одним адъютантом отправился на Штубенринг, в военное ми-

нистерство. Молча, не обращая внимания на вытянувшихся в струнку часовых, наследный принц проскочил в кабинет Урбанского. Не здороваясь, он подошел к полковнику и раздраженно заговорил:

— Это не по-христиански — поощрять к самоубийству! Самоубийство всегда было неуютным богу делом, но, если кто-то еще протягивает свою руку, чтобы помочь осуществить его, это уже варварство! Да, да! Варварство!.. Как можно допустить, чтобы человек умер, не приобщившись святых тайн?! Даже если бы он был тысячу раз негодяем. Всякая сволочь, которую вешают, хотя бы у виселицы получает церковное благословление! Этого предателя я бы тоже с удовольствием вздернул, да, вздернул, но перед вздергиванием хорошенько бы допросил, чтобы выявить сообщников! В Берлине считают, что у Редля остались сообщники, а вы их прикрыли этим самоубийством...

— Ваше высочество, — позволил себе прервать злобную речь эрцгерцога полковник Урбанский, — никто не приказывал Редлю кончать с собой!

— Достаточно и того, что вы не удержали его от самоубийства. А теперь мы бессильны что-либо расследовать... Бес-силь-ны!

Закончив тираду, наследник резко повернулся и почти бегом покинул комнату. Он смерил на прощанье колючим взглядом всех офицеров, собравшихся в приемной по случаю его неожиданного визита, после чего помчался в Шенбрунн к своему престарелому родичу и политическому антагонисту.

Фыркающий экипаж эрцгерцога подкатил к парадному входу во дворец, лакеи согнулись в пояском поклоне перед его высочеством, но он и здесь не удостоил никого взглядом.

Франц-Иосиф уже закончил разбор всех государственных бумаг. Теперь государь просто так сидел за своим вычурных форм белым столом и не мигая смотрел в пространство.

Несмотря на взаимное озлобление, которое царило в душах эрцгерцога Франца-Фердинанда и престарелого монарха, прислуга никогда не должна была видеть малейших проявлений нелюбезности дяди к племяннику, тем паче наоборот. Правило соблюдалось свято и в Шенбрунне.

Франц-Иосиф с трудом поднялся со своего кресла,

сделал вид, что обнимает эрцгерцога за плечи. Его рот со втянутыми старческими губами под густыми седыми усами, переходящими в пышные бакенбарды, проламывал какое-то подобие приветствия. Затем немощный император вновь опустился в теплое кресло.

Движением руки эрцгерцог удалил из кабинета секретаря его величества, для которого, собственно, и разыгрывалась эта комедия нежного приветствия и душевного объятия, и сразу же приступил к сути дела. Отношения между родственниками были весьма натянутые, поэтому наследник начал совершенно официально:

— Ваше величество! Случай с гнусным предателем Редлем показал, что вся система военной службы в империи должна быть почищена железной метлой! — Эрцгерцог говорил медленно и спокойно, но в его спокойствии клокотал скрытый гнев. — Особенно быстро следует реорганизовать военное училище — главный поставщик командиров в армию. Моя инспекция доносит, что в нем царят вопиющие беспорядки! Шпионское дело Яндржика и такой же случай с Фирбасом, дело об убийстве посредством отравления, в котором замешан Годрихтер, и, наконец, скандальное дело Редля доказывают, поскольку все названные лица были воспитанниками этого училища, что система его воспитания и мораль прогнили насквозь!

— Нет, — спокойно отвечал монарх.

— Следует также сменить корпусных командиров, начальников дивизий и всех основных руководителей военного министерства, — продолжал высказывать свои требования эрцгерцог, никак не отреагировав на излюбленную реплику старца. — Необходимо полное обновление состава Генерального штаба. Туда надо привлечь во что бы то ни стало представителей старых аристократических немецких семейств, не могущих запятнать честь мундира предательством! Нужно побороть существующий в армии предрассудок, что аристократы могут служить только в кавалерии!

Старый император не мигая смотрел на племянника. «Эх, молод он еще и горяч. Как бы не погубил империю!» — думал старец. Слова едва доносились до его сознания, Франц-Иосиф не вникал в их смысл, поскольку все, что он решал, было заранее продумано и взвешено секретарями, министрами, чиновниками, а ему оставалось только своей подписью придать решению си-

лу. Однако император твердо усвоил одну истину за все шестьдесят пять лет правления, которое начиналось в эпоху революций 1848 года и приблизилось к рубежу, когда вот-вот разразится небывалая европейская война, основная задача которой, по мнению всех венценосцев, — укрепить и сохранить незыблемыми порядки предыдущего, XIX века, усмирить чреватые революциями народные толпы. Эта истина определяла всю политику монархии: военная каста — надежнейшая опора трона. Нельзя колебать и раскачивать эту основу, подвергая ее общественной критике, тем паче репрессиям за упущения по службе. Особенно верил старый император в Генеральный штаб и его офицеров, которые составляли особый клан в армии Австро-Венгрии. Именно поэтому, спокойно выслушав наследника, Франц-Иосиф снова произнес свое сакраментальное: «Нет!»

Франц-Фердинанд вспылil, но мгновенно овладел собой, резко поднялся со стула и, не прощаясь, поскольку свидетелей холодного расставания не было, удалился из залы.

Старцу, казалось, всё это не причинило ни малейших неприятностей. Позвякивая орденами, он тоже поднялся с кресла и шаркающей походкой отправился в противоположный конец залы, к маленькой дверце, ведущей в личные покои.

Наследник престола Габсбургов так быстро покидал кабинет императора, что придворные и чиновники, незадолго до этого закончившие свои труды и еще не успевшие разойтись, стали невольными свидетелями его бешенства.

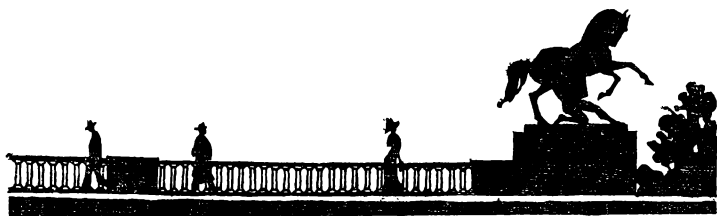
— Опять столкнулись его величество и его высочество! — со скрытым злорадством нашептывали друг другу старички в парадных мундирах, восседавшие по покоям Шенбрунна, когда мимо быстрым шагом мчался эрцгерцог Франц-Фердинанд, громохая палашом и звеня шпорами.

Его высочество смог полностью отдаться гневу только в салоне автомобиля.

«Черт побери этот проклятый Генеральный штаб и всех его преторианцев! — бранился Франц-Фердинанд под грохот мотора. — Они все стоят друг за друга, все игнорируют мои приказы — приказы наследника престола! Эта паршивая каста повинуеться только приказаниям своих «старшин». Подумать только! Старший офицер

скомандовал этому предателю выстрелить в себя, и тот исполняет это богохульственное приказание спустя два часа, которые ему потребовались на предсмертные письма! Нет! Надо уволить этого Урбанского, осадить Конрада! Ведь они покровительствуют славянам, подрывающим империю! И они никогда не допустят, чтобы кто-то из их клана был предан суду! К тому же ни один аудитор не осмелился бы вынести обвинительный приговор штабному офицеру! А этот свинья Урбанский еще осмеливается подавать прошение с просьбой рассмотреть его образ действий в судебном порядке — и штабные крысы поддерживают его!»

Специальный поезд в тот же день увез эрцгерцога назад в Прагу и Конопиште, где Франц-Фердинанд для успокоения предался своей страсти — охоте на коз и оленей. И, всаживая пулю в грациозное животное, наследник престола плотоядно улыбался и говорил: «Вот вам, штабные крысы! Вот вам...»

44. Петербург, май 1913 года

Получив депешу из Праги, Сергей Дмитриевич тщательно запер дверь своего кабинета, достал из сейфа книгу личных шифров, поколдовал несколько минут над колонками цифр, поданных ему только что секретарем, и в ужасе схватился за голову. Телеграмма гласила:

«Его высокопревосходительству, г-ну министру в собственные руки.

В ночь с субботы на воскресенье в Вене застрелился полковник императорского и королевского Генерального штаба Альфред Редль. Военное министерство, видимо, пыталось представить его смерть как заурядный несчастный случай, но пражские журналисты име-

ют сведения об истинной причине самоубийства. Предполагается разоблачение Редля как агента русской разведки, поскольку в его пражской квартире был произведен тщательный обыск, который дал кое-какие результаты. Почтой направляю газетные вырезки из «Прагер тагеблатт» от 27 мая с. г. и венских газет днем раньше. Прошу инструкций.

Консул Жуковский».

Министр задумался, затем приказал принести венские и берлинские газеты. Оказалось, пришли только венские. Сазонов тщательно перечитал в них сообщение, на которое ссылался Жуковский.

— Только этого нам еще не хватало, — сердито тряхнул своей лысеющей головой Сазонов и забарабанил пальцами по столу. Затем он нажал на кнопку звонка к секретарю. Когда чиновник бесшумно появился в дверях, министр бросил: — Соедините меня по телефону с генералом Монкевицем! — И, пока не звякнул его аппарат, стоящий на специальном столике подле письменного стола министра, Сазонов нервно барабанил пальцами по бювару, в котором лежал большой лист промокательной бумаги.

— Николя, здравствуйте! — вежливо начал министр и, дождавшись ответного приветствия, так же внешне спокойно задал вопрос: — Вы уже читали, мой друг, венские воскресные газеты? Ах, да! А сегодняшняя пражская до вас еще не дошла? Да, да, это по поводу самоубийства полковника Редля! Телеграмму я уже получил!.. Был бы очень рад вас видеть... Пообедать вместе? Охотно... «Отель де Франс» на Большой Морской, в четыре? Согласен!

Маленький подвижной человек с большим носом, похожий на нахохленную птицу, вылез из кресла, нервно прошелся по кабинету, затем вытащил из жилетного кармана большие золотые часы, украшенные императорским вензелем из бриллиантов, откинул нажатием пальца крышку: было около трех часов.

...Монкевиц вернулся необычно быстро после обеда с Сазоновым, трапезы с которым обычно затягивались у него на несколько часов, к обоюдному удовольствию приятелей. Сазонов имел обыкновение во время дружеских обедов информировать начальника разведывательного отделения Генерального штаба о главных линиях политики мировых держав, а Монкевиц снабжал дип-

ломата такими глубоко скрытыми от постороннего глаза деталями, без знания которых любому политику трудно вести внешние дела.

Николай Августович быстро прошел через коридоры генерал-квартирмейстерской части. Ему попались на встречу лишь два старших офицера — присутствие, как всегда, закончилось в 5 часов вечера, и делопроизводители успели разойтись по домам. Энкель по заведенному порядку, когда генерал отсутствовал, был на своем месте и изучал какую-то бумагу.

— Ваше превосходительство! — обратился он к Монкевицу, приподнимаясь на своем стуле в знак почтения. — Приходил адъютант генерал-квартирмейстера и сказал, если будет что-то срочное — Юрий Николаевич просил передать ему на дачу, что на Каменноостровском проспекте...

— Да, сегодня у нас будет очень срочное и неприятное! — резко подтвердил Монкевиц. — Один из наших крупных агентов в Праге раскрыт и покончил самоубийством...

У Энкеля словно оборвалось что-то внутри — он чутьем понял, что его болтовня могла вызвать какую-то катастрофу в Вене или Праге, а то и в самом Берлине. Оскар Карлович усилием воли принял спокойный, но озабоченный вид и, выражая готовность ко всяческой деятельности, обратился к начальнику:

— Я предлагаю немедленно вызвать Алексея Алексеевича, как главу австро-венгерского делопроизводства — это, вероятно, его агент — или кого-либо из его делопроизводителей...

— Немедленно вызовите шифровальщика и телеграфно запросите от нашего военного агента в Вене детали скандала, вовлеченность в него военных и придворных кругов, возможность провалов других наших легальных и нелегальных работников в Австро-Венгрии... Подготовьте телеграммы в Варшаву — Батюшину и в Киев — Галкину о провале одного из агентов, потребуйте немедленного предупреждения их работников о необходимости соблюдать крайнюю осторожность, пусть также проанализируют возможные последствия с точки зрения их разведпунктов... Сообщите нашим военным агентам в Стокгольме, Берлине, Бухаресте, Риме, Берне, Париже — словом, во всех европейских странах, откуда ведется разведка Австро-Венгрии...

Когда Монкевиц остановился на мгновение, Энкель быстро вставил свое новое предложение:

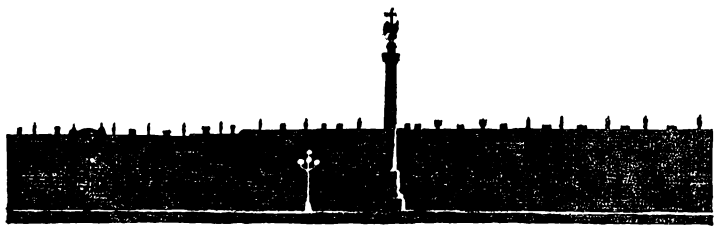
— Шифровальщикам, ваше превосходительство, надо отдать приказ работать и ночью... Вдруг что-нибудь придет из Вены... А кто будет готовить доклад на высочайшее имя?

— Сначала надо самим разобраться, а потом докладывать государю, — проворчал генерал. — Скажите вестовым, чтобы вызвали Соколова и всех других, кого я назвал, да чтобы поторопились... Пусть возьмут штабной мотор.

От сознания своей возможной вины в провале крупного агента Энкель говорил и действовал особенно услужливо. Но после минутного замешательства у него в душе даже звякнула какая-то нотка удовлетворенности. Эти самодовольные русские, которые словно медведи тщанием Петра Первого вылезли из своей берлоги в Европу и превратили его гордую и горячо любимую Швецию из великой державы во второразрядное государство, эти мужики, которые отобрали у шведского короля по сговору с Наполеоном Бонапартом восточную колонию — Финляндию, эти неучи, которые вдруг так глубоко проникли в самые сокровенные секреты обожаемых Энкелем Срединных империй, теперь они были жестоко наказаны.

Энкель боялся только за свое реноме, но по трезвому раздумью он решил, что опасности для него нет никакой. Даже если начальству и станет известно, что он иногда слишком распускает язычок у Мануса, то о секретной стороне бесед в кабинете купца никто и догадаться не сможет. Придя к такому выводу, Оскар Карлович решил не маскировать свой интерес к «делу Редля», а, наоборот, постараться выведать как можно больше, чтобы в дальнейшем припугнуть Мануса возможностью его разоблачения. Профессиональный шпион не мог не попытаться извлечь из всего дела дополнительной для себя выгоды.

Но он был немало огорчен, когда получил приказ Монкевица выехать с варшавским экспрессом в тот же вечер к Батюшину для координации всех действий по прикрытию оставшейся секретной агентуры в Австро-Венгрии. Оскару Карловичу не оставалось ничего, как исполнять приказ и собираться в дорогу.

45. Петербург, май 1913 года

...После своего возвращения в Петербург и знакомства с Анастасией Соколов жил необыкновенной жизнью. С десяти до пяти он, как и прежде, напряженно трудился в своей стеклянной конторке в здании Генерального штаба, получал и расшифровывал донесения агентов, анализировал документы и чертежи крепостей, ставил аккуратно все новые данные на картотеку, отмечал передислокацию частей австро-венгерской армии — словом, выполнял свои обязанности как бы механически.

Когда же заканчивалось присутственное время и не надо было оставаться для дополнительных работ, Соколов попадал в другое временное измерение. Оно определялось встречами с Анастасией — от одного свидания до другого.

Девушка занималась в консерватории, давала частные уроки пения. Когда случались редкие свободные вечера, они шли в театр или в концерт, блуждали по музейной части Зимнего дворца, куда Соколов попросил временный билет у хранителя Эрмитажа, отправлялись просто бродить по улицам. Все эти часы проходили для полковника в каком-то блаженном тумане. Соколов не расспрашивал девушку ни о чем, не жаловался на свою судьбу, а исподволь стремился сделать так, чтобы Стасе было интересно бывать с ним.

Встречались они и в молодежном салоне статской советницы Шумаковой. Там привыкли к полковнику, считали его своим, называли за глаза «розовым» и уже больше не дразнили. Наоборот, большевик вел с ним товарищеские дискуссии. Этот простой питерский рабочий постепенно старался открыть ему — полковнику Генерального штаба — законы общественного развития,

о которых ни в какой военной академии императорской армии и слыхом не слыхивали.

Взгляды Соколова под влиянием его любви к Стасе, общения с ее друзьями, а главное — под влиянием всей предвоенной обстановки и его собственного понимания справедливости, правды жизни постепенно трансформировались. Его взгляд на мир очищался от казенного верноподданнического патриотизма, воспитанного казармой и залом офицерского собрания, сдвигался в сторону смутного понимания забот и тревог простого люда, сочувствия бедственному положению рабочих и крестьянских масс, созревших для новой революции, которая обещала быть еще более широкой и всеохватывающей, чем в 1905 году.

Любовь к Анастасии, долгие беседы во время прогулок по набережным Невы, по проспектам «Северной Пальмиры», чистота и одухотворенность Стаси повернули по-новому его восприятие духовной жизни. Старательный и работающий офицер, отдававший себя целиком военной службе два десятка лет, вдруг увидел, что его родина богата такими гигантами мысли, как Горький, как недавно умершие Чехов, Толстой. С помощью Стаси он узнал, что в Петербурге полным-полны не только залы офицерских собраний или кафешантаны, но залы консерватории и филармонии, популярны выставки и картинные галереи, кипят споры художников группы «Мир искусства» и футуристов, происходят студенческие сходки, бурлят рабочие марксистские кружки.

Иногда Соколов приглашал Анастасию в свой старый мир, который все больше и больше отдалялся и от него самого. Он звал ее на «семейные» вечера в офицерское собрание или на балет в Мариинский театр, где в сезон почти ежевечерне собирался «весь Петербург».

...В тот день, когда в столицу пришло известие о провале одного из агентов полковника, ничего не подозревавший еще Соколов собрался с Анастасией в балет. Это было одно из последних представлений перед закрытием сезона. На извозчике они прибыли к театру в тот момент, когда владельцы лож еще не приехали, а гвардейская молодежь и остальные завсегдатаи партера уже собрались в креслах перед закрытым занавесом и судачили о своих делах.

Сбросив на руки знакомого капельдинера плащ, бережно сняв пальто с плеч Стаси, Алексей Алексеевич, придерживая свою спутницу под локоток, проследовал по мягкому ковру к купленным креслам и сначала усадил Стаси. Затем он, отвечая на поклоны знакомых офицеров, дружно уставившихся восторженными глазами на его спутницу, прошел к барьеру оркестра и положил на красный бархат свою фуражку в пеструю вереницу других военных фуражек и киверов.

Видя всеобщий интерес к девушке, он даже пожалел, что неписанные правила запрещают ему, старшему офицеру Генерального штаба, брать места в театре дальше восьмого ряда партера. Уже поднялся занавес, уже гирлянды воздушных фей порхали от кулисы до кулисы, уже корифейки, точно громадные белые розы, опрокинутые вниз, согласно исполнили танец, а знакомые и незнакомые Соколову офицеры, оборотясь спиной к сцене, выказывали Анастасии знаки восхищения и живейшее одобрение вкуса полковника.

Делая вид, что ему все это безразлично, и внутренне сгорая от стыда, Соколов независимо принялся разглядывать ложи. В одной из них он углядел старого друга Роопа, делавшего ему пригласительные знаки в то время, покуда его жена разглядывала Соколова и его спутницу в бинокль, приветствуя их веером в поднятой левой рукой.

— Пойдемте, Стаси, к моим друзьям! — предложил Соколов.

— А мой туалет их не шокирует? — показала Анастасия на свое скромное платье.

— Что вы, на вас королевское одеяние, — улыбнулся Алексей своей спутнице. Они еле дождались смены картины, чтобы выскользнуть из партера в ложу.

Соколов представил Стаси жене Роопа, холеной петербургской красавице. Он с удивлением отметил, как сразу поблекло обаяние признанной салонной чаровницы рядом с безыскусной красотой Анастасии. Молодой гостье подвинули кресло поближе к хозяйке ложи, и они скоро нашли общий язык, обсуждая достоинства музыки и хореографии Петипа.

Изящная музыка, легкокрылый танец балерин, еле слышный стук пуантов о подмостки, красивые изгибы рук и талий — все это так мало походило на ту на-

стоящую жизнь, которую Соколов узнал за минувший год.

Здесь уходили в какой-то далекий страшный сон прокопченные фабрики, на которых по двенадцать часов гнули спину мастеровые, сырые ночлежки в тумане человеческих испарений, трактиры и харчевни, где грелся кипятком и насыщался вареной требухой трудовой люд, черные рабочие казармы, где ни днем ни ночью не пустовало ни одного места на нарах: пока работала одна смена фабричных, другая спала на тех же самых местах, чтобы двойной платой еще больше увеличить прибыли хозяина...

Танцы, музыка, сладкие созвучия скрипок и труб, медовый яд женских улыбок, великолепный, ни с чем не сравнимый петербургский балет, — все это отодвигало в мнимое небытие настоящую, суровую и лихую жизнь трудового люда, создающего для немногих богачей немыслимую роскошь.

Социальные контрасты российской столицы стали словно лучами света во мраке проясняться Соколову. Он сам изумился своему прозрению, наблюдая с высоты ложи фальшь светских улыбок и мишуру блестящих мундиров, яркую россыпь бриллиантовых искр на оголенных плечах, собравшихся в бельэтаже и партере театралок.

Упал занавес, в зале сразу стало светло. Внизу еще ярче засверкали золотом и серебром погоны офицеров, аксельбанты штабных, эполеты генералов, белые колеты кавалергардов, зеленые с красным мундиры гвардейской пехоты, красные, обшитые вдоль борта широким позументом конной гвардии. Дамы в вечерних открытых платьях своими большими прическами, сиянием драгоценных камней и нежной розовостью кожи смягчали четкую резкость мундиров и фраков.

Соколов, пребывая в двойственных чувствах, только вознамерился завязать ничего не значащий разговор с Роопом, как отворилась дверь ложи и, сопровождаемый его знакомым капельдинером, появился дежурный адъютант Генерального штаба.

— Ваше превосходительство! Разрешите обратиться к господину полковнику, — обратился он к генералу Роопу.

— Прошу, корнет!

— Господин полковник, его превосходительство ге-

нерал Монкевиц просит вас немедленно прибыть в отделение... Мотор ждет у подъезда... Честь имею!..

Корнет откланялся дамам, щелкнул каблуками перед офицерами и вышел из ложи. Рооп и его жена принялись уговаривать Анастасию остаться до конца спектакля, но девушка решила уйти вместе с Алексеем. Соколов снова поразился, как много такта было у Стаси, с каким гордым достоинством и свободой держалась она в обществе светских львов, какими были, без сомнения, командир гвардейского кавалерийского полка и его высокородная спутница жизни.

«Вот тебе и русские разночинцы! — думал с восхищением Алексей, сопровождая Стаси по крытой красным ковром парадной лестнице Мариинского театра. — Ни в каких обстоятельствах в грязь лицом не ударят!..»

Он машинально отдал честь гвардейцам, стоявшим, как обычно, на карауле подле входа в царскую ложу, хотя она и была пуста, подошел к выходу, где уже стоял капельдинер с их платьем. Внимание Соколова снова переключилось на что-то очень серьезное, происшедшее в его делопроизводстве. Он не думал, что это связано с внезапно разразившейся войной где-нибудь на Балканах, поскольку тогда были бы вызваны из театра и другие офицеры, знакомые ему, хотя бы шапочно, по Генеральному штабу. Он мысленно перебирал слабые звенья в своих группах, но никак не мог и подумать, что таким звеном окажется профессиональный разведчик, ловкий, изворотливый Редль.

46. Петербург, май 1913 года

Мотор быстро преодолел расстояние, отделявшее блеск и музыку Мариинского театра от суровой строгости Генерального штаба. Соколов попрощался с Анас-

тасией, которую шофер повез на Васильевский остров, и окупнулся в новые заботы.

— Я уже не чаял вас сегодня найти, — сказал после приветствия Николай Августович. Его косые глаза враз оба уставились на Соколова, что означало чрезвычайно серьезный характер сообщения, которое он приготовился сделать своему подчиненному. — Читайте телеграмму из Праги. Мне ее любезно передал Сазонов...

Соколов впилился в текст шифровки — его бросало то в жар, то в холод.

— Ну что-с? — расстроено проскрипел Монкевиц. — Надо спасти положение... Я отправил Энкеля в Варшаву, к Батюшину скорректировать наши действия. — Генерал задумчиво пожевал губами и после тягостного молчания продолжил: — Уже вызваны ваши младшие делопроизводители, которые ведут Вену и Прагу. Один из них — капитан Терехов — пошел за папкой с личным делом Редля. Надо посмотреть прежде всего, что там у нас есть, может быть, яснее станут причины провала, и можно будет предугадать его последствия.

Соколов не проронил ни слова. Монкевиц достал папиросу, тщательно раскурил ее, стрельнул левым глазом в Соколова:

— Хотите кофе? Нам, наверное, придется работать всю ночь — завтра поутру мы должны отправить указания в Вену и Прагу.

Корнета отослали в ближайшую кондитерскую с собственным термосом генерала.

Соколов уселся поудобнее за столом отсутствующего Энкеля. Вместе с ординарцем генерала вошел делопроизводитель, принес толстую серую папку, на обложке которой под тисненным золотом двуглавым орлом и грифом «совершенно секретно» красовалось обозначение агента «А-17».

В русской военной разведке того времени конспиративные навыки были весьма развиты, и уже давно здесь было вменено в правило, что даже высокое начальство не должно знать подлинные имена агентов. По всем документам, в том числе и финансовым, они проходили строго под кодовыми обозначениями, а их фамилии и адреса хранились на особом учете в особом сейфе, куда не имел права заглядывать ни сам Монкевиц, ни тем более другие офицеры отделения ниже его рангом. Настоящее имя агента знал, разумеется, только тот дело-

производитель, который вел с ним переписку, назначал встречи, получал информацию. Но даже он вел все бумаги на той же кодовой основе, чтобы, упаси бог, никто чужой, злонамеренно заглянув в толстые папки, не смог узнать подлинных людей и наделать им вреда.

Терехов подал папку генералу, Монкевиц уставился в бумаги.

— Вы встречались с ним лично? — задал Николай Августович вопрос Соколову, не отрываясь от бумаг.

— Только один раз, года три назад, ваше превосходительство, — отвечал Алексей Алексеевич.

— Давайте, полковник, сегодня без официальных, — предложил Монкевиц, и Соколов понял, что генерал хочет всерьез, а не формально, обсудить провал этого чеха, сделать выводы для других негласных сотрудников в Австро-Венгрии, а может быть, и вообще всей агентуры в Срединных державах. Так же, не отрываясь от бумаг, Монкевиц предложил сесть на свободный стул капитану Терехову.

— Итак, давайте начнем набрасывать доклад генерал-квартирмейстеру, который, очевидно, пойдет дальше, на высочайшее имя, с характеристики нашего несчастного Редля. Вот здесь написано, в его личном деле, следующее: «Человек лукавый, замкнутый, сосредоточенный, работоспособный. Склад ума мелочный. Вся наружность слащавая. Речь сладкая, мягкая, угодливая. Движения рассчитанные, медленные. Более хитер и фальшив, нежели умен и талантлив. Циник. Женолюбив, любит повеселиться...» Хм, хм, — пожевал губами генерал, раздумывая над прочитанным. — Характеристика не из лучших.... А что за грязные намеки делают австрийские контрразведчики теперь в его адрес? Здесь нет следа тех страшных пороков, в которых его обвиняют в Вене... Как вы думаете, Алексей Алексеевич?!

— Несомненно, что австрийцы готовы всю грязь, все мыслимые пороки приписать теперь Альфреду, — подтвердил сомнения генерала Соколов. — Ведь он нанес им громадный ущерб...

— На самом деле громадный или здесь они тоже передергивают карты?

— Точнее будет сказать так: ущерб, нанесенный Центральным державам Редлем, велик, но он своей смертью снял подозрения с других высших офицеров

австро-венгерского Генштаба и армии, которые регулярно снабжают нас не менее ценной информацией... Вы помните, Николай Августович, Марченко в бытность его военным агентом в Вене ходатайствовал о награждении двух особ, оказавших ценные услуги славянству...

— Да, да! — откликнулся Монкевиц, обладавший, как и все разведчики, развитой памятью. — Это были, кажется, адъютант военного министра Австро-Венгрии майор Клингспор и поручик 27-й дивизии Квойко?

— Не только они. Полковник Гавличек, начальник оперативного отдела венского Генерального штаба, ряд других офицеров и высших чиновников... Видимо, надо им сообщить через Стечишина, чтобы впредь до особого уведомления они не выходили на связь с нами. Только в случаях самых чрезвычайных...

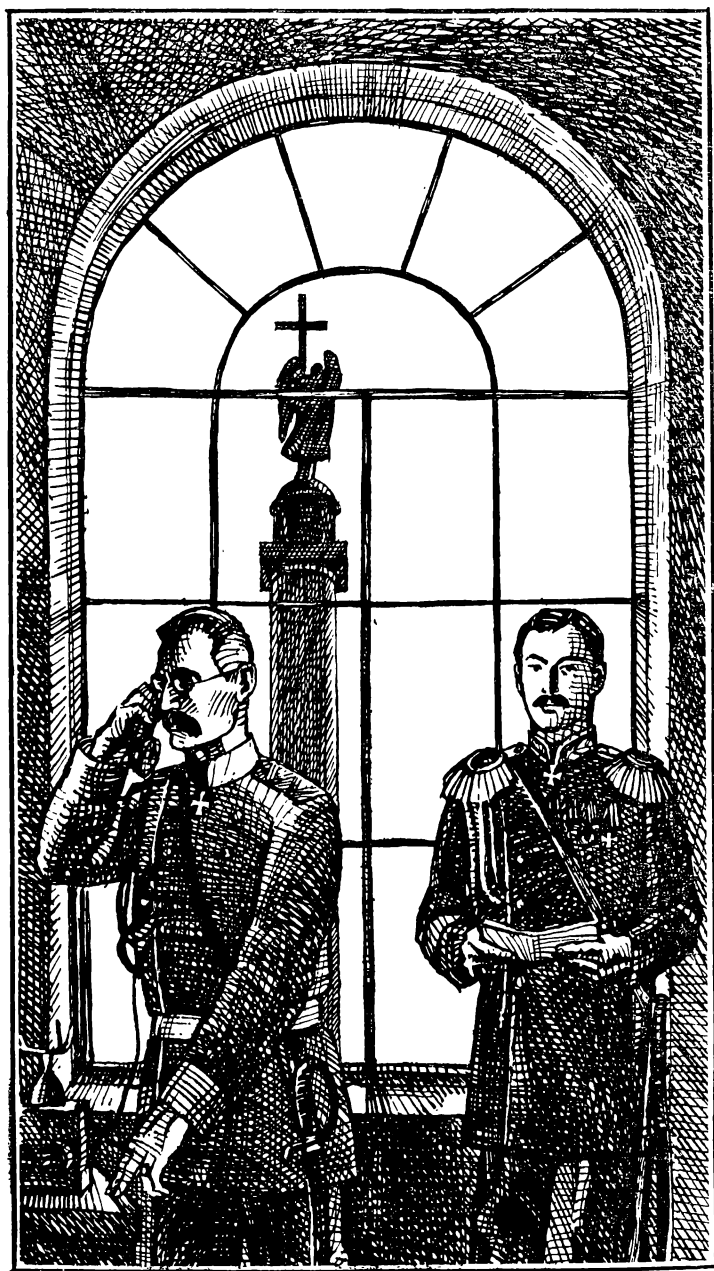
— Вы правы, следует снова вызвать, вероятно, в Швейцарию... связника группы Стечишина. Надо передать связнику четкие инструкции, как вести себя всем нашим негласным сотрудникам, кои работают со Стечишиным... Но мы с вами отвлеклись от самого Редля. Как вы полагаете, он мог во время допроса, который неизбежно последовал после разоблачения, открыть имена и указать местопребывание господ из группы Филимона?

— Исключить совершенно подобного афронта нельзя, — раздумывая, медленно проговорил Соколов. — Но сомневаюсь, чтобы Альфред успел это сделать во время короткого суда, который, по всей видимости, был учинен над ним в гостинице...

За окнами кабинета прозрачный сумрак белой ночи придавал разговору Монкевица и Соколова какой-то мистический, нереальный колорит. В огромном здании все давно было тихо, только заунывный бой курантов Петропавловской крепости раз в четверть часа достигал венецианских окон Генерального штаба.

Вдруг тишину пререзал резкий телефонный звонок. Монкевиц снял трубку с высокого рычага, затем с удивлением отнял рожок от уха, посмотрел на него, приложил снова, спросил:

— Сергей Дмитриевич! Это вы?! И еще не спите? Слушаю, слушаю! — прикрыв рожок микрофона ладонью, он сообщил шепотом Соколову: — Это Сазонов! Он докладывает дело государю!

Монкевиц внимательно слушал, что пищал на другом конце провода министр иностранных дел Российской империи. Его лицо недоуменно вытягивалось, а глаза начинали косить еще больше.

— Мерси, Сергей Дмитриевич! Очень признателен вам, что сочли возможным разыскать меня и сообщить реакцию двора! Желаю вам покойной ночи! — Монкевиц осторожно положил трубку на рычаг и не замедлил передать смысл разговора Соколову:

— Сазонов был сегодня в Царском Селе. Предлог был другой, но Сергея Дмитриевича интересовало это дело в первую голову... Государь рассержен, не желает ничего слышать про провал в Вене... Все дело усугубляют его августейшие родственники... Великие князья каким-то образом узнали о происшествии в Вене и теперь выражают недовольство неджентльменским поведением российского Генерального штаба...

Соколов возмутился при этих словах Монкевица и невежливо прервал генерала:

— Может быть, их высочества отдадут приказ генерал-квартирмейстеру, чтобы мы прекратили агентурную разведку немцев и австрийцев? Или они полагают, что надежные сведения о врагах России мы должны получать только из бульварных газет?! — Гнев Алексея Алексеевича, начинавшего в последние дни приходить к мыслям о бесплодности самодержавия, о необходимости перемен в России, все более и более возбуждался от этого яркого примера эгоистичности и глупости царской фамилии, всех ее бестолковых, слабовольных бездельников, стоящих у кормила правления.

Монкевиц не стал вдаваться в обсуждение высочайшего неудовольствия. Выражением лица он дал понять Соколову, что отнюдь не одобряет крамольных высказываний в адрес царствующего дома. Алексей Алексеевич понял, что его состояние глухой обиды за Россию не найдет отклика у генерала.

Монкевиц между тем по-своему переживал сообщение, сделанное ему Сазоновым. Он замолчал, и только глаза его двигались — каждый по своей орбите.

После некоторого раздумья Монкевиц закрыл папку с надписью «А-17».

— Алексей Алексеевич! Коли не нужно доклада на высочайшее имя по делу Редля, так стоит ли нам сейчас огород городить, не зная всех обстоятельств?! Да-

вайте-ка набросайте небольшую докладную записку на имя генерал-квартирмейстера Данилова по существу известных нам сейчас фактов, укажите, что подробный анализ с учетом открывающихся данных ведется, агентурные связи предупреждены о необходимости соблюдать двойную осторожность и собирайте себе для размышлений все донесения и прессу по этому делу...

— Слушаюсь, ваше превосходительство! — сухова-то отозвался Соколов. — Когда прикажете доложить подробный обзор?

— Давайте, голубчик, — не замечая официальности тона полковника, продолжил Монкевиц, — вернемся к этому делу всерьез через пару месяцев, когда придут из Вены и Праги отчеты дипломатов, донесения секретных агентов...

Генерал аккуратно сложил листки документов, торчащих из папки, закрыл ее, завязал тесемочки и вручил капитану, который за всю ночь не проронил ни слова. Он жестом дал понять офицеру, что его присутствие здесь больше не необходимо. Терехов откланялся и покинул кабинет начальника отделения.

Монкевиц встал, опустил жалюзи своего шведского письменного стола-конторки, тщательно запер их, пояснил:

— Когда я по утрам прихожу пораньше, меня не покидает чувство, словно кто-то смотрел мои бумаги... А у вас с нервами все в порядке, Алексей Алексеевич?

Соколов горько улыбнулся:

— С нервами, кажется, все хорошо! А вот на сердце камень ложится, когда подумаешь, что вся наша работа проходит впустую и не интересуется ни главнокомандующего, ни военного министра...

— Полноте, Алексей Алексеевич! Вы с усталости заговорили языком присяжных думских ораторов! Это они без конца провозглашают конец России с трибуны Государственной думы, ставят палки в колеса нашей военной машине. Мы, солдаты, должны служить царю без раздумий, — скаламбурил Монкевиц. Ему самому очень понравилось созвучие «дума» — «без-раз-думий», и он повторил каламбур: — Именно без разных думий служить Николаю Александровичу Романову...

— А я предпочитаю служить России! — вырвалось у Соколова,

47. Вена, июнь — август 1913 года

Летом политическая жизнь австро-венгерских столиц — Вены, Будапешта, Праги — кипела и бурлила как никогда ранее. Забыв про летнее раздолье отпусков, политики, военные, журналисты и общественные деятели сталкивались в жарких спорах, посвященных «делу полковника Редля». Наследник престола Франц-Фердинанд пребывал вместе со всей своей кликой в состоянии постоянного возмущения и раздражения. Вскоре эрцгерцогу представился случай выразить свое крайнее неудовольствие начальнику Эвиденцбюро. В июле наследник престола и его военная канцелярия проводили в районе чешского города Табор, того самого, где столетия назад чешские борцы сражались против объединенной католической реакции и неметчины, большие маневры армии и ландвера. По старой традиции «вывозил» на эти маневры группу иностранных военных агентов, аккредитованных в Вене, начальник Эвиденцбюро.

Эрцгерцогу как командующему маневрами военные атташе должны были нанести групповой визит по окончании учений. Представлял военных дипломатов Францу-Фердинанду в помещицком доме, служившем временной резиденцией наследника, полковник Урбанский фон Остромиец.

Чудесным вечером на ровном газоне перед замком выстроился ряд военных атташе. Эрцгерцог с адъютантом обходили строй, пожимая руки, расточая любезные улыбки, высказывая каждому несколько вежливых слов. Прежде на подобных церемониях Франц-Фердинанд бывал отменно любезен и с Урбанским. Теперь же, после «дела Редля», главнокомандующий постоянно выражал ледяное пренебрежение начальнику Эвиденцбюро. Презрев элементарный такт, он даже не подал руки и не сказал ни единого слова начальнику раз-

ведывательного отдела Генерального штаба. Все это произвело на иностранных военных атташе впечатление тщательно продуманного оскорбления в адрес полковника Урбанского, о чем, разумеется, они и не замедлили донести в свои органы военной разведки. В Большом Генеральном штабе Вильгельма Гогенцоллерна сделали вывод, что наследник престола союзной монархии, к сожалению, крайне не умен и упрям, а во всех остальных генеральных штабах, начиная от турецкого и кончая испанским, что бестактность эрцгерцога противопоставляет его армии, которой будет нелегко с подобным главнокомандующим во время войны...

А вскоре новый случай дал пищу раздражению Франца-Фердинанда, доставив повод отомстить так ненавидимому им Урбанскому. Это случилось в те дни, когда гимназист купил на аукционе пресловутый фотоаппарат с заряженной в него пластинкой.

Умерить припадок гнева наследника не могли ни начальник Генерального штаба, ни военный министр, ни военная прокуратура — все было напрасно. Через несколько часов после того, как стало известно об этой находке, в Вену уже была передана из Конопиште телеграмма наследника, в которой он требовал «судебного следствия и строжайшего наказания виновных». Аудиторы фон Майербах и доктор Дакупил, продолжавшие все лето расследование в Праге, были немедленно разжалованы и сосланы в штрафные гарнизоны. Бешенство Франца-Фердинанда привело к тому, что в один из дней конца 1913 года в кабинете Урбанского в Эвиденцбюро прозвучал обычный условный звонок, которым Конрад фон Гетцендорф вызывал к себе полковника для доклада важных бумаг. На этот раз Урбанский нашел обычно любезного генерала в состоянии крайнего возбуждения. С первых же слов он заявил полковнику, что должен ознакомить его с приказом эрцгерцога.

Стоя, держа лист дрожащей рукой, Конрад зачитал этот документ:

— «Я пришел к непреклонному убеждению, что энергия и умственная работоспособность полковника фон Урбанского в такой степени ослабели, что об его активном использовании в дальнейшем не может быть и речи. Поэтому предлагаю уволить Урбанского в отставку.

Эрцгерцог Франц-Фердинанд».

Генерал Конрад снял пенсне, запотевшее почему-то, протер его и, водрузив снова на нос, сказал:

— Генеральный штаб и армия возражают против такого решения наследника. Мы не можем допустить, чтобы заслуженный офицер был уволен от службы, которой посвятил свои лучшие годы. Мы обсуждали ваше дело с эрцгерцогом Карлом. Его высочество сказал мне: «Конрад! Вам, наверное, безразлично, будут ли у нас на кокарде инициалы Ф.-И. (Франц-Иосиф), или В. II. (Вильгельм II)...! Да, да! Мы, Габсбурги, ясно отдаем себе отчет в том, что наш трон стоит на очень шатком фундаменте и что единственная наша опора — армия! Если в армии поколеблется доверие к трону, к династии, то нам конец! А все эти акты произвола, которые наследник позволяет себе по отношению к армии и к господину фон Остромиец, — они-то и способны подорвать доверие армии к престолу! Мужайтесь, милый Урбанский!»

Генерал умолк, он и так сказал слишком много. Полковник решил все-таки подчеркнуть, что он также знает о существовании разных партий при дворе и был бы премного благодарен тем силам, которые противодействуют наследнику.

— Ваше превосходительство, — начал он, — мне говорили о том, что в Шенбрунне есть течение, которое полагает, что наследник не годится для роли...

— Офицеру не следует осуждать членов семьи императора! — веско прервал его генерал. — Пока наследник волей божьей наш главнокомандующий, мы будем верны присяге!

Урбанский с удивлением посмотрел на своего начальника, который сам только что позволил себе критически отозваться о Франце-Фердинанде, но понял, что за внешней суровостью тона Конрада фон Гетцендорфа скрывается его уверенность в том, что удастся похоронить под сукно приказ наследника, удаляющий от службы одного из членов всемогущей при венском дворе касты генштабистов. Так оно и получилось.

Когда на следующий день полковник Урбанский явился во дворец к начальнику военной канцелярии его величества Франца-Иосифа барону Больфрасу за предписаниями, тот встретил его словами:

— Милый Урбанский! Вы, вероятно, стащили серебряную ложку со стола его высочества, раз он так

сердит на вас?! Он же хочет выгнать вас в два счета из армии...

Расстроенный полковник изложил царедворцу всю историю с Редлем, где он чувствовал себя героем, а свое Эвиденцбюро — великолепнейшим аппаратом, которому одному принадлежит честь и вся заслуга в разоблачении русского агента.

Генерал Больфрас даже всплеснул руками, услышав печальную повесть полковника. А затем начальник канцелярии категорически заявил, что ни за что не будет представлять императору акт эрцгерцога об увольнении Урбанского.

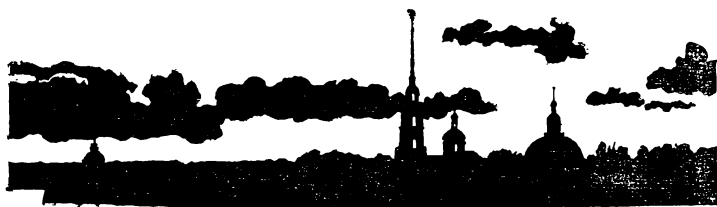
— Ведь его величество так хорошо вас знает, так любит, милый полковник! — заявил генерал. — Он вас помнит со времен аннексии Боснии и Герцеговины, когда вы были назначены военным советником в реформированную македонскую жандармерию. Ведь именно вы, насколько я помню, лично изложили императору возможные последствия этой акции в отношении славянских народов. Что говорить! Пока вы служите начальником Эвиденцбюро, нам удалось выслать двух русских военных агентов и наконец разоблачить Редля! Нет! Нет! Никаких отставок! Его величество захочет обязательно узнать причину отставки, а что я могу доложить? Если сказать ему всю правду, то есть что это акт возмутительного произвола со стороны наследника, то при натянутости отношений между его величеством и его высочеством это, несомненно, вызовет конфликт между ними! Но мы не можем подвергать слабое здоровье императора опасности, которая, безусловно, вытекает из возможного нервного потрясения!..

— Ваше превосходительство! Всегда был и остаюсь ваш покорный слуга! — только и мог вымолвить благодарственно Урбанский в ответ на гневную филиппику генерала Больфраса в адрес зарвавшегося наследника. Начальник Эвиденцбюро понял, что дух военной касты и здесь стоит на его стороне.

...К рождеству 1913 года полковник Урбанский фон Остромиец был удостоен императором знака высшего военного ордена Леопольда, который не всегда получали даже генералы императорской и королевской армии и почти никогда — полковники. В начале следующего, 1914 года ему сообщили, что он представлен к производству в генералы и вскоре получит под коман-

дование бригаду альпийских стрелков — одну из самых привилегированных частей австро-венгерской армии.

Наследник древнего престола Габсбургов — эрцгерцог Франц-Фердинанд — был снова посрамлен своим же собственным Генштабом.

48. Петербург, июнь — август 1913 года

Негромкий выстрел браунинга в венском отеле «Кломзер» словно ударом грома грянул в душной, накаленной соперничеством и шовинизмом европейской атмосфере тринадцатого года.

Грозные тучи войны уже заволакивали политический горизонт, хотя безмятежное солнце еще бросало свои последние лучи на нагорья и равнины континента, на столицы и нивы, торговые города и промышленные районы, пограничные крепости и гарнизонные плацы, где дивизии штатного состава по мирному времени учились только поражать бесплотные мишени пульей, штыком или саблей.

Еще лежали в запечатанных конвертах в сейфах генеральных штабов планы мобилизации и дислокации воинских частей в первые дни войны; мирно поблескивали в арсеналах цинковые коробки с патронами; ясной латунью горели на стальной синеве снарядов головки взрывателей; в ящиках, напоминавших гробы, покоились винтовки с повернутыми к цевью воронеными жалами штыков.

Но в тишине банков, толкучке бирж Лондона, Берлина, Парижа, Вены, Петербурга уже суетились клерки, крутились арифмометры, щелкали костяшки счетов, подсчитывая и прикидывая, сколько золота выйдет из будущей крови и костей солдат, если они сойдутся

на полях сражений, сколькими ассигнациями обернутся страдания вдов, сирот и калек, которых породит Молох войны...

После разоблачения Редля истерическая шпиономания в Вене и Берлине продолжалась, но теперь появился повод списать все неудачи и провалы на мертвого полковника.

Венская придворная камарилья бесновалась, проклиная славян собственной лоскутной империи, принимала одно за другим административные ограничения и акты, унижавшие национальные меньшинства, лишавшие их последних остатков буржуазных свобод.

Из Берлина на все Срединные империи нагнетался военный психоз, почти ежедневно раздавались требования усилить подготовку к войне, очистить тыл от пораженческих элементов, потуже закрутить все гайки у парового котла, который был призван дать двигательную силу германскому локомотиву...

В далекой «Северной Пальмире», кроме немногих офицеров Генерального штаба, десятка политиков и полдюжины осведомленных финансистов, никто всерьез и не думал о близкой войне. Зато в России, более чем где бы то ни было, чувствовалось, как все больше и больше накаляется социальная атмосфера. Недовольство существующим положением было всеобщим — как внизу, так и наверху. Оно росло с каждым новым днем, с каждым новым рескриптом, подписанным царем.

Российские верхи были крайне недовольны Николаем II, потому что они потеряли при упрямом и капризном самодержце всякое влияние. Власть как песок уходила из их рук, а народ все больше и больше электризовался. Министры, члены Государственного совета, сенаторы, правители губерний и городов не знали, кто, собственно, руководит огромной и великой державой? Для них не было тайной, что у монарха отсутствуют государственный ум и прочные принципы, отсутствует определенная, помимо его постоянной жестокости, линия управления страной.

Один за другим следовали провалы в политике правительства, направляемого столь упрямой и вздорной личностью, какой был Николай II. И с каждым новым провалом, с каждым новым обострением противоречий в империи, с каждой новой вспышкой народного недо-

вольства Николай Романов терял симпатии даже самых приближенных людей, своей опоры и поддержки — высшего чиновничества и генералитета. Только самые бездарные из бесталанных его советников оставались слепо верными трону.

Спокойствия не было и в среде чиновников-профессионалов разных ведомств и министерств. Всего за один день без предварительного объяснения или видимой причины происходила в Царском Селе смена министров, а затем перестановки более мелких бюрократов. По столице широко циркулировали слухи, что во всем повинен проклятый «Старец» Распутин, что необыкновенно влияние этого проходимца на царя, царицу, придворных дам и якобы руководимых им министров.

Общественное возмущение связью двора с Распутиным было настолько велико, что ненависть к нему опоры трона — офицерства — вылилась в особое, хотя и в тайне от царя, поручение контрразведывательному отделению Генерального штаба установить наблюдение за «Старцем» и его ближайшим окружением. Не без интриг Мануса и его клики полковник Энкель в конце 1913 года был назначен на пост начальника этого отделения.

На товарищеских обедах в офицерском собрании Семеновского лейб-гвардии полка, где когда-то в молодости проходил службу Энкель, он без тени стеснения рассказывал теперь во всеуслышание скабрёзные эпизоды походов Распутина, почерпнутые из служебных дневников филеров. В этих рассказах звучало не только презрение «цивилизованного» шведа на русской службе в адрес «дикого» и «азиатского» народа.

Был в них определенный политический расчет. Хотя для офицеров гвардии ничего нового рассказы Энкеля не представляли, они все-таки подтверждали слухи, которыми полнилась российская столица. Со ссылкой на полковника Генерального штаба контрразведчика Энкеля сплетни эти расходились дальше по великосветским гостиным и офицерским собраниям других петербургских полков. Они серьезно расшатывали ту опору трона, которой считались гвардия и войска Петербургского военного округа.

Рискованные заявления Энкеля придавали ему ореол

смелого критика-фрондера* и, как считали наивные слушатели, были весьма небезопасны для него. На самом деле фрондерам ничего не грозило. Энкель и иже с ним выполняли волю тех финансовых, промышленных и аристократических кругов, которые готовили общественное мнение к дворцовому перевороту, к преобразованию насквозь прогнившего самодержавия в конституционную монархию, истинным сувереном коей будет алчная и коварная российская, вернее, международная буржуазия.

Азартные политические картежники, прожектируя будущее правительство России, которое позволит ей избегнуть народной революции, так и эдак раскладывали в пасьянсе свои козыри: и возведение на престол великого князя Николая Николаевича; и замену Николая Романова его младшим братом Михаилом; и устранение Николая II при сохранении на троне в качестве регентши при малолетнем царевиче Алексее царицы Александры Федоровны; и призвание на формальное царство кого-либо еще из великих князей.

Промышленные и финансовые воротилы становились все нетерпеливее, а их империалистические аппетиты все разгорались. Интересы различных могущественных группировок российского капитала — прогерманских, профранцузских, проанглийских — сталкивались и переплетались, противоборствовали и союзничали. Всех их объединяло одно — желание предотвратить в России народную революцию, захватить в свое групповое господство всю полноту власти, пристегнуть страну еще прочнее к одному из трех соперничающих между собой отрядов мировой буржуазии — германской, французской или английской.

Но народ уже не безмолвствовал. После расстрела на Ленских приисках, принадлежавших английскому капиталу, управлявшихся Путиловым и Вышнеградским, начался новый революционный подъем. Среди рабочих росло влияние большевиков, то и дело вспыхивали забастовки, росло политическое сознание масс. Слово «революция» становилось желанным и в среде интеллигенции, хотя в устах либералов оно носило весьма расплывчатый и неопределенный смысл.

* Фрондер — от слова «Фронда». Так называла себя во Франции дворянская оппозиция Людовику XIV и Анне Австрийской.

Революции не приходят сами, как весна после зимы. Революции созревают в недрах общества, на них работают антагонистические силы, накапливая напряжение и энергию.

Энергия революции бурно аккумулировалась в России тринадцатого года.

...В Петербурге было жарко. Ртутный столбик большого термометра, укрепленного на стене арки Адмиралтейства, поднялся до невообразимой высоты.

Соколов договорился о свидании с Анастасией в воскресенье у фонтана Александровского сада, напротив главного входа Адмиралтейства и Гороховой улицы, ровно в полдень. Он был на месте задолго до выстрела сигнальной пушки Петропавловской крепости и теперь прятался в тень деревьев подле скалы с лежащим на ней бронзовым верблюдом и бюстом Пржевальского. Он уже много раз перечел надпись на памятнике, сообщавшую, что сия группа воздвигнута в 1893 году по инициативе императорского Географического общества, сверил свои часы с ударом пушки и почти тотчас увидел Анастасию, шедшую к нему со стороны Зимнего.

В своем простом ситцевом платье с туго накрахмаленным кружевным воротником и маленькой соломенной шляпке девушка была чудо как хороша. Ее глаза лучились навстречу Алексею, и он подумал о том, что сегодня, может быть, он осмелится сказать ей самые главные, самые важные для его жизни слова...

В российской императорской армии офицеры не имели права надевать штатский костюм ни в отпуске, ни в воскресенье. Именно поэтому Соколов был затянут в мундир, довольно жаркий и плотный, так что противная испарина покрывала все тело.

Девушка почему-то всегда протестовала, когда Соколов галантно целовал ей руку. Но сегодня, когда Алексей приложился губами к нежной и душистой коже на запястье, Стаси не пыталась отдернуть руку, как это бывало прежде. Надев снова фуражку с белым, по-летнему, верхом, Алексей посмотрел в глаза Анастасии, и ему почудилась в них нежность, которой раньше тоже не было.

«Сегодня объяснюсь!» — твердо решил полковник для себя и, сдерживая вспыхнувшую радость, предложил немного покататься в экипаже по Петербургу, а потом проехать на острова.

Здесь же, на Адмиралтейской площади, находилась стоянка петербургских «Ванек» — так называли извозчиков. В этот жаркий полдневный час почти все экипажи были уже разобраны, но одна из колясок на шинах-дутиках еще оставалась на стоянке. Кучер, одетый в синий мужичий армяк и клеенчатый цилиндр раструбом кверху — традиционный, спокон веку присвоенный «Ванькам» наряд, дремал в тенечке, ожидая щедрых седоков. Алексей и Анастасия не замедлили явиться перед ним. Полковник нанял экипаж, не торгуясь.

— Эх, резвая лошадка — прокачу, барин! — взмахнул кнутом кучер, и коляска покатила сначала по Невскому, чтобы затем свернуть на Литейный, от него — по Французской набережной до Троицкого моста, через Александровский парк, по Каменноостровскому проспекту — на Каменный остров. Затем по уговору извозчик должен был по центральной аллее Каменного острова доставить седоков на Елагин остров, а там направо вокруг острова и на Стрелку.

Соколов был счастлив — полтора часа сидеть бок о бок с Анастасией, касаться ее руки, любоваться ее лицом, слушать ее слова!

Экипаж выехал на Невский. Несмотря на жару, он был полон гуляющими обывателями. Летом здесь коротал вечера по преимуществу рабочий и мелкий чиновный люд, у которого не хватало средств выезжать на дачу или даже на близкие к центру столицы острова. Жители петербургских окраин заполнили в это воскресенье главную улицу столицы Российской империи. Они с любопытством разглядывали витрины дорогих магазинов с заморскими товарами, диковинные съестные продукты, упрятанные от них за зеркальными стеклами гастрономических и колониальных лавок. Изредка простодушный прохожий, степенно скинув картуз, крестился на купол Казанского собора или, задрав бороду, любовался каланчой на башне городской думы.

Вид всех этих людей, высыпавших в воскресный день на проспект, где в будние дни простому человеку и в голову не пришло бы праздно прогуливаться, повернул мысли полковника совсем в другую, далекую от его личных переживаний сторону.

Соколов вспомнил, как Анастасия сначала рассказывала ему, а затем и показала однажды рабочие казармы за Невской заставой, так называемые «корабли», где

на нарах в несколько рядов на каждом этаже здания ютились тысячи фабричных.

Зайдя в один такой «корабль», Соколов не мог продохнуть от спертого, зловонного воздуха, сгустившегося до осязаемости. Он поразился, до чего же эти «корабли» российского капитала напоминали трюмы невольничьих судов, доставлявших негров-рабов в Америку...

Несмотря на близкое соседство Стаси, Соколов углубился в свои мысли. Воспоминания о тех полутора годах, которые он носил в себе образ девушки, соединились в нем с раздумьями о мрачных сторонах реальной российской действительности, о которых он, будучи блестящим офицером-кавалеристом, раньше, до знакомства с Анастасией, совершенно не задумывался.

Даже в Академии Генерального штаба, где, казалось, мудрые профессора-генералы исследовали все стороны жизни государств и армий, подсчитывали в минувших и рассчитывали для грядущих битв людские ресурсы до последнего солдата, решали вопросы снабжения армий и флотов, вопросы транспорта и промышленности, — в стенах этой, одной из лучших в мире военных академий на Английской набережной Петербурга ни слова не говорилось о социальной жизни общества, о тех идеях, за которые должен был сложить на войне свою голову солдат.

И только скромная девушка-консерваторка, дочь петербургского рабочего, сочувствовавшая социал-демократам, и ее друзья, бурно спорящие на студенческих сходках, смогли за год открыть глаза ему, опытному военному разведчику, на могучие социальные силы, которые набирают энергию в недрах российского общества, время от времени потрясая его основы стачками и демонстрациями.

Девушка тоже заметила какую-то перемену в настроении своего спутника.

— Что с вами, Алеша? — участливо спросила она полковника, думая, что он, быть может, переживает неполадки по службе.

— Благодарю вас, ничего! — ответил Алексей и мысленно отругал себя, что так забылся и проявил, видимо, крайнюю неучтивость. Он решил было развлечь свою спутницу обычным светским разговором, но с ужасом убедился в том, что при нынешнем настроении мыслей он не в силах вести пустую болтовню.

Кучер повернул на Литейный. Движение по нему в воскресенье было слабым, и коляска прибавила ходу. Сильная лошадь быстро влекла экипаж мимо офицерского собрания армии и флота, где Соколов с коллегами-конниками отмечал свою победу в конкур-иппике, мимо Артиллерийского управления, у фасада коего привлекали внимание несколько выставленных старинных пушек, мимо здания Окружного суда. В который раз, но уже с новыми мыслями Соколов обратил взгляд на колонны по фасаду этого дворца, построенного в 1776 году князем Орловым. Он указал Анастасии на высокую арку с барельефом, изображающим суд Соломона, и девиз под ним: «Правда и милость да царствуют в судах».

Соколов теперь знал, какие «милость и правда» царствуют в этом суде. Его молодые друзья поведали ему во время одной из встреч в салоне советницы о жестоких расправах над крестьянами и рабочими, которые учиняли царские судьи в этом помпезном здании, о процессах над большевиками — депутатами Государственной думы, которых прямо отсюда отправляли в сибирскую ссылку, о том, как модные адвокаты отсуживали здесь последние гроши у бедняков в пользу своих состоятельных клиентов...

Петербург уже перестал видаться полковнику Соколову безмятежным городом, где царствует всеобщее благоденствие и согласие. Полковник представил себе, что предгрозовая духота, окутывавшая своим напряжением город, не только разлита в атмосфере, но и характерна для всей общественной жизни столицы, более того — всей империи. Мягко трясаясь по торцам мостовой, Алексей представил себе, что удушье перед грозой распространилось на всю Европу. Вот-вот грянут молнии, зарокочет гром, прольются потоки ливня, после которых можно будет дышать полной грудью. Он невольно вздохнул и вызвал снова участливый взгляд Анастасии.

Девушка видела, что с полковником что-то происходит. Внешне невозмутимый и спокойный, Алексей то хмурился, то каменел, его глаза загорались огнем и сразу же тускнели...

Анастасия и не подозревала, что вся эта бурная работа чувств и мыслей невольно вызвана ею самой, ее «политическими» беседами с полковником, встречами его с молодежью в салоне генеральши Шумаковой, бо-

лее похожими на студенческие сходки, разговорами с двумя большевиками — Михаилом и Василием.

Девушка поймала себя на мысли, что этот строгий и подтянутый военный стал ей дорог. Анастасии тоже хотелось видиться с ним, делиться своими мыслями, планами. Она чувствовала — в его душе что-то назревает, женским инстинктом догадывалась о том объяснении, которое ей предстоит. Она и боялась, и хотела, чтобы он выразил свои чувства к ней, и не знала, как ему ответить. Поэтому для нее поездка по воскресному Петербургу проходила тоже словно в тумане. Каменные громады дворцов, перспективы улиц, открывавшие один прекрасный вид за другим, — ничто не радовало Анастасию и Алексея. Они были заняты своими мыслями и отвлеклись от них только тогда, когда экипаж вкатился под сень дивных вековых дубов парка Елагина острова. От зелени деревьев веяло прохладой, парк был полон гуляющими.

Возница остановил у пруда. Они зашагали в сторону стрелки-пуанта.

— Алексей, о чем вы думали всю дорогу? — спросила девушка. — Вы были так озабочены и печальны...

— Настенька, — он ее впервые назвал так, как называли дома, и от этого у нее еще больше потеплело на сердце. — Я думал о том, как много узнал благодаря вам и вашим друзьям за минувший год своей жизни. Он был таким полным, как никогда. Мне кажется, я стал совсем другим человеком...

— Я тоже рада, что смогла познакомиться с вами... — призналась Анастасия. — А помните соревнования, когда вы взяли главный приз?.. Я, не знаю сама почему, так волновалась за вас в тот момент, когда ваша Искра сбилась с ноги перед самым трудным препятствием... Что с ней тогда случилось? Ведь вы могли убиться, как тот офицер, что скакал перед вами...

Как живая, во всех красках мартовского дня перед Алексеем Алексеевичем встала картина скачки и яркий луч солнца, вырвавшегося из-под неожиданно поднятой шторы.

— Да, Настенька, это могло мне стоить тогда сломанной шеи в прямом смысле слова... — сказал полковник. — Я до сих пор вспоминаю этот эпизод и никак не могу понять: отчего вдруг шторы, до той поры мирно висевшие на местах, оказались поднятыми?.. Не могу от-

делаться от ощущения, что кто-то нарочно решил воздействовать сильным световым ударом на мою лошадку... Но кому могла понадобиться эта подлость? Ведь все офицеры честно боролись...

— Постойте, постойте... — остановилась вдруг Анастасия. — Мне кажется, я припоминаю, как было дело... Ведь это окно, откуда вырвались лучи, находилось как раз за моей спиной через два ряда скамеек... Какие мерзкие люди! — скривила гримаску девушка, видно вспомнив что-то важное. — Это все противная старуха Кляйнмихель! Графиня, в салон которой нас один раз приглашали петь русские народные песни, а потом ее гости глумились над нами и называли наши мелодии по-немецки «азиатскими завываниями»!.. Знаете что, Алексей! Это ее рук дело!

— Графиня, поднимающая штору в манеже? — поднял бровь полковник.

— Да нет, не сама графиня. Вы послушайте... Как только племянник графини — а он был на красивом вороном коне — закончил свою скачку, из ложи этой противной старухи — как раз супротив моего места на скамьях — вышел толстый и обшитый с головы до колен позументами лакей с кривым носом, в белых чулках. Он зачем-то, я тогда еще удивилась, но потом забыла, перешел на нашу сторону трибун и встал за последней скамьей, как раз подле той самой шторы... А я была так восхищена вашим выступлением, а потом так испугалась, что не обернулась посмотреть, зачем ему понадобилось покидать ложу графини... Ну и подлая эта старуха! — возмущалась Анастасия. Девушка вместе с Алексеем теперь догадались, что графиня Кляйнмихель заранее продумала всю интригу, чтобы навредить в скачке именно тому сопернику своего племянника, который может оказаться победителем.

Соколов, раздумывая об этом, сразу вспомнил и предупреждение Вольдемара Роопа, которое он высказывал ему в отношении графини Кляйнмихель по поводу ее ненависти ко всему русскому; вспомнил и иронические отзывы о ней контрразведчиков Генерального штаба, которые располагали вескими уликами против престарелой шпионки, но не могли ее тронуть из-за влиятельнейших связей, увенчанных любовью и дружбой самой императрицы Александры Федоровны, а также всемогущего министра двора барона Фредерикса.

Решив наконец для себя первую из тех загадок, что мучили его полтора года, Соколов испытал презрение ко всей высокомерной немецкой аристократической семье, которая не побрезговала мелкой подлостью ради выигрыша конкур-иппика... Разведчик чувствовал, что вторая загадка того же мартовского дня — откуда раньше всех Петр Кляйнмихель узнал некоторые детали его жизнеописания — находится в прямой связи с первой. Для себя он отметил, что было бы полезно пригласиться к старой графине и ее приткому племяннику...

Между тем наступал час обеда. Они обогнули Елагин пруд, вокруг которого число катающихся в роскошных колясках заметно уменьшилось, вышли на Крестовский остров к Крестовскому саду, где подле театра был разбит летний ресторанчик. Второразрядный румынский оркестр услаждал обедающую публику популярными мелодиями, проворно бегали официанты, разнося по преимуществу ботвинью со льдом и запотевшие графинчики водок.

Нашли свободный столик, наскоро пообедали и вновь отправились на Стрелку Елагина острова дожидаться заката, который здесь славился особенной красотой. К вечеру стало не так душно. На скамьях вблизи моря легкий бриз смягчал палящий зной. Соколов и Анастасия отыскивали скамейку, еще не занятую созерцателями вечерней зари, и удобно расположились, глядя на запад.

Предвечерняя истома овладела природой. Воздух был прозрачен. Лишь у самой земли, особенно в низинах, начинали слоиться невесомые перья тумана. Впереди насколько хватает взор расстилалось Балтийское море. На другом краю его, на западе, прямо из моря вдруг стала подниматься черная туча, превращая воду из лазоревой в свинцовую.

По мере того как солнце все больше склонялось к горизонту, туча все увеличивалась. Она вздымалась из моря, словно гора. Отроги ее уже начинали приближаться к солнцу, которое занималось холодным желтым цветом. Вместе с тучей в природе явилась тревога. Чайки закричали резче, над самой кромкой воды понеслись стрижи. Мрачный колорит все больше овладевал морем и сушей, но над Стрелкой еще господствовали солнце и голубое небо.

«Сейчас или никогда!» — решил Соколов.

Он взял руку девушки в свою большую ладонь и,

прямо глядя в глаза Анастасии, четко, словно во сне произнес:

— Я люблю вас, Настенька! И прошу стать моей женой!

Девушка вспыхнула, словно маков цвет.

— Могу я надеяться на счастье? — снова спросил Соколов.

— Я должна спросить... своих родных! — после некоторого колебания ответила Анастасия и быстро добавила: — Вы мне нравитесь, Алексей! Но я обещала отцу окончить консерваторию. Родители так мечтают об этом! А потом — мои товарищи... Они могут подумать, что я предала их ради благополучия с вами...

— Я понимаю ваши колебания, — сказал Соколов совсем убитым голосом, — но я хочу просить вашей руки у ваших родителей и спрашиваю вашего согласия на это...

— Я должна подумать, — почти неслышно, но твердо сказала девушка. — Не задавайте мне больше этот вопрос, пока я сама не отвечу вам!

Неожиданно для себя и для Алексея девушка поцеловала его в лоб и смутилась от этого.

— Вы моя любовь навеки! — растроганно произнес Соколов. — Как бы вы не решились!..

Алексей не подозревал, что вовсе не послушание родителям заставило Анастасию уклониться от ответа. Он не мог даже и предположить, сколько мужества надо было найти девушке, чтобы убедить своих товарищей-партийцев, что ее чувство к полковнику не минутная слабость, каприз или, еще хуже, желание обрести буржуазный семейный уют, а любовь к доброму и честному человеку, который силой патриотизма, ума и желания служить родному народу может стать единомышленником. Настя решила доказать всем скептически настроенным в отношении Соколова товарищам, что порывы революционной бури, которые снова начинали греметь над Россией, отзовутся и в его душе, закованной пока в броню уставов и уложений.

Провидением любящего человека Анастасия знала, что Соколов уже начал свой путь в Революцию. Вместе с Россией.

Иванов Е.

И20 Негромкий выстрел. Роман-хроника. М., «Молодая гвардия», 1977.

336 с. с ил. (Стрела.)

Роман-хроника в остросюжетной форме воссоздает политические события в Европе накануне первой мировой войны. В центре повествования — офицер российского Генерального штаба военный разведчик Соколов. Он по долгу службы связан с группой офицеров австро-венгерской армии — славян по происхождению, участвующих в тайной борьбе с агрессивными устремлениями пангерманизма. Одна из линий романа — трагическая судьба полковника Редля, чье загадочное самоубийство получило в свое время широкий политический резонанс. Книга рассчитана на массового читателя.

И 70302—327
078(02) — 77 без объявл.

P2

ИБ № 731

Егор Иванов

НЕГРОМКИЙ ВЫСТРЕЛ

Редактор Ю. Медведев

Художественный редактор Б. Федотов

Технические редакторы Г. Прохорова, Т. Кулагина

Корректоры Т. Пескова, Г. Трибунская, Л. Четыркина

Сдано в набор 20/VI 1977 г. Подписано к печати 7/XII 1977 г. А05150. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 2. Печ. л. 10,5 (усл. 17,64). Уч.-изд. л. 18,5. Тираж 150 000 экз. Цена 1 р. 50 к. Заказ 960. (1-й завод 75 000 экз.).

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030. Москва, К-30, Суцевская, 21.

МОЛОДАЯ ТЕАТРА